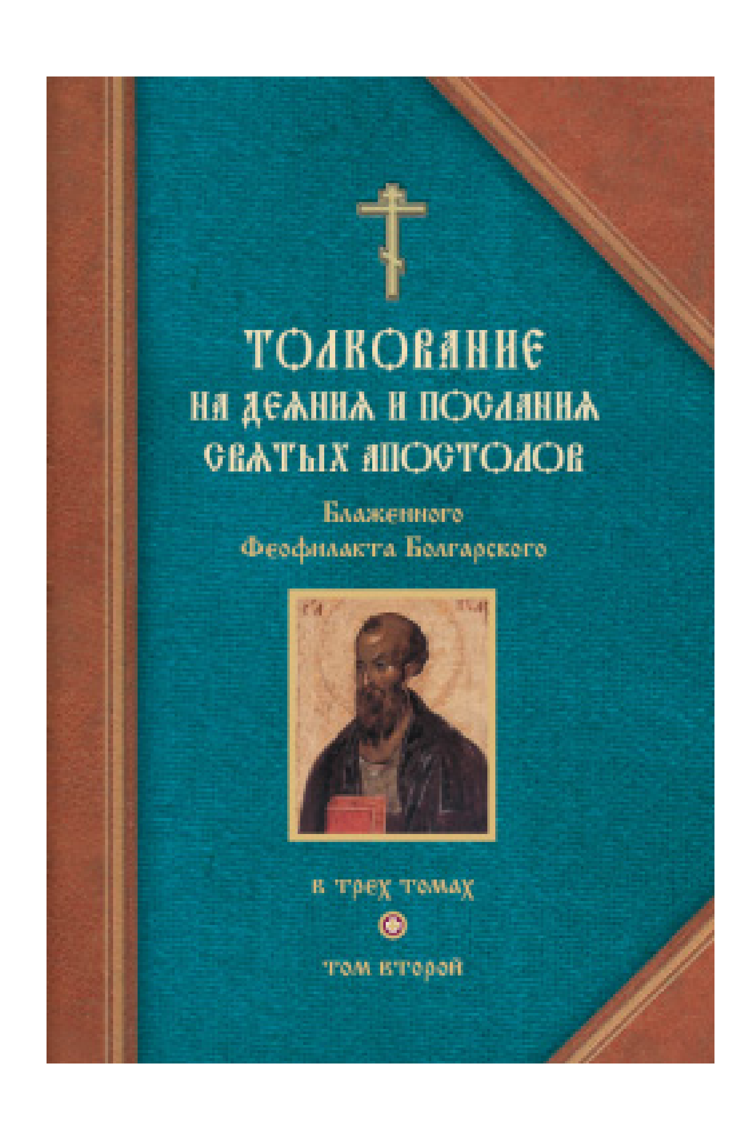
Толкование
на деяния и послания
святых апостолов
Блаженного
Феофилакта Болгарского
в трех томах
том второй

Феофилакт Болгарский

Толкование на Послания святого апостола Павла. Часть 1

Серия «Толкования на деяния и послания святых апостолов Блаженного Феофилакта Болгарского», книга 2

Текст предоставлен издательствомhttp://www.litres.ru
Толкование на Послания святого апостола Павла. Часть 1: Сибирская Благозвонница; М.; 2009
ISBN 978-5-91362-181-8

Аннотация

Святой блаженный Феофилакт Болгарский составил толкование Нового Завета, а также подробное истолкование Деяний Апостолов, Соборных посланий Апостолов и Посланий Апостола Павла. В них он предлагает в основном сокращение обширных толкований древних отцов Церкви, из которых берет только то, что нужно для точного уразумения объясняемого места.

Содержание

Толкование на Послания святого апостола Павла. Часть 1

По благословению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского ВЛАДИМИРА

Издается по: Благовестник, Толкование на Деяния и Послания святых апостолов блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. СПб., 1911.

Толкование на Послание к Римлянам

Предисловие

Постоянное чтение Божественных Писаний ведет к познанию их, ибо не лжив Тот, кто сказал: ***Ищите и найдете; стучите, и отворят вам*** (Мф. 7,7). Поэтому мы узнаем тайны из посланий блаженного Павла, если будем читать послания эти постоянно и тщательно. Апостол сей всех превзошел словом учения. И справедливо; ибо он больше всех потрудился и приобрел обильнейшую благодать Духа: что видно не только из посланий его, но и из Деяний апостольских, где говорится, что за совершенство в слове неверующие почитали его Меркурием (см. Деян. 14, 12). Первым предлагается нам Послание к Римлянам; однако не потому, будто оно написано прежде прочих посланий. Так, прежде Послания к Римлянам написаны оба Послания к Коринфянам, а прежде Посланий к Коринфянам написано Послание к Фессалоникийцам, в котором апостол Павел с похвалою намекает им о милостыне, посланной в Иерусалим (1 Фес. 4, 9-10; ср. 2 Кор. 9, 2). Кроме того, прежде Послания к Римлянам написано еще Послание к Галатам. Несмотря на это говорю, что Послание к Римлянам есть первое из прочих посланий. Почему же оно получило первое место? Потому, что в Священном Писании такой порядок не необходим. Так и двенадцать пророков, если брать их в том порядке, в каком они в ряду священных книг, не следуют один за другим по времени, но разделены между собою большим промежутком. А пишет Павел к Римлянам, с одной стороны, потому, что на нем лежал долг проходить священное служение Христово, а с другой – потому, что римляне были как бы предстоятелями вселенной, ибо кто приносит пользу голове, тот приносит пользу и остальному телу.

Глава первая

1. ***Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестит Божию.***

Ни Моисей, ни после него многие, даже евангелисты, не выставляли имен своих перед писаниями своими, а блаженный Павел ставит имя свое перед каждым посланием своим: это потому, что те писали для живших вместе с ними, а он посылал писания издали и по обычаю исполнял правило отличительного свойства посланий. Только в Послании к Евреям он не делает этого; ибо они ненавидели его: посему, чтобы, услышав тотчас имя его, не перестали слушать его, утаивает имя свое в начале. А для чего он из Савла переименован Павлом? Для того, чтобы ему и в этом не быть меньше верховного из апостолов, названного Кифою, что значит Петр (Ин. 1, 42), или сыновей Зеведея, нареченных Воанергес, то есть сыновьями грома (Мк. 3, 17).

Раб. Рабство имеет многие виды. Есть рабство по сотворению, о котором говорится: ***все служит Тебе*** (Пс. 118, 91). Есть также рабство через веру, о котором сказано: ***от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя*** (Рим. 6, 17). Наконец, есть рабство по образу жизни: в этом отношении назван рабом Божиим Моисей (Нав. 1, 2). Павел – ***раб*** во всех этих видах.

Иисуса Христа. Предлагает имена Господни от воплощения, восходя снизу вверх: ибо имена «Иисус» и «Христос», то есть Помазанный, суть имена после воплощения. Помазал же отнюдь не елеем, но Духом Святым, который, конечно, бесценнее елея. А что помазание бывает и без елея, послушай: ***не прикасайтесь помазанным моим*** (Пс. 104, 15): каковое изречение надобно относить к бывшим до закона, когда не было даже имени помазания посредством елея.

Призванный. Слово это означает смиренномудрие; ибо им показывает апостол, что он не сам искал и нашел, но был призван.

Апостол. Это слово употребил апостол в отличие от прочих званых. Ибо все верные призваны; но они призваны для того только, чтобы уверовать, а мне, говорит, вручено еще апостольство, которое вверено было и Христу, когда Он посылался Отцом.

Избранный к благовестит Божию. То есть выбран к служению благовестия. Иначе: «избран» вместо «предопределен» к этому, как и к Иеремии говорит Бог: ***Прежде нежели ты вышел из утробы Я освятил тебя*** (Иер. 1, 5). И сам Павел говорит в одном месте: ***Когда благоволил Бог, избравший меня от утробы матери моей*** (Гал. 1, 15). Далее не напрасно говорит он: «зван» и «избран к благовестию». Так как слово у него было к тщеславным, то и внушает, что он достоин веры, как посланный свыше. Самое же благовестив называет так не по совершившимся только, но и по будущим благам, а именем благовестил тотчас утешает слушателя, ибо благовестив содержит не печальное что-нибудь, каковы предречения пророков, но сокровища несчетных благ. А благовестив это есть благовестив Бога, то есть Отца, и потому, что даровано Им, и потому, что делает Его известным, ибо хотя Он известен был и в Ветхом Завете, однако одним иудеям, но и им неизвестен Он был как Отец, впоследствии же, через благовестив, Он вместе с Сыном открылся всей вселенной.

2. ***Которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях.***

Так как проповедь ту поносили, как нововведение: то показывает, что она древнее язычества и прежде описана была у пророков; даже слово «благовестив» находится у Давида, который говорит: ***Господь даст глагол благовествующим силою многою*** (Пс. 67, 12), и у Исайи: ***Как прекрасны… ноги благовестника, возвещающего мир*** (Ис. 52, 7).

В святых писаниях. Пророки не только говорили, но и писали и изображали действиями, например: Авраам посредством Исаака, Моисей посредством змия, воздеяния рук и

заклания агнца. Ибо когда Бог имел уготовить нечто великое, то предвозвещает о том задолго прежде. Поэтому, когда говорит Он, что многие пророки ***желали видеть, что вы видите, и не видели*** (Мф. 13, 17); то выражает этим, что они не видели самой плоти Его, а потому не видели и знамений, совершающихся перед их глазами.

3. **О *Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти.***

Здесь явно показывает два рождения; ибо через слова ***о Сыне Его,*** то есть Бога, указывает на рождение горнее, а через выражение ***от семени Давидова*** – на рождение дольнее. Присовокуплением же: «по плоти» показал, что и рождение по Духу принадлежит Ему. Поэтому благовестив есть не о простом человеке, ибо оно – о Сыне Божием, и не о простом Боге, ибо оно о рожденном от семени Давидова по плоти, так что один и тот же есть то и другое, то есть и Сын Божий и Сын Давида. Поэтому да устыдится наконец Несторий.[1] Упоминает же и апостол о рождении Его по плоти, подобно как и три евангелиста, чтобы от него возвести слушателей к высшему рождению. Так и сам Господь сначала виден был человеком, а потом признан Богом.

4. ***И открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем.***

Выше сказал: ***о Сыне Своем,*** а теперь доказывает, как Он познан Сыном Божиим, и говорит, что ***Он открылся*** – по-славянски «наречен», то есть показан, утвержден, признан; ибо наречение есть самое признание, приговор и решение. Ибо все признали и решили, что Он – Сын Божий. Как так? ***В силе,*** то есть через силу знамений, которые Он творил. Притом ***по Духу,*** через Которого освятил верующих; ибо даровать это свойственно Богу. Также ***через воскресение из мертвых,*** ибо Он первый, и притом Он один, Сам воскресил Себя. Итак, Он узнан и открылся Сыном Божиим через воскресение; ибо и это великое дело, как и Сам Он говорит: ***когда вознесете Меня от земли, тогда узнаете, что это Я*** (Ин. 8, 28).

5. ***Через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы.***

Здесь признательность. Ничего, говорит, нет нашего, но все получено нами через Сына. Я получил апостольство и благодать через Духа. ***Он,*** говорит Господь, ***наставит вас*** (Ин. 16, 13). И Дух говорит: ***Отделите Мне Павла и Варнаву*** (Деян. 13, 2), и: ***Духом дается слово мудрости*** (1 Кор. 12, 8). Что это значит? То, что принадлежащее Духу принадлежит Сыну и наоборот. Благодать, говорит, и апостольство ***получили,*** то есть не по заслугам своим стали мы апостолами, но от благодати свыше. Но и убеждение есть дело благодати; ибо делом апостолов было ходить и проповедовать, а убеждать слушающих всецело принадлежит Богу.

Во имя Его покорять вере – по-славянски: ***в послушание веры.*** Мы посланы, говорит, не для споров и не для исследования или доказательства, но ***в послушание веры,*** чтобы поучаемые слушали, веруя без всякого противоречия.

Все народы. Благодать получили ***все народы,*** – не я один, но и прочие апостолы: ибо Павел не обошел всех народов; разве скажет кто-нибудь, что если не при жизни, то по смерти он ходит ко всем народам через послание. А веровали бы, слыша об имени Христа, а не о сущности Его; ибо чудеса творило имя Христово, и оно само требует веры, потому что и его нельзя постигнуть разумом. Затем дар благовестия: оно сообщено не одному народу, как Ветхий Завет, но всем народам.

6. ***Между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом.***

Здесь сокрушает высокомерие римлян. Вы не больше получили, сколько прочие народы, над которыми вы почитаете себя владыками; посему как проповедуем прочим наро-

[1] Несторий – основатель несторианской ереси, осужденной на III Вселенском Соборе. Умаляя Божественную природу Иисуса Христа, разделял Божество и человечество Господа. – ***Примеч. ред.***

дам, так и вам: не тщеславьтесь же. Иначе: и вы призваны, благодатию предупреждены, а не сами пришли.

7. ***Всем, находящимся в Риме, возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.***

Не просто: ***всем находящимся в Риме,*** но: ***возлюбленным Божиим.*** Откуда же видно, что они возлюбленные? Из освящения; а святыми называет всех верующих. Прибавил же: ***призванным,*** укореняя в памяти римлян благодеяние Божие и вместе показывая, что хотя бы между ними находились и консулы и префекты, но Бог всех призвал тем же самым призванием, каким и простолюдинов, одинаково возлюбив и освятив вас. Итак, поскольку вы одинаково и возлюблены, и призваны, и освящены; то не превозноситесь над незнатными.

Благодать вам и мир. И Господь заповедал апостолам, чтобы, когда входят в дома, это слово произносили первое. Брань, прекращенная Христом, которую породил для нас грех против Бога, была не легкая, а мир тот приобретен не нашими трудами, но благодатию Божиею: итак, первее благодать, потом мир. Апостол молит о непрерывном и ненарушимом пребывании обоих этих благ, чтобы опять, если впадем в грех, не возгорелась новая брань.

От Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. О, как всесильна благодать, происшедшая от любви Божией! Враги и бесславные, мы стали иметь Отцом Самого Бога. Итак, от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да будут у вас непоколебимыми благодать и мир: Они даровали их, Они могут и сохранить их.

8. ***Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире.***

Вступление, приличное душе Павла! Оно и нас научает благодарить Бога, и не только за собственные блага, но и за блага ближних; ибо в этом состоит любовь. Благодарить же не за земное и гибнущее, но за то, что римляне уверовали. А словами: ***Бога моего*** показывает тогдашнее расположение духа своего, присваивая общего Бога себе, как поступают и пророки, и даже Сам Бог, называя Себя Богом Авраамов ым, Исааковым, и Иаков левым, чтобы показать свою любовь к ним. Благодарить, говорит, надобно ***через Иисуса Христа,*** ибо Он есть ходатай благодарения для нас ко Отцу, не только благодарить научающий нас, но и приносящий наше благодарение ко Отцу. За что же благодарить? **За** то, что ***вера*** римлян ***возвещается во всем мире.*** **О** двух предметах свидетельствует перед ними: и о том, что они уверовали, и о том, что уверовали с полною уверенностью, так что вера их возвещается во всем мире, а через них получают себе пользу все, горя соревнованием и подражанием царственному городу. И Петр проповедовал в Риме, но Павел, почитая труды его едиными со своими, благодарит за веру наученных Петром; так свободен он от зависти!

9. ***Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что непрестанно воспоминаю о вас.***

Так как Павел еще не видался с римлянами, между тем хотел сказать, что всегда воспоминает о них, то и призывает во свидетели Того, Кто знает сердца. Заметь благоутробие апостола: он всегда вспоминает о людях, которых даже и не видал. Где же вспоминает? В молитвах, и притом непрестанно. ***Служу*** Богу, то есть рабствую ***духом моим,*** то есть не плотским служением, но духовным, ибо служение языческое есть плотское и ложное, а иудейское хотя не ложное, но также плотское, служение же христианское есть и истинное и духовное, о чем и Господь говорит самарянке: ***Истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине*** (Ин. 4, 23). Так как много есть родов служения Богу (ибо один служит и работает Богу тем, что благоустрояет только свои дела, другой тем, что заботится о странниках и снабжает вдовиц, как поступали сослужите ли Стефана, а иной тем, что проходит служение слова); то апостол говорит: ***Которому служу в благовествовании Сына.*** Выше он приписал благовестив Отцу; но это не странно: ибо Отцово принадлежит Сыну и Сыновнее Отцу. Говорит

это, доказывая, что эти заботы необходимы для него; потому что кому поручено служение благовествования, тому необходимо заботиться обо всех, принявших слово.

10. ***Всегда прося в молитвах моих, чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне придти к вам.***

Теперь прибавляет почему вспоминает о них. ***Придти,*** говорит, ***к вам.*** Затем: как ни любил он их, как ни сильно желал видеть их, однако не хотел видеться с ними против воли Божией. Но мы или никого не любим, или если любим кого когда-нибудь, то делаем это против воли Божией. Что Павел непрестанно молился о том, чтобы видеть их, это происходило от сильной любви его к ним, а что он покорялся мановению Божию, это было знаком его великого благочестия. Не будем скорбеть и мы, если когда-либо не получим просимого в молитвах. Мы не лучше Павла, который трижды просил Господа о жале в плоти, и не получил желаемого (см. 2 Кор. 12, 7–9), ибо это было полезно для него.

11. ***Ибо я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему.***

Другие, говорит, предпринимают дальние путешествия для иных целей, а «я» для того, чтобы преподать вам некое дарование. ***Некое*** говорит по скромности; ибо не сказал – «иду научить вас», но – ***преподать*** то, что я получил, и притом малое и соразмерное с моими силами. ***Дарование,*** то есть все, что возвещают учители на пользу слушающим; ибо хотя учительство и доброе дело, однако и добрые дела наши суть дарования, потому что и для них нужна помощь свыше.

12. ***То есть утешиться с вами верою общею, вашею и моею.***

Скрытным образом дал разуметь, что римлян надлежит во многом исправить. Поскольку же и это сказано очень сильно (ибо римляне могли сказать: что ты говоришь? разве мы колеблемся, кружимся и имеем нужду в тебе, чтобы стать твердо?), то присовокупляет: ***то есть утешиться.*** Смысл такой: вы терпите много притеснений; почему мне желательно стало видеться с вами, чтобы сколько-нибудь утешить вас или, лучше сказать, чтобы и самому принять утешение. Этого требует общая польза. Ибо тогдашние верующие, проводившие жизнь как бы в плену, имели нужду в прибытии друг к другу и тем весьма утешали друг друга. Значит, и Павел нуждался в их содействии? Нимало, ибо он – столп Церкви. Напротив, чтобы не выразиться резко и, как сказали мы, не огорчить их, выразился он, что сам имеет нужду в утешении их. Если же кто скажет, что в этом случае утешало и веселило апостола приращение веры в римлянах, то и такая речь будет хороша: она видна и из слов апостола: ***верою общею, вашею же и моею.*** В таком случае мысль будет следующая: и я, видя веру вашу, утешусь и возрадуюсь, и вы получите твердость от моей веры, получив утешение относительно того, в чем, может быть, колеблетесь, по малодушию. Но этого он не говорит явно, а, как сказано, искусно подразумевает это.

13. ***Не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался придти к вам (но встречал препятствия даже доныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов.***

Выше сказал, что молился, чтобы прийти к ним, а некоторые, вероятно, думали: если ты молишься и желаешь подать утешение и получить оное; то что препятствует тебе прийти? Поэтому присовокупил: ***встречал препятствия*** прийти от Бога. Затем, что апостол не любопытствует, почему он ***встречал препятствия,*** но повинуется повелениям Владыки, научая и нас не любопытствовать о делах Божиих. Итак, он доказывает, что не пришел к ним не по нерадению или презрению. Я, говорит, так сильно люблю вас, что хотя встречал препятствия, однако никак не оставил своего намерения, напротив постоянно домогался прийти к вам, потому что весьма люблю вас.

Чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов. Так как Рим был славный город, в который стеклись все как в город, богатый диковинами и великолепный; то, чтобы

не подумал кто, что Павел весьма желал видеть римлян по этой же причине, говорит: я для того весьма желал прийти, чтобы иметь **некий *плод.*** Вместе с этим уничтожает и другое подозрение, ибо иной мог бы сказать: ты потому встречал препятствия, что хотел прийти вопреки воле Божией. Не сказал – «наставить в вере, научить», но выражается скромно – ***чтобы иметь некий плод,*** как и выше: ***преподать некое дарование.*** В то же время ограничивает и их, говоря: ***как и прочих народов.*** Не подумайте, говорит, что вы лучше прочих народов, потому что владычествуете: все вы стоите в одном строе.

14–15. ***Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме.***

И это есть дело скромности. Я, говорит, не милость какую оказываю, но исполняю повеление Владыки, и вы должны благодарить Бога, ибо Он благодетельствует, а я ***должен.*** То же самое сказал и коринфянам: ***Горе мне, если не благовествую!*** (1 Кор. 9, 16). Поэтому я готов и вам проповедовать, хотя бы перед глазами были опасности. Такова была ревность его о Христе!

16. ***Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину.***

Римляне слишком привержены были к мирской славе, а Павел должен был проповедовать Иисуса, претерпевшего всякое бесславие, и римлянам естественно можно было стыдиться, что таков Спаситель. Поэтому говорит: ***не стыжусь,*** научая между прочим и их не стыдиться, потому что и он не только не стыдился Распятого, но и хвалился и величался Им. Кроме того, поскольку они надмевались мудростью, то я, говорит, иду проповедовать Крест, и не стыжусь того, ибо он ***есть сила Божия ко спасению.*** Есть сила Божия и в наказание; так Бог доказал силу Свою египтянам, наказав их. Есть также сила в погибель, как сказано: ***Бойтесь Того, Кто может погубить в геенне*** (Мф. 10, 28). Итак, что я, Павел, проповедую, то содержит не наказание, не погибель, но спасение. Кому? ***Всяком у верующему.*** Ибо благовестив служит во спасение не просто всем, но приемлющим его.

Во-первых, Иудею, потом и Еллину. Здесь слово ***во-первых*** означает первенство в порядке, а не преимущество в благодати. Ибо иудея не должно предпочитать потому, будто он больше получает оправдания: он только удостоился получить его прежде; почему словом ***во-первых*** выражается только первенство в порядке речи.

17. ***В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет.***

Сказав, что благовестив есть во спасение, объясняет, как оно есть во спасение. Нас, говорит, спасает правда Божия, а не наша. Ибо какую можем иметь правду мы, проклятые в делах и растленные? Но Бог оправдал нас, не от дел, но от веры, которая должна возрастать в большую и большую веру; ибо недостаточно того, чтобы сначала уверовать, но мы должны восходить от первоначальной веры в веру совершеннейшую, то есть в состояние непоколебимое и твердое, как и апостолы сказали Господу: ***Умножь в нас веру*** (Лк. 17, 5). А сказанное, то есть что мы оправданы правдою Божиею, подтверждает словами из пророчества Аввакума (Авв. 2, 4). ***Праведный же,*** говорит, ***от веры жив будет.*** Так как дарованное нам Богом превосходит все мысли человеческие, то по справедливости нужна для нас вера: ибо если бы мы начали выведывать дела Божий, то потеряли бы все.

18. ***Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою.***

Начав с того, что доставляет большие блага, и сказав, что правда Божия открывается через благовестив, употребляет теперь выражения, которые могут устрашить, ибо знал, что большая часть людей привлекается к добродетели страхом. Так и Бог, говоря о Царстве, говорит вместе и о геенне. И пророки сначала предлагают обетования, а потом угрозы. Ибо первое есть дело предваряющей воли Божией, а последнее – следствие нашего нерадения. Затем

здесь порядок речи: пришел, говорит Христос, и принес тебе оправдание и прощение; если не примешь их, то открывается гнев Божий с неба, очевидно, во время второго пришествия.

И теперь мы испытываем гнев Божий, но к исправлению, а тогда только к наказанию. И теперь мы во многом думаем видеть обиду от людей, а тогда явно будет, что наказание от Бога на всякое нечестие. Истинное служение и благочестие одно, а нечестие многообразно; поэтому и сказал: ***всякое нечестие,*** так как оно имеет много путей, ***и неправду человеков.*** Нечестие и неправда не одно и то же. То бывает против Бога, а эта против людей, и притом первое есть грех созерцательный, а последняя деятельный. И неправда имеет много путей, ибо ближнего обижает кто-нибудь или в имении, или в жене, или в чести. Впрочем, некоторые утверждают, что Павел и под неправдою разумеет учение. А что значит ***подавляющих истину неправдою,*** выслушай. Истина, или ведение о Боге, вложена в людей при самом рождении их, но эту истину и ведение язычники содержали в неправде, то есть оскорбили, поступая против сообщенного им, приписав славу Божию идолам. Представь человека, получившего деньги для издержек на славу царя. Если бы он издержал их на воров и блудниц, то по справедливости был бы назван оскорбителем славы царя. Так и язычники содержали в неправде, то есть скрыли и несправедливо затмили славу Бога и ведение о Нем, употребив их не так, как следовало употребить.

19–20. ***Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны.***

Выше сказал, что язычники оскорбили ведение о Боге, употребив его не так, как следовало. Из чего же видно, что они имели это ведение, об этом говорит теперь: ***что можно знать о Боге, явно явил им.*** Затем и это доказывает, говоря, что о Создателе возвещает благоустройство творений, как и Давид говорит: ***Небеса проповедуют славу Божию*** (Пс. 18, 2). А что именно можно знать о Боге, познай из следующего. О Боге иного нельзя знать, именно сущности Его, а иное можно знать, это – все, относящееся к сущности, то есть благость, мудрость, сила, Божество или величество, что и называет Павел невидимым Его, но через рассматривание тварей видимых. Таким образом, апостол показал язычникам, что можно знать о Боге, то есть все, касающееся Его сущности, что для чувственных очей невидимо, но умом может быть познано из благоустройства творений. Некоторые под ***невидимым*** разумеют здесь ангелов; но такое разумение, по моему мнению, некстати. Один же из отцов высказал, что ***вечная сила*** есть Сын, а ***Божество*** Дух Святый.

Так что они безответны. Так оказалось на деле. Бог сотворил мир не для того, чтобы они были безответны; но так случилось на деле. Заметь эту особенность Писания и не порицай ее. В нем во многих местах встречаются такие выражения, для объяснения которых надобно отыскивать причину упоминаемого в нем в опыте. Так Давид говорит: ***и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем*** (Пс. 50, 6). Выражение это кажется странным; но оно не таково. В нем высказывается следующее: облагодетельствованный Тобою, Господи, паче всякого чаяния, я согрешил пред Тобою; от этого и произошло, что если Ты предъявишь Свои права против меня на суде, то победишь. Значит, Бог оправдывается из действий наших, когда мы оказываемся неблагодарными к Нему за полученные от Него благодеяния и не имеем ничего в извинение себя. Не имеют, значит, никакого извинения и язычники; ибо они, познав Бога из творения, не прославили Его, как должно, но подобающее Ему почитание воздали идолам.

21–22. ***Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось неосмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели.***

Представляет причину, по которой они впали в такое безумие. Во всем, говорит, положились на свои умствования, и, желая найти не отображаемого в образах и бестелесного

в телах, оказались безуспешными, не могущими достигнуть цели посредством умствований. Неразумным, ***несмысленным,*** называет сердце их потому, что они не хотели познавать все верою. Отчего же дошли они до такого заблуждения, что во всем положились на свои умствования? Оттого, что воображали себя мудрыми, почему и обезумели. Ибо есть ли что безумнее поклонения камням и деревьям?

23. ***И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим и пресмыкающимся.***

Изменяющий, прежде нежели изменить, имеет у себя нечто другое. Имели, значит, и они ведение, но погубили его, и, пожелав иметь нечто другое вместо того, что имели, потеряли и то, что имели. Воздали же славу нетленного Бога не человеку, но образу тленного человека, и, что хуже этого, низошли до пресмыкающихся, даже до их образов. До такой степени обезумели они! Познание, какое надлежало иметь о Существе, без сравнения превосходящем все, они приложили к предмету, без сравнения презреннейшему всего. А ***славу*** Божию составляет то, чтобы познавать, что Бог все сотворил, обо всем промышляет, и прочее, приличное Ему. Кто же именно погрешил в сказанном? Мудрейшие, египтяне; ибо они почитали даже изображения пресмыкающихся.

24–25. ***То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь.***

Слово ***предал*** употреблено вместо «попустил», подобно тому, как врач, пользующий больного, видя, что он небрежет о диете и не слушается его, предает его в большую болезнь, то есть оставляет его и попускает ему следовать собственной воле и таким образом не освобождаться от болезни. Некоторые, впрочем, выражение ***предал Бог*** понимали так: предал их обиде и дерзости, причиненным ими Богу, подобно тому, как говорим: такого-то погубили деньги, тогда как деньги не губят но злоупотребление ими, или Саула или Самуила развратило царство, то есть злоупотребление царством. Итак, язычники преданы нечистоте собственным непотребством, так что не было надобности в других, которые бы оскорбляли их, но они сами причинили себе оскорбление, ибо таковы нечистые страсти те. За что же преданы они нечистоте? За то, что оскорбили Бога; ибо кто не хочет знать Бога, тот тотчас развращается и в нравственности, как и Давид говорит: ***Сказал безумец «нет Бога»,*** потом: ***развратились, совершили гнусные дела*** (Пс. 13, 1). Они изменили то, что поистине принадлежало Богу, и приложили это к ложным богам. ***Поклонялись*** поставлено вместо «воздали честь». ***И служили –*** вместо – «оказали служение делами». Не просто сказал: ***поклонялись и служили твари,*** **но** ***вместо Творца,*** увеличивая вину сравнением. Несмотря на то, говорит, **Бог** ***благословен во веки,*** то есть нимало не потерпел вреда оттого, что они оскорбили Его, но есть благословен во веки, непоколебимо и несомненно; ибо это значит ***аминь.***

26–27. ***Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным. Подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение.***

Опять называет преданием оставление Богом, происшедшее оттого, что они служили твари. Как в учении о Боге они развратились, оставив руководство творения, так и в жизни сделались гнусны, оставив удовольствие естественное (которое всего удобнее и приятнее) и предавшись удовольствию противоестественному (которое всего затруднительнее и неприятнее). Это означает слово ***заменили,*** которое показывает, что они оставили то, что имели, и избрали иное. Итак, великим обвинителем того и другого пола представляет природу, которую они преступили. Высказав сокровенно о женщинах нечто постыдное и такое, что непристойно высказать ясно, говорит и о мужчинах, что они ***разжигались похотью друг на друга,*** показывая, что они предались сладострастию и неистовой любви. Не сказал же – «вожде-

ление» ***делая,*** но – ***срам,*** показывая, что они поругали природу, ***а разжигались похотью*** сказал с той целью, чтобы кто не подумал, будто болезнию их было одно вожделение. ***Делая срам –*** то есть с ревностию предавались нечистоте, совершая ее на самом деле, и получали возмездие за отступление от Бога и идолопоклонническое заблуждение в этом самом сраме и в этом самом удовольствии, имея в нем, как противоестественном и полном нечистоты, наказание для себя. А говорит это Павел потому, что нельзя еще было убедить их в существовании геенны. Если, говорит, не веришь учению о геенне, то верь тому, что наказание для них заключается в самой нечистой деятельности.

28. ***И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства.***

Вот в третий раз повторяет ту же мысль и употребляет то же слово, говоря: ***предал,*** а причиною того, что они оставлены Богом, везде представляет нечестие людей, как и теперь поступает. ***И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их*** страсти. Оскорбление, говорит, причиненное ими Богу, было не грехом неведения, но намеренным. Ибо не сказал «поскольку» не познали, но говорит: ***и как они не заботились,*** то есть решили не иметь Бога в разуме и добровольно избрали нечестие. Значит, грехи их суть грехи не плоти, как утверждают некоторые еретики, но неправильных суждений. Сначала они отвергли познание Бога, а потом уже Бог попустил им вдаться в превратный ум; ибо отвращение Бога и оставление Им называется в Писании преданием. Чтобы лучше истолковать выражение: ***предал их Бог,*** некоторые из отцов воспользовались прекрасным примером. Они рассуждают: когда кто-нибудь, не желая видеть солнце, закрывает глаза и потом падает в яму, мы говорим, что не солнце, которого он не видит, ввергло его в яму, что человек упал в яму не оттого, будто солнце ввергло его туда в сердцах, но оттого, что оно не осветило его глаз. А почему оно не осветило его глаз? Потому что он закрыл глаза. Так и Бог предал их постыдным страстям. Почему? Потому что люди не познали Его. А они почему не познали Его? Потому что не рассудили и не решили познать Его.

29. ***Так что они исполнены всякой неправды всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия.***

Заметь, как усиливает речь; называет их исполненными и притом ***всякой*** неправды, то есть достигшими крайней степени всякого порока. Потом исчисляет и виды порока.

Блуда. Именем блужения обозначает всякую вообще нечистоту.

Лукавства. Это коварство против ближнего.

Корыстолюбия. Это – вожделение имений.

Злобы. Это – злопамятство.

Исполнены зависти, убийства. Убийство всегда происходит от зависти. Так Авель убит по зависти. И Иосифа хотели убить по зависти же.

Распрей, обмана. От зависти происходят и распри и обман на погибель тому, кому завидуют.

Злонравия. Глубоко скрытая злоба, забытая по какой-то доброте.

30. ***Злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям.***

Злоречивы. Тайные наушники.

Клеветники. Явные поносители.

Богоненавистники. Ненавидящие Бога, или ненавидимые Богом.

Обидчики, самохвалы, горды. Восходит к твердыне зол. Ибо если гордящийся добрым делом губит его гордостью, то во сколько более губит он его, когда делает зло? Такой человек не способен раскаяться. Знай же, что величавость есть презрение Бога, а гордость – презрение людей, от которого рождается оскорбление; ибо презирающий людей оскорбляет и

попирает всех. Гордость по природе предшествует оскорблению; но нам сначала становится явным оскорбление, а потом уже делается известною мать его – гордость.

Изобретательны на зло. Ибо не довольствовались сделанным прежде злом, откуда опять видно, что грешили не по увлечению, но намеренно и по собственному расположению.

Непослушны родителям. И против самой природы, говорит, восстали.

31. ***Безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы.***

Безрассудны. И справедливо. Ибо могли ли понять что-нибудь те, которые не слушались родителей?

Вероломны. То есть не устойчивы в договорах, то есть вероломны.

Нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Корень всех зол есть самое охлаждение любви: ибо отсюда происходит, что один с другим не мирится, один другого не любит, один другого не милует. Об этом и Христос сказал: ***По причине умножения беззакония охладеет любовь*** (Мф. 24, 12). Сама природа соединяет нас друг с другом, как и прочих животных; но люди не поняли этого.

32. ***Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют.***

Доказав, что язычники исполнились всякого порока оттого, что не захотели познать Бога, теперь доказывает, что они не заслуживают извинения. Они не могут сказать: мы не знали добра, ибо знали, что Бог правосуден. Значит, они делают зло добровольно и, что еще хуже, одобряют делающих его, то есть покровительствуют злу, каковая болезнь неисцелима.

Глава вторая

1. ***Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что судя другого, делаешь то же.***

Все мы люди не одинакового настроения: иногда покровительствуем злу, иногда бываем судьями чужих зол, осуждаем подобных себе. Итак, сказав прежде о тех, которые одобряли злых, теперь ведет речь об осуждении и говорит: ***Итак, неизвинителен ты.*** То есть ты знал, что правосудие Божие состоит в том, чтобы достойно наказывать злых; поэтому и не имеешь извинения ты, осуждающий, делающих то же, что и ты делаешь. Кажется, что слова эти относятся к народным правителям, особенно же к римлянам, как тогдашним властителям вселенной; ибо судить есть дело народных правителей. Впрочем, это приличествует и всякому человеку, ибо всякий человек может судить, хотя бы и не было у него судейского стула. Итак, когда осуждаешь, говорит, прелюбодея, а сам прелюбодействуешь, то осуждаешь самого себя.

2. ***А мы знаем, что поистине есть суд Божий на делающих такие дела.***

Чтобы кто не сказал о себе: «Я доселе прелюбодействовал и избежал суда», апостол, устрашая его, говорит, что у Бога не так: у нас одного наказывают, а другой, хотя то же делает, избегает наказания; но у Бога не так: ибо суд Божий на дурных людей есть поистине.

3–6. ***Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога. Который воздаст каждому по делам его.***

Выше сказал, что воздаяние дурным людям за заблуждение и почитание тварей заключается в тех самых несчастиях, которым они предавались, потому что самая нечистота была достаточным наказанием для них. Теперь открывает уже для них и наказание. Для тебя, говорит, человек, есть и другое наказание: ты не избежишь суда Божия. Как избежишь ты суда Божия, когда не избежал своего суда? Ибо в чем осудил ты другого, в том произнес приговор на самого себя. Если же ты полагаешься на долготерпение Божие потому, что еще не наказан, то эта ненаказанность служит к большему наказанию для тебя. Ибо долготерпение Божие спасительно для тех, кто пользуется им к исправлению себя, а для тех, кто употребляет его к умножению греха, оно служит большим поводом к наказанию, не по природе своей, но по жестокосердию таковых. ***Собираешь,*** говорит, ***себе гнев, –*** не Бог собирает тебе, но ты сам собираешь себе. Как это? Своим непреклонным и жестким к добру сердцем. Ибо что может быть жестче тебя, когда ты ни благостию не смягчаешься, ни страхом не преклоняешься? Далее, сказав о дне, присовокупляет: ***и откровения праведного суда от Бога.*** И справедливо, чтобы кто не почел суда действием гнева. Откровение, говорит, всего. Поэтому воздаяние сообразно тому, что открывается, а вследствие этого и суд праведный. Здесь правда не всегда одерживает верх, потому что дела скрываются, а там за откровением следует суд праведный. Заметь это место, сравнив его со следующим: ***ожесточу сердце Фараона*** (Исх. 4, 21), ибо Павел изъясняется почти одними и теми же словами.

7. ***Тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную.***

Сказав, что Господь воздаст каждому, начал с награды добрых, делая таким образом речь свою приятною. В словах ***постоянством в добром деле*** высказывает, во-первых, то, что от добра не должны отступать, ни совершать его нерадиво, но пребывать в нем до конца, а во-вторых – то, что не должно полагаться на одну веру, потому что нужно и доброе дело. Словом ***бессмертия*** отверзает двери воскресения. Потом, так как все восстанем, но не все

для одного и того же, но одни для славы а другие для наказания, то упомянул о славе и чести. Итак, вся речь имеет такой смысл. Тем, говорит, которые ищут будущей славы, чести и нетления и никогда не выпускают их из мыслей своих, Бог воздаст, то есть в воскресение, жизнь вечную. Каким же образом снискиваются будущая слава, честь и нетление? Постоянством в добром деле. Ибо постоянный в добром деле и твердо стоящий против всякого искушения действительно снискивает и славу и честь и бессмертие или наслаждение нетленными благами в нетленном теле.

8–9. *А тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев. Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина!*

Здесь речь о неразумном упорстве. ***А тем, которые упорствуют,*** то есть с усилием. Здесь показывает, что они сделались злыми не по неведению, но по упорству, почему и недостойны помилования. И покорность неправде и непокорность правде также есть грех произвола; ибо не сказал: которые принуждены и терпят насилие, но которые ***предаются.*** Затем же, что о воздаянии жизни вечной Богом выразился иначе о прискорбном. ***Ярость,*** говорит, ***и гнев и скорбь.*** Не сказал: воздадутся Богом, но оставил речь не конченною, чтобы подразумевали: будет. Ибо Богу свойственно животворить, а наказание есть следствие нашей беспечности. Словами ***всякой душе человека*** обуздывает гордость римлян. Хотя бы кто, говорит, был царем, не избежит наказания, если творит злое, то есть остается в зле и не раскаивается: ибо не сказал – «делающий», но – «делающий зло со тщеславием». А как иудей большее получил наставление, то он достоин большей казни, ибо ***сильные сильно будут истязаны*** (Прем. 6, 6) и более сведущие тяжелее будут наказаны.

10–11. *Напротив, слава же и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину! Ибо нет лицеприятия у Бога.*

В следующем далее апостол намерен доказать, что ни обрезание не приносит пользы, ни необрезание не причинит вреда, и затем показать необходимость веры, оправдывающей человека. В этих видах он сначала ниспровергает иудейство. Заметь же мудрость. Говорит о бывшем до пришествия Христова, что мир был исполнен пороков и что все подлежали казни, во-первых, иудей, потом эллин. Признав же за несомненное, что язычник будет наказан за зло, из этого положения выводит заключение, что он будет и награжден за добро. Если же и награда и наказание суть последствия дел, то закон и обрезание уже излишни, и не только излишни, но и приготовляют иудею большее наказание; ибо если осуждается язычник потому, что не руководствовался природою, а потому и естественным законом, то гораздо более осуждается иудей, который при том же руководстве воспитан был еще в законе. К этому клонится речь апостола. Теперь узнай смысл слов. Под «эллинами» разумеет здесь не идолопоклонников, но людей богобоязненных и живших благочестиво, не имея закона, каковы: Мелхиседек, Иов, ниневитяне, наконец Корнилий. Равным образом и под «иудеями» разумеет иудеев, живших до пришествия Христова. Ибо, стараясь доказать, что обрезание не имеет никакой силы, обращает внимание на времена древние и показывает, что никакого не было различия между богобоязненным язычником и добродетельным иудеем. Если же иудей ничем не превосходит язычника до пришествия Христова, когда иудейство особенно было славно, то тем более не превосходит оно его теперь, когда закон отменен. Так говорит апостол, имея в виду сокрушить гордость иудеев, которые не принимали к себе происходивших от язычества. ***Слава,*** говорит, ***и честь и мир.*** Блага земные всегда имеют врагов, сопряжены с беспокойствами, подвержены зависти и козням, и хотя бы совне никто не угрожал им, сам обладающий ими всегда беспокоится в помыслах; а слава и честь у Бога наслаждаются миром и чужды беспокойства в помыслах, как не подлежащие козням. Поскольку же казалось невероятным, чтобы удостаивался чести язычник, не слыхавший закона и пророков, то доказывает это тем, что Бог нелицеприятен. Бог, говорит, не принимает в уважение лица, но

испытует дела. Если же по делам между иудеем и язычником нет никакого различия, то ничто не препятствует последнему удостоиться одинаковой чести с первым. Итак, когда отменен закон, не величайся, иудей, перед тем, который из язычников, делающий добро, равен был тебе даже в то время, когда иудейство твое было в славе.

12–13. ***Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут, а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся, потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут.***

Выше доказал, что язычник удостаивается такой же чести, какой и иудей. Теперь доказывает, что во время наказания постигнет иудея осуждение. Язычники, говорит, ***не имея закона, согрешили,*** то есть не быв научаемы законом, поэтому ***вне закона и погибнут,*** то есть легче будут наказаны, как не имеющие обличителем закона; ибо ***вне закона*** значит: не подлежа осуждению по закону. Напротив, иудей согрешил ***под законом,*** то есть быв изучаем и от закона поэтому и суд примет, то есть осужден будет, ***по закону,*** как подлежащий закону, который обличает его и подвергает большему осуждению. Как же ты, иудей, говоришь, что не имеешь нужды в благодати, потому что оправдывается законом? Вот доказано, что тебе нет никакой пользы от закона, так что имеешь большую, нежели язычник, нужду в благодати, как не оправдываемый пред Богом одним слушанием закона. Перед людьми слушатели закона могут казаться честными; но пред Богом не так: пред Ним оправдываются исполнители закона.

14–15. ***Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую.***

Доказывает то, что говорит против иудеев, и ведет речь с мудрым искусством, чтобы не показаться, будто говорит что-нибудь против закона. Как бы хваля и возвышая закон говорит, что заслуживают удивления те, которые не имеют закона ***по природе,*** то есть имея убеждение в мыслях; ибо они не имели нужды в законе, а между тем выполнили закон, запечатлев в сердцах своих не письмена, но дела, и вместо закона пользуясь, во свидетельство о добром, совестию и природными мыслями. Говорит здесь о трех законах: о законе писанном, о законе естественном и о законе дел. ***Язычники, не имеющие закона.*** Какого? Писанного. ***По природе законное делают.*** По какому закону? По закону, обнаруживающемуся в делах. ***Не имея закона.*** Какого? Писанного. ***Они сами себе закон.*** Как это? Руководствуясь законом естественным. ***Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах.*** Какого? Закона в делах. Затем мудрость: не поразил иудеев, как требовал этого ход речи. По ходу речи следовало сказать так: когда язычники, не имеющие закона, делают законное по природе, то они гораздо превосходнее наставленных в законе. Но апостол не сказал так, а выразился мягче, так – ***они сами себе закон.*** Этим он доказывает, что и в древнейшие времена, и прежде нежели дан закон, род человеческий находился под тем же Промыслом. Этим заграждает также уста тем, которые говорят: почему Христос не пришел научить деланию добра прежде, изначала? Познание добра и зла, говорит, Он вложил во всех изначала; когда же увидел, что оно не помогает, то пришел наконец Сам.

16. ***В день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа.***

С этих слов начинай новую речь; ибо теперь говорит апостол о том, каким образом судимы будут все вообще люди. В день суда предстанут собственные наши мысли, то осуждающие, то оправдывающие, и человеку не нужно будет на судилище том ни другого обвинителя, ни другого защитника. А чтобы увеличить страх, не сказал – «грехи», но – ***тайные дела.*** Люди могут судить одни явные дела, а Бог, говорит, будет судить тайные дела через Иисуса Христа, то есть Отец через Сына, потому что Отец не судит никого, но всякий суд

отдал Сыну (см. Ин. 5, 22). Можешь и так разуметь слова ***через Иисуса Христа:*** по б лаговествованию моему, предоставленному мне Иисусом Христом. Здесь внушает, что благовествование не проповедует ничего противоестественного, но возвещает то же самое, что в начале внушено людям самою природою, то есть что и благовествование свидетельствует о суде и наказании.

17–18. ***Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона.***

Сказав, что для спасения язычника, исполняющего закон, ничего более не нужно, вычисляет, наконец, преимущества иудеев, полагаясь на которые они гордились перед язычниками. Прежде всего говорит об имени иудея, ибо оно составляло большое преимущество, как теперь имя христианина. Не сказал – «ты иудей», но – ***называешься,*** ибо истинный иудей тот, которого исповедуют иудеем, потому что Иуда значит исповедание. ***И успокаиваешь себя законом*** вместо не трудишься, не ходишь, не разузнаешь, что должно делать, но имеешь закон, без труда наставляющий тебя на все. ***И хвалишься Богом,*** то есть что ты любим Богом и предпочтен прочим людям; обращать же любовь Божию в средство презирать существа однородные есть признак крайнего неразумия. ***И знаешь волю Его,*** то есть Божию. ***И разумеешь лучшее,*** то есть решает, что должно делать и чего не должно делать. Под ***лучшее*** надо разуметь приличное или полезное каждому.

19–20. ***И уверен в себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины.***

Выше говорил, что слушание закона не приносит никакой пользы, если не будет присоединено исполнения; ***потому что не слушатели закона,*** говорит, ***праведны пред Богом, но исполнители закона*** (ст. 13). Теперь говорит нечто большее, именно: хотя бы ты был учитель, но если не исполняешь закона, то не только не получаешь себе никакой пользы, но и навлекаешь на себя большее наказание. И как иудеи весьма превозносились учительским достоинством своим, то из этого особенно доказывает, что они достойны осмеяния. Ибо когда говорит: ***путеводитель слепых, учитель младенцев*** и прочее, то изображает надменность иудеев, которые называли себя именно путеводителями, светом и наставниками, а обращенных из язычества именовали находящимися во тьме, младенцами и невеждами. Но ты имеешь образец ве'дения и истины не в делах и не в заслугах, но – ***в законе,*** полагаясь на него, как на изображение добродетели. Так иной, имея у себя царское изображение, сам ничего не списывает с него, но те, у которых нет его, и не видя его, верно подражают ему. Итак, всякий учитель пишет и изображает в душах учеников познание добра и потому самую истину. Если он осуществляет это и в деятельности, то будет совершен; в противном случае будет таким, каковы осуждаемые теперь апостолом. Некоторые под ***образцом*** разумели образец ведения не настоящий. Ты имеешь, говорит, познание и благочестие не истинное, но подделанное и прикрытое ложным видом.

21–24. ***Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников.***

Излагает мысль свою в виде вопроса, пристыжая тех, которые хвалились, что они – учители. Святотатством называет хищение посвященного идолам; ибо хотя они гнушались идолами, но, обладаемые сребролюбием, коснулись посвященного идолам, из постыдной корысти. После этого излагает самую тяжкую вину, говоря: ***хвалишься законом,*** как превознесенный честию от Бога через закон, ***а преступлением закона бесчестишь Бога.*** Здесь три вины. Первая: иудеи бесчестят; вторая: бесчестят Бога, превознесшего их честию; третья: бесчестят закон, нарушая его, тогда как он служил к их чести. Но чтобы не подумали, что

обвиняет иудеев сам собою, привел в обвинителя их пророка Исайю (см. Ис. 52, 5), выставляя две вины их. Ибо они не только сами оскорбляют Бога, но и других приводят к тому, и не только не учат жить по закону, но и учат противному, учат, что противно закону, хулить Бога; ибо, видящие их развращение говорят: этих ли должен любить Бог? неужели Бог, любящий таковых, есть истинный Бог?

25. ***Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием.***

Так как обрезание было в большом уважении у иудеев, то не сказал о нем тотчас в начале, что обрезание излишне и бесполезно, но на словах допускает, а на деле отвергает его, и говорит: я согласен, что обрезание полезно, но тогда, когда исполняешь закон. Не сказал, что оно бесполезно, чтобы не подумали, что уничтожает обрезание; но доказывает, что иудей не имеет обрезания, говоря: ***обрезание твое стало необрезанием.*** Итак, доказывает, что иудей не обрезан по сердцу. Два разумеет обрезания и два необрезания: одно наружное, а другое внутреннее. Именно: обрезание наружное есть обрезание плотское, когда обрезывается кто по плоти, обрезание духовное состоит в отвержении плотских страстей. И необрезание плотское бывает тогда, когда кто остается не обрезанным по плоти, а необрезание духовное бывает тогда, когда кто, имея языческую душу, нисколько не отсекает страстей. Мысль Павла такая: если ты обрезан по плоти, но не выполняешь узаконенного, то ты еще необрезанный, необрезанный по духу; равным образом, кто необрезан по плоти, но выполняет узаконенное, тот обрезанный по духу, потому что у него отъяты плотские страсти. Это объясняет и далее. Послушай.

26. ***Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?***

Не говорит, что необрезание превосходит обрезание, ибо это слишком больно, но говорит, что ***ему в обрезание вменится.*** Поэтому истинное обрезание есть добрая деятельность: равным образом необрезание есть худая деятельность. Заметь, не сказал: если необрезание сохранит закон; ибо, вероятно, предполагал такое возражение от кого-нибудь: возможно ли, чтобы сохранил закон человек необрезанный, когда самое бытие необрезанным составляет нарушение закона? Как же выразился? ***Постановления,*** то есть постановления, выполнением которых думают оправдаться. Ибо обрезание не было делом, но страданием, претерпеваемым тем, кого обрезывали, почему и не может называться оправданием закона. Оно дано как знак, чтобы не смешивали иудеев с язычниками.

27–29. ***И необрезанный по природе, исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании? Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренно таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.***

Здесь ясно показывает, что разумеет два необрезания: одно естественное, а другое произвольное, бывающее, как сказано, тогда, когда кто нисколько не отсекает плотских страстей, и два обрезания: одно по плоти, а другое в духе обрезание сердца. ***Необрезанный,*** говорит, ***по природе*** имеющий обрезание страстей через исполнение ***закона,*** то есть, как выше сказано, оправданий закона, ***осудит,*** то есть обвинит, не обрезание (ибо говорить так о нем было тяжко), но ***тебя,*** по наружности действительно обрезанного по плоти, но необрезанного по сердцу, как преступника оправданий закона. Таким укоряет не обрезание (которое очень, казалось бы, уважает), но оскорбителя или преступника его. Потом, доказав это, ясно определяет и то, кто есть истинный иудей, и дает разуметь, что иудеи все делали из тщеславия. ***Ибо не тот Иудей,*** говорит, ***кто таков по наружности, но кто внутренно таков,*** который ничего не делает просто чувственно, но понимает духовно и субботы, и жертвы, и очищения. Когда говорит: ***обрезание, которое в сердце, по духу,*** то пролагает путь к христи-

анскому образу жизни и показывает необходимость веры, ибо верование сердцем и духом имеет похвалу от Бога, испытующего сердца и ни о чем не судящего по плоти. Из всего следует, что везде нужна жизнь. Под именем необрезанного или язычника разумеет, как и выше сказано, не идолопоклонника, но человека благочестивого и добродетельного, не соблюдающего, однако, иудейских обрядов.

Глава третья

1–3. ***Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие. Ибо что же? если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию?***

Отринув все постановления закона словами ***какое преимущество быть Иудеем,*** видит естественно рождающееся возражение и предотвращает его. Какое же это возражение? Следующее: если в постановлениях тех нет ни малой пользы, то для чего же, наконец, избран народ иудейский? Возражение это решает с свойственною ему мудростию. На словах соглашается и говорит, что великая польза иудею, а в доказательство этого приводит не заслуги иудеев, но дарования Божий. Не сказал, что иудеи весьма превосходят прочие народы, потому что хорошо выполнили то-то и то-то, но что ***им вверено слово Божие,*** а это есть благодеяние Божие, а не превосходство их. Что значит ***вверено?***

Дано, поручено; Бог признал иудеев достойными и потому вверил им небесные откровения. Говоря так, казалось бы, защищает их; но при всем том выставляет на вид новое обвинение, доказывая, что они не уверовали словам Божиим, которые служили к их чести. Но это обвинение представляет не от своего лица. Как бы так говорит: какая польза иудеям от того, что они получили откровение Божие, когда они не уверовали ему? Кажется, и это возражение решает, оправдывая не иудеев, но Бога. Если не уверовали, то от Бога ли это? Разве неверность **их** ***уничтожит верность Божию,*** то есть поручение им откровения и благодеяние? Неверность иудеев не только не причиняет Богу никакого вреда, но, напротив, доказывает большое человеколюбие Его; потому что Он лишает благодеяния тех, которые впоследствии бесчестят Его. Видишь ли, как обвинил иудеев, тем самым, чем они хвалились, то есть тем, что получили закон.

4. ***Никак, Бог верен, а всякий человек лжив, как написано: «Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем».***

Выше сказал, что не уверовали некоторые. Между тем оказываются неверными не некоторые, но все. Поэтому, чтобы не огорчить иудеев, премудро ведет речь и оказавшееся на опыте излагает в виде предположения. Положим, говорит, что все были неверны. Что же из этого? И в этом случае Бог оправдывается. То есть: если рассудить и сравнить, что даровал Бог иудеям и как они вели себя пред Ним, то победа остается на стороне Бога, как и Давид говорит (Пс. 50, 6).

5–6. ***Если наша неправда открывает правду Божию, то что скажем? не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев? (говорю по человеческому рассуждению). Никак. Ибо иначе как Богу судить мир?***

Здесь представляет одно возражение. Иные могли сказать: если из того, что Бог облагодетельствовал нас, а мы явились неблагодарными к Нему, Он оказывается еще более верным; то за что же наконец гневается Он, то есть наказывает нас, если мы стали причиною Его оправдания и победы? Таково возражение. Апостол решает его весьма мудро и в обличение иудеев. Из того, что Бог наказывает тебя, не следует, что ты виновник победы Божией; ибо несправедливо победителю наказывать виновника победы. Но Бог не несправедлив: иначе, как Богу судить мир, если Он несправедлив? Поэтому, когда Бог наказывает тебя, а Он не несправедлив, следует, что ты не стал для Него виновником победы тем, что грешил: ибо Бог и иначе мог победить, хотя бы не оказался злым. Слова ***говорю по человеческому рассуждению*** имеют такой смысл. Так, говорит, отвечаю в оправдание Бога по человеческому разуму, то есть как только может отвечать человек здравомыслящий: ибо действия Божий

имеют некоторые непостижимые для нас основания и превосходят человеческий разум и не нуждаются в защите нашей.

7–8. ***Ибо, если верность Божия возвышается моею неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить, как грешника? И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых.***

Снова повторяет прежде сказанное, чтобы уяснить то. Если через преступление мое явился Бог праведным и верным, то за что же, наконец, осуждать меня, оказавшего пользу славе Божией? В таком случае я заслуживаю не осуждения, но награды. А если это справедливо, то справедливо будет и то, что говорят о нас язычники. Язычники, слыша слова Павла: ***Когда умножился грех, стала преизобиловатъ благодать*** (Рим. 5, 20), подвергали их осмеянию и утверждали, будто христиане говорят: будем делать зло, чтобы вышло добро, и: будем грешить больше, чтобы умножилась благодать. Эти слова язычников, говоренные ими в поругание и насмешку над нами, имеют место и в настоящем случае, если допустить, что Бог является благим от нашей порочности и неблагодарности. Но в самом деле не так. Речь язычников есть речь говорящих всегда ложь. ***Праведен суд на таковых,*** то есть они наказаны будут по справедливости. Итак, тем, что грешу, я не становлюсь виновником оправдания Божия, потому что осуждаюсь, как грешник; ибо если бы я грешил во славу Божию, то не осуждался бы.

9—18. ***Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом, как написано: «нет праведного ни одного. Нет разумевающего; никто не ищет Бога. Все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного».***

«Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их». «Уста их полны злословия и горечи». «Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их. Они не знают пути мира». «Нет страха Божия перед глазами их». Сказав выше, что иудеи имеют некоторое преимущество, потому что им вверен и вручен закон, теперь доказывает, что они не имеют никакого преимущества по делам своим. Ибо, как не сохранившие вверенного им, они подвергнутся большему осуждению. Поэтому, хотя и имели они некоторое преимущество, как избранные Богом, но как делами своими они обесчестили почтившего их честию и избравшего их Бога, то не только уже не имеют никакого преимущества, но и подвергнутся большему осуждению. Говорит как бы от лица иудеев: ***итак, что же? имеем ли мы преимущество,*** то есть имеем ли какое-либо преимущество, превосходим ли других, угоднее ли прочих Богу мы, иудеи, которые получили закон и обрезание? ***Нисколько.*** Ибо иудеи, чтобы не сказать больше, согрешили так же, как и язычники. А откуда это видно? Из пророков, именно Давида и Исайи. Ибо речь, начинающаяся словами ***нет праведного ни одного*** и оканчивающаяся так: ***полны злословия и горечи,*** принадлежит Давиду (Пс. 13, 3, 5; 9, 28; 139, 4). А речь со слов ***ноги их быстры*** до слов ***не знают пути мира*** принадлежит Исайи (Ис. 59, 7, 8); затем опять следуют слова Давида (Пс. 35, 2). Итак, представляет обвинителями иудеев знаменательнейших пророков, и показывает, что они говорят совершенно согласно. Почему после слов Исайи опять приводит слова Давида. Ибо Исайя ясно говорит об иудеях; о них же говорит и Давид. Далее, как скоро кто уклоняется от добра, тотчас делается бесполезным. Ибо порочность есть не иное что, как извращение естественных побуждений к добру: почему, возбуждая человека к противоестественному, делает его бесполезным. Ибо природа не используется уже им, подобно тому, как не используется она при отправлении дел своих больным. ***Разрушение и пагуба*** есть грех, ибо ничто так не разрушает душу, как грех, неправильным путем своим. Ибо добродетель, как естественное добро наше, устрояет нам путь к шествию вперед ровный и гладкий, а порочность, как дело противоестественное, известное недостатками и излишками, заставляет нас иногда нестись вверх, и иногда вниз, и потому делает движение

наше неровным и трудным; не говорю уже о том, что она готовит нам после этого наказание. ***Они не знают пути мира,*** то есть благочестивой жизни, ибо благочестивая жизнь есть путь спокойствия. ***Возьмите, –*** говорит Господь, – ***иго мое, – и найдете покой*** (Мф. 11, 29): вот путь к истинному миру Христову!

19–20. ***Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом, потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познается грех.*** Чтобы иудеи не могли возразить: это не к нам говорится, высказывает: ***закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом.***

Какая, говорит, надобность говорить другим, когда закон дан вам? Законом же называет весь Ветхий Завет, а не один Моисеев только закон, как и теперь наименовал законом пророчества Исайи и Давида. Словами ***заграждаются всякие уста*** изображает хвастовство иудеев и неостановимое стремление языка их. Ими пророк обуздал его, как стремительный поток. Апостол же разумеет не то, будто для того грешили, чтобы заградились уста их, но для того были обличаемы пророками, чтобы не представляли грехов своими грехами неведения и не хвалились. И не одни иудеи, но и ***весь мир становится виновен пред Богом,*** то есть осужден, чужд дерзновения, не оправдываемым собственными делами, но имеющим нужду в посторонней помощи, то есть в благодати Христовой. Что же ты, иудей, хвалишься законом, когда ты наравне с остальным миром повинен, как не оправдываемый делами закона?

21. ***Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки.***

Если ты, иудей, хвалишься законом, то знай, что он служит для тебя виною большего наказания. Ибо через него ты узнал грех, а кто грешит с сознанием, тому грозит большое наказание. Но это случалось по твоему нерадению, ибо ты не бежал греха, сделавшегося тебе известным, и потому навлек на себя большее наказание. Как же освободишься ты от этого наказания? Если примешь правду Божию, не зависимую от закона. Ибо нас оправдает Бог, хотя бы мы и не имели дел, потому что Бог всемогущ. Прекрасно выразился: ***явилась*** чтобы показать, что правда Божия существовала прежде, но была сокрыта. И словами ***о которой свидетельствуют закон и пророки*** также показывает, что она не есть что-либо новое, но что о ней говорили и закон Моисея и пророки, почему и достойна приятия; ибо хотя она независима от закона, однако совершенно согласно с законом имеет целью оправдать нас.

22–24. ***Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия; потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе.***

Эта правда, говорит, то есть оправдание, которым оправдал нас Бог, нисходит на всех через веру. Когда мы приносим веру, то оправдываемся все, иудеи и язычники. ***Ибо нет различия.*** Иудей не предпочитается язычнику потому, что получил закон. Ибо и он согрешил, так как из закона научился только, как узнавать грех, а не как избегать его. Если он и не так согрешил, как язычник, но славы лишен одинаково, потому что оскорбил Бога, а оскорбитель пожинает плод не славы, но бесславия. Но ты не отчаивайся. Все оправдываются даром по благодати Божией, а благодать эта бывает через искупление, то есть через совершенное освобождение, соделанное Христом, ибо Он оправдал нас, давши Самого Себя в выкуп за нас.

25–26. ***Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса.***

Упомянул об очищении (жертвой умилостивления) и крови, чтобы убедить иудея, что прощение и оправдание совершается через Христа. Если, рассуждает, ты верил, что грехи

разрешались кровию овец, то тем паче разрешаются они Кровию Христа, и если очищение законное, будучи образом Христа, имело такую силу, то гораздо большую силу имеет самая истина. «Очищением» (очистилищем) назывался покров ковчега, украшенный поставленными на обеих сторонах его херувимами. Оно указывало на естество человеческое, которое было покровом Божества, закрывавшим Его, но прославлялось ангельскими силами, служащими ему по причине соединения его с Богом Словом. Сказал ***предложил,*** чтобы показать, что избавление Кровию Христовою предопределено издревле для уврачевания расслабления, то есть омертвения от грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия. Ибо хотя мы пользовались многою благостию, однако сделались подобны расслабленным и омертвевшим. А случилось это ***для показания правды*** Божией, чтобы не только Сам Бог явился праведным, но и других, омертвевших во грехе, мог воскресить и оправдать, подобно как и явление богатства состоит в том, чтобы кому-нибудь не только самому быть богатым, но и быть в состоянии сделать богатыми других. Итак, не стыдись, оправдываемый таким образом. Если Бог Себе присвояет дело это, то есть превозносится и хвалится им, как оправдывающий наев ***настоящее время,*** то есть когда грех достиг крайнего предела и когда мы признаны как бы расслабленными и мертвыми, то чего тебе, иудей, стыдиться таковой славы Божией?

27. ***Где же то, чем бы хвалиться? уничтожено. Каким законом? законом дел? Нет, но законом веры.***

Апостол доказал, что мы оправдаемся через веру; почему справедливо спрашивает иудея: где же то, чем бы хвалиться тебе и гордиться? Не говорит: где добродетель? ибо иудеи не имели добродетели, но только похвальбу. И продолжает: ***уничтожено,*** что значит: хвалиться уже не время. До Христа благовременно было хвалиться законом, а теперь уже не благовременно, ибо стало видно, что похваление им бесполезно. Ибо если бы мог оправдать нас закон, то не было бы для нас нужды во Христе. Каким же, спрашивает, законом уничтожено? Законом ли дел, то есть тем, который говорит, что исполняющий их человек жив будет (см. Лев. 18, 5)? (Ибо это сказал закон Моисеев.) Нет, отвечает, но законом веры, который оправдывает благодатию, а не делами. Вот и веру называет законом, потому что имя ***закон*** было в чести у иудеев. Итак, хвались, иудей, верою, которая может оправдать тебя.

28–30. ***Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона. Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников потому что один Бог, Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру.***

Доказав, что оправдание в Крови Христовой, а не в делах закона, заканчивает речь и говорит: из всего сказанного заключаем, что всякий человек оправдывается верою. Не смущайся этим, иудей, будто нелепостью какою. Бог есть не частный Бог, чтобы спасти только себя, а не всякого человека. Здесь же пристыжает иудеев и весьма устрашает их, как богоборцев, если не допустят, что язычники спасаются через веру; ибо они не верят, что Он есть Бог всех и равно промышляет обо всех. Один, говорит, есть Бог, то есть Бог иудеев и язычников, Который и обрезанного оправдывает, не законом, но верою, и необрезанного принимает при посредстве веры. Упомянув же об обрезании и необрезании, припоминает и сказанное выше, где доказал, что ни обрезание не приносит пользы, когда нет дел, ни необрезание не вредит само по себе. Итак, при том и другом нужна вера.

31. ***Итак мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем.***

Сказанное, что закон ниспровергается верою, привело иудеев в смущение. Поэтому врачует их своею великою мудростию, говоря, что вера утверждает закон. Ибо чего желал и закон, то есть оправдать человека, но не мог сделать, то совершает вера. Кто только уверовал, тот уже оправдался. Итак, вера не уничтожила, но утвердила закон. Выражением ***утверждаем*** внушает, что закон лежал, а лежащего надобно поднять и поставить.

Глава четвертая

1–3. ***Что же, скажем, Авраам отец наш приобрел по плоти? Если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не пред Богом. Ибо что говорит Писание? «Поверил же Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность».***

Достаточно доказав, что для всех нужна вера, подтверждает это еще примером Авраама (Быт. 15, 6), пользовавшегося у иудеев большим уважением, и говорит, что и он, совершивший много великого, оправдался не делами, но верою. Называет его отцом ***по плоти,*** чтобы показать, что иудеи не имеют духовного родства с ним, или, лучше, чтобы обязать их этим во всем подражать ему. Если он оправдался делами, то ***имеет похвалу, но не пред Богом,*** то есть может хвалиться тем, что хорошо сделал нечто собственными трудами, но это не значит хвалиться пред Богом, и не направляется к Богу. Напротив, кто оправдывается верою, тот имеет похвалу пред Богом, может хвалиться о Боге, как спасенный Его благодатью и возлюбленный Им. Может хвалиться верующий и иначе, именно как прославивший Бога тем, что поверил, что Он может сделать то, что кажется нам невозможным. Итак, он имеет похвалу и дерзновение пред Богом, как имеющий истинное понятие о Нем, и верующий Ему как всемогущему.

4–8. ***Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу. А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность. Так и Давид называет блаженным человека, которому Бог вменяет праведность независимо от дел: «Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты. Блажен человек, которому Господь не вменит греха».***

Делающий, говорит, получает мзду, как даваемую ему за труд по долгу, верующий, хотя не делает, однако представляет со своей стороны веру, – вещь весьма значительную; потому что убедиться в том, что Бог и жившего в нечестии может не только освободить от наказания, но и сделать праведным, есть дело высокой цены. По этой причине ***верующему… вера его вменяется в праведность,*** то есть его веру приемлет Бог, не для того, чтобы дать ему мзду, но для того, чтобы оправдать его. Поэтому кто верует, тот приносит нечто и со своей стороны, именно веру. Доказав примером Авраама, что правда или оправдание от веры, представляет и Давида, который называет блаженным того человека, которому Бог не вменяет греха, и показывает преимущество и превосходство веры (см. Пс. 31, 1–2). Ибо если блажен тот, кто получает прощение по благодати, то гораздо блаженнее тот, кто выказал веру и оправдан ею. Что же, говорит, затрудняешься в том, что он получает прощение грехов по благодати? Видишь, что получивший отпущение по благодати ублажается; ибо пророк не назвал бы его блаженным, если бы не знал, что он имеет большую славу: ибо блаженство есть нечто весьма важное и выше самой праведности: оно верх всех благ, получаемых нами от Бога.

9—10. ***Блаженство сие относится к обрезанию, или к необрезанию? Мы говорим, что Аврааму вера вменилась в праведность. Когда вменилась? по обрезании или до обреза? Не по обрезании, а до обрезания.*** Если, говорит, блаженство принадлежит тому, кому не вменит Господь греха, то есть оправданному, а Авраам оправдан: то всеконечно он получил блаженство. Посмотрим же, когда он оправдался: до обрезания ли, или по обрезании? Всеконечно до обрезания. Значит, блаженство падает на необрезание, то есть более принадлежит необрезанию, нежели обрезанию.

11–12. ***И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которую имел в необрезании, так что он стал отцом всех верующих в необрезании, чтобы и им вменилось в праведность, и отцом обрезанных, не только принявших обрезание, но и ходящих по следам веры отца нашего Авраама, которую имел он в необрезании.***

Решает естественно возникающее возражение. Иной, быть может, возразил бы; если Авраам оправдался до обрезания, то для чего был обрезан? Апостол отвечает: он ***знак обрезания… получил*** вместо печати, запечатлевающей, что он оправдался верою, которую обнаружил прежде, будучи необрезанным. Итак, относительно Авраама представляются два предмета: необрезание и обрезание. Через необрезание он оказывается отцом необрезанных. Но каких? Которые подобно ему веруют, ***чтобы и им вменилось в праведность,*** то есть чтобы и они оправдались. С другой стороны, через обрезание Авраам оказывается отцом ***обрезания,*** то есть обрезанных. Отец же он не тех, которые имеют только обрезание, но которые и ходят по следам веры его, которую имел в необрезании. Итак, настоящее место надобно читать так: стал и отцом обрезания не для тех, которые подобны ему по одному обрезанию, но и для тех, которые ходят по стопам веры его, то есть подобно ему веруют в воскресение мертвых тел. Ибо он на старости и в омертвении поверил, что Бог может сделать семя его плодовитым и дать ему сына. Полная мысль такая. Авраам, будучи необрезанным, уверовал и оправдался, чтобы таким образом стать отцом верующих необрезанных. С другой стороны, он получил обрезание, печать и знак веры, которая в необрезании, чтобы стать отцом обрезанных, ходящих, разумеется, по следам его веры, которую имел он, не будучи еще обрезан. Коль скоро нет этой веры, обрезание попусту хвалится, подражая тому, кто показывает кошелек, к которому приложена только печать, но в котором нет ничего. Итак, иудей есть кошелек, запечатанный обрезанием, но веры, печать которой есть обрезание, не имеющий.

13–14. ***Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его, обетование – быть наследником мира, но праведностью веры. Если утверждающиеся на законе суть наследники, то тщетна вера, бездейственно обетование.***

Апостол доказал уже, что оправдание бывает не законом, но верою. Теперь он доказывает, что и обетование получил Авраам не законом, но праведною верою. Какое ***же обетование? Быть наследником мира,*** то есть чтобы в нем благословились все народы всего мира. Ибо если наследие, говорит, дано законом, то ***тщетна вера,*** то есть оказывается тщетною и бесполезною. Ибо кто станет заботиться о вере, если обетование наследия дано законом? Но положение дела не таково. Авраам наследовал обетование не законом (ибо где тогда был закон?), но верою, как написано: ***Авраам поверил*** (Быт. 15, 6).

15. ***Ибо закон производит гнев, потому что, где нет закона, нет и преступления.***

Теперь доказывает, каким образом ***бездейственно обетование.*** С законом, говорит, соединено преступление, а преступление закона производит гнев и подвергает клятве и наказанию. Как же, спрашивается, виновный в преступлении достоин наследовать?

16–17. ***Итак по вере, чтобы было по милости, дабы обетование было непреложно для всех, не только по закону, но и по вере потомков Авраама, который есть отец всем нам (как написано: «Я поставил тебя отцом многих народов») пред Богом, Которому он поверил, животворящим мертвых и называющим несуществующее, как существующее.*** Так как закон производит гнев, то и говорится, что Авраам оправдался и стал наследником верою, чтобы все было по благодати. А благодать на что полезна. ***Дабы обетование было непреложно.***

Ибо благодать, не как закон, не имеет преступления, чтобы даруемое было нетвердо. Поскольку же все бывает по благодати и милости Божией, то даруемое по справедливости непреложно ***всем нам,*** то есть для всех верующих, не для тех только, которые ***по закону,*** то есть обрезаны, но и для тех, которые не обрезаны, которые суть семя Авраама, рожденное ***по вере.*** Поэтому кто не имеет веры, тот не есть семя Авраама, ***который есть отец всем нам,*** то есть верующим, как написано: ***Я поставил тебя отцом многих народов*** (см. Быт. 17, 4). Смысл такой: Авраам есть отец всех ***пред Богом,*** то есть подобно Богу. Как Бог есть отец всех, так и Авраам, не по естественному родству, но по союзу веры. ***Которому он поверил***

присовокупил для того, чтобы показать, что Авраам получил и награду за веру быть отцом всех. Поэтому если ты, иудей, не признаешь, что Авраам есть отец всех, то ты уменьшил почесть, которую получил он верою.

Животворящим мертвых, и называющим несуществующее, как существующее. Теперь повторяет сказанное выше, то есть что Авраам поверил, что омертвевшую плоть, какова была его, может Бог не только оживить, но и сделать плодовитою; почему и говорит теперь: ***животворящим мертвых.*** Слова же ***называющим несуществующее, как существующее*** присовокупил для того, чтобы показать, что для Бога не невозможно сделать тех, которые не дети Авраама, детьми его. Не сказал, однако – «приводящим» в бытие несуществующее, но ***называющим.*** Сколь легко для нас назвать что-нибудь существующее, столь же удобно для Бога привести в бытие – несуществующее.

18. ***Он, сверх надежды, поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов..***.

Не подумай, говорит, что Авраам удостоен почестей не по заслугам. Ибо возможно ли это, когда он сверх надежды человеческой поверил с надеждою Божиею, что сделается отцом многих народов, не тех, которые произошли от Измаила (ибо они произошли от Авраама не по вере, но по естеству), но тех, которые подобны ему по вере?

18–21. ***По сказанному: «так многочисленно будет семя твое». И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении; не поколебался в обетовании же Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное.***

Сказав, что Авраам сверх надежды человеческой поверил с надеждою Божиею, теперь доказывает это, говоря, что Аврааму было сказано: ***умножу семя твое как звезды небесные и как песок*** (Быт. 15, 5; 22, 17); он же не ослабел в вере, но, пребывая в ней твердым, не обратил внимания ни на собственное тело, уже омертвевшее от времени, ни на сугубое омертвение утробы Сарриной (ибо утроба ее омертвела и от старости и от бесплодия), и не стал недоумевать, то есть нимало не усомнился, не поколебался мыслию, ***по пребыл тверд в вере.*** Заметь, как доказывает, что верующий имеет нужду в большой силе. Многие унижали веру, как дело, не требующее труда, а дела возвышали, как требующие пота и силы. Но апостол говорит, что верующий имеет нужду в великой и мощной душе, чтобы отражать внушения неверия, как и Авраам возмог верою. А как возмог верою Авраам? ***Воздав славу Богу,*** то есть не посредством человеческих умозаключений уверовав, но помышляя в себе достойное славы Божией и быв уверен, что Бог может сделать невозможное, ибо в этом состоит слава Божия. ***Почти столетнего*** сказал приблизительно, потому что в то время Аврааму не было еще ста полных лет.

22–25. ***Потому и вменилось ему в праведность. А впрочем не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, но и в отношении к нам, вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего, Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего.***

Апостол многое сказал в похвалу Аврааму, а кто-нибудь мог возразить: что нам из этого? Поэтому и высказывает, что о том написано и для нас, что и нам вменится вера в правду, только бы мы имели ее, веруя в Того, Кто воскресил Иисуса. Если сомневаешься, как можешь оправдаться, то представь в душе своей Иисуса, который изгладил все грехи твои, который умер не за собственный грех, но за грех мира. Поскольку же Он умер, не имея греха, то справедливо воскрес. Ибо как мог быть удержан в аде Тот, Кто не имел греха? Итак, Он для того и умер и воскрес, чтобы и от грехов освободить и со делать праведными. Поэтому как Авраам поверил, что его омертвевшее уже тело сделается плодовитым, так и ты веруй, что Иисус умер и воскрес, и тебе вменится в правду, как и праотцу твоему Аврааму.

Глава пятая

1–2. ***Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией.***

Здесь рассуждает апостол о жизни по вере, чтобы мы после того, как он столь много сказал в похвалу веры и унизил дела, не сделались нерадивыми. Так как вера оправдала нас, то не будем уже грешить, но ***имеем мир с Богом*** посредством угодной Ему жизни. Как же это будет? ***Через Господа нашего Иисуса Христа.*** Он, оправдавший нас, когда мы были грешниками, поможет нам и сохранится в правде Его; ибо через Него ***получили мы доступ к той благодати.*** Если Он привел далече бывших, то тем паче удержит близ сущих. Привел же нас ***к той благодати.*** Каким образом? ***Верою,*** то есть когда мы принесли веру. Что же это за благодать? Получение всех благ, какие подаются нам посредством крещения. ***В которой стоим,*** имея твердость и непоколебимость. Ибо Божественные блага всегда стоят и никогда не отпадают. И не только твердо содержим полученное, но уповаем получить и прочее. ***Хвалимся,*** говорит, ***надеждою*** благ, которые даны будут нам в будущем: они, как относящиеся к славе Божией, непременно даны будут, если не для нас, то для прославления Самого Бога.

3–5. ***И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.***

Не только, говорит, хвалимся благами будущими, но, что еще более, даже настоящими скорбями своими. Не смущайтесь же, говорит, тем, что мы в скорбях: это самое есть похвала для христианина. Каким образом? Ибо скорбь производит терпение, терпение же делает искушаемого опытным, а опытный человек, успокаивая себя в доброй совести тою мыслию, что подвержен скорбям для Бога, уповает на воздаяние за эти скорби. А такое упование не бесплодно, ***не постыжает*** надеющегося. Человеческие надежды, не сбываясь, постыжают надеющихся, а Божественные надежды не таковы. Ибо Подающий блага бессмертен и благ, а при том, и мы, хотя и умрем, оживем, а затем ничто уже не воспрепятствует надеждам нашим сбыться.

Потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. О будущем уверяет тою любовью, которую показал уже к нам Бог. Говорит как бы так: не теряй веры; упование на Божественные блага не тщетно: ибо Кто столько возлюбил нас, что сделал нас чадами Божиими, без всякого труда нашего, посредством Духа Святого, Тот как не даст венцов после трудов? ***Излилась,*** говорит, ***любовь Божия в сердца наши,*** то есть является обильною и богатою в нас, имеющих в сердцах Самого Духа, Которого дал нам Бог.

6–9. ***Ибо Христос, когда мы еще были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева.***

Сказав, что любовь Божия оказывается излитою в нас чрез Духа, которого мы имеем в себе, как дар от Бога, показывает еще и величие этой любви из того, что Христос умер за нас, немощных, то есть грешников, но, что еще хуже, за нечестивых, хотя едва кто и за праведника умрет. Итак, это преизбыток любви – умереть за грешников и нечестивых. Когда же Он умер по любви и смертью оправдал нас, тем паче теперь спасет от гнева нас, которых уже оправдал. Даровал нам большее оправдание: как не спасет от гнева? А спасенным от гнева дарует и блага – по великой любви Своей.

10. ***Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его.***

Хотя, казалось бы, говорит здесь то же, но умозаключения через сравнение различны. Выше полагает нашу греховность и потом, прилагая, что мы оправданы, через сравнение заключает: Кто оправдал нас, грешников, своею смертию, Тот тем более спасет оправданных. А теперь, упоминая о смерти и жизни Христовой, опять сравнительно умозаключает: когда мы примирены кровию и смертию Господа, то как теперь не спасемся в Его жизни? Ибо Кто не пощадил Сына Своего, но дал Его на смерть для нашего примирения, Тот не тем ли паче теперь спасет нас Его жизнью?

11. ***И не довольно сего, но и хвалимся Богом через Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение.***

Не только, говорит, спасены мы, но и хвалимся Богом, потому что спасены тогда, когда были нечестивыми, и спасены Кровию Единородного. Хвалимся же Господом Иисусом Христом, ибо Он, виновник нашего примирения, есть виновник и нашего хваления.

12. ***Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили.***

Сказав, что Господь Иисус оправдал нас, обращается к корню зла, к греху и смерти, и показывает, что тот и другая, то есть грех и смерть, вошли в мир через одного человека, Адама, и опять одним же человеком, Христом, устранены. Что же значит: ***в нем все согрешили?*** То, что все согрешили в Адаме. Как скоро он пал, то через него сделались смертными и не вкусившие от запрещенного древа, как будто они и сами пали, потому что он пал.

13–14. ***Ибо и до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона. Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего.***

Апостол хочет доказать, что и не вкусившие от запрещенного древа и не грешившие, подобно Адаму, по причине греха его также сочтены согрешившими и умерли. Доказывает же это так: грех царствовал до издания закона, то есть и прежде закона. Какой же это был грех? Грех ли от преступления закона? Но как мог быть такой грех, когда не было закона? Грех тогда вменяется, когда есть закон, и люди, преступающие закон, по необходимости называются грешащими. ***Однако же смерть царствовала*** даже ***до Моисея,*** то есть до закона. Значит, был грех, через который смерть царствовала: если бы не было какого-либо греха, который удержал бы смерть, она не царствовала бы. Поскольку же доказано, что греха от преступления закона еще не было, то остается, что то был грех Адамов, через который смерть царствовала и над теми, которые не согрешили непосредственно (ибо не получившие закона и не преступившие его не называются согрешившими), но согрешили в подобии преступления Адама и сделались причастны падению его, как праотца, который есть образ Христа. Ибо как древний Адам сделал всех повинными в его падении, хотя они не пали, так и Христос оправдал всех, хотя они не сделали ничего, за что следовало бы оправдать их. Вот почему он есть ***образ будущего,*** то есть Христа.

15–16. ***Но дар благодати не как преступление. Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих. И дар не как суд за одного согрешившего; ибо суд за одно преступление – к осуждению; а дар благодати – к оправданию от многих преступлений.*** Христос, говорит, доставил пользу не в такой лишь мере, в какой причинил вред Адам. Если грех столько был силен, что вследствие падения одного осуждены все потомки его, хотя они не пали, то гораздо большее и обильнейшее действие произведет на многих благодать Бога Отца, и не только Его, но и Сына Его. И дар Божий не может быть равномерен осуждению через одного согрешившего. Ибо ***преступление,*** то есть грех, подлежащий осуждению, проистекающий от ***одного*** Адама, к ***осуждению,*** то есть к

смерти, и множество грехов всегда существовали в потомстве его, так что люди находились во власти многих грехов и смерти. ***А дар благодати – к оправданию от многих преступлений,*** то есть благодать не только изгладила этот единый грех, но и другие грехи, за ним следовавшие; ибо стала для нас в оправдание, подавая нам отпущение всех преступлений, совершенных после падения.

17–18. ***Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа. Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни.***

Если вкушение одного человека от запрещенного древа произвело то, что стала царствовать смерть, то тем более мы, получившие обилие и избыток благодати и оправданные будем жить и царствовать ***посредством единого Иисуса Христа,*** Которого мы братия, с Которым совокупились мы в одно тело, с Которым соединились мы так, как тело с главою. Ибо мы получили не простое и не единообразное благо, чтобы оставалась еще для нас возможность сомневаться относительно будущего: наши блага плод обильной благодати. Представь, что кто-нибудь много задолжал и ввергнут в темницу вместе с женою и детьми, а потом не только освобождается от темницы и долга, но и получает десять тысяч талантов, вводится в царский дворец, удостаивается высокой чести и становится сыном царя. Так точно случилось с нами. Итак, – говорит апостол, заканчивая мысль, – как через преступление одного (что выше назвал он грехом, то теперь называет преступлением, разумея грех Адама) все люди подверглись проклятию, так и через оправдание единого Христа на всех людей излилась благодать, дающая им и оправдание, вместо греха, и жизнь, вместо смерти.

19. ***Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так послушанием одного сделаются праведными многие.***

Здесь, казалось бы, повторение, но на самом деле его нет. Выше сказал (ст. 18): ***как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание,*** а теперь объясняет, в чем состояло прегрешение единого, и говорит, что оно было ослушание, через которое многие соделались грешными, то есть повинными наказанию и осужденными на смерть; объясняет также, в чем состоит оправдание Единого, то есть Христа, и говорит, что оно есть послушание даже до смерти, и смерти крестной, через каковое послушание сокрушена смерть и мы освобождены от осуждения на нее.

20. ***Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление. А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать.***

После того, как доказал, что в Адаме все осуждены, а во Христе спасены, кто-нибудь, вероятно, мог усомниться и возразить: что же делал в течение стольких лет закон, если оправдал нас Христос? ***Закон,*** отвечает, ***пришел,*** то есть дан был на время, не был главною и важнейшею потребностию. Когда же он ***пришел,*** то преступление умножилось. Ибо он давал множество заповедей, но все эти заповеди люди преступили, почему и умножилось преступление. Частица ***же*** не означает здесь причину, но указывает на последствие. Закон дан для уменьшения и истребления греха, а вышло противное, не по свойству закона, но по нерадению людей. Но тогда как через закон умножился грех, через Христа благодать Божия явилась преизобильно, не только освободив нас от грехов, но и оправдав и соде лав небесными, и усыновив Богу. Поэтому не сказал – «изобиловать», но – ***преизобиловать,*** показывая этим большое изобилие ее.

21. ***Дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим.***

Сказав, что благодать явилась преизобильно, апостол, чтобы мы не были неверными, показывает, что такое явление ее соответствует цели, и говорит: грех был царем, а смерть воином, им вооруженным. Если же царствовал над нами грех, имея смерть как бы воином

каким, то тем более воцарится в нас благодать, сообщающая праведность, уничтожающую грех, и вместе с истреблением греха истребляющая и смерть, а у последней оправдание. Итак, оправдание умертвило царя, грех, а с ним вместе смерть, и, наконец, введена вечная жизнь.

Глава шестая

1–2. ***Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?***

Апостол сказал, что когда умножился грех, преизобильно явилась благодать. Вследствие этого иной мог бы рассуждать: итак, не перестанем грешить, чтобы благодать явилась обильнее, но апостол опровергает такое рассуждение, выражаясь отрицательно: ***никак*** **–** как обыкновенно выражается он о чем-нибудь, по общему признанию, крайне нелепом.

Потом приводит доказательство: поскольку мы умерли для греха, стали мертвыми для него через крещение, так что уже не должны слушаться его, то как же нам еще жить в нем, иметь расположение к нему и слушаться его? Отсюда узнаем, что через крещение всякий верующий действительно умирает для греха, но по нерадению своему сам «воскрешает» себя и тотчас оживает для него, лишь только соединится с ним, напротив, старательный всегда сохраняет в себе эту мертвенность и, что бы ни приказывал ему грех, не повинуется ему, как мертвый.

3–4. ***Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни.***

Рассказывает, как умерли мы для греха, и говорит: через крещение. Мы крестились в смерть Христа; значит, и мы должны умереть, как умер Он. Ибо что для Христа крест и гроб, то для нас крещение, хотя и в другом отношении; потому что Христос умер и воскрес плотью, а мы умираем для греха и воскресаем для добродетели, чтобы как Христос плотию воскрес из мертвых ***славою Отца,*** то есть Собственной Божественностью (ибо слава Отца – Сын), так и мы воскресаем другим воскресением, то есть новым образом жизни. Так, когда блудник становится целомудренным, то представляет собою смерть и воскресение, смерть порока и воскресение и оживление добродетели в человеке.

5–6. ***Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху.***

Не сказал «приобщились подобию смерти» Его, но говорит ***соединены,*** указывая словом ***соединение*** на плод смерти Христовой в нас. Тело Христово, погребенное в земле, принесло плод спасения. Поскольку же мы погребены в воде, а Христос в земле, и притом мы погребены для греха, а Он телом, то не сказал – «смертью», но – ***подобием смерти.*** Поэтому мы будем общипками и воскресения, наследуем жизнь вечную, как показавшие воскресение, состоящее в добрых делах. ***Ветхий наш человек,*** то есть порочность, ***распят с Ним,*** то есть подобно телу Христову погребен в крещении; ***чтобы упразднено было тело греховное,*** то есть слагающаяся из разных видов порочность, или склонное ко греху тело наше, почему и прибавляет: ***дабы нам уже не быть рабами греху.*** Желаю, говорит, чтобы тело было мертво, не в том смысле, чтобы истребилось, но в том, чтобы не грешило.

7. ***Ибо умерший освободился от греха.***

Это говорит о целом человеке. Как умерший ***освободился от греха,*** то есть избавился, свободен, так и ты, крестившийся и умерший для греха, оставайся мертвым.

8—11. ***Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем.***

Здесь, казалось бы, повторение сказанного; но в самом деле его нет. Выше апостол сказал, что мы всегда должны оставаться мертвыми для греха, а теперь рассуждает о воскресении новой жизни по Боге, которою мы всегда должны иметь. Если мы через крещение умерли со Христом, то веруем, что всегда будем иметь присущим нам воскресение, состоящее в новой жизни, ибо и Христос, воскресши из мертвых, живет всегда, уже не умрет. ***Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха,*** значит: Христос умер за наш грех, тогда как Сам по Себе не был повинен смерти. ***А что живет, то живет для Бога,*** то есть живет Божественною силою, ибо Он всегда живет в силе Бога и Отца. Поскольку же Христос не умирает в другой раз, то и мы не умираем вторично через второе крещение.[2] Итак, останемся в прежнем, то есть в смерти греха, но в воскресении жизни по Боге. А это получили мы о Христе Иисусе, то есть при Его помощи: ибо Кто воскресил нас, когда мы были еще мертвы, Тот тем более сохранит нас в жизни, когда мы стали живы.

12. ***Итак да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его.***

Желая показать, что мы удерживаемся во власти пороков не насильно и принужденно, но по собственному произволу, не сказал – «да не тиранствует», но говорит ***да не царствует:*** ибо царство есть удел имеющих волю. Выражением же ***в смертном вашем теле,*** во-первых, показал, что ни приятное для тела не прочно (ибо тело подвержено смерти), так что не должно услуживать телу в удовольствиях, ни трудное не постоянно, так что не должно бегать прискорбного и подвигов против удовольствий, во-вторых, напоминает нам, что смертность есть последствие греха, и внушает не раболепствовать уже греху, как причиняющему смерть. Каким же образом царствует грех? Если повинуемся ему ***в похотях его*** телесных, так что не тело причиняет вред по естеству своему, но повиновение греху. Заметь благодать Христову: Адам согрешил, хотя имел тело не смертное, а мы побеждаем грех в смертном теле.

13. ***И не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности.***

Где манихеи, которые говорят, что тело порочно по естеству? Тело есть орудие, а орудие есть средство к добродетели и пороку. Так меч для воина служит оружием за граждан, а у разбойника он есть оружие против граждан. ***Не предавайте членов ваших греху в орудия неправды.*** Ибо кто грешит, тот несправедливо поступает часто и в рассуждении ближнего, а всегда – в рассуждении самого себя. ***Но представьте себя Богу,*** размышляя, какое различие между Богом и грехом, и кому лучше быть подчинену и царствовать, греху ли, который умертвил, или же Богу, который оживотворил. Сказав, что члены суть оружия неправды, показал, с одной стороны, что тело, как сказано выше, не есть что-нибудь худое, когда может быть оружием правды, а с другой – что наступила брань и что нам нужно находиться под предводительством Бога и взять оружие на защиту души своей.

14. ***Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью.***

До пришествия Христова, говорит, тело ваше было удобопобедимо для греха. Тогда не было еще ни вспомоществующего Духа, ни крещения, могущего умерщвлять. Поэтому и закон, предписывая, что делать, ничего не успел. По пришествии же Христовом, борьба сделалась легче; почему и подвиги у нас, как получивших большие пособия, труднейшие. Итак, грех не будет господствовать над нами, если не слишком будем уступать ему. Теперь не закон, который только дает заповеди, а помощи не оказывает ни малейшей, но благодать, которая прощает прежние грехи и укрепляет для будущего.

15–16. ***Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак. Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послу-***

---

[2] То есть для нас нет второго крещения.

шания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания к праведности?

Всегда предлагает апостол такие возражения, почему и приводит и решает их, как поступает и с настоящим возражением, отвечая на него: ***никак.*** Потом доказывает, что для нас не трудно грешить. Представьте, внушает, в уме своем, что лучше: быть ли рабами греха, предавшись ему по своей воле (это значит: ***отдаете),*** и получить в награду смерть, то есть вечное наказание (ибо грех Адама породил смерть телесную и временную, а теперь совершаемый грех подвергает человека вечной смерти, то есть вечному наказанию), или повиноваться Богу и получить в награду праведность и проистекающие из нее блага?

17. ***Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. Благодарение Богу.*** Освобождение нас от оных зол есть дело не человеческой силы, но Божией: почему и должно благодарить. Потом вы стали послушны не по принуждению, но по собственному сердечному расположению; поэтому не возвращайтесь на худшее, от которого отстали вы добровольно. В доказательство же того, что хотя бы они сами пришли, но все это зависело вместе и от благодати Божией, присовокупил: ***предали себя,*** то есть Богом наставлены на образ учения. Какой же образ учения? Жить благочинно и благоустроенно.

18–19. ***Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности. Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые.***

Два, говорит, благодеяния получили от Бога: и освобождены от такого бесчестия, и стали рабами праведности, что составляет для вас великую славу. Потом, желая сказать, чтобы римляне так служили Богу, как служили греху, предварительно замечает: ***говорю по рассуждению человеческому:*** то есть предлагаю нечто низкое, недостойное предмета, соразмерное вашей немощи. Ибо надлежало показать несравненно большую меру служения Богу, нежели греху; но по немощи своей, говорит, представьте хотя бы равную меру. Заметь, как весьма ясно показал наше добровольное рабство, сказав: ***ныне представьте члены ваши.*** Сами, говорит, делая себя пленниками, вы подвергались нечистоте, то есть прелюбодеянию, любодеянию, делам самым постыдным, и что говорю об одной нечистоте – вообще сказать всякому ***беззаконию,*** и притом ***в рабы беззаконию,*** то есть чтобы еще более беззаконничать: ибо, совершив какой-либо грех, вы не остановились на том, но в этом самом нашли себе побуждение к дальнейшему беззаконию. Итак, в той же мере представьте члены свои ***в рабы праведности,*** то есть всякой добродетели, чтобы проводить жизнь в целомудрии и святости, а не в прежней нечистоте.

20–21. ***Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их – смерть.***

Когда вы, говорит, жили в пороках, отчуждены были от правды, тогда вы не подчинялись ей, вовсе не хотели служить ей и сами освобождали себя от нее. Поэтому и теперь, служа правде, не подчиняйтесь греху. И какой плод имели вы от нечистоты? Никакого, кроме бесчестия, и что говорю – бесчестия? Имели плодом смерть, ***потому что конец их – смерть,*** и телесная весьма часто, и душевная всегда. Но от смерти вы избавлены благодатию Христовою, а стыд еще остается не без пользы; ибо теперь вы стыдитесь грехов тех.

22–23. ***Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная. Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.***

Плод дел греха есть стыд; плод правды – освящение, чистота, непорочность. Конец первых – смерть; конец последней вечная жизнь. ***Ибо возмездие за грех – смерть.*** Так, гово-

рит, и вам, служащим греху, грех давал возмездие смерть. ***А дар Божий.*** Не сказал – «возмездие от Бога», но ***дар.*** Ибо не как вознаграждение или воздаяние за труды вы приняли, но все то произошло от благодати во Христе Иисусе: ибо все совершено Им.

Глава седьмая

1–3. ***Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив? Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества. Посему, если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейцею; если же умрет муж, она свободна от закона, и не будет прелюбодейцею, выйдя за другого мужа.***

Оставив нравственное учение, возвращается к догматическому и доказывает, что слушатели его не должны уже оставаться под законом. Закон, говорит, как и вам известно, имеет власть над человеком, доколе человек остается в живых, ибо на мертвых он не простирается. Так и вы, говорит, умерли для закона, и потому он не имел уже, наконец, власти над вами. Так намекает на это в начале, а далее говорит об этом с иной стороны. Именно: когда умрет муж, то жена имеет власть сочетаться браком с другим. Здесь мужу уподобил закон, а жене – слушателей своих. Затем надлежало сказать: следовательно, братия, закон не имеет власти над вами, ибо он умер. Но апостол не сказал так, чтобы не огорчить иудеев, но представляет умершую жену, то есть самых иудеев, которые потому пользуются двоякою свободою. Ибо если жена свободна от власти закона, когда умрет муж ее, то тем паче свободна она, когда умерла сама.

4. ***Так и вы, братия мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу.***

Если вы, говорит, умерли, то не состоите под законом. Ибо если жена по смерти мужа не подлежит ответственности, то тем паче свободна она от ига закона, когда умерла сама. Заметь, как мудро доказывает, что сам закон хочет, чтобы оставили его. Итак, и вы освободились от закона телом Христа, Распятого за нас. Ибо тело для того и умерщвлено, чтобы вы умерли для закона и были под властию другого, за вас умершего и потом воскресшего. Ибо закон не живет уже после того, как умер, а Христос живет и после того, как умер, так что вы не имеете власти отступать от Него живущего. А какая польза от этого? ***Да приносим плод Богу,*** то есть чтобы от того брака, в котором сочетались мы с Христом, рождать нам Богу детей, то есть добрые дела.

5. ***Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, обнаруживаемые законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти.***

Доказывая, что закон нисколько не помогает нам в избежании плотских страстей, а только показывает их, говорит: когда мы были в плотской жизни и в худых делах, то в членах наших действовали страсти греховные, обнаруженные законом и узнаваемые через закон. Не сказал: члены производят пороки, чтобы не дать места обвинению плоти. Ибо душа есть как бы музыкант какой, а члены суть гусли. Если музыкант играет дурно, то и гусли издают дурные звуки. Итак, когда мы состояли под законом и не могли избежать страстей, то рождали смерти дурные дела.

6. ***Но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве.***

Чтобы не огорчить иудеев, не сказал – «упразднился закон», но – ***мы освободились от него,*** то есть отрешились, освободились, умерли и стали мертвы и неподвижны по отношению к той привязи, на которой держали нас. А привязь эта есть грех, ибо на нем держались мы как бы на цепи какой. Умерли же мы для греха, чтобы ***чтобы служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве.*** В древности добродетель была трудна, потому что Адам получил в смертном теле своем множество природных недостатков; а теперь благодатию Христовою в крещении природа наша получила помощь от Духа, который соделал нас новыми и юными и освободил от ветхости и немощи буквы. Поэтому во время закона дев-

ство было какою-то редкостию, а теперь в Церкви тысячи благочестиво ведущих девственную жизнь. То же самое надобно сказать и о презрении к смерти.

7. ***Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай».***

Апостол многое сказал, казалось бы, в обвинение закона: именно: ***грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью*** (Рим. 6, 14), и: ***закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление*** (Рим. 5, 20) и еще: ***ветхой букве*** (Рим. 7, 6). Поэтому чтобы устранить такое подозрение, вводит возражение в виде вопроса и говорит: что же скажем о законе? То ли, что он есть грех? Потом решает это возражение, сначала отвечая отрицательно, как обычно говорит о крайне нелепом, а затем предлагает доказательства. Закон, говорит, не есть грех, но указатель греха; ибо я не знал бы и пожелания, если бы закон не говорил: ***не пожелай*** (см. Исх. 20, 17). Как же, наконец, случился потоп? как сожжен Содом, если до закона не знали, что пожелание есть зло? Знали и тогда, но тогда пожелание не было усилено и потому познавали его не с такою обстоятельностью с какою стали разуметь его, когда дан закон. Первоначально знали пожелание по одному естественному закону, но впоследствии и по писанному, почему и стало оно поводом к большому наказанию, а это произошло не от научений закона, но от беспечности не внимающих предписаниям закона, что показывает апостол и далее.

8. ***Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мертв.***

Не сказал – «закон произвел пожелание», но – ***грех*** (который, по Златоусту, есть беспечная и испорченная воля), и диавол (ибо его некоторые разумели под грехом), или склонность к удовольствию и стремление к худшему самое научение закона употребили во зло. Несправедливо было бы обвинять врача, который больному горячкою, готовому непрестанно пить воду, не дает пить и тем усиливает в нем желание пить; ибо дело врача – запретить, а не пить должен сам больной. Так и закон имел в виду научением отвлечь человека от похоти, но грехолюбивая воля усилила пожелание и произвела не одно, но всякое пожелание, с напряжением делая зло. Ибо когда кому воспрещают что-либо, тогда он более неистовствует. Итак, грех тогда обнаружится, когда закон был нарушен. ***Ибо без закона грех мертв,*** то есть не почитается существующим. Когда же есть закон, предписывающий должное, то грех живет, то есть существует и представляется грехом тем, которые преступают закон, грешат сознательно.

9-**10.** ***Я некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер.***

До Моисея, говорит, я жил без закона, почему и подвергался не строгому осуждению (здесь говоря о себе, подразумевает природу человеческую); но когда пришла заповедь, то обнаружилось, что грех есть грех: ибо хотя люди грешили и прежде, однако не сознавали того. А в этом то и благо закона, что он сделал людей сознающими то, что они грешат. Слова ***я умер*** понимай двояко, – и так: «согрешил», и так: «сделался повинен большему наказанию», в чем виновен не закон, но тот, кто внемлет ему. Представь, например: кто-нибудь болен и не сознает, что он болен; потом приходит к больному врач и открывает ему, что он болен и что ему надобно воздерживаться от такой-то пищи, как усиливающей болезнь; больной не послушался врача и умер.

10–11. ***И таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею.***

Не сказал «заповедь сделалась для меня смертью», но – ***послужила,*** объясняя тем необыкновенность и странность такой несообразности. Цель заповеди – вести к жизни, для чего и дана она. Если же произошла из того смерть, то виною этого не заповедь: ибо меня обольстил и умертвил через заповедь грех, то есть стремление к худшему и испорченное и

грехолюбивое сердце, а лучше сказать – удовольствие. Ибо если бы не было заповеди, показывающей грех, то я и совершающим грех не почитался бы, и не был бы повинен наказанию; ибо слово ***умертвил*** следует понимать о том и другом, и о грехе и о наказании, как и выше сказано о словах ***я умер.*** Вся сущность мысли апостола такая: когда нет закона, то грех не вменяется; когда же пришел закон и нарушен, то грех обнаружился и ожил, так что через нарушение заповеди грех, то есть обнаружение и состояние греха выступает, тогда как прежде он и не существовал и не вменялся, потому что и закона не было. Поэтому закон сам по себе не был причиною греха, но он не мог и освободить от него, так что, вследствие этой немощи закона, мы возымели нужду в благодати.

12. ***Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра.***

Здесь весьма явно заградил уста маркионитов, манихеев, симониан и всех охуждающих Ветхий Завет, ибо ясно провозглашает, что закон свят и заповедь свята, и праведна, и добра. Различает же закон от заповеди, как общее от частного, ибо в законе одно составляет догматы, а другое заповеди. Итак, и догматы закона святы, и заповеди касательно деятельности святы, и праведны, и добры. Следовательно, они суть законоположения благого и праведного Бога, хотя упомянутые еретики и богохульствуют, что закон происходит от злого бога.

13. ***Итак неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди.***

Закон, говорит, не сделался для меня смертию, но меня умертвил грех, да окажется, какое зло есть грех, и что он, несмотря на врачевание законом, стал хуже. А под грехом, как сказали мы выше, разумей и склонную к удовольствию волю и стремление к греху и потому диавола и самую деятельность, увлекаемую удовольствием. Благодарение Христу, освободившему нас от такого зла!

Так что грех становится крайне грешен посредством заповеди. Какая пагуба есть грех, это открылось через заповедь, ибо грех воспользовался заповедью к смерти. Так и о болезни, когда она через врачебные пособия приходит в худшее состояние, можно сказать, что она обнаружила злокачественность свою посредством врачебного искусства, хотя не получила от него никакой пользы.

14. ***Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху.***

Апостол сказал, что грех открылся через заповедь. Поэтому, чтобы ты не подумал, что виною греха закон, произносит общий приговор и говорит: ***ибо мы знаем, что закон духовен.*** Всем, говорит, известно и всеми признано, что закон отнюдь не есть причина греха, но что он ***духовен,*** то есть – наставник добродетели и враг порока. От чего же произошел грех при столь дивном наставнике? От нерадения и немощи учеников. Ибо я, говорит, ***плотян,*** что значит: все естество человеческое, как до дарования закона, так и во время закона, наполнено было множеством страстей; ибо вследствие преступления Адамова мы не только сделались смертными, но природа наша получила страсти, продалась греху и стала рабою, так что и головы не могла поднять.

15. ***Ибо не понимаю, что делаю.***

Здесь говорит не о совершенном неведении; ибо если бы грешили в неведении, то за что же наконец были наказываемы? Что же говорит? Пребываю во тьме, увлекаюсь, не знаю, как увлекает меня грех. Поэтому, когда говорит: ***не понимаю,*** то указывает не на незнание того, что должно делать, но на опасности, ковы, обольщение, увлечение. Все это говорит о людях, живших до пришествия Христа во плоти, хотя представил самого себя.

Потому что не то делаю, что хочу. Так выражается вместо следующего: ибо тогдашние люди не то делали, что хотели. Выражаясь же так, не внушает необходимости или при-

нуждения. Но что говорит? Вот что: чего не одобряли, чего не принимали, чего не любили, то делали. Ибо далее присовокупляет:

А что ненавижу, то делаю. Видишь ли, что не вводит ни принуждения, ни необходимости? Ибо в противном случае присовокупил бы: к чему вынуждаюсь необходимостию, то делаю. Но это не сказал, а говорит – ***что ненавижу.*** Как же произошло зло? По увлечению, по немощи, которую имели от преступления Адамова. Эту-то немощь и не мог уврачевать закон, хотя и говорил, что должно делать; ее уврачевал, придя, Христос. Итак, здесь во всем, что сказал и что намерен сказать, цель у апостола та, чтобы доказать, что естество человеческое пришло в неисцелимое состояние и что его никто не исцелит, кроме одного Христа.

16. *Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр.*

Что закон добр, говорит, видно из того, что я по природе знаю, что должно делать, и что разум у меня не поврежден, хотя я и предаюсь пороку.

17–18. *А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе.*

Не сказал, что плоть делает это, но – ***грех,*** то есть увлекающее меня мучительство греха. Что же болтают вооружающиеся против плоти и исключающие ее из числа творений Божиих? Они предъявляют: ведь апостол говорит: ***не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе.*** Выслушай, в каком отношении высказал он это. Человек состоит из двух частей: души и плоти. Из них первая, то есть душа, властвует всем, а плоть есть раба. Поэтому выражение: ***не живет в плоти моей доброе*** значит: не состоит во власти плоти, но во власти души; что изберет душа, то и делает плоть. Все равно, как если кто скажет, что стройный звук не в гуслях, но в гуслисте, тот не унижает гуслей, но показывает превосходство художника перед инструментом.

18–20. *Потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.*

Выражением ***не нахожу*** обозначил нападение и козни греха; ибо слагает вину и с существа души и с существа плоти и все приписывает порочной деятельности и воле. Когда говорит: ***которого не хочу,*** то слагает вину с души, а когда говорит: ***уже не я делаю,*** то слагает вину с тела. Кто же делает зло? Грех, который, по словам Златоуста, есть порочная и грехолюбивая воля. А эта воля не есть создание Божие, но наше движение. Воля сама по себе есть творение Божие; но воля, направленная к известной цели, есть нечто наше собственное, действие нашего произволения. Выше сказано, что такое грех, то есть мучительство греха, увлекающее ум наш через удовольствие.

21. *Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое.*

Выражение не ясное; в нем чего-то недостает. Надлежало бы сказать: итак, когда хочу делать доброе, нахожу себе в законе защитника, однако не делаю доброго, потому что прилежит мне зло. Смысл настоящего места такой: познание добра изначала вложено в меня; нахожу также, что и закон защищает его, и хвалит, и я желаю делать его, но вовлекаюсь какою-то другою силою и мне прилежит зло, то есть действие зла не уничтожается во мне. Впрочем, блаженный Иоанн Златоуст, истолковав настоящее место, как неполное, внушает, что его можно понимать и иначе, именно так: нахожу, что закон дан не другому кому, но мне, желающему делать доброе; ибо закон есть закон только для желающих делать доброе, как желающий того же, чего желает и он. Это уяснится из последующего.

22–23. *Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих.*

Я знал добро и до закона, и когда нахожу его изображенным в письменах, хвалю закон и соглашаюсь с ним ***по внутреннему человеку*** или по уму своему. Но ***вижу иной закон,*** то

есть грех, который назвал законом потому, что обольщаемые им покорствуют ему и боятся покинуть его, как закон какой, долженствующий быть исполненным. Закон этот противоборствует ***закону ума моего,*** то есть закону естественному (выше назвал его внутренним человеком, а теперь ясно называет его умом), и одерживает верх, даже делает меня пленником, побеждая и естественный и письменный закон. Каким образом делает пленником? ***Законом греховным,*** то есть силою, мучительством. Не сказал – «влечением плоти», или «природою плоти», но – ***законом греховным,*** господствующим в членах моих. Значит в этом не виновата плоть. Если разбойник займет царский дворец, то дворец нимало не виновен в том. Так и здесь: если в членах моих обитает грех, то от этого плоть не зла; ибо она изнасилована. Некоторые подмечают здесь четыре закона: один – Божий, научавший нас приличному, другой – противоборствующий, приходящий к нам по действию диавола, третий – закон ума, то есть естественный, последний – находящийся в членах наших, то есть греxолюбивое произволение и склонность к злу, делающие нас посредством привычки не чувствительными, ожесточенными сердцем.

24. ***Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха.***

Закон естественный стал недостаточен, закон писанный оказался бессильным, тот и другой победило мучительство греха. Откуда же будем надеяться спасения? ***Кто избавит меня от сего тела смерти?*** то есть повинного смерти. Ибо тело, сделавшись подверженным страданию вследствие преступления, стало от этого и сподручным греху. Скажет ктонибудь: если тело было сподручно греху, то за что были наказываемы грешники до пришествия Христова? За то, что им даны такие заповеди, которые они могли исполнить и находясь во власти греха.

25. ***Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим.***

Поставленный в безвыходное положение и не нашедший другого спасителя, по необходимости нашел Спасителем Христа. Поэтому и благодарит ***Бога*** **Отца** ***Иисусом Христом, Господом нашим,*** то есть причиною благодарения, Христом. Он, говорит, исполнил то, чего не мог сделать закон; Он избавил меня от немощи плоти, укрепив ее, так что она не состоит уже под мучительством греха, но как через преступление Адама сделавшись смертною, стала удобопреодолимою для греха, так, через послушание Распятого и Воскресшего, получив залоги нетления, мужественно противится греху.

Сказал – ***служу*** вместо «служил»; ибо вспоминает о прежнем.

Глава восьмая

1. ***Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу.***

Намереваясь сказать, что ***нет ныне никакого осуждения*** и далее, и показать неизреченную благодать Христову, вспоминает, каковы мы были прежде и что мы умом познали доброе, но ***плотию,*** то есть по немощи плоти подчиняясь закону греха. Но теперь нет никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе, то есть сподобившимся крещения. А поскольку многие грешат и после крещения, то присовокупил: ***живут не по плоти,*** давая этим понять, что все зло происходит от нашего нерадения. Ибо теперь возможно и легко жить ***не по плоти,*** а до Христа это было весьма трудно. Но мы должны не воздерживаться только от хождения по плоти, но и ходить ***по духу,*** ибо венец доставляется не воздержанием от порока, но участием в добродетели и духовных делах.

2. ***Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти.***

Законом духа называет Духа Святого, как и грех назвал законом греховным. А законом жизни назвал закон тот, в отличие от закона греховного, доставившего нам и смерть. Ибо благодать Божия умертвила и грех и смерть, а сделав для нас борьбу легкою, вывела таким образом на подвиг. Злые языки дерзнули разуметь здесь под законом греховным закон Моисеев; но апостол нигде не наименовал его так, а назвал его святым и духовным. Если же, возражают, и Моисеев закон духовен, то какое же различие между им и законом Духа? Весьма большое. Закон Моисеев только дан Духом, а закон Духа и преподал Духа.

3. ***Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти.***

Упомянув о Духе, теперь упоминает об Отце и Сыне, научая Троице. Говорит, казалось бы, против закона; но на самом деле нет. Ибо не сказал: злое закона, в котором он делал зло, но: ***ослабленный плотию, был бессилен.*** Как ***же ослаблен?*** Плотию, то есть мудрованием плотским. После этого открывается, о чем сказал апостол. Он, как мы и выше сказали, говорит, что хотя закон и поучал, однако не мог победить чрезмерно плотское мудрование. Поэтому Отец послал Сына Своего ***в подобии плоти греховной,*** то есть имеющего плоть, по существу подобную нашей греховной, но безгрешную. Так как упомянул о грехе, то и прибавил ***в подобии.*** Ибо Христос принял не иную плоть, но ту же самую, которую имеем мы, и ее освятил и увенчал, осудив грех в воспринятой плоти и показав, что плоть не греховная по естеству. Вообрази, что царский сын, увидев на рынке, что бьют женщину, называет себя ее сыном и таким образом освобождает ее из рук бьющих. То же самое сделал Христос. Выражение ***в жертву за грех,*** можно разуметь и проще, – так: Отец послал Сына Своего ***в жертву за грех,*** то есть преодолев грех. Объясняя это, великий Иоанн Златоуст сказал: Христос обличил грех, тяжко согрешивший. Ибо доколе грех умерщвлял грешников, по всему праву наносил им смерть, то, как учинивший несправедливость, подвергая осуждению. Итак, Бог послал Сына Своего как для того, чтобы показать несправедливость и грешность греха, так и для того, чтобы законно осудить его, чтобы диавол не мог сказать: меня победил Христос силою.

4. ***Чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живуших не по плоти, но по духу.***

Чтобы не сказал кто-нибудь: есть ли польза для меня от того, что Христос одержал победу в той плоти, какую воспринял? говорит: для тебя именно и есть она. ***Оправдание,*** говорит, то есть конец цель ***закона*** (ибо закон имел целью оправдать человека) исполняется в нас. Чего закон домогался и не мог сделать, то сделал для нас Христос. Его дело было вести борьбу, а мы воспользовались победою. Поэтому мы и не будем грешить, если не будем

ходить по плоти, то есть мудрствовать плотское: чего, впрочем, то есть не мудрствовать плотское, недостаточно, а должно быть у нас, как и выше сказано, еще мудрование духовное. Поэтому присовокупил: ***но по духу.*** Ибо Давид говорит не только; ***уклоняйся от зла,*** но и: ***и делай добро*** (Пс. 33, 15). Ибо, услышав, что Христос даровал нам победу, мы отнюдь не должны падать, но должны сохранить благодать ***бани водной*** (Еф. 5, 26); потому что теперь борьба для нас легче, нежели как была она прежде.

5. ***Ибо живущие по плоти, о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном.***

Предавшиеся, говорит, неумеренному рабству плоти всегда помышляют о плотском и никогда не размышляют о Божественном, а кто всецело покорился Духу, те и мыслят и делают все духовное.

6. ***Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир.***

Мудрованием плотским называет грубейшее помышление, заимствовать для него имя от худшей части человека. Ибо плоть сама по себе не имеет собственного мышления, но мудрование плоти есть помышление грубое и вещественное, которое иной может назвать умом, помышляющим о плотском. Так и мудрование духовное есть ум, помышляющий о духовном. Последнее рождает жизнь, в противоположность смерти, которую рождает мудрование плотское, а также мир, в противоположность тому, о чем далее говорится.

7. ***Потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут.***

Помышление духовное рождает мир, а помышление плотское вражду против Бога. Значит, помышление о плотском поднимает руки на Бога? Нет, говорит; но в нем говорится, что оно есть вражда против Бога, потому, что оно не покорно закону Его. Не смущайся, однако, слыша: ***да и не могут,*** а понимай слова эти как должно. Мудрование плотское не может покоряться Богу, пока останется таким. Это тоже значит, что сказать: блудница не может быть целомудренною. Ибо не в будущем времени сказал: «не сможет», но в настоящем, то есть теперь, оставаясь плотским. Иначе, как могли бы сделаться из злых добрыми сам Павел, разбойник и бесчисленное множество других порочных людей, если невозможна была перемена? Так и в Евангелии Господь сказал: ***Не может дерево худое приносить плоды добрые*** (Мф. 7, 18), пока то есть остается худым. Итак, не будем помышлять о плотском, но будем помышлять о духовном, чтобы иметь мир с Богом, дающим нам Духа, через которого легко для нас все, что было трудно для исполнения во времена закона.

8–9. ***Посему живущие по плоти Богу угодить не могут. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его.***

То есть имеющие мудрование плотское не могут угодить Богу, пока остаются такими; ибо плотию назвал не сущность плоти, но жизнь грубую, плотскую и делающую всего человека плотским. Так и в Ветхом Завете сказано было: ***Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, ибо они плоть*** (Быт. 6, 3). Далее, ***вы не по плоти живете,*** то есть не плотской жизни служите, но духовной. Для чего же не сказал: вы не во грехах? Чтобы ты знал, что Христос не только угасил мучительство греха, но и плоть сделал легчайшею и более духовною. Как железо, от продолжительного соприкосновения к нему огня, само делается огнем, так и плоть тех, которые получили Духа через крещение, вся делается духовною.

Если только Дух Божий живет в вас. Выражение ***если только*** употребляется здесь не для означения сомнения, но при полной уверенности, вместо: поскольку Дух Божий в вас, то вы в Духе.

Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. Не сказал: если же вы не имеете Духа Христова, ибо такое выражение весьма неприятно, но говорит неопределенно: ***если***

же кто Духа не имеет, тот и не Христов. И справедливо. Ибо Дух есть печать. Поэтому кто не имеет печати, тот не принадлежит Господу, назнаменуемому этою печатью.

10. Л *если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности.*

Опять утешает слушателей, когда говорит: ***а ее – Христос в вас.*** Некоторые под Христом разумели здесь Духа; но это не верно. Апостол дает разуметь, что имеющий Духа имеет в себе Самого Христа; ибо где одно из Лиц Святой Троицы, там и прочие Лица. Что же будет, если Христос будет в нас? Тогда тело бывает мертво в отношении к греху, и Дух Святой в вас есть жизнь, то есть не только сам живет, но и другим может доставить жизнь. Дух же есть жизнь ***для праведности,*** то есть потому что мы оправданы Богом и эта праведность или оправдание сохраняется в нас, а когда она сохраняется, то греха не будет, когда же нет греха, то нет и смерти, а остается, наконец, жизнь везде, и в настоящем веке, когда станет жить по Боге (ибо та жизнь называется в собственном смысле жизнью, когда мы мертвы для греха), и в будущем, где жизнь нескончаемая.

11. *Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас.*

Опять начинает речь о воскресении и говорит: не страшись, что ты обложен смертным телом. Ты имеешь Духа Божия, воскресившего Христа из мертвых. Как Он Его воскресил, так и тебя, несомненно, воскресит, даже оживотворит. Воскреснут и те, которые не имеют Духа, но они воскреснут в наказание, а имеющие Духа воскреснут в жизнь. Поэтому-то не сказал апостол – «воскресит тело», но – ***оживит*** живущим в тебе Духом. Не сказал – «жившим», но – ***живущим,*** остающимся до конца. Ибо, видя в тебе Духа Своего, Бог не восхощет не ввести тебя в брачный чертог, подобно как если не будешь иметь Духа, несомненно погибнешь, хотя и воскреснешь. Итак, умертви тело, чтобы жил в тебе Дух, а через Него дана была тебе жизнь.

12. *Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти.*

Показав, какую пользу поставляет духовная жизнь, то есть что ею вселяется в нас Христос и оживотворяются мертвенные тела, присовокупляет, наконец, увещание и показывает, что мы не должники плоти, но именно Духу. Ибо что излил на нас Бог, то было делом благодати, а что наше, то бывает по долгу и требуется неизбежно. Объясняя же выражение ***не по плоти,*** чтобы ты не понял его о существе плоти, присовокупил: ***чтобы жить по плоти.*** Я говорит, запрещаю не всякое попечение о плоти (ибо многое обязаны мы делать и для плоти, питать ее, греть), но такое, которое доводит до греха. Ибо по плоти живет тот, кто делает плоть госпожою жизни своей и царицею души.

13. *Ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете.*

Смертию называет здесь не одну бессмертную казнь в геенне, но именует смертью и жизнь, проводимую на земле в злых делах. Напротив, если духовною жизнью умертвим худые дела плоти, то будем жить и тогда жизнью нескончаемою, и теперь – жизнью добродетельною. Ибо кто мертв для мира, тот живет. Заметь же, что не сказал – «тело умерщвляете» (ибо это человекоубийство), но – ***дела плотские,*** очевидно, порочные. Ибо подобно умерщвлять не просто зрение или слух (ибо видеть или слышать есть естественное плотское дело), но употребление их во зло.

14. *Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божий.*

Выше дал такое обещание: будете живы, если умерщвляете порочные дела. Теперь предлагает важнейший венец и большую мзду, именно усыновление Богом. Не сказал: все, которые живут Духом, но все, которые водятся Духом, то есть управляются как возницею каким, делая Духа господином над душою и плотью. Хотя ты и принял крещение и стал через крещение сыном Божиим, но если не будешь водиться Духом, то утратишь дар. Ибо

хотя все мы получили Духа в бане воздержания, но водиться Им во всю жизнь требуется от нас, как наше дело. Поэтому не сказал: которые получили Духа, те суть сыны Божий, но говорит: которые Духом Божиим водимы.

15. ***Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но при Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!»***

Апостол сказал, что водимые Духом Божиим суть сыны Божий; но так как усыновление Божие усвояли себе и иудеи: ***Я воспитал и возвысил сыновей*** (Ис. 1, 2), еще: ***Израиль есть сын Мой, первенец Мой*** (Исх. 4, 22), то показывает, какая находится разность между нашим сыновством и сыновством иудеев. Иудеи, говорит, приняли дух рабства; так называет письмо закона: ибо хотя оно дано было Духом, но более прилично рабам. Отсюда-то и наказания телесные вслед за делами, и побиения камнями, и сожжения, и угрозы: ***меч,*** говорит, ***пожрет вас*** (Ис. 1, 20). Отсюда же, опять, и награды земные, и обетования благ земных, и множество маловажных и приличных рабам заповедей. Поэтому хотя иудеи и назывались сынами, но были рабами. А мы называемся сынами, как благородные и свободные. У нас и награды небесные, и Царство Небесное; и наказание у нас состоит не в побиении камнями и прочем, чему подвергали иудеев священники: у нас достаточно только отлучить виновного от таинственной трапезы, как и сына. И заповеди у нас Божественные и приличные благородным. Например: не смотри на женщину нечистым оком, не божись, оставь свое имение; а исполняются они не из боязни наказания, но по внутреннему расположению, что и доказывает тем, что у нас многие преуспевают сверх предписанного во многих заповедях. Притом, у иудеев не было Духа, а у нас – обильная благодать Его.

Которым взывали: «Авва Отче!» Употребил слово еврейское; ибо так собственно называют Отца подлинные сыновья Его. Как так, спросишь? Разве не называли Бога Отцом и иудеи? Говорится: ***Заступника, родившего тебя, ты забыл*** (Втор. 32, 18). В другом месте: ***не один ли Бог сотворил нас*** (Мал. 2, 10). Еще: ***не один ли у всех нас Отец*** (Мал. 2, 10). Но хотя сказано об иудеях, однако не нашлось ни одного иудея, который называл бы Бога Отцом в молитве, как теперь все мы называем Его по крещении. Притом, если иудеи называли когда Бога Отцом, то от своего ума; а верующие именуют Его так, будучи движимы силою Духа. Как о духе пророчества узнаем из того, что получивший его предсказывает будущее: так и дух сыноположения узнается из того, что получивший его именует Бога Отцом, будучи движим к тому Духом. Ибо и это есть один из даров Духа, как внушает и сам Павел.

16. ***Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божий.***

Сам Утешитель свидетельствует о сообщенном нам даровании. Ибо мы выговариваем слово «Авва» не без свидетеля и не сами от себя, но это есть дар Утешителя; и Он научил нас говорить так в молитвах Духом, то есть дарованием.

17. ***А если дети, то и наследники, наследники Божий, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться.***

Так как не все дети – наследники, то доказывает, что мы и дети и наследники. А как не всякий наследник наследует лучшее достояние, то доказывает, что мы наследовали лучшее достояние: ибо мы наследники Божий. Опять, поскольку можно быть и наследником, но вовсе не сонаследником Единородного, то говорит, что нам и это принадлежит: ибо мы сонаследники Христу.

Если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Сказав, что мы будем сонаследниками Христу, доказывает, что мы достигнем этого не без причины. Ибо Кто почтил такими благами не оказавших еще никаких заслуг, Тот не тем ли паче вознаградит их, видя их много труждающимися? А это делает Он для того, чтобы получающие дар не стыдились, будто они получают его без труда. Размысли, однако, о том, что здесь внушает, как нужно удостоившемуся таких даров подвергать себя страданиям и бедствиям.

18. ***Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас.***

Сказав о страданиях, апостол, чтобы слушатель его не поколебался, как выведенный на страдания и влекомый на бедствия, говорит: не бойся. Страдания ***нынешние временные,*** то есть привременные и преходящие, ничего не стоят в сравнении с будущею славою. Не сказал «с будущим покоем», но – ***славою,*** которая для многих вожделенна. Где покой, там не всегда слава, а где слава, там и покой. Словом ***откроется*** показал, что слава и теперь есть, но скрыта, а тогда она явится, то есть совершенно откроется. Так как она величайшая и неизреченно превосходит настоящий век, то и уготована тем, как простирающаяся в нескончаемые веки. Поэтому, слушатель, имея в виду, что страдания – ***временные,*** то есть привременны, а слава будущего века нескончаема, презирай страдания и приобретай славу.

19. ***Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих.***

Желая показать, какую получим мы славу, говорит, что и самая тварь переменится к лучшему, то тем паче мы придем в лучшее состояние. Сказанное имеет такой смысл. Пророки поступают так: у них реки рукоплещут, холмы скачут, животные и чувственные предметы имеют лица. Так делает и апостол, когда говорит, что тварь имеет ***надежду,*** то есть большое ожидание, что и она переменится к лучшему, и ожидает откровения славы нас, сынов Божиих. Тогда и она прославлена будет нетлением, когда и мы улучим бессмертие. Поэтому, когда слышишь речь о твари, как об одушевленной, полагай, что так говорится по обычаю олицетворения.

20–21. ***Потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.***

Суете, то есть тлению, ***тварь покорилась,*** то есть сделалась тленною через тебя, человек. Поскольку ты получил тело смертное и подверженное страданиям, то и земля произрастила терния волчцы, и небо состарившееся имеет нужду в перемене. Каким же образом тварь сделалась тленною через другого? Потому что она и создана была всецело для человека. Выражение: ***не добровольно*** означает, что все было попечением Божиим, а не могло состоять в воле твари… Слова: ***в надежде*** и прочие, подобные им, почитай сказанным по обычаю олицетворения. Итак, и сама тварь ***освобождена будет;*** не ты один, но и гораздо низшее тебя, не имеющее ни души, ни чувства, и это, говорю, будет участвовать с тобою в благах и не будет уже тленным, но сделается соответственным тебе. Когда тело твое стало тленным, то и тварь сделалась тленною. Так точно, когда тело твое сделается нетленным, то и тварь станет нетленною. Итак, если тварь подверглась страданию для тебя, то и ты должен терпеть страдание для Бога; и если она надеется быть прославленною, то тем более ты надейся быть прославленным. И отец одевает слуг в хорошее платье для чести сыновей. Так и Бог уберег тварь в честь нашу.

22–23. ***Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего.***

Этими словами побуждает слушателя презирать настоящее. Говорит как бы так: не будь хуже твари и не прилепляйся к настоящему; напротив, даже воздыхай, что не обладаешь еще будущею славою. Если тварь воздыхает, то тем более ты должен поступать так. Присовокупляет же, что ***и мы сами, имея начаток Духа,*** то есть вкусив будущих благ, «воздыхаем», потому что не обладаем еще ими, ибо о будущих благах мы составляем понятие по тем дарованиям, которые получили (ибо эти дарования суть начаток). Потом, чтобы еретики не имели повода думать, будто мир есть зло и будто поэтому мы воздыхаем, говорит: ***ожидая усыновления.*** Как так? Мы уже усыновлены: какое же еще другое усыновление получим? Я, отвечает, говорю не о том усыновлении, которое совершается через крещение (ибо это

усыновление мы уже получили), но в совершенной славе, состоящей в нетлении тела. Она-то и есть совершенное искупление, свобода и освобождение от смерти и страданий, когда из состояния усыновления мы не возвратимся уже в рабство греховное.

24–25. ***Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении.***

Поскольку говорил о будущих предметах, которым многие не верили, то внушает: не сомневайся ты, верующий, относительно того, что я говорю: на основании того, что ты уже получил, будь уверен и относительно будущего. Как прежде, когда Бог даровал тебе великие блага, ты ничего не принес, кроме одной веры, так и теперь в надежде на будущие блага воспользуйся верою же. Ибо надежда тогда именно и бывает надеждою, когда предмет ее составляет невидимое; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Итак, не должно искать всего здесь: мы ***ожидаем в терпении*** будущего. Когда слышишь о терпении, то подразумевай мысль о подвигах и усиленных трудах. Ибо христианин должен терпеть, ожидая невидимого, но чаемого верою.

26. ***Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными.***

Упомянув о терпении, ободряет слушателя и говорит, что и Дух подкрепляет нас. Поэтому не изнемогай в надежде и терпении: ты приносишь только надежду и терпение, а помогает тебе Дух.

Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно. Показывает, как помогает Дух в немощах наших. Мы так немощны, что даже не знаем, о чем должно молиться. Все мы вообще так немощны; так немощен и я, Павел. Ибо и Павел молился об избавлении ***от жала в плоть*** (2 Кор. 12, 8) и о том, чтобы прийти ему в Рим (см. Рим. 1, 10), и Моисей молился, чтобы видеть ему Палестину (см. Втор. 3, 23–25), и Иеремия молился об иудеях (см. Иер. 11, 14), не зная, что было необходимо. Так говорит теперь Павел потому, что тогда верующие римляне, подвергаясь гонениям и оскорблениям, естественно желали покоя и, не получая его, впадали в уныние. Итак, он доказывает, что никто из людей не знает, чего полезно просить. Поэтому вы, говорит, должны терпеть, а что полезно вам, об этом знает один Дух. Поэтому присовокупляет:

Но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. В древности Бог сообщал крестившимся многие и различные дарования, которые вообще назывались духом. Один имел дар пророчества, другой дар мудрости, иной – другое какое-нибудь дарование. Так точно подавал Бог и дар молитвы, который также назывался духом. Поскольку, не зная многого, полезного для нас, мы просим бесполезного, то в первенствующие времена дар молитвы нисходил на кого-нибудь одного, который один становился просить и других научал просить полезного для всех. Итак, духом называет здесь дар этого рода и душу, получающую дар молитвы, ходатайствующую пред Богом и воздыхающую. Ибо такой духовный человек стоял с великим сокрушением и с сильными воздыханиями. Теперь знамение этого видим в диаконе, который стоя приносит прилежные моления вместо народа.

27. ***Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией.***

Человек тот, говорит, стоит и молится не потому, будто Богу неизвестны наши нужды. Испытующий сердца знает, ***какая мысль у Духа,*** то есть у духовного человека. Он просит вместо верующих, находящихся в Церкви, ибо они святые, именно угодного Богу. А это бывает для того, чтобы мы научились просить ***по воле Божией,*** то есть угодного Богу. Итак, если о нас ходатайствует Дух, то не печалься, оскорбляемый.

28. ***Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу.***

Сказанное прежде, именно: ***тварь покорилась суете*** (ст. 20), также: ***освобождена будет от рабства тлению*** (ст. 21), и еще: ***мы не знаем, о чем молиться*** (ст. 26), все это, как заметили мы, служило для преследуемых в Риме ободрением. Но теперь присовокупляемое яснее всего. Любящим Бога, говорит, все даже кажущееся неприятным и прискорбным, содействует ко благу. Не сказал, что любящим Бога не приключаются никакие беды, но что хотя и приключаются, однако Бог употребляет бедствия к пользе подвергающихся им. Потом, так как это казалось невероятным, подтверждает это прошедшим, говоря: ***призванным по Его изволению.*** Бог, говорит, призвал тебя, когда ты был вдали, и усвоил тебя Себе: не тем ли паче поможет Он призванному? А званным становится человек ***по изволению,*** то есть по собственному его произволению. Ибо одного звания недостаточно (потому что в таком случае все спаслись бы, потому что все призваны), а нужно еще произволение.

29–30. ***Ибо кого он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братиями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил.*** Бог наперед знает достойных звания, потом предопределяет. Итак, сначала предведение, потом предопределение. Под предопределением же понимай неизменную благую волю Бога. Так Он наперед знал, что Павел достоин евангельского звания, и таким образом предопределил, то есть неизменно определил, и потому положил призвать его. О ком Он наперед знает, что достойны звания, тех делает подобными образу Сына Своего. Чем был Единородный по естеству, тем они стали по благодати, сделавшись и сами сынами Божиими. А первородный Он между многими братьями по домостроительству, ибо по Божеству Он есть Единородный. Он, восприяв плоть, соединил ее всю и всецело со всем естеством Своим, стал начатком нашим, освятив в Себе осужденное наше естество, и потому достойно есть первородный, а мы именуемся братьями Его.

А кого призвал, тех и оправдал… освободив от грехов и соделав праведными через баню возрождения.

А кого оправдал, тех и прославил… удостоив их усыновления и дав им прочие дары.

31. ***Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?***

Видишь ли, что здесь весьма ясно показывает, что говорит к бедствующим? Речь его почти такая: если мы удостоены таких благ в то время, когда были врагами, то во сколько больших удостоимся после оправдания и прославления своего? И если Бог за нас, кто против нас? Хотя бы восстала против нас вся вселенная, восстание это премудрость Божия обратит в наше спасение и славу.

32. ***Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?***

Оставляю, рассуждает, прочее, о чем упоминал я прежде, то есть что Бог оправдал, что Он прославил нас. Представь себе, что Он не пощадил ***Сына Своего,*** то есть Единородного, возлюбленного, Который из существа Его (ибо есть сыны Божий, усыновленные через крещение), но предал Его за нас, предал за всех, то есть благородных, неблагородных, славных, ничтожных, предал не просто, но на убиение. Как теперь не дарует Он нам всего? Кто дал Владыку, Тот не дал ли прочих даров? Итак, если Он не дает чего-нибудь, из этого уже не еледует, что не дает вовсе. Поэтому не слишком желай освобождения, огорчаемый за Христа, ибо получишь желаемое, когда Он даст.

33. ***Кто будет обвинять избранных Божиих?***

Так как верующие встречали от иудеев, в числе других искушений, и тот укор, что они легко изменялись и мгновенно обращались в христианство, то говорит: вас избрал Бог; кто

же будет обвинять избрание Божие? Если выберет что-нибудь художник-человек, то никто не будет порочить его. Кто же будет порочить выбор Божий?

33–34. ***Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас.***

Не сказал – «Бог отпускает грехи», но, что гораздо важнее, – ***Бог оправдывает.*** Итак, не будем бояться ни искушающихся, ни поносящих. Нас избрал и оправдал Бог и умерший за нас, даже и воскресший, Христос. Кто же осудит нас, удостоенных такой славы?

Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас. Сказал: ***ходатайствует за нас,*** чтобы показать любовь Христа к нам, то есть что хотя Христос и исполнил домостроительство по плоти, однако не прекратил человеколюбивого отношения к нам, но предстательствует за нас. Это значит ***ходатайствует.*** Такое выражение отнюдь не умаляет славу Единородного. Прежде сказал: ***Он и одесную Бога*** (это знак величества его), почему и присовокупил: ***ходатайствует,*** показывая этим не другое что-нибудь, но как сказано, любовь к нам. И об Отце сказано: ***как бы Сам Бог увещевает через нас*** (2 Кор. 5, 20). Неужели слава Бога умаляется оттого, что Он молит? Напротив, это служит знаком неизреченного попечения Его о нас. Некоторые понимали слова ***ходатайствует о нас*** так: поскольку Он носил тело и не сложил его, как пустословят манихеи, то это самое и есть предстательство и заступление ко Отцу: ибо, взирая на это, Отец вспоминает о любви к людям, по которой Сын Его понес тело, и таким образом склоняется к милосердию и милости. Так говорит Павел потому, как неоднократно замечал я, чтобы воодушевить бедствующих и показать им, что и Дух ходатайствует за нас, и Отец не пощадил для нас Собственного Сына, но оправдал и прославил нас, и Сын предстательствует за нас. Поэтому вы не должны ни унывать, ни упадать духом.

35. ***Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?***

Показав неизреченную любовь к нам Отца и Сына и Святого Духа, как бы по Божественному воодушевлению восклицает: ***Кто отлучит нас от любви Божией?*** Кто так любим и сподобился такого промышления, того ничто ни может отлучить от этой любви. Именем же скорби и тесноты обнял все, что только может причинить бедствия, хотя и не перечислил их поодиночке.

35–36. ***Как написано: «за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание».***

Чтобы не почли скорбей и тесноты прекращением любви Божией, приводит слова пророка, предвещавшего о них и показавшего, что терпение или умерщвление всякий день для славы Божией составляет величайшее утешение: каковое терпение или утешение бывает по произволению, потому что для природы оно невозможно. А умерщвляться – значит быть приносиму в жертву Богу. На это именно указывает, когда говорит: ***за овец, обреченных на заклание*** (Пс. 43, 23). Как овцы не противятся, когда их закалают, так и мы.

37. ***Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас.***

Сказав прежде, что нас умерщвляют, апостол, чтобы не ослабел кто, помышляя о человеческом, предлагает ободрение, и не говорит – «побеждаем», но – ***преодолеваем,*** то есть со всею легкостью, без трудов и пота, и притом тем, посредством чего строят нам козни. В том-то и состоит совершеннейшая победа, чтобы одерживать верх в то время, когда нас гонят и преследуют. Итак, не теряй веры, потому что нам способствует Бог и не только способствует Он, но и возлюбил нас. Поэтому ничего нет удивительного в том, что мы легко одерживаем верх во время самых напастей.

38–39. ***Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией, во Христе Иисусе, Господе нашем.***

Прежде сказал, что Бог возлюбил нас, а потом говорит о своей любви к Богу, чтобы никто не подумал, что он сам превозносит себя. Мы, рассуждает, так прикованы к любви к Богу, что нас не могут отторгнуть от нее не только бедствия, неразлучные с настоящею жизнью, но если бы тиран какой стал угрожать будущей смертью, состоящей в казни, или пообещал нескончаемую жизнь, чтобы таким образом отвлечь нас от Бога, он нимало не успел бы в том. И что говоришь ты мне о царях и тиранах? Нас не могут отвратить от любви той ни ангелы, ни все горние силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, то есть находящееся в тебе, ни глубина, то есть находящееся в земле, ни слава, ни бесславие. Под высотою некоторые разумеют Царство Небесное, а под глубиною – потерю его. Даже если бы была другая какая тварь, как видимая, так и постигаемая умом, и та не отвлекала бы меня от любви той. Так выразился не потому, будто ангелы отвлекают людей от Христа, но в виде предположения и вследствие сильного желания показать высшую степень любви к Богу, не той, которою хвастаются евреи, но той, которую имеют христиане; ибо хотя и иудеи говорят, что они любят Бога, но любят Его не о Христе Иисусе, потому что не веруют во Христа.

Глава девятая

1–2. ***Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему.***

В последующей речи намерен доказать, что не все, происшедшие от Авраама, суть семя его, а чтобы кто не подумал, что говорит это в сильном возмущении духа, предваряет и, устраняя такое предложение, говорит о евреях благоприятное им, высказывает, что весьма любит их. Чтобы ты поверил мне, говорит, истину говорю о Христе, не лгу. В доказательство этого приводит трех свидетелей: Христа, собственную совесть и Святого Духа, говоря: великая у меня печаль, снедающая сердце мое при имени евреев, что они находятся вне благодати, о чем и намерен он говорить.

3. ***Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти.***

Сперва узнай, что такое отлучение. Оно – отделение, отчуждение. Как никто не смеет касаться дара, посвященного Богу, так и отлученного, только по другому чувству. К священному дару никто не осмеливается приблизиться из уважения, как посвященному Богу, а с отлученным все прерывают связи, как с оскверненным и отчужденным от Бога. Что же значит сказываемое Павлом? Кажется, что он говорит здесь противное тому, о чем была речь выше. Там он сказал, что никто не отлучит нас от любви Божией, а здесь говорит, что он желал бы быть отлученным от Христа. Кажется, что он противоречит сказанному прежде; но на самом деле нет. И здесь высказывает он желание быть отлученным от Христа по любви к Богу. Все обвиняли Бога, что Он изгнал и лишил чести евреев, удостоенных усыновления, пользовавшихся особенною славою и называвшихся предками Христа, и вместо них ввел людей, никогда не знавших Бога, язычников, и высказывали ропот и хулу на Промысл, как будто это делалось несправедливо и Бог обманывал праотцев, которым обещал дары. Поэтому-то Павел терзался, скорбел о славе Божией и желал сам быть отлученным, только бы спаслись иудеи и прекратилась их хула на Бога. Видишь ли, что он по пламенной любви к Богу желает, если возможно, быть отлученным от сонма вечно живущих со Христом, – не от любви Его, но от славы Его и наслаждения ею? Так и отцы часто отделяются от сыновей, чтобы сыновья прославились, отнюдь не отчуждаясь от любви сыновней, но желая сами быть в бесславии, чтобы они сделались славными. Итак, рассуждает апостол, я, совершивший несчетное множество подвигов, любящий Бога безмерно, желаю, для славы Божией, лишиться славы Христовой. А это не значит лишиться, но скорее приобрести. Словами: ***за братьев моих, родных мне по плоти,*** указывает на самую нежную и пламенную любовь свою к иудеям.

4–5. ***То есть Израильтян, которым принадлежат усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, Сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь.***

Здесь хвалит и превозносит иудеев, чтобы кто, как я сказал, не подумал, будто говорит в сильном возмущении духа. Незаметно же высказывает, что Бог желал и им спастись. Это видно из того, что Он удостоил их усыновления и славы, дал обетования отцам их, снабдил их всеми прочими преимуществами и соизволил, чтобы от них родился Христос. Но они сами отвергли благодеяние. Поэтому, изумляясь любви Божией, воссылает благодарение Единородному и говорит: ***Сущий над всем Бог, благословенный во веки.*** Хотя другие, рассуждает, хулят, что принятие язычников было не основательно, но мы, зная тайны Христовы, знаем, что Он достоин прославления. При этом должен посрамиться Арий, потому что Павел называет Христа Богом над всем.

6. ***Но не то, чтобы слово Божие не сбылось…***

Я, говорит, распаляюсь оттого, что хулят Бога, и потому высказал желание, чтобы все спаслись. Но если не все спасутся, то отсюда не следует, будто Бог солгал в обетованиях, данных отцам, и не сбылось слово Его. Он исполнил обещанное, хотя хулители и говорят, что Он одним обещал, а другим дал. Слушай дальнейшее.

6–7. ***Ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его…***

Бог, говорит, исполнил обещанное. Он сказал: ***тебе дам и потомству твоему*** (Быт. 13, 15). Итак, посмотрим, какое это семя. Не все, происшедшее от Авраама, суть просто потомство его, и не все, происшедшее от Израиля, суть израильтяне, но родившиеся по примеру Исаака и знаменитые добродетелью Израиля, через которую Он видел Бога. Ибо не сказал «которые от Иакова», но ***от Израиля,*** упомянув о почетнейшем имени. Итак, если уразумеешь, кто рождается по примеру Исаака, то найдешь, что обетование не ложно: ибо таковым даны обетования. Поэтому Бог отнюдь не заслуживает хулы: что Он сказал, то и исполнил, хотя некоторые и не понимают этого.

7–9. ***Но сказано: «в Исааке наречется тебе семя». То есть не плотские дети суть дети Божий, но дети обетования признаются за семя. А слово обетования таково: «в это же время приду, и у Сарры будет сын».***

Не я, говорит, объясняю тебе, что такое истинно семя Авраама, но Ветхий Завет, который говорит: ***в Исааке наречется тебе семя*** (Быт. 21, 12). Поэтому кто родился по примеру Исаака, то есть по обетованию, те поистине суть дети Авраама, а наипаче Божий. Ибо все совершалось словом Божиим. И Исаак родился не по закону и силе природы, но по силе обетования. ***В это же время приду, и у Сарры будет сын*** (Быт. 18, 10). Итак, Исаак образован и рожден словом Божиим. Так и над нами, чадами Божиими, в купели водной, как бы во утробе, произносятся слова Божий, которые и образуют нас; потому что мы, крещаясь во имя Отца и Сына и Святого Духа, рождаемся. И как там Бог обещал рождение Исаака и потом исполнил, так и наше рождение обещал Он через пророков и потом привел его в исполнение. Поэтому слова **в** ***Исааке наречется тебе семя*** надобно понимать так: семя Авраама суть те, которые родились по примеру Исаакова рождения, то есть словом Божиим. Следовательно, слово Божие не сбылось, но Бог даровал обетованное истинному семени, то есть верующим из язычников, сделавшихся чадами Божиими как и Исаак, потому что и они от обетования. Если же иудеи скажут, что слова ***в Исааке наречется тебе семя*** означают то, что родившиеся от Исаака причитаются в семя Авраама, то надобно почитать и идумеев и всех происшедших от него, потому что праотец их Исав был сын Исаака. Но идумеи не только не называются сыновьями Авраама, но даже весьма чужды израильтянам и называются иноплеменниками.

10. ***И не одно это; но так было и с Ревеккою, когда она зачала в одно время двух сыновей от Исаака, отца нашего.***

Доказал уже, что хотя у Авраама было много и разных сыновей, однако семенем его назван Исаак и те, которые рождаются подобно ему. Теперь говорит: это можешь видеть не на Исааке только, но, что важнее, на братьях, родившихся от одного отца и от одной матери, и притом близнецах, то есть на Исаве и Иакове. И они получили не одинаковые права, но один избран, а другой возненавиден. Поэтому не спрашивай, почему Бог избрал язычников и сделал их семенем Авраама, паче же – Божиим, а евреев отверг.

11–13. ***Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего), сказано было ей: «больший будет в порабощении у меньшего», как и написано: «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел».***

Здесь необходимо нам наперед высказать смысл того, о чем намерен говорить апостол пространно. Многие говорили: почему язычники предпочтены иудеям? (ибо никто не мог

сказать – за добродетель; потому что все согрешили). Апостол собирает много затруднений, не постижимых для нас, но постижимых для одного Бога. Сначала представляет, что между двумя братьями-близнецами избранный избран не за добродетель, возненавиденный возненавиден не за порочность (ибо они не сделали ни добра, ни зла, потому что находились еще в утробе матери); но по избранию, по предведению Божию один избран и возлюблен, а другой возненавиден, как и пророк говорит: ***Я возлюбил Иакова, а Исава возненавидел*** (Мал. 1,2), чтобы все было делом Бога и Его избрания и предведения. Но что я говорю об этих лицах? Все израильтяне слили тельца; но одни наказаны, а другие нет. И фараон поистине был жесток; но и другие многие также были жестоки: почему же наказание постигает его одного? Видишь ли, что это непостижимо для людей, но постижимо для одного Бога. Так и избрание язычников и отвержение иудеев представляется нам неосновательным, а в очах Божиих то и другое весьма справедливо. Таков смысл всего настоящего места.

14. *Что же скажем? Неужели неправда у Бога? Никак!*

Следовательно, Бог справедлив и по отношению к нам, язычникам, и по отношению к иудеям.

15. *Ибо Он говорил Моисею: «кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею».*

Присовокупляет, как и выше сказано, и другое изречение из Ветхого Завета (Исх. 33, 19), доказывая, что один Бог знает, кто достоин чести и кто наказания. Хотя все одинаково согрешили, когда слили тельца, однако Бог одних помиловал, а других предал левитам на убиение. И Моисей, великий пред Богом, не знал причины этого, а ты доведываешься причины, почему язычники предпочтены иудеям, хотя были грешниками? Впрочем, Павел мог высказать причину эту, как и высказал в другом месте, что израильтяне думали, что они оправдываются делами, а язычники полагали, что они оправдываются верою и благодатью; однако не высказывает ее теперь, с избытком заграждая уста любопытных и убеждая не испытывать судеб Божиих.

16. *Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего.*

Исаак хотел благословить Исава; но Иаков поспешил на поле, чтобы, наловив дичи, получить от отца благословение, а Бог по праведному суду сделал, что Иаков, как совершенно достойный, получил благословение. Здесь апостол, казалось бы, уничтожает свободную волю; но на самом деле нет. О доме говорим, что он весь есть дело мастера; хотя мастеру нужны и вещество, и помощники в постройке, однако, поскольку она зависит от него, говорим, что он построил весь дом. Так и о Боге говорим, что все – Его дело, хотя Бог имеет нужду и в нашем произволении. Он совершает, Он и венцы дает, Он и осуждает; поэтому и говорим, что все дело Бога.

17. *Ибо Писание говорит фараону: «для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобою силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле».*

Как из сливших тельца, рассуждает, одни спасены и другие наказаны, когда один Бог знал, кто достоин спасения и кто наказания: так хотя много было и других порочных, однако гневу Божию подвергся один фараон. Для того самого, говорит, Я и ***поставил тебя,*** то есть выставил тебя, фараон, на вид, чтобы через тебя сделалась известною сила моя и многие обуздали себя, слыша об имени моем, как правосудном и мощном, по всей земле (см. Исх. 9, 16).

18. *Итак, кого хочет, милует, а кого хочет, ожесточает.*

Выводит заключение и доказывает, что у Бога не должно требовать отчета. Бог, кого хочет, милует, как поступил с израильтянами, слившими тельца, а кого хочет, ожесточает, как случилось с фараоном. Что же значит ***ожесточает?*** Кажется, что это нелепо. Но о Боге говорится, что Он сделал жестоким грязное сердце фараона подобно тому, как солнце делает жестокою грязь. Каким же образом? Долготерпением; ибо Он делал его жестоким,

являя к нему долготерпение. Здесь случилось подобное тому, что бывает, когда кто, имея у себя порочного слугу, обращается с ним человеколюбиво. Чем человеколюбивее обращается таковый с ним, тем худшим делает его, не потому, будто сам научает его пороку, но потому, что слуга пользуется долготерпением его к увеличению своей порочности, потому что пренебрегает долготерпением тем.

19. ***Ты скажешь мне: «за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?»***

Апостол, как я неоднократно сказал, всячески старается доказать, что распоряжения и суды Божий известны одному Богу, и потому везде собирает множество затруднений и не предлагает решений, чтобы, поставив слушателя в затруднительное положение, убедить его, что распоряжения и суды Божий непостижимы для человека и превышают его разум. Смысл настоящего места следующий. Апостол представляет возражение и недоумение. Если Бог ожесточает, кого хочет, то за что же еще обвиняет Он грешника? Ибо кто может противостать воле Его? Захотел Он, и ожесточил, а ожесточенный согрешил по справедливости: как же Ему обвинять и наказывать его? Такое именно представил апостол возражение, чтобы показать, что недоумение об этом может разрешить один Бог; почему и не решает его сам, но заграждает уста недоумевающему, говоря:

20. ***А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?»***

Видишь ли, как останавливает безвременное любопытство, налагает узду и научает знать различие между Богом и человеком? ***А ты кто?*** Разве ты участвуешь с Богом в правлении? Разве ты судья того, что Он должен делать или не делать? Говорить, что это следует сделать так, а это иначе, значит препираться с Богом и действовать наперекор Ему. Но этого отнюдь не должно делать, а должно с покорностию принимать сделанное Богом, как бы оно ни было сделано.

21. ***Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?***

Пример этот употребил Павел не для того, чтобы уничтожить свободное произволение наше и представить нас недеятельными и неподвижными, но для того, чтобы научить нас, как должно покоряться Богу и оказывать Ему глубокое и безмолвное повиновение. Как горшечник, рассуждает, из одной и той же глыбы делает, что ему угодно, и ни один из сосудов не противоречит ему: так и ты не спрашивай у Бога, почему Он людей, хотя они одного и того же рода, одних наказывает, а других награждает; напротив, благоговей пред Ним и подражай глине. Как та покорна руке горшечника, так и ты покорствуй определению Распорядителя вселенной. Знай же, читатель, что как в сосудах не от глыбы зависит, что иное выходит на почетное, а иное на низкое употребление (ибо глыба одна и та же), но от употребления пользующихся изделием: так и в людях не от природы зависит, что одни достойны наказания, а другие наград (ибо природа одна и та же), но от произволения.

22–24. ***Что же если Бог, желая показать гнев, и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе, над нами, которых он призвал не только из Иудеев, но и из язычников?***

Заградив уста любопытному, дает теперь решение. Смысл сказанного такой. Фараон был сосудом гнева, то есть человеком, который своим жестокосердием воспламеняет гнев Божий. Его ***Вот щадил,*** то есть сносил, терпел; ибо сподобил его великого долготерпения. Но он воспользовался этим долготерпением к ожесточению и сделался сосудом, способным принять гнев, совершенным к погибели, то есть приготовленным к ней от самого себя и по собственной своей воле, потому что не опустил ничего, служившего к его погибели, но сделал все, что влекло его к погибели. Иначе: ***щадил,*** то есть выставил на вид, чтобы, так как

он не сделался лучшим от долготерпения, наказать его и показать собственное могущество, чтобы от этого другие сделались лучшими. Как наказав его, сделавшегося сосудом гнева по собственному произволению, Бог показал свое могущество, так, помиловав много согрешивших, но сделавшихся достойными милости, язычников, явил ***богатство славы Своей.*** Не сказал – «человеколюбия», но – ***славы,*** ибо совершенная слава Божия состоит в том, чтобы миловать. Далее, ***которые Он приготовил,*** то есть предвидел. И не сказал – «спас всех язычников», но – ***из язычников,*** то есть некоторых. Поэтому не соблазняйся, иудей. Вот и из язычников одни милуются, а другие нет.

25–26. ***Как и у Осии говорит: «не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную – возлюбленною». «И на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живаго».***

Иудеи могли сказать: ты, Павел, обманываешь нас, говоря это. Поэтому приводит Осию, который взывает и говорит: ***не Мой народ назову Моим народом*** (Ос. 2, 23). Кто же это был не Его народ? Язычники. А кто **не** ***возлюбленная!*** Церковь языческая. Однако ж язычники стали народом и возлюбленными, даже, что важнее, ***сынами Бога живаго.*** Если кто скажет, что это сказано об иудеях, ведших себя неблагодарно, но потом принятых в благодать, то такая речь не вредит нашему объяснению. Ибо если принятие это произошло с ними, то что воспрепятствовало произойти ему с язычниками?

27. Л ***Исайя же провозглашает об Израиле: «хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется».***

Не удовольствовался указанием на Осию, но приводит во свидетели и Исайю (см. Ис. 10, 22), который ***провозглашает,*** то есть смело и безбоязненно, что спасутся не все израильтяне, но достойные спасения (ибо это значит ***остаток,*** то есть избранные), которых Бог оставил и отделил, то есть как достойных. Говоря: ***как песок морской,*** напоминает им о ветхозаветном обетовании (см. Быт. 32, 12), которого они сделались недостойными. Итак, не тревожьтесь, будто обетование нарушено. Все пророки предвозвещают, что не все достойны спасения.

28. ***Ибо дело оканчивает и скоро решит по правде, дело решительно совершит Господь на земле.***

Теперь показывает, как спасется остаток, и говорит, что не нужно трудиться, далеко ходить и утомлять себя делами законными. Бог, говорит, приводящий к концу и коротким способом совершающий слово веры по всей земле, сделает это ***по правде,*** то есть чтобы оправдать принявших его. ***Если устами своими будешь исповедовать Иисуса Господом, и сердцем своим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых; то спасешься*** (Рим. 10, 9). Вот сокращенное слово, то есть краткие речения веры.

29. ***И, как предсказал Исайя: «если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделались бы, как Содом, и были бы подобны Гоморре».***

Сказав, что спасется остаток, теперь объясняет, что это значит, и говорит, что Бог оставил нам избранное семя и хлеб, ибо слово ***оставил*** употребил вместо «избрал», так что если бы Бог не сохранил оного, то мы подверглись бы истреблению, подобно содомлянам и гоморрянам, как осужденные за грехи свои (см. Ис. 1, 9).

30–31. ***Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности не достиг до закона праведности.***

Здесь дает самое ясное решение, показывая, почему язычники приняты, а израильтяне отвергнуты. Язычники, говорит, держась праведности от веры, действительно оправдались, а израильтяне непрестанно ища ***закона праведности,*** то есть закон дел, не достигли до праведности; потому что закон, состоявший из дел, не в состоянии был оправдать.

32. ***Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона.***

Ты спрашиваешь: почему израильтяне не приобрели праведности, хотя и много домогались ее? Знай, что они искали оправдания не в вере, но будто бы в делах закона.

32–33. ***Ибо преткнулись о камень преткновения, как написано: «вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится».***

Претыкается тот, кто засматривается на что-нибудь стороннее и не обращает внимания на то, что у него под ногами. Так и иудеи, засматриваясь на закон, преткнулись о Христа, то есть не уверовали. А ***камнем преткновения*** и ***скалою соблазна*** (Ис. 8, 14) назван Христос по отношению к концу и расположению не уверовавших. Ибо Сам по себе Он положен в основание и опору; потому что говорится: ***верующий в Него не постыдится*** (Ис. 28, 16), язычник ли то, или иудей, так что все совершает и оправдывает вера, а не дела.

Глава десятая

1. ***Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение.***

Намереваясь нанести иудеям удар, предваряет его коротким словом, чтобы не подумали, будто последующая речь его происходит от неприязни к ним, и говорит о ***желании сердца,*** то есть о хотении своем, о сильном желании, даже о молитве своей за иудеев, чтобы они не только освободились от наказания, но и спаслись. Как же, говорит, быть мне неприязненным к вам, когда я молюсь Богу о спасении вашем?

2–3. ***Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению. Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность они не покорились праведности Бо*** Сначала, казалось бы, благоприятствует и угождает иудеям, ибо сказав о них: ***имеют ревность по Боге, но не по рассуждению,*** показывает, что они достойны больше милосердия, нежели наказания. Ревнуют они, говорит, о законе, данном им от Бога, однако ревнуют не по разуму, не желая познать того, что закон престал и упразднился.

Но далее показывает страсть их к спорам и любоначалие. Они старались поставить собственную праведность, то есть праведность от закона, составляемую из собственных их дел и трудов, которая, как павшая уже, не может стоять, и таким образом и своей праведности не поставили и праведности Божией не покорились. Это и есть знак самохвальства и любоначалия, даже неразумия – усиливаться поставить то, что не может стоять, и в этом проводить все время. Праведностию Божиею называется здесь та, которая от веры, которая не зависит от трудов наших, но всецело есть дарование Божие.

4. ***Потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего.***

Так как поистине назвал праведностию ту праведность, которая от закона, то чтобы, с одной стороны, уверовавшие из евреев не сказали: значит, мы сделались преступниками, когда оставили эту праведность, а с другой – не уверовавшие не могли сказать, что хотя теперь не выполнили они праведности по закону, однако могут совершенно выполнить ее после, апостол, устраняя ту и другую мысль, говорит: ***конец закона – Христос.*** Чего желал закон и не совершил, то совершил Христос, то есть оправдание человека. Поэтому не говори, уверовавший из евреев, что ты сделался преступником закона, напротив, ты познал волю закона, совершившуюся посредством веры во Христа. С другой стороны, и ты, не уверовавший еще иудей, не надейся сам совершить праведность по закону: совершитель ее Христос. Итак, если хочешь получить праведность, прими Христа верою и будешь иметь все.

5. ***Моисей пишет о праведности от закона: «исполнивший его человек жив будет им».***

Подтверждает сказанное: чего не совершил закон, то совершил Христос, и говорит: Моисей рассуждает об оправдании человека посредством дел (см. Лев. 18, 5). Но как не было ни одного человека, который исполнил бы дела, то оправдание по закону невозможно.

6–9. ***А праведность от веры так говорит: «не говори в сердце твоем: кто взойдет на небо?» то есть Христа свести. «Или кто сойдет в бездну?» то есть Христа из мертвых возвести. Но что говорит Писание? «Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоем»: то есть слово веры, которое проповедуем. Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься.***

Познав, что дела закона не могут оправдать человека, научись, как без труда и легко оправдываемся мы во Христе: для этого требуется вера от сердца и исповедание от уст. Но нужно пространнее объяснить сказанное: ***кто взойдет на небо? или кто сойдет в бездну?*** Апостол заимствовал это у Моисея (см. Втор. 30, 11–14), но в том смысле, какой уразумел

по своей высокой мудрости. Моисей в буквальном смысле говорит так: «Заповедь Божия лежит, иудей, перед очами твоими, так что тебе нет нужды ни всходить на небо, чтобы найти ее, ни сходить в бездну, ни переходить через море, чтобы там взять ее: она близ тебя, в устах твоих и в уме твоем: Бог все показал тебе посредством закона». Так, кажется, говорит Моисей буквально, но апостол отнес это ко Христу. Не сомневайся, говорит он, и не спрашивай в уме своем: как Христос сошел с небес и воплотился? или, как умерши, восстал из бездны, то есть из преисподних мест? Но веруй, что Он сошел и воплотился, и что, быв погребен, восстал через воскресение; ибо Бог воздвиг Его. Поэтому, и смотря на достоинство Воздвигшего, удобно можно веровать. Что же легче этого, когда ты имеешь спасение в устах своих? А чтобы кто, по причине самой удобности, не почел дело веры достойным презрения, показывает, что помышления неверия противны самой вере и что их должно отражать твердостию. Не говори, внушает, того или другого в сердце своем, то есть никаких сомнений не допускай в мыслях своих.

10. ***Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению.***

Сердце имеет нужду в устах. Ибо что пользы веровать в душе и не исповедывать перед людьми? Хотя вера оправдывает в уме, но совершенное спасение зависит от исповедания; ибо тогда вера сияет и многих пользует. Но и уста имеют нужду в сердце. Многие исповедуют Христа лицемерно, а сердце их далеко отстоит от Него.

11–13. ***Ибо Писание говорит: «всякий верующий в Него, не постыдится». Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его. Ибо «всякий, кто призовет имя Господне, спасется».***

Сказав, что сердцем веруют, а устами исповедуют, приводит из Писания свидетельства о вере и исповедании или призывании. Когда говорит: ***всякий верующий,*** указывает на веру, оправданный которою не будет постыжен; а когда говорит: ***всякий, кто призовет,*** указывает на исповедание, соделывающее спасение. Итак, теперь всякий, иудей ли или язычник, может быть принят Богом. ***Один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его,*** иначе сказать: это царь, богатый золотом и серебром. Поэтому, если богатство Его составляют самые верующие, то не отчаивайся, думая, что согрешил так, что не можешь быть прощен. Он примет тебя, чтобы и тебя сделать участником в Своем богатстве.

14–15. ***Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего? И как проповедывать, если не будут посланы? как написано: «как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!»***

Выше сказал, что всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Теперь укоряет уже иудеев за то, что не призвали имени Господня. Почему же не призвали? Потому что не уверовали. А почему не уверовали? Потому ли что не слыхали? Нет, слышали. Потом возражение: как могли услышать без проповедующего? Следует опять ответ: нет, были проповедующие, многие таковые посланы были к ним. Из чего же видно, что эти посланные были проповедниками? В ответ на это приводит, наконец, слова пророка: ***как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!*** (Ис. 52, 7). Апостолы, обходя вселенную, возвещали не иное что, как неизреченные блага и мир Бога с человеками. Поэтому неверие есть собственная вина тех, которые не приняли проповедников.

16. ***Но не все послушались благовествующих. Ибо Исайя говорит: «Господи! кто поверил слышанному от нас?»*** Апостол сказал, что о послании упомянутых благовестников Богом свидетельствуют пророки. Поэтому, чтобы кто не возразил: если они были от Бога, то надобно, чтобы все послушались их, утверждает, что, действительно, не все послушались благовествования, но от этого нет никакого вреда истине. Об этом за много лет говорит Исайя: ***Кто поверил слышанному от нас?*** (Ис. 53, 1). Слово ***кто*** употреблено здесь вместо «редкие», то есть не многие поверили слышанному от нас.

17. ***Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия.***

Слова эти находятся в связи с предыдущим и представляют как бы вывод из чего-то, прежде сказанного. Но ими апостол высказывает и нечто другое. Иудеи непрестанно искали чудес, даже желали видеть воскресение. Поэтому, говорит, вера от слышания, и не должно требовать ничего более этого слышания; ибо слышание это не простое, не обыкновенных речей, но глаголов Божиих. Поэтому если ищешь чудес, которые происходят от Бога, то верь и словам, которые говорят от Бога.

18. ***Но спрашиваю: разве они не слышали? Напротив, «по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их».***

Кто-нибудь мог спросить: что же из того для иудеев, если благовестники были посланы, а иудеи не слышали? Апостол отвечает: вся вселенная слышала (см. Пс. 18, 5); как же не слышали те, у которых апостолы провели столько времени и от которых произошли? Возможное ли это дело?

19. ***Еще спрашиваю: разве Израиль не знал? Но первый Моисей говорит: «Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным».***

Опять новое возражение; если апостолы проповедовали, но иудеи не поняли; разве не заслуживают они извинения? Решает и это возражение.

Но первый Моисей говорит: «Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным». Они, говорит, должны были понять, что проповедуется Христос, если не из другого чего, то по крайней мере из того, какой чести удостоились язычники. Они видели, что идолопоклонники вдруг удостоились таких благ и потому должны были проникнуться к соревнованию и заключить, что это тот самый народ, о котором сказал Моисей (см. Втор. 32, 21). Не только величие чести достаточно было к тому, чтобы подвигнуть иудеев к соревнованию, но и то, что удостоился чести народ, до того низкий, что не стоит даже почитаться народом. ***Раздражу вас,*** сказано, ***народом несмысленным.*** Что неразумнее язычников, поклонявшихся деревьям и камням?

20. ***А Исайя смело говорит: «Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне».***

Сказав, что Моисей говорит первый, упоминает и о другом пророке, который говорит тоже яснее и открытее. ***Исайя,*** говорит, ***смело говорит,*** то есть высказывает истину во всей наготе, и ему лучше подвергнуться опасности, нежели молчать. ***Меня,*** сказано у него, ***нашли не искавшие Меня*** и которые не вопрошали обо Мне (Ис. 65, 1). Кого Моисей называл народом несмысленным, тех Исайя наименовал неищущими и невопрошающими, то есть невеждами и врагами знания. Итак, из всего этого иудеи должны были понять, что они отвергнуты, другие – приняты.

21. ***Об Израиле же говорит: «целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному».***

Чтобы иудеи не имели права сказать Богу: ты найден язычниками, а с нами не хотел обращаться, пророк присовокупляет: ***целый день Я,*** то есть во всякое время, ***простирал руки Мои,*** то есть привлекал вас, но вы оказались народом непослушным и упорным (см. Ис. 65, 2). Следовательно, вы виноваты, а не Я. Я простирал руки свои к вам и призывал вас, но вы не послушались. Отсюда видно, что израильтяне и слышали, и знали, но не хотели покориться.

Глава одиннадцатая

1–2. ***Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал.***

Назвав иудеев народом непослушным, представляет себя сомневающимся, говоря: неужели обетования Божий не исполнились оттого, что народ израильский сделался непослушным? Нет, отвечает. Бог не отверг народа своего, ***который Он наперед знал,*** то есть о котором знал, что он способен к принятию веры. ***Ибо и я Израильтянин.*** Потом, чтобы не возразил кто: разве ты один составляешь народ? присовокупляет: не отверг Бог народа своего, то есть и другие, кроме меня, есть три тысячи, есть пять тысяч, есть великое множество из народа, которые уверовали, как показывают Деяния апостольские (2, 41; 4, 4; 5, 14).

2–4. ***Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии? как он жалуется Богу на Израиля, говоря: «Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут». Что же говорит ему Божеский ответ? «Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом».***

Апостолу могли возразить: что ты, Павел, говоришь? Неужели в трех, в пяти тысячах, в великом множестве людей полагаешь ты тот народ, который уподобляется песку и звездам? Поэтому говорит: и при Илии спаслось не более семи тысяч; но и Илия не знал их (см. 3 Цар. 19, 14, 18). И теперь, вероятно, есть много уверовавших. Если вы не знаете их, это не новость: и Илия не знал тех. При сем неприметно касаясь словом другого предмета, показывает, что совершенное ими убийство давно свыше предсказано. Именно: чтобы не сказали они: мы убили Христа, как обманщика, спрашивает: как же убили ветхозаветных пророков предки ваши? разве и те были обманщики? Они смело огорчали? Но как же предки ваши раскопали алтари? неужели и алтари оскорбляли? А как домогались убить самого Илию, ревновавшего об иудеях, славившегося чудотворениями? Если же в те времена, когда так много было порочных людей, Господь избрал для Себя только семь тысяч, как показывает Писание, то есть откровение и слово Божие, то отнюдь ничего нет нового, если Он и теперь избирает только достойных. Это объясняет и далее.

5. ***Так и в нынешнее время, по избранию благодати сохранился остаток.***

И теперь, говорит, есть ***остаток,*** то есть наилучшие. Когда провевают смолоченное, то в остатке бывает зерно. Так точно и Бог, отвергая дурных, оставляет себе достойных. Когда сказал: ***по избранию,*** то показал старание спасаемых, потому что они сделались достойны избрания вследствие их старательности, а когда сказал ***благодати,*** то означил дар Божий.

6. ***Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело.***

Здесь показывает, что не уверовавшие из евреев не имеют никакого извинения. Вы не можете, говорит, сказать, что Бог требовал от вас дел и трудов. Все есть дело благодати. Почему же не хотите вы спастись, когда такое благо предлагается вам без требования от вас трудов? Поэтому, кто захотел, те и спаслись. Эти-то и составляют народ Божий. Значит, Бог не отверг народа Своего, достойного спасения.

А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело. Если бы мы благоугождали Богу делами, то благодать была бы уже неуместна; а если есть место для благодати, то нет уже дела и дело не есть дело. Ибо где благодать, там не требуется дела; а где дело, там нет благодати.

7. ***Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили…***

Объяснив, что такое благодать, то есть что она есть дар Божий помимо дел, говорит, что израильтяне, ища праведности, не получили ее, потому что искали ее худо и от дел: чем

невозможно получить ее. ***Избранные же получили.*** Словом ***получили*** показывает величие благ и то, что все есть дело благодати Божией. И мы в обыкновенной беседе говорим: он получил прибыль, то есть приобрел выгоду без труда.

7–8. ***А прочие ожесточились, как написано: «Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат; даже до сего дня».***

В свидетели ослепления их приводит Исайю, чтобы не показалось, что он говорит свое (см. Ис. 29, 10). Слова2>ог ***дал*** сказаны вместо «предоставил», то есть позволил, попустил им иметь ***дух усыпления.*** Бесчувствием же называет такой навык души к злу, который неисправим и непеременяем; ибо быть бесчувственным значит приразиться или прилепиться к чему-нибудь. Они, имея глаза, чтобы видеть чудеса, и уши, чтобы слышать учение Господне, ни теми, ни другими не воспользовались как должно. Так поступили они не в отношении к одному Христу, но и в отношении к апостолам. ***Даже до сего дня,*** сказано.

9—10. ***И Давид говорит: «да будет трапеза их сетью, тенетами и петлею в возмездие им; да помрачатся глаза их, чтобы не видеть, и хребет их да будет согбен навсегда».***

Так как они, говорит, непременяемы в злобе, то будут подвергнуты крайнему наказанию. ***Трапеза их,*** то есть все блага и забавы превратятся в противное; они будут уловляемы в сети и пойманы, сделавшись легко пленяемы и одолеваемы всеми и всегда имея в жизни своей соблазны и преткновения. А чтобы видно было, что они потерпят это за грехи, сказал: ***в возмездие.*** Кроме того, от бедствий помрачились очи их, как душевные, так и телесные. И хребет их согбен (см. Пс. 68, 23–24), ибо они находятся в таком рабстве у римлян, которое никогда не кончится. Это значит слово ***навсегда,*** то есть они никогда не освободятся от рабства того.

11. ***Итак спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность.***

Достаточно укорив иудеев, придумывает теперь для них утешение и спрашивает: ***неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? –*** то есть неужели они согрешили так, что нельзя уже уврачевать их никак. Они преткнулись, однако падение их было не таково, чтобы не было средства поправить дело. Во время кончины мира, как далее скажется, и они спасутся.

Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность. Здесь желает выполнить две задачи: во-первых, утешить иудеев, а во-вторых – обуздать надмение язычников. Говорит: спасение стало достоянием язычников, когда иудеи преткнулись и не уверовали. По порядку следовало сперва спастись иудеям, а потом язычникам; но поскольку иудеи оказались неверующими, то избраны язычники. На это указывается и во многих местах Евангелия. А спасены язычники, ***чтобы возбудить в них ревность,*** то есть чтобы иудеи уязвились честию, оказанною язычникам, и убедились прийти ко Христу по крайней мере из соревнования к ним.

12. ***Если же падение их – богатство миру, и оскудение их – богатство язычникам, то тем более полнота их.***

Если, говорит, иудеи, преткнувшись, приготовили спасение язычникам, и язычники были приняты, когда иудеи были отвергнуты, и падение иудеев стало богатством язычников, то тем более ***полнота их,*** то есть когда они, обратившись, все спасутся. Так говорит в приятность иудеям и в утешение их. Ибо хотя иудеи пали, однако язычники не спаслись бы, если бы не имели веры.

13–14. ***Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них?***

Опять утешая иудеев, сокрушает надмение язычников, говоря: хвалю вас по двум причинам: во-первых, потому, что, быв поставлен в учителя вам, имею нужду прославлять ***слу-***

жение мое, то есть вас, а во-вторых – потому, что имею в виду возбудить к ревности ***сродников моих по плоти,*** то есть – иудеев. Словом ***плоть*** показал свое родство с иудеями и нежную любовь свою к ним. ***И не спасу ли, –*** не сказал – «всех», но – ***некоторых.*** Ибо неприметно обнаруживает их жестокосердие; потому что могло статься, что некоторые, воспламенившись соревнованием, будут подражать язычникам и уверуют.

15. ***Ибо если отвержение их – примирение мира, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых?***

Если, говорит, прогневавшись на них, столько даровал другим, и сделал врагов друзьями, то чего не дарует, когда примет их? Тогда будет ***жизнь из мертвых,*** то есть нескончаемые блага; ибо на них указывает под словом ***жизнь.*** Вместе с этим намекает и на нечто возвышеннейшее, именно на то, что как воскресение из мертвых будет зависеть не от принятия иудеев, так и спасение других будет зависеть не от них же, если те не будут иметь веры. Все это говорит, казалось бы, в пользу иудеев, подавая им освежающее питье, как часто поступают врачи с тяжко больными.

16. ***Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви.***

Начатком и ***корнем*** называет патриархов, а ***целым*** и ***ветвями –*** тех из потомков их, которые уверовали. Итак, утешает неверующих евреев, говоря: и вы будете святы, если уверуете. Ибо необходимо, чтобы целое и ветви были подобны начат – ку, то есть то – начатку, а эти – корню. Если же вы не уподобились им, то это служит признаком великой порочности.

17–18. ***Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносись перед ветвями Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя.***

Отломившимися ветвями назвал неверных евреев; ибо они сделались недостойными святого корня. И прекрасно сказал: ***отломились,*** ибо никогда Бог не отвергал их так, хотя они многообразно согрешали. А вместо их, отломившихся, привит, говорит, ты, язычник. Не сказал – «ты посажен», но ***привился,*** и тем уязвляет иудея и показывает, что на древе иудея, то есть на патриархах, стоит язычник и ***стал общником корня и сока,*** то есть достиг от Бога одинаковых с иудейскими благородства и славы. Итак, не возносись и не тщеславься перед ветвями.

Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя. Что же пользы от этого отломившимся ветвям? Ведь носить свойственно корню. Видишь ли, как только по видимости хвалит иудеев, стараясь лишь утешить их? Впрочем, и этим поощряет иудеев к ревности, показывая понесенный ими вред и то, как другие получили их собственность и владеют ею.

19–20. ***Скажешь: «ветви отломились, чтобы мне привиться». Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся.***

Здесь доказывает, что язычники не потому избраны на место иудеев, что иудеи согрешили, но за веру, которую обнаружили язычники. Итак, где, казалось бы, низлагает язычника, там показывает, что падение иудеев было неизвинительно. Но исправляет он тех и других. Ты, язычник, скажешь, что ветви отломились, чтобы тебе привиться? Да, отломились, но своим неверием, а не потому, будто Бог обязан тебе честию тою: ибо ***ты держишься верою,*** привившись к корню. Поэтому ***бойся;*** потому что привитие не есть дело природы, но веры.

21. ***Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя.***

Иудеи были сыновьями патриархов по природе, однако неверием отломились. Тем более бойся ты, привитый, пощадит ли Бог тебя в случае твоего падения.

22–23. ***Итак видишь благость и строгость Божию: строгость к отпавшим, а благость к тебе, если пребудешь в благости Божией, иначе и ты будешь отсечен. Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их.***

Не сказал – ***видишь*** «заслугу свою», но – ***благость Божию;*** ибо все есть дело благодати Божией. И пребывать старайся – не сказал – «в вере», но – **в *благости,*** то есть до конца жизни делай достойное человеколюбия Божия. Если не будешь поступать так, то будешь отсечен. Так и иудеи были бы привиты, если бы не продолжали оставаться в неверии; ибо не Бог сначала отсек их, но они сами по себе отпали и отсеклись неверием своим. Говоря, что Бог ***не пощадил,*** имеет в виду, что Бог не милует иудеев, но почитает их недостойными общения и общества святых предков. Весьма мудро устрашает Павел язычника тем, что случилось с иудеями, а иудею примером случившегося с язычниками внушает смелость привиться верою и облагонадеживает его упованием на могущество Божие. ***Силен,*** говорит, Бог привить их; Он делает все, что превышает надежды наши.

24. *Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине.*

Если, рассуждает, если ты, язычник, которому по естеству сродно зло и который имеешь предков, подобных дикой маслине, отсечен от них верою, и, что было не в природе твоей, привит к хорошей маслине, то есть к патриархам, то не тем ли паче возвратится к своей маслине, то есть к отцам своим, иудей, которому по природе сродно добро? Когда же слышишь, что Павел говорит: ***по природе,*** то понимай: естественно и последовательно например: естественно было, чтобы сын святого Авраама был свят. Наоборот, выражение: ***не по природе*** понимай: неестественно и непоследовательно, например: неестественно, чтобы сын скверного язычника был свят.

25–26. *Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется…*

Тайною называет здесь неведомое и сокровенное. В чем же состоит эта тайна? В том, что евреи не все не уверовали, но отчасти ожесточились. Из них уверовали многие, о которых, как выше сказано, наперед знал Бог, и многие уверуют впоследствии; ибо израильтяне ожесточились, пока спасутся все предузнанные Богом язычники; тогда и Израиль весь спасется, очевидно, уверовав.

26–27. *Как написано: «придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их».*

Опять приводит Исайю, который восклицает, что придет от Сиона могущий спасти и очистить грехи израильтян (см. Ис. 27, 9; 59, 20–21). Когда же это будет? ***Когда сниму с них грехи их,*** то есть когда удостою их отпущения посредством крещения. Поэтому хотя не получили они отпущения грехов теперь (ибо ожесточены), но это исполнится впоследствии.

28-**29. *В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божий ради отцов. Ибо дары и призвание Божие непреложны.***

Поскольку, говорит, вы покорились Евангелию и приняты Богом, то они стали упорнее и более отшатнулись и сделались врагами; но так как предки их изначала избраны Богом, то Бог не попустит им погибнуть совершенно (ибо они ***возлюбленные},*** но примет их, если уверуют.

30–31. *Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы.*

Вы, говорит, называвшиеся прежде язычниками, не захотели послушаться: поэтому избраны были и получили закон иудеи. Опять, когда призваны были иудеи и не послушались Христа, избраны и помилованы вы. Но помилование нас будет и их помилованием: они будут соревновать вам и уверуют, и таким образом удостоятся вашего помилования.

32. *Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.*

То есть обличил, объявил непослушными, чтобы спасти одних упорством других. Ибо прежде, когда непослушны были язычники, спас, как сказано, евреев; опять, когда не послушались Христа иудеи, спасены язычники: когда же спасены язычники, спасутся, соревнуя им и иудеи, и таким образом все будут помилованы.

33. ***О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!***

Размышляя о домостроительствах Божиих от начала мира, о том, как Бог устрояет противоположное через противоположное и посредством одних непокорных показывает покорными других, пришел в изумление, удостоверяя тем, что Тот, Кто так устрояет дела наши, непременно устроит и будущее спасение иудеев. ***Богатством*** называет благость, глубина которой только приводит в изумление, а величие которой неизвестно: ибо обогатить так язычников есть дело богатства. Вместе с благостию изумляется и ***премудрости,*** посредством которой Бог управляет жизнию нашею и умудрил невежественных язычников, ***ведению,*** посредством которого Он знает, что полезно каждому. О путях же не сказал – «непостижимы», но – ***неисследимы,*** то есть не могут даже быть исследуемы. ***Пути Его,*** то есть способы домостроительства, не только не могут быть постигнуты, но даже исследованы, то есть нельзя даже видеть следа их.

34–35. ***Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать?***

Один Он, говорит, знает дела свои, а кроме Его никто другой. Будучи премудр, Он не от совета с другим заимствует премудрость, но сам по себе был и есть самодоволен. Он же есть и источник всех благ и что только дает, дает не как обязанный вознаграждать, подобно взявшему что у другого, но по своей благости. Ибо ***кто дал Ему наперед*** то есть Богу, чтобы воздалось ему? то есть чтобы даруемое Богом благодеяние почиталось отдачею тому, кто дал?

36. ***Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь.***

Он Сам есть источник всего: это значит: ***из Него.*** Он и поддержка всего: это значит: ***Им.*** Все имеет начало от Него, и Им сотворено, и все стоит и держится, опираясь на Нем как на основании каком.

Ему слава во веки, аминь. У Павла в обычае заканчивать речь благодарением, когда говорит он о чем-нибудь важном. Так поступает он и теперь. Так как он исполнился изумления благости, премудрости, ведению и способам домостроительства Божия, то и славословит наконец Бога, научая тем и нас благодарить Бога за великие блага и прославлять его словами и жизнью.

Глава двенадцатая

1. ***Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего.***

Достаточно побеседовав о догматах, переходит, наконец, к нравственному учению. Так как показал неизреченное домостроительство о нас и благость Божию, то умоляет ***милосердием Божиим,*** то есть самое милосердие Божие представляет умоляющим, чтобы хотя его устыдились и не обнаруживали ничего, недостойного оного. О чем же умоляет? О том чтобы мы представили тела свои, то есть отдали их, на брань. Так обыкновенно выражаются в просторечии: полководец представил войска свои на войну. Или: мы должны представить члены свои Богу, как царю, неукоризненными и наилучшими; ибо таковые предстоят царю. Потом, мы должны представить их в жертву живую; ибо когда умерщвляем их, тогда живем по духу. Итак, жертва иудейская не благоугодна Богу. ***К чему Мне,*** сказано, ***множество жертв ваших?*** (Ис. 1, 12). Но жертвы верующих, то есть словесного служения, сильно требует Бог. ***Принеси Богу,*** сказано, ***жертву хвалы*** (Пс. 19, 14), и: ***кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня*** (Пс. 49, 23). А состоит разумное служение не в том только, чтобы обращаться к Богу посредством слова, но и в том, чтобы жить по-христиански, чтобы не царствовала в нас никакая бессловесная страсть, но всем управлял ум, и чтобы каждый был как бы архиереем для самого себя, закалая кроющееся внутри себя зло, представляя себя всегда стоящим пред Богом и трепеща от страха при всяком действии и слове подобно первосвященнику, предстоящему у жертвенника Божия.

2. ***И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная.***

Предлагает способ, как можно нам совершать словесное служение. Он состоит в том, чтобы мы не сообразовались с веком сим; ибо в нем ничего нет постоянного и прочного, но все временно и имеет только наружный образ, а не сущность или пребывающее существо. Итак, не сообразуйтесь, говорит, и вы ***с веком сим,*** не имеющим постоянной сущности, то есть не помышляйте о находящемся в нем. ***Но преобразуйтесь обновлением ума вашего,*** то есть всегда обновляйтесь. Ты согрешил? Душа твоя обветшала? Обнови ее. Ты отчасти исправил нравственность свою? Постарайся исправлять ее более и более, и ты станешь новым, преобразуясь всегда к лучшему. Заметь же, что мир назвал наружным образом, означая тем его удоборазрушимость и временность, а добродетель назвал существенным образом, так как она имеет природную красоту и не нуждается в наружных личинах и прикрасах. Мир имеет наружный образ, чтобы ввести нас в обман, а добродетель показывает свой существенный образ без личин. Поэтому мы должны всегда преобразоваться по добродетели, обновляя себя от зла на добро и от меньшей добродетели к большей.

Чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная. Сказав, чтобы мы всегда обновлялись, делаясь новыми, показывает, какая польза от этого обновления ума. Оно, говорит, полезно, ***чтобы вам познавать, что есть воля Божия.*** Кто обветшал умом, тот не знает, в чем состоит воля Божия, не знает, что Бог хочет, чтобы мы жили в смиренномудрии, любили нищету, плакали и исполняли все прочее, заповеданное нам Богом. Напротив, кто обновлен духом, тот знает, в чем состоит воля Божия, знает точно так же, как и иудеи, держащиеся закона. Волею Божиею был и закон, но не благоугодною и не совершенною; потому что дан был не как главная воля, но как приспособленная к слабости иудеев. Совершенная же и благоугодная воля Божия есть Новый Завет. Впрочем, согласно с Василием Великим,[3] можешь и так понимать. Много такого, чего хочет Бог. Иного хочет Он

[3] ***Св. Василий Великий.*** Правила, кратко изложенные.

для благотворения нам: это называется благим, как исполненное благости; иного же хочет Он, как прогневляемый грехами нашими: это называется злым, как огорчающее нас, хотя и его цель – благо. Поэтому, чего хочет Бог для благотворения нам, тому и мы должны подражать, а что возбуждает чувство скорби, того не должно нам делать; ибо не мы служители зла, но лукавые духи. Поэтому, во-первых, подмечай волю Божию, благая ли она; потом, когда узнаешь это, смотри, угодна ли Богу эта воля. Ибо много такого благого, которое не благоугодно Богу, потому что делается или не в то время или не тем лицом, как бы надлежало. Например, благо, чтобы кадили Богу; но когда сделал это Озия, то не благоугодил Богу (см. 2 Пар. 26, 16). Еще: благо было, чтобы ученики узнали тайны, но чтобы они узнали их прежде времени, это не благоугодно было: ***вы,*** говорит, ***теперь не можете вместить*** (Ин. 16, 12). Когда же что окажется благим и благоугодным, то постарайся, чтобы это совершено было и без недостатков, точно так, как требуется, без отступления от того. Например: раздавать надобно ***в простоте*** (Рим. 12, 8), то есть с щедростью; но если это делается со скупостью, то раздача не точно согласна с требуемым относительно ее.

3. ***По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил.***

Павел, как смиренномудрый, никогда не почитает достаточными собственные слова, но в подтверждение их представляет то милосердие Божие, то благодать. Я, говорит он, не от себя предлагаю слово, но от Бога, внушенное мне благодатию Его. ***Не думайте о себе более, нежели должно думать,*** говорит он всякому, и простецу, и начальнику; а рассуждает прежде всего о смиренномудрии, подражая Господу, который начал с этого: ***блаженны нищие духом*** (Мф. 5, 3). Смысл слов его такой: должно ***думать,*** то есть иметь высокую мысль, но для того, чтобы думать о небесном и возвышаться над земным, а не для того, чтобы возноситься над ближними: это значит ***думать более, нежели должно думать.***

Но думайте скромно (ц. – сл.: «в целомудрии»)… Мы получили благоразумие для того, чтобы обращать его не в высокоумие, но в ***целомудрие,*** то есть в смиренномудрие. Так сказал, чтобы показать, что высокоумный сумасбродствует и вышел из ума своего, а смиренномудрый имеет здравые мысли и потому называется целомудренным.

По мере веры, какую каждому Бог уделил. Сказав, что мы не должны высоко думать о себе, указывает теперь, как должно думать о себе скромно, и говорит, что должно думать о себе скромно, помышляя, что Бог каждому уделил меру веры. Так как по причине дарований духовных многие впали в высокоумие, то и говорит, что должно думать о себе скромно потому, что Бог каждому уделил меру веры. Ибо это не от твоего зависит успеха, но есть Божественное дарование: велико ли оно, мало ли, но даровал его Бог. Дарованием называет здесь ту веру, которою творили чудеса. Ибо вера двух родов: одна принадлежит нам, например: ***вера твоя спасла тебя*** (Мф. 9, 22), а другая есть дар Божий: это та вера, которою совершаются чудеса, например: ***если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет*** (Мф. 17, 20).

4–5. ***Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно во Христе, а порознь один для другого члены.***

Примером тела и членов низлагает великое возношение высокоумия. Тело одно, но имеет различные члены, совершающие различные действия. Так точно и мы, верующие, составляем одно тело во Христе, как главе, а порознь мы один для другого члены, не только малый для большого, но и большой для малого. Итак, не превозноситесь друг перед другом: как члены, вы имеете нужду друг в друге.

6. ***И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры.***

Не сказал «имея дарования большие или меньшие», но – ***различные.*** Так самым именем смиряет превозносящихся! И не добродетелями называет, ***ко дарованиями.*** То, что полу-

чил ты, говорит, есть дарование Божие, а не твое дело: это дала тебе ***благодать.*** Итак, чтобы смирить превозносящихся, говорит, что это дано Богом и называет это дарованиями; а чтобы возбудить ленивых, показывает, с другой стороны, что для получения дарований и мы приносим нечто, и говорит: ***пророчествуй по мере веры.*** Хотя это благодать, но изливается не просто, а проливает столько, сколько вмещает сосуд веры, представленный ей. Почему упоминает сначала о пророчестве? Может быть, и без особенной причины, а вероятно, потому, что некоторые превозносились этим дарованием. Если же превозносились, то почему Бог не лишил их дарования? Для пользы людей, и в наставление нам, чтобы мы не осуждали имеющих дарования и тогда, когда они согрешают. Если Я, говорит Бог, не отнимаю благодати Своей, то кто ты, уничижающий имеющего дарование?

7. ***Имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении.***

Есть служение и дарование особенное в чине церковном, каково служение семи диаконов. Но здесь под именем ***служение*** разумей вообще всякое духовное дело. Какое, говорит, получил ты служение, в исправлении того ***пребывай*** (это слово должно приложить здесь), не ищи чего-либо большего, и не превозносись перед другим, а будь доволен тем, что получил.

Учитель ли, – в учении. Если принять служение в общем смысле, то далее перечисляются виды его. Если же разуметь служение особенное (диаконское), то заметь, как сперва упомянул о низшем, а потом положил высшее, то есть учение, не наблюдая порядка, и тем самым поучая нас не гордиться и не превозноситься тем, что кажется нам высшим.

8. ***Увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием.***

И утешение есть вид учения. Ибо учением называется вообще рассуждение о всяком предмете, а утешением собственно то, когда кто успокаивает словом души, возмущенные скорбию или гневом. Итак, утешающий, говорит, пусть пребывает в утешении, делая свое дело, и не превозносится перед другим.

Раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием. Сказав об учении и утешении, то есть о том, что относится к попечению о душах, теперь говорит о телесном, как занимающем второе место. ***Простотой*** называет щедрость; следовательно, учит раздавать с щедростию. Ибо никакая добродетель не бывает добродетелию, если совершается не надлежащим образом. Так и девы хотя имели елей, но имели его недостаточно, почему и отвержены. И предстоятель должен проходить служение свое тщательно и не леностно. ***Начальствовать*** же значит вспомоществовать тому, кто требует помощи, словом и делом. Так как сказал о раздаянии имущества, а имуществом изобилуют не все, то присовокупляет: будь предстоятелем другим образом и помогай нуждающимся, только со тщанием.

Благотворитель ли, благотвори с радушием. Выше сказал, что должно раздавать в простоте или с щедростью. Но многие дают хотя много, однако принужденно и со скорбию, поэтому учит, что щедрость должна быть без скорби, даже с удовольствием и радостию. Ты должен радоваться, что за малую цену получаешь небо; пойми же, какое различие между раздающим и милующим. Раздает тот, кто подает подаяние из полученного от другого, а милует тот, кто подает из своего достояния.

9. ***Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру.***

Показывает, чем довершается все, прежде сказанное, и говорит: ***любовь да будет непритворна.*** Ибо такова истинная любовь, а с нею удобно совершится все: милующий будет миловать охотно, доставляя ближнему как самому себе; предстоящий будет предстоять со тщанием, подвизаясь за ближнего, как за самого себя, и так далее.

Отвращайтесь зла. Выше сказал о любви. Но так как и любовь бывает во вред, например, между людьми, соглашающимися на грабительство и тому подобное, то присовокупляет: ***отвращайтесь зла,*** то есть ненавидя зло от души; ибо указывает на ненависть силь-

ную и всем сердцем. Не мало есть таких, которые хотя не делают зла, однако желают его. Поэтому, говорит, я требую, чтобы ненавидели зло всем сердцем, чтобы душа очистилась. Поскольку я, говорит, предписал вам любить друг друга, то не думайте, будто я возбуждаю вас содействовать друг другу и в худых делах. Совершенно напротив, я желаю, чтобы вы чуждались не только худого дела, но и всякого душевного расположения к нему.

Прилепляйтесь к добру. Не достаточно удаляться зла, но должно еще прилежать к деланию добра. Поэтому сказал: ***прилепляйтесь к добру,*** то есть имейте к нему расположение и любовь. В таком смысле и Бог, соединяя мужа с женою, сказал: ***Прилепится к жене своей*** (Быт. 2, 24).

10. ***Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью, в почтительности друг друга предупреждайте.***

Я, говорит, научил вас любви, и вам весьма естественно исполнять это, ибо вы братия, рожденные от одной утробы, то есть от купели крещения, следовательно, этим самым обязаны уже любить друг друга, потому что признаком и обнаружением братства служит дружба, а дружба производится и утверждается братолюбием.

В почтительности друг друга предупреждайте. Учит, как сохранять братолюбие, именно – уважением друг друга и взаимным предпочтением; ибо ***предупреждать*** значит предварять друг друга в почтении.

11. ***В усердии не ослабевайте; Духом пламенейте; Господу служите.***

Так как многие, казалось бы, душевно почитают и любят друг друга, но руки к ним не простирают; то научает заботиться друг о друге и самым делом помогать другим.

Духом пламенейте. Предполагается возражение: как можем мы в усердии не ослабевать. Если, отвечает, будем гореть духом, то есть если будем усердны и ревностны. Заметь также, что ***духом пламенейте*** сказано уже после исчисления многих видов добродетели; ибо кто исполнил вышесказанное, тот привлекает благодать Духа и возжигается огнем Его.

Господу служите. Когда ты братолюбив, когда имеешь любовь и другие добродетели, о которых прежде сказано, тогда работаешь Господу. Ибо Он к Себе относит то, что ты делаешь для брата.

12. ***Утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны.***

Так как требуемое апостолом есть нечто великое и трудное, то теперь он научает тому, что делает исполнение этого удобным, научает действованию по упованию. Ибо упование делает душу более мужественною и смелою в опасностях.

В скорби будьте терпеливы. Надежда относится к будущему. Но, говорит, и в настоящем можешь получить великое благо; ибо терпение в скорбях сделает тебя терпеливым и опытным.

В молитве постоянны. Это, разумею – молитва, есть великая помощь к совершению всего, вышесказанного. И не сказал просто: «молясь», но ***в молитве постоянны.*** Если тотчас ничего не получаешь, пребывай, и достигнешь того, чего желаешь.

13. ***В нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве.***

Сказав выше: ***благотвори с радушием,*** всем вообще отверз руку, а теперь учит о милостыне к верным: ибо их называет святыми. И не сказал «помогайте им в нуждах», но – ***принимайте участие,*** показывая тем, что вспоможение есть купля и общая прибыль; ибо ты подаешь деньги, а они воздают тебе небом. Не сказал также – «больших издержках», но – ***в нуждах,*** чтобы удовлетворить нуждам святых. Как же не жестоки и не подобны зверям те, кои не помогают святым в их необходимых потребностях?

Ревнуйте о странноприимстве. Не сказал – «будьте странноприимны», но – ***ревнуйте о странноприимстве,*** научая нас, чтобы мы не дожидались, когда нуждающиеся придут к нам, но сами бежали к ним и догоняли их, как поступали Авраам и Лот.

14. ***Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте.***

После учения о братолюбии и любви к своим предлагает, наконец, наставление и о том, как мы должны относиться ко врагам. Не сказал «не помните обид, не мстите», но что гораздо более – ***благословляйте,*** и присовокупил: ***не проклинайте,*** чтобы мы не проклинали, а только благословляли. Кто благословляет гонящих его за Христа, тот показывает, что он с радостию терпит за Любимого; а кто проклинает, тот показывает, что он не радуется, а потому дает знать, что он не любит Того, за Кого гонят его.

15. ***Радуйтесь с радующимися, и плачьте с плачущими.***

Великий нужен дух, чтобы не только не завидовать, но и радоваться с радующимися. Это показывает душу, совершенно свободную от зависти, и гораздо больше значит, нежели плакать с плачущим; потому что к плачу побуждает сама природа, влекущая к состраданию. Итак, научает нас тому и другому, то есть и состраданию и чуждому зависти расположению ко всем, даже к гонителям.

16. ***Будьте единомысленны между собою; не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе.***

Опять рассуждает о смиренномудрии; ибо естественно, что в Риме, как столичном городе, была болезнь гордости. Смысл сказанного такой: ты почитаешь себя великим человеком? Почитай и брата таким же. Ты подозреваешь, что он мал и низок сердцем? Произнеси такой же суд и о себе, и таким образом смиришь всякое высокоумие и не будешь гнушаться им, будто лучший его, но станешь почитать его как равного себе, как и самого себя.

Не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным. Научает, как можно исполнить прежде сказанное, именно: если не будем высокомудрствовать, но последуем смиренным, то есть станем подражать униженным и презираемым, то есть снизойдем, применимся к ним.

Не мечтайте о себе. То есть не думайте, что сами можете удовлетворить себя во всем, и не имеете нужды в совете другого или в том, кто внушает должное. Моисей беседовал с Богом; однако имел нужду в совете с тестем.

17. ***Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром пред всеми человеками.***

Если упрекаешь другого в том, что он сделал зло, то зачем подражаешь ему, и сам делаешь зло? Не сказал – «не делай зла верному», но – ***никому,*** будет ли он язычник или другой кто.

Но пекитесь о добром перед всеми человеками. Так говорит не для того, чтобы мы жили для тщеславия, но для того, чтобы не подавали повода укорять нас тем, которые желают этого. Ибо требует, чтобы мы жили несоблазнительно и без преткновений, потому что за нами и за касающимся нас наблюдают многие.

18. ***Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми.***

Прекрасно сказал: ***если возможно.*** Ибо иногда невозможно быть в мире, например: когда идет борьба за благочестие или за обиженных. Итак, внушает: исполняй свои обязанности и никому не подавай случая к вражде и смятению. Если же видишь, что оскорбляется благочестие, то восстань мужественно, сражаясь за истину, однако не против человека враждуя, но против нечестия, а о человеке, напротив, сожалея и щадя его. Таким образом, что прежде казалось невозможным, то становится возможным; ибо что касается тебя, то ты находишься в мире с ним, а брань ведешь с одним нечестием.

19. ***Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь».***

Дайте, говорит, место гневу Божию в отношении к обижающим вас. Если вы мстите сами за себя, то Бог не будет мстить за вас; а если вы простите, то Бог отомстит строже. Приводит и свидетельство, подкрепляя свое слово (см. Втор. 32, 35). Говорит же это для одобрения малодушных; потому что они ничего другого не желают, как видеть, что враги их получили за них отмщение.

20. *Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его; ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья.*

Здесь требует от вас высшей степени любомудрия. Что я говорю, рассуждает, должно жить в мире! Я повелеваю даже благодетельствовать. Сказал: ***ты соберешь ему на голову горящие уголья,*** снисходя малодушию оскорбляемых; ибо всего приятнее для человека видеть врага наказанным. Как бы так говорит: ты желаешь отомстить ему? Благотвори ему; в таком случае ты отомстишь ему гораздо сильнее. Поэтому и сказал: ***соберешь ему на голову горящие уголья,*** обозначая этим сильное наказание. В этом смысле и выше сказал: ***дайте место гневу Божию***.

21. *Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.*

Здесь показывает, что мы не должны питать врагов такою мыслию, что привлечем на них большее наказание. Смысл сказанного такой: ***не будь побежден злом,*** то есть делай это не с намерением отомстить, и не подражай делающему зло (это значит быть побежденным), но старайся более победить его благотворительностию своею и отвратить его от злобы. Итак, сказанное выше высказал к ободрению малодушия, а теперь предложил совершеннейшее.

Глава тринадцатая

1. ***Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.***

Предложив слушателям достаточно наставлений касательно нравственности и научив их быть благосклонными даже ко врагам, предлагает и настоящее увещание, научая всякую душу, хотя бы кто был священник, хотя бы монах, хотя бы апостол, подчиняться начальникам; ибо подчинение это не подрывает благочестия. А предлагает это увещание апостол с целью – показать, что Евангелие учит не измене или неповиновению начальству, но благородному образу мыслей и повиновению.

Ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Что ты говоришь? Неужели всякий начальник поставлен Богом? Не то говорю я, отвечает. У меня теперь слово не о каждом начальнике в особенности, но о самом начальстве. Что есть начальства, что одни начальствуют, а другие подчинены, и что нет смешения между высшими и низшими, это я называю делом премудрости Божией, ибо не сказал – «нет начальника», но ***нет власти не от Бога.*** Поэтому, говорю, рассуждает о самом предмете, о начальстве. Подобно сему, когда премудрый говорит: ***разумная жена от Господа*** (Притч. 19, 14), высказывает не то, что Бог соединяет каждого, вступающего в брак, но то, что брак установлен Богом. Итак, все власти, какие бы ни взял в рассмотрение, отца ли над сыном, мужа ли над женою, все ли прочие, даже те, которые существуют между животными, например, между пчелами, журавлями, рыбами, – все установлены Богом.

2. ***Посему противящиеся власти противятся Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение.***

Чтобы верующие не могли сказать: ты унижаешь нас, подчиняя начальникам тех, которые имеют получить Небесное Царство, показывает, что повинующийся начальствам повинуется Богу, или, что гораздо страшнее, неповинующийся начальствам противится Богу, установившему начальства, а противящийся будет наказан и Богом и людьми. Последнее внушил, сказав: ***противящиеся сами навлекут на себя осуждение.***.

3. ***Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее.***

Чего боишься и ужасаешься? Разве начальник бранит тебя, если делаешь добро? Разве он страшен для тебя, если ревнуешь о добродетели? Напротив, если ты делаешь добро, то начальник поставлен хвалить тебя. Он столь далек от того, чтобы наводить на тебя страх, что даже хвалит тебя.

4. ***Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.***

Он, говорит, содействует воле Божией. Например: Бог советует тебе быть целомудренным, и начальник предписывает то же законами. Бог увещевает тебя не быть любостяжательным и вором, и начальник поставлен судиею над тем же. Следовательно, он нам поспешник в добрых делах, если предаемся ему.

Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч. Значит, не начальник производит в нас страх, но пороки наши, по причине которых и ***меч*** начальника, то есть власть наказывать. Начальник, говорит, не напрасно опоясывается мечом, но для того, чтобы наказывать порочных. ***Он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.*** Когда начальник хвалит добродетель, исполняет волю Божию; и когда употребляет в дело меч, есть слуга Божий, защищающий добродетель и прогоняющий порок. Многие делают добро не столько из-за страха Божия, сколько по боязни начальников. Поэтому, когда начальник есть защитник добродетели и наказыватель порока, то он – Божий слуга.

5. ***И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести.***

Тебе необходимо, говорит, повиноваться не потому только, чтобы не испытать, гнева и Божия и начальнического, как непокорному, и не подвергнуться несносному наказанию, но и потому, чтобы не оказаться бессовестным и неблагодарным к благодетелю. Великие благодеяния доставляют начальства государствам. Ими поддерживается благосостояние наше, а если бы не было их, давно уже все ниспроверглось бы оттого, что сильнейшие поглотили бы слабейших. Итак, собственная совесть твоя, говорит, пусть убедит тебя почитать тех, которые доставляют тебе столько благ.

6. ***Для сего вы и подати платите, ибо они Божий служители, сим самым постоянно занятые.***

Ты, говорит, сам свидетельствуешь, что начальник благодетельствует тебе потому, что даешь ему вознаграждение, очевидно, как промышляющему о тебе. Мы не стали бы платить подати изначала, если бы не знали, что получаем пользу от начальства, проходящие которое неутомимо бодрствуют вместо нас, а мы свободны от хлопот по сему.

Ибо они Божий служители, сим самым постоянно занятые. Поэтому и Богу угодно, чтобы мы платили служителям Его подати. Бог хочет, чтобы в гражданском обществе было мирно, жили добродетельно и поражался порок; а в этом-то и служат начальники воле Божией, ревностно заботясь об общем спокойствии, прилагая неутомимое попечение о том, чтобы мы проводили жизнь в мире и тишине. Если иной употребляет начальствование во зло, то это ничего не говорит против пользы самого начальства.

7. ***Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь.***

Благодарность к начальникам есть, говорит, неизбежный долг твой. Отдавай же должное всякому, кому вручены различные начальствования: кому следует подать, то есть подать поголовная, тому отдавай подать, а кому оброк, то есть взнос за землю, тому отдавай оброк. Но не одни только деньги давайте. Воздавайте и страх, то есть почтение, благоговение и отменную почесть. Поэтому присовокупляет: ***кому честь, честь.*** Страх двух родов. Один страх тот, которым боятся преступники, – страх, происходящий от худой совести: этот страх еще прежде отверг апостол. Другой же страх тот, который имеют любящие к любимому, то есть высшая степень почтения, как сказано: ***Нет скудости у боящихся Его*** (Пс. 33, 10) и: ***Страх Господень чист, пребывает вовек*** (Пс. 18, 10). Здесь разумеется благоговение.

8. ***Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви…***

Иные долги, говорит, отдавайте. Но любовь не желайте никогда выплатить, а всегда имейте ее долгом постоянным. Если ты всегда окажешь ближнему расположение любящего, то не воображай, что поэтому завтра ты должен пренебречь им: напротив, всегда думай, что на тебе лежит долг – любить ближнего.

8–9. ***Ибо любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди: «не прелюбодействуй», «не убивай», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не пожелай чужого» и все другие заключаются в сем слове: «люби ближнего твоего, как самого себя».***

Кто любит ближнего, тот исполняет закон. Поэтому каждый должен любить ближнего своего потому, что получает от него и от любви к нему столько благодеяний, что исполняет весь закон. Не сказал – «дополняются», но – ***заключаются,*** то есть в этой заповеди сокращенно заключается весь состав заповедей. Ибо начало и конец добродетели есть любовь. Далее, закон требует любви в высшей степени. ***Люби,*** говорит, ***ближнего твоего, как самого себя,*** а Господь наш требует большего, внушив, чтобы мы любили ближнего более, нежели себя; ибо научает полагать за друга душу (Ин. 15, 13).

10. ***Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона.***

Показывает, что любовь имеет то и другое совершенство. Когда говорит, ***любовь не делает зла,*** обозначает, что она есть воздержание от зла, а словами: ***любовь есть исполне-***

ние закона указывает, что она есть делание добра. Итак, любовь совершает в нас добродетель, указываемую законом, во всей ее полноте.

11. ***Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали.***

Вы должны, говорит, весьма высоко ценить любовь, а через нее – все прочие добродетели. Таково уже время. Близок день воскресения, близок суд, и нам должно пробудиться от сна нерадения и быть готовыми к делам, достойным воскресения.

Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Вероятно, они вначале по обращении своем были ревностнейшими, а потом, с течением времени, охладели. Поэтому говорит: теперь мы ближе к будущему веку; ибо его разумеет под ***спасением,*** назвав его так с лучшей его стороны, потому что для грешников он не спасение, но погибель. Приближаясь Ж6 К будущей жизни, мы должны усилить свое внимание. Это и показывает далее.

12. ***Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света.***

То есть ночь скоро кончится. Например: положим, что ночь состоит из двенадцати часов. Когда пройдет десять часов, то говорим, что ночь кончается вместо: прошла, близка к концу. Ночью называет настоящий век, потому что в нем многие находятся во тьме и житие каждого покрыто тьмою; а днем именует век будущий, как по причине светлости праведных, так и потому, что тогда откроются тайны всех. В Евангелии же днем называется настоящий век потому, что во время его должно делать, а ночью именуется будущий век потому, что тогда никто не может делать (Ин. 9, 4).

Итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Делами назвал греховные действия, как нечто трудное, сопряженное с великими неудобствами, подверженное тысячам опасностей даже в нынешнем веке; а оружием света наименовал действия добродетельные: ибо они поставляют имеющего их как оружие в безопасности, и делают светлым, как оружие света. Словами: ***отвергнем*** и ***облечемся*** показал удобство того и другого, то есть и удаления от злых дел и обращения к добродетели. Как не трудно отложить одежду и облечься в другую, так возможно удалиться от порока и воспринять добродетель.

13. ***Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти.***

Выше сказал: ***день приблизился,*** а теперь показывает, что он уже наступает, и учит вести себя в нем благочинно. Благочинством привлекает тех, которые много уважали славу народную; и не сказал – «ведите себя», но – ***будем вести себя,*** делая свое увещание сносным. Ибо ничто так не безобразно, как грех, и ничто так не доставляет благообразия, как добродетель.

Не предаваясь ни пированиям и пьянству.

Не пить запрещает, но пить без меры; не употребление вина, но пьянство. ***Пированием*** называется (состояние) в пьяном виде, соединенное с обидами, что называется также бесчинием в пьяном состоянии.

Ни сладострастию и распутству. Сказав прежде о пьянстве, теперь говорит о происходящем от него зле; ибо ***распутство*** происходит от пьянства, и здесь отсекает не сообщение с женщинами, но блуд.

Ни ссорам и зависти. Угасив зло, рождающееся от похоти, подавляет теперь и то зло, которое происходит от гнева. Ибо ничто так не возжигает похоть и не воспламеняет гнев, как пьянство и бесчиние в пьяном состоянии. От зависти происходит рвение или ссора; потому что завидующий другому доходит и до ссор. Поэтому-то, отъяв ссору, восходит и к началу ее – зависти. Упоминает же о ссоре и зависти вместе с распутством потому, что от последнего происходят брани и превращения домов.

14. ***Но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти.***

Совлекши с нас одежду греховную, украшает наконец нас, облекая нас уже не в оружия света, но, что более может ужасать, делая одеянием нашим Самого Владыку. Кто облечен в эту одежду, тот имеет всякую добродетель.

И попечения о плоти не превращайте в похоти. Не запрещает попечения о теле, ***но похоти.*** Заботься, говорит, о теле для здоровья, а не для непотребства. Ибо то было бы не попечение, когда бы ты возжег пламень и распалил печь во вред себе. Старайся только о том, чтобы иметь тело здоровое, а что сверх того, о том не заботься, и не возжигай похоти тела, но все тщание обрати к духовному.

Глава четырнадцатая

1. ***Немощного в вере принимайте без споров о мнениях.***

Многие из уверовавших иудеев и после обращения наблюдали различия яств, воздерживались от свиного мяса и не дерзали совсем отстать от закона. Потом, чтобы не обличили их в том, что воздерживаются от одного мяса свиного, воздерживались вообще от всякого мяса и питались растениями. Другие были более совершенны, не наблюдали ничего подобного и были укоряемы от наблюдающих. Павел опасался, чтобы совершенные, обличая несовершенных неблаговременно и не надлежащим образом, не отклонили их от веры Христовой. Поэтому мудро приступает к делу, заботясь о пользе и другой стороны. Он не отважился сказать укоряющим: вы худо делаете, – чтобы не утвердить несовершенных в наблюдении ими обрядов. Не отважился также сказать обличителям: вы хорошо делаете, – чтобы не сделать их в нападках сильнейшими. Напротив, предлагает увещание, приспособленное к тем и другим. Его обличение направлено, казалось бы, более против сильнейшей стороны, но в самом деле вся сила оного падает на немощнейших. Ибо тотчас, выражением ***немощного*** показал болезнь таковых. Когда же говорит ***принимайте,*** то указывает нужду в великом попечении для них что и есть признак крайней слабости их. То есть не осуждайте его за немощь, не соблазняйтесь, не смущайтесь многими помыслами, но всячески старайтесь уврачевать его, как немощного.

2. ***Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи.***

Делает сравнение между совершенным и несовершенным и говорит, что совершенный, дерзая по вере, безразлично питается всем, а не совершенный, как немощный, ест овощи. Поэтому последний заслуживает врачевания, а не поражения.

3. ***Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его.***

Те, которые ели все, как совершенные, уничижали неядущих, как маловерных и привязанных еще к иудейству. С другой стороны, неядущие осуждали тех, которые ели все, как невоздержных. Так как между этими многие были из язычников, то говорит, ***Бог принял его,*** то есть явил к нему свою неизреченную благодать. Что же ты споришь с ним о законе, когда Христос оправдал его?

4. ***Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восставлен, ибо силен Бог восставить его.***

Это говорит к совершенному, отклоняя его как от уничижения, так и от осуждения: ибо совершенные дела то и другое, и уничижали и осуждали несовершенных. Впрочем, скрытным образом обличение падает здесь и на несовершенных. Не потому, говорит, запрещаю тебе судить, что поведение другого не заслуживает суда, но потому, что он раб чужой, то есть не твой, но Божий. Ибо хотя он и немощен, однако не перестал быть рабом; почему и не должно отчаиваться относительно его. Ободряя же немощного, не сказал – «падает», но – ***стоит он, или падает.*** То или другое случится с ним, Господу принадлежит право судить и о потере падающего, и о прибытке стоящего.

И будет восставлен, ибо силен Бог восставить его. Словами ***будет восставлен*** показывает, что он так колеблется и до того дошел, что один Бог может восставить его. Это говорим о людях, весьма безнадежных.

5. ***Иной отличает день ото дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума.***

Одни изнуряли себя неядением или воздерживались от свиного мяса в известные дни, а другие всегда принимали пищу и осуждали постившихся. Об этих говорит, что один судит,

а другой иначе, тогда как дело здесь безразличное. Поэтому не должно нападать на братии из-за этого. В этом снисходит укоряемым, потому что они были еще новы в вере.

Всякий поступай по удостоверению своего ума. Когда речь идет о догматах, мы не должны поступать по удостоверению собственного ума, но должны твердо содержать то, что получили, хотя бы ангел с неба стал благовествовать нам иное. А здесь речь идет о яствах и пощении и тому подобное, и претыкающиеся об это еще новы в вере и нуждаются в снисхождении, а потому надлежало сделать им некоторое послабление относительно жизни, устроенной по всей точности.

6. ***Кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога.***

Кто, говорит, различает дни, для Господа различает, как благоговейный; и кто не различает дней, для Господа не различает, как совершенный уже о Христе и возвысившийся над законными наблюдениями.

Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога, и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога. Об одном только, говорит, спрашиваем, для Христа ли делают это и благодарят ли Бога ядущий и не ядущий? ибо совершаемое так не подлежит обвинению и оклеветанию. Говорит это, как я сказал, потому, что римляне еще новы были в вере. Но скрытным образом наносит удар и придерживающимся иудейства. Как благодарить тому, кто придерживается еще закона? Следовательно, благодарит только тот, кто ест.

7–8. ***Ибо никто из нас себе живет для себя, и никто не умирает для себя. А живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни.***

Мы имеем, говорит, Господина, который печется о нас и который почитает жизнь нашу приобретением, а смерть нашу потерею. Ибо мы живем или умираем не для себя только самих, но и для Господа. Жизнию называет здесь жизнь в вере, а смертию – отпадение от веры. Поэтому Господин этот отнюдь не попустит, чтобы мы умерли по вере, а кажущиеся немощными отпали от нее.

И потому, живем ли или умираем – всегда Господни. От смерти по вере переходит к смерти естественной; ибо об этой рассуждает теперь. Живем ли, говорит, естественною жизнию, мы Господни; умираем ли мы естественною смертию, Господу же принадлежим.

9. ***Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми.***

Это, говорит, пусть уверит тебя, что Господь печется об исправлении немощных. Ибо Кто пролил кровь и умер, чтобы быть Господином нашим, Тот может ли не заботиться о тех, которые сделались Его рабами? Это похоже на то, как обыкновенно говорим: возможно ли, чтобы кто-нибудь не заботился о рабе своем, за которого заплатил так дорого? И если, говорит, заботится об умерших, то тем паче о живых. Все это говорится с целию пристыдить иудействующего христианина и убедить его обсудить, как неблагодарно поступает он в отношении к умершему за него Христу, продолжая держаться закона.

10. Л ***ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты что унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов.***

Ты, не ядущий, что осуждаешь брата своего, ядущего, как невоздержного, за то, что он ест? Он брат; ты не должен уничижать собственный свой член. Разве ты отдашь за него ответ? Он сам предстанет на суд и сам понесет наказание. Видишь ли, как обращая речь к совершенному, наводит страх на самого иудействующего, как имеющего отдать отчет на Страшном суде?

11–12. ***Ибо написано: «живу Я, говорит Господь, предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедывать Бога». Итак каждый из нас за себя даст отчет Богу.***

Что мы будем судимы, как рабы господином, об этом, говорит, свидетельствует пророк (см. Ис. 45, 23). А словами ***предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедывать Бога*** показал высшую степень подчинения. ***Будет исповедывать,*** то есть даст отчет в сделанном им – Кому? Не закону, но Христу. Итак, зачем же ты подчиняешься закону?

13. ***Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну.***

Оба, говорит, оставьте существующую между вами распрю, и ни ты, ядущий все, не подавай несовершенному случая к преткновению, как сильно укоряющий его, ни ты, не ядущий всего, не подавай брату случая к соблазну, как наблюдающий иудейское. Претыкание и соблазн взаимно приличны тому и другому лицу.

14. Я ***знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто.***

Научив, что не должно укорять немощного, учит, наконец, о пище и наставляет слабейшего не бояться и не страшиться ее как нечистой. Я, говорит, знаю и уверен не по человеческим умозаключениям, но о Господе Иисусе, то есть быв научен и удостоверен Господом Иисусом, ***нет ничего в себе самом нечистого,*** то есть ничего нет нечистого по природе, но делается нечистым от произволения употребляющего. Для него одного и скверно и нечисто, а не для всех.

15. ***Если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер.***

Здесь обращает речь к совершенному, поучая: хотя бы снеди тысячекратно не были нечисты по природе, однако тебе надлежало воздерживаться от свиного мяса, чтобы не огорчился соблазняющийся брат твой, если только хочешь ты сохранить любовь. Далее присовокупляет:

Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер. Ты, говорит, спором о пище губишь и развращаешь брата, который так ценен в очах Христа, что Он умер за него. Ибо тот, замечая, что ты ешь свиное мясо в противность ему, становится упорнее и потому, опасаясь, чтобы не отпасть от Христа, всецело привязывается наконец к закону.

16. ***Да не хулится ваше доброе.***

То есть ты имеешь совершенство в вере (ибо его назвал словом ***доброе).*** Поэтому не злоупотребляй совершенством своим и не подавай повода хулить оного. Ибо если ты, будучи совершенным, губишь совершенного, то подал повод хулить благо, которое имеешь. Но ты понимаешь, что и учение наше благо и что оно не желает подвергаться хуле со стороны неверных, когда они видят расколы и соблазны касательно пищи.

17. ***Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе.***

Не этим заслуживаем мы благоволение у Бога. Если, говорит, ты не ешь, то неужели это введет тебя в Царство? Укоряя за то, что почитают это важным, упомянул и о питье.

Но праведность и мир и радость во Святом Духе. В Царство Божие вводит ***праведность,*** то есть все добродетели, непорочная жизнь и мир с братом, а не вражда, ***и радость,*** происходящая от согласия, а не скорбь, происходящая от укоризны. Так как мир и радость бывают и в худых делах, то присовокупил: ***во Святом Духе.*** Речь у меня, говорит, о мире и радости во Святом Духе. Великий Златоуст глубоко объяснил, для чего упомянул Павел о правде. Для того, говорит он, чтобы доказать, что невоздерживающийся от свиного мяса обижает брата относительно спасения, которое стяжал для него Христос смер-

тию Своею. Поэтому, с противоположной стороны, воздерживающийся для брата соблюдает правду, которая доставляет вечное Царство.

18. ***Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей.***

Здесь намекает, что совершенные укоряли немощных по тщеславию. Если хочешь, говорит, стать предметом удивления для людей, то возбуждай их к удивлению тебе не столько совершенством, сколько миром и прочими добродетелями. Этим именно надобно служить и благоугождать Богу, а не тем, что ты без разбора ешь свиное мясо.

19. ***Итак будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию.***

О мире сказал к несовершенному, потому что этот не имел мира, а ***ко взаимному назиданию*** сказал к совершенному, чтобы он не колебал брата, соблазняя его. Впрочем, сказав: ***ко взаимному,*** отнес слово свое об этом к тому и другому. Тем же, что сначала упомянул о мире, а потом о созидании, показал, что без мира трудно назидать.

20. ***Ради пищи не разрушай дела Божия. Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн.***

Делом Божиим называет спасение брата. Итак, не разрушай этого, стяжанного для него Богом, и притом ради пищи, то есть нежеланием воздерживаться от свиного мяса, чтобы получить себе пользу.

Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн. Сделав строгое запрещение совершенному, убоялся, чтобы немощный не утвердился в худых мыслях. Поэтому опять обращается к догмату и говорит, что все чисто, но худо для того, кто ест с худою совестию и после того как соблазнился. Ибо несовершенный, почитающий свиное мясо нечистым, если ест его по принуждению, больший терпит вред. Поэтому сначала ты должен вразумить его, что все чисто.

21. ***Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает.***

Ты, говорит, принуждаешь брата есть то, чего он не осмеливается есть, а я говорю, что ты должен воздерживаться от всего, что соблазняет брата, не потому, что это зло (ибо все чисто), но потому, что это соблазняет. Словом ***претыкается*** показал, что он ослеплен; ибо претыкаются слепые. А ***соблазняется*** он, как легкомысленный, ***изнемогает*** же, как маловерный. Всем этим привлекает сильнейшего к помощи брату, как совершенно немощному.

22. ***Ты имеешь веру? имей ее сам в себе, пред Богом. Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает.***

Здесь тайно намекает на то, что совершенный высказывал совершенство свое по тщеславию. Говорит: ты хочешь показать мне, что совершен в вере относительно пищи, веря, что все хорошо и чисто? Не показывай мне, но довольствуйся свидетельством совести и потому Богом, Которому показываешь это.

Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает. Хотя другой и не увидит твоего блаженства, ты будь доволен сам собою, если сам не осуждаешь себя и совесть твоя не осуждает тебя в вещи, которую ты одобрил или избрал. Понимай это только о настоящем предмете, то есть о пище.

23. ***А сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех.***

Кто сомневается, говорит, и ест не убедившись, тот осуждается. Почему? Не потому, чтобы пища была нечиста, но потому, что не был уверен, что она чиста, и думал, что прикасался к ней, как нечистой.

А все, что не по вере, грех. Кто не убежден и не верит, что пища чиста, но ест ее с лукавою совестию, тот, конечно, грешит.

24–26. ***Могущему же утвердить вас, по благовествованию моему и проповеди Иисуса Христа, по откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчано,***

но которая ныне явлена, и через писания пророческие, по повелению вечного Бога, возвещена всем народам для покорения их вере, Единому премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава во веки. Аминь.

Оканчивать увещания молитвою – всегдашний обычай апостола. Так поступает он и теперь: молится о несовершенных, и не только словом научает, но и молитвами испрашивает помощь у Бога. Связь речи такая: ***Могущему утвердить вас через Иисуса Христа слава во веки. Аминь. Могущему утвердить*** несовершенных, колеблющихся. Каким образом? ***По благовествованию моему,*** то есть чтобы содержали то, чему я учу. А благовествование мое и проповедание Христово одно и то же, ибо это не наше учение, а Его законы. ***По откровению тайны.*** Это знак величайшей чести, что мы стали участниками в тайнах, то есть в предмете который хотя издревле предопределен, но явлен ныне через писания пророческие. Поэтому чего бояться тебе, немощный? Чтобы ядением свиного мяса не отступить от закона? Но вот все Писания возвещают ту тайну, которая вводит безразличие в пище. Это совершается даже **по** ***повелению вечного Бога.*** Поэтому твой долг не противоречить, но верить и повиноваться Богу; ибо вера требует послушания, а не пытливости. Кроме того, так верят все народы; ибо тайна та сделалась известною всем. Как же ты продолжаешь рабски служить закону? ***Единому премудрому Богу*** сказал для того, чтобы отличить Бога от ангелов и нас, отнюдь не от Сына, – да не будет; ибо мудрость Отца есть Сын. Итак, слава Тому, Кто явил тайну, а не закону, к которому ты продолжаешь прибегать, наблюдая различие в пище. Слова ***через Иисуса Христа,*** как выше сказано, можно соединять так: ***Могущему вас утвердить через Иисуса Христа.*** Но можно понимать их и так: открытой всем народам Иисусом Христом; ибо тайну открыл народам Сам Тот, Кто послал учеников научить все народы.

Глава пятнадцатая

1. ***Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать.***

После молитвы опять предлагает увещание и услаждает совершенных тем, что поставляет их наряду с собою и называет сильными. Не сказал же просто – «немощи», но – ***немощи бессильных,*** то есть усугубив выражение, чтобы привлечь их к большему милосердию.

И не себе угождать. Сказав об обязанности нашей сносить немощи других, научает, как исполнять ее. Для этого, говорит, нужно, чтобы мы искали не своей только пользы.

2. ***Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию.***

То есть каждый делай то, что угодно ближнему, и служи брату, только во благо. А чтобы не сказал кто из совершенных: вот и я влеку брата во благо,[4] присовокупил: ***к назиданию.*** Ибо хотя и благо то, что делаешь теперь, но так как это неблаговременно, то дело твое обращается в разорение: ибо неблаговременное обличение не назидает.

3. ***Ибо и Христос не Себе угождал, но как написано: «злословия злословящих Тебя пали на Меня».***

Представляя на вид Христа, указывает нам в Нем пример. Ибо если бы Он хотел угождать Себе, то есть искать Своего, то мог бы избежать поношений и не терпеть того, что потерпел; но Он не захотел этого, а, приняв на Себя страдания, подвергся худой славе у многих, был почитаем бессильным, даже обманщиком и злодеем. О Нем говорили: ***других спасал, а Себя не может спасти*** (Мф. 27, 42). Так ***злословия злословящих Тебя,*** Отца, в Ветхом Завете, ***пали на Меня*** (Пс. 68, 10), то есть Сына Твоего. И это не есть что-либо новое.

4. ***А все, что написано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду.***

Это, говорит, написано было прежде, чтобы мы подражали сему. Здесь же увещевает их и к терпению искушений, говоря, да укрепляемые Писанием терпим, и терпением да покажем в себе все живое и постоянное упование. Ибо кто терпит, тот показывает, что имеет в себе упование на будущие блага, а кто не терпит, тот потерял упование.

5. ***Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса.***

Показывает, что с Писаниями Бог дает нам терпение и утешение. Поэтому и называет Его Богом терпения и утешения как подателя и виновника этих благ. Просит также у Него, чтобы даровал нам ***быть в единомыслии между собою.*** Ибо любви свойственно тоже думать о ближнем, что думает кто о себе. Поскольку же есть любовь мирская, то присовокупил: ***по учению Христа Иисуса,*** то есть думайте то, что угодно Иисусу Христу.

6. ***Дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.***

Что же бывает плодом единомыслия? Прославление Бога не только одними устами, но и одною душою (ибо это значит ***единодушно).*** Здесь слово ***Бога*** надобно отделить, отнеся его к предыдущему, и потом читать с нового начала: ***и Отца Господа нашего Иисуса Христа.*** Впрочем, не будет неприличия, если читать эти слова и не отдельно, то есть разумея ***Бога и Отца*** по отношению к единому и тому же Христу; ибо Бог Отец есть Бог Христа по человечеству, а Отец по Божественности.

7. ***Посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию.***

Повторяет прежнее увещание и приводит Христа в пример, чтобы мы принимали друг друга, потому что это служит к славе Божией. Ибо единение наше наипаче прославляет Бога.

---

[4] То есть когда обличаю его.

Потому, сказано: ***уверует мир, что Ты послал Меня,*** если ученики ***будут едино*** (Ин. 17, 21–23). Напротив, несогласия наносят Богу бесчестие. Ибо язычники видя, что христиане разногласят между собою, обвиняют самую веру.

8. ***Разумею то, что Иисус Христос сделался служителем для обрезанных – ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам.***

Держится прежнего предмета речи, показывая, что Христос не Себе угождал, но все принял для нас, и убеждает язычников, чтобы не превозносились над уверовавшими из иудеев. Ибо иудеи спасались по обетованию (обещанию), данному отцам их, а язычники по одному милосердию и человеколюбию. Смысл сказанного такой. К Аврааму было обетование, что его семя получит в наследие мир (см. Быт. 13, 15); но происшедшие от Авраама все сделались достойными наказания, как нарушившие закон, и потому недостойными обетования. Поэтому пришел Христос и исполнил закон, приняв как прочее, так и обрезание. Исполнив же закон, приняв обрезание и став семенем Авраама, Он погасил гнев Божий и сделал нас способными к принятию обетования. Он принял обрезание для того, чтобы обетование Божие не осталось тщетным, а не для того, чтобы утвердить закон. Что же ты, иудействующий, привязываешься к закону, который довел уже тебя до такой опасности, что ты лишился обетовании?

9. ***А для язычников – из милости, чтобы славили Бога…***

Происшедшие из иудеев хотя и недостойны были, однако имели обетования; а ты, призванный из язычества, спасен по одному человеколюбию. Поэтому и обязан ты особенно славить Бога. Бог же славится тогда, когда вы живете в союзе и единении между собою, когда ты сносишь немощных.

9—12. ***Как написано: «за то буду славить Тебя (Господи) между язычниками, и буду петь имени Твоему». И еще сказано: «возвеселитесь, язычники, с народом Его». И еще: «хвалите Господа, все язычники, и прославляйте Его, все народы». Исайя также говорит: «будет корень Иессеев, и восстанет владеть народами; на Него язычники надеяться будут»***

Привел все эти свидетельства (см. Пс. 17, 50; 116, 1; Втор. 32, 43; Ис. 11, 10) в доказательство того, что призванные из язычников должны жить в единении и быть в единомыслии с пришедшими из иудеев; смиряет, чтобы не превозносились перед призванными из язычников, ибо их призывали все пророки, а призванных из язычников опять убеждает не надмеваться, показывая, что они более обязаны Богу, как получившие большую милость; ибо они, не будучи народом, соединены с народом. Слова ***славить Тебя между язычниками*** сказаны от лица Христова, вместо слов: проповедаю Тебя, Отче, в народах; а слова ***будет корень Иессеев*** сказаны вместо: от корня Иессеева вырастет Тот, Кто восстанет владеть народами, то есть Христос.

13. ***Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою.***

Молит, чтобы верующие из иудеев исполнились радости, ибо они печалились от укоризн, а верующие из язычников исполнились мира, ибо они являлись враждующими против придерживавшихся закона; лучше сказать, молит, чтобы те и другие исполнились радости и мира. Как же сделать это? Верою. А вера какое благо доставляет нам? Избыточество в уповании. Ибо кто верит будущим благам и остается доволен настоящими, тот избыточествует упованием, то есть ожидает будущих благ и переносит все временные бедствия. А какое благо доставляет нам упование? Приобретение силы Духа Святого, которая со делает упование наше крепчайшим. Ибо упование, с одной стороны, доставляет нам силу Духа Святого, а с другой – становится в нас от Духа Святого крепче.

14. ***И сам я уверен о вас, братия мои, что и вы полны благости, исполнены всякого познания и можете наставлять друг друга.***

Высказав выше много жесткого, врачует, наконец, нанесенные раны. Не сказал – «слышал», но ***и сам я уверен,*** который вас обличал и обвинял, ***что и вы полны благости,*** то есть благомыслия и братолюбия, а может быть, называет благостию полноту добродетели. Не сказал также – «имеете благость», но – ***полны.*** Поскольку же нет никакой пользы в том, чтобы иметь только благость, между тем не знать, как пользоваться ею, присовокупил: ***и можете наставлять друг друга,*** не только научиться, но более – других научить.

15. ***Но писал вам, братия, с некоторою смелостью, отчасти как в напоминание вам.***

Римляне пользовались уважением и были весьма надменны. Поэтому врачует их, когда говорит: я осмелился; ибо словом этим сильно сокрушает их. Но и этим не удовольствовался, а присовокупил: ***отчасти,*** то есть несколько и вкратце, притом не как поучающий, но ***в напоминание,*** то есть слегка напоминая.

15–16. ***По данной мне от Бога благодати быть служителем Иисуса Христа у язычников и совершать священнодействие благовествования Божия, дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятно Богу.***

Сообщая речи своей смиренный тон, говорит: я не сам восхитил себе честь, но Бог повелел мне это, оделив меня для этого, не потому чтобы я был достоин, но по благодати. На что же дана мне благодать? Чтобы быть мне служителем и священником Евангелия. Поэтому не вините меня за то, что я говорю к вам. Священство мое в том и состоит чтобы возвещать Евангелие. А кто осмелится обвинять священника, приближающего нож к тому, что избрано в жертву?

Дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятно Богу. Я, говорит, написал к вам не для того, чтобы вместе с другими народами и вы спасались, и чтобы, таким образом, приношение язычников было совершенно благоприятно оттого, что все приносят Богу плоды. ***Освящено Духом Святым,*** то есть духовной жизнью; ибо освящает не одна вера, но и жизнь. Правда, уверовав и крестившись, мы получили Духа; но если не будем и жить духовно, то благодать Духа угасает. Смиряет гордость римлян, чтобы они не почитали низким иметь учителем своим Того, Кто приводит к Богу все народы.

17. ***Итак я могу похвалиться в Иисусе Христе в том, что относится к Богу.***

Так как перед этим весьма унизил себя, то теперь опять возвышает слово, чтобы не почли его презренным, и говорит: я хвалюсь не самим собою и не попечениями своими, но благодатию Христовою. В чем же хвалюсь? В том, что относится к Богу, то есть не маловажными какими-нибудь вещами, но духовными.

18-**19.** ***Ибо не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня, в покорении язычников вере, словом и делом. Силою знамений и чудес, силою Духа Божия, так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика.***

Поскольку сказал о себе: я служитель Евангелия у всех народов, то прибавляет: я не хвастаю и не чванюсь чем-либо, чего я не сделал: я даже не делал, но делал Христос, пользуясь мною как орудием. Изрекаю ли я что, говоря и любомудрствуя о небесном, делаю ли что, проводя жизнь по Боге, совершаю ли чудеса, все это принадлежит Христу. А между знамением и чудом есть различие. Знамением называется то, что совершается сообразно с природою, только необыкновенным образом. Таково внезапное исцеление тещи Петра, больной горячкою. Здесь исцеление горячки есть дело, сообразное с природою; но оно совершилось необыкновенным образом: как только коснулся Христос, горячка прошла (см. Мф. 8, 14, 15). А чудо есть действие, совершаемое над тем, что бывает не сообразно с природою. Таково исцеление человека, слепого от рождения (см. Ин. 9, 1–7). Поскольку же знамения и чудеса

бывают и силою бесов,[5] то присовокупил: ***силою Духа Божия.*** Здесь показывается также достоинство Духа, Который может делать истинные знамения и чудеса.

Так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика. Хочешь ли говорит, иметь доказательство на то, о чем я говорю? Вот множество учеников моих от Иерусалима даже до Иллирика, что составляет границы нынешней Булгарии. Не сказал же – «я проповедал», но – ***распространено мною*** благовествование, чтобы показать, что слово его было не бесплодно, но действенно. Когда же слышишь: ***от Иерусалима до Иллирика,*** не думай, что апостол ходил прямою и большою дорогою. ***И окрестности,*** говорит, то есть я обошел народы с проповедию и к северу и к югу.

20. ***Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании.***

Я не только благовествовал этим и стольким народам и обратил их, но и не ходил к тем людям, которым возвещено уже было имя Христово. Так я далек от того, чтобы подчинять себе чужих учеников и делать это для собственной славы. Поэтому и написал я к вам не из желания снискать у вас славу, но потому, что исполняю свое служение. ***Чужим основанием*** называет учение апостолов не потому, что они были чужды ему, и не потому, что они проповедовали иное, но по отношению к награде; потому что награда за их труды была чужда для Павла, не принадлежала ему.

21. ***Но как написано: «не имевшие о Нем известия увидят, и не слышавшие узнают».***

Здесь показывает исполнившееся пророчество (см. Ис. 52, 15); а кто решается учить несведущих, к чему прибегал Павел, тому предстоит много труда и пота.

22. ***Сие-то много раз и препятствовало мне придти к вам.***

В начале настоящего послания сказал: ***встречал препятствия даже доныне*** (Рим. 1, 13), а здесь представляет самую причину, которая препятствовала ему прийти к ним. Я, говорит, повсюду ходил с проповедью, и потому встречал много препятствий, то есть я часто намеревался и желал прийти к вам, но всегда встречал препятствия.

23–24. ***Ныне же, не имея такого места в сих странах, а с давних лет имея желание придти к вам, как только предприму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда, как скоро наслажусь общением с вами, хотя отчасти.***

Я, говорит, встречал препятствия потому, что желал проповедовать, ныне же пишу к вам и иду к вам, потому что нет уже мне дела в этих странах, а не по другой какой-либо причине, из желания, например, снискать у вас славу. Далее, чтобы не сказали ему: посещаешь нас кое-как, потому, что у тебя нет уже там дела, присовокупляет: я имею желание к тому с давних лет. Это-то желание и спешу исполнить. Но чтобы они опять не возгордились, вообразив, что он имеет желание прийти к ним, как высшим всех прочих, прибавляет: как только предприму путь в Испанию, приду к вам. А чтобы опять не сказали: он хочет только мимоходом быть у нас, присовокупил: ***вы проводите меня туда,*** то есть вы сами, увидев необходимость, побуждающую меня отправиться к тем народам, проводите меня, так что я посещу вас не из презрения к вам, но по необходимости. Поскольку же и это оскорбительно для них, то успокаивает их, говоря: ***наслажусь общением с вами, хотя отчасти.*** Этим показывает, что желает видеть их из любви к ним и притом сильной, почему не сказал –

[5] На это есть свидетельства и в Священном Писании, и у св. отцов Церкви. Так, Господь говорит: ***Восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великия знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных*** (Мф. 24, 24, ср. Мк. 13, 12). Апостол Павел пишет об антихристе, что его ***пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами*** (2 Фес. 2, 9). То же самое говорят об антихристе и его слугах святые отцы Церкви. Как отличать такие обольщения сатаны от чудес истинных, действительных, совершаемых силою Божиею, можно прочитать и во «Введении в православное богословие» митрополита Макария (Булгакова).

«увижу», но – ***насладжусь,*** подражая тому, как родители говорят к детям. Сказал: ***отчасти,*** то есть сколько бы времени ни пробыл я у вас, никогда не насыщусь, никогда не наскучит мне общение с вами: поэтому я доволен буду, если отчасти насыщусь вами.

25–26. ***А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме.***

Выше дал обещание прийти к ним. Между тем ему нужно было еще промедлить. Поэтому, чтобы не подумали, что смеется над ними, высказывает причину, по которой медлит, и говорит: ***иду в Иерусалим, чтобы послужить святым.*** Не сказал: неся с собою милостыню, но: ***послужить,*** чтобы узнали мы, как высоко, кем совершается и как важно это. Через это увещевает еще римлян к милостыне; ибо когда говорит: ***Македония и Ахаия усердствуют*** и прочее, то влагает в них ревность подражать им. Слово ***усердствуют*** употреблено вместо «захотели», признали за благо послать ***некоторое подаяние.*** Так, то есть ***подаянием,*** называет милостыню везде, как прибыль общую, и дающих и принимающих. Сказал ***некоторое*** вместо «малое», чтобы не показалось римлянам, будто укоряет их, как скупых и нещедрых. ***Для бедных между святыми*** сказал, то есть верных, так что они достойны сугубого сожаления, во-первых, по нищете, а во-вторых – по добродетели.

27. ***Усердствуют, да и должники они перед ними. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном.***

В том, говорит, ничего нет нового, если они захотели сделать подаяние святым: они – должники их. Каким образом? Христос происходит от иудеев, пришел для них; оттоле апостолы, пророки, все блага. Но причастницею всего этого сделалась вселенная. Следовательно, обратившиеся из язычников должны уделять им свои телесные блага; точно так же и вы. Не сказал же – «допустить до участия», но – ***послужить;*** он представил их как бы диаконами. Не сказал также «в телесном своем». Ибо о духовных благах сказал, что они принадлежат иудеям, а блага телесные принадлежат не одним язычникам; потому что мнение обще всем, а не одних владетелей.

28. ***Исполнив это и верно доставив им сей плод усердия, я отправлюсь через ваши места в Испанию.***

То есть как бы положив в царские сокровищницы, как неприступное и безопасное место; ибо таково запечатываемое. Сказав ***плод,*** показывает этим, что подающие милостыню получают от того большую прибыль.

Я отправлюсь через ваши места в Испанию. Опять упоминает об Испании, показывая тем, что путь его туда необходим для него и что он пройдет Рим не из презрения к ним.

29. ***И уверен, что когда приду к вам, то приду с полным благословением благовествования Христова.***

То есть увижу вас благоискусными во всех благах евангельских. Ибо ***полным благословением*** называет все блага, достойные благословения, то есть похвалы сообразно Евангелию. Но можешь разуметь под благословением и милостыню, чтобы была такая мысль: найду вас совершенными в милостыне и человеколюбии. Говорит же это, предваряя их, чтобы, устыдившись похвал, постарались явиться таковыми.

30. ***Между тем умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовию Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу.***

Никогда не почитает себя достойным веры, но представляет посредников. Так и теперь указывает на Христа и Духа. Но об Отце не упомянул, чтобы ты узнал, что когда упоминает об одном Отце, то не исключает Сына и Духа. Сказал же: ***любовию Духа;*** потому что как Отец и Сын возлюбили мир, так и Дух.

Подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу. Показывает величайшее смиренномудрие, когда говорит, что имеет нужду в молитве их.

31. ***Чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым.***

Не сказал – «да вступлю в состязание и побежду их», но – ***чтобы избавиться,*** исполняя Божественный закон, повелевающий молиться о том, чтобы не впасть в искушение (см. Мф. 26, 41). Вместе с этим показывает и то, что необходимо делать подаяния тем, которые живут среди стольких неверующих (об избавлении от которых и сам молится) и притом находятся в опасности погибнуть от голода.

И чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым. То есть чтобы приняли подаяние с добрым расположением. Отсюда же видно, что подаяние милостыни недостаточно для того, чтобы она была принята. Когда кто подает по необходимости, от неправды, для тщеславия, то все погибает и плод от того уничтожается.

32. ***Дабы мне в радости, если Богу угодно, придти к вам и успокоиться с вами.***

Я, говорит, потому молюсь об избавлении оттуда, чтобы поскорее увидеть вас и притом с удовольствием, не навлекая там себе никакой скорби.

И успокоиться с вами. Не сказал «научить вас, наставить в вере», но – ***успокоиться,*** то есть вы оживитесь учением моим, а я оживлюсь приращением вашей веры. Выражением этим показывает, что и он и они, как подвизающиеся и трудящиеся, имеют нужду в отдыхе.

33. ***Бог же мира да будет со всеми вами, аминь.***

Присовокуплять к увещанию молитву всегдашний обычай апостола.

Глава шестнадцатая

1. ***Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской.***

Настоящее послание доставила римлянам Фива. Потому и знакомит их с нею. Высказывает свое уважение к ней и тем, что упомянул о ней на первом месте, и тем, что назвал ее сестрою (это великое достоинство), и тем, что показал ее должность, наименовав ее диакониссой.

2. ***Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому.***

То есть для Господа окажите ей честь. Принимающий для Господа и незначительного человека оказывает честь Господу; а Фива была святая: следовательно, тем более ей надлежало оказать честь. Поэтому присовокупил: ***как прилично святым,*** то есть как следует принимать святых.

И помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас… То есть снабдите, чем можете, подайте руку помощи; ибо не сказал – «удовлетворяйте всем ее нуждам».

Ибо и она была помощницею многим и мне самому. Сначала похвалил, потом в середине поместил увещание и, наконец, снова поставил похвалу, окружая с обеих сторон увещание свое – оказать ей честь. Ибо она, говорит, была помощницею многим, даже мне самому, вселенскому проповеднику, претерпевшему столько страданий.

3. ***Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе.***

Они, говорит, помогали мне в слове и учении и разделяли со мною труды и опасности. Некоторые полагали, что сотрудники эти были помощниками Павла в делании палаток (см. Деян. 18, 3).

4. ***Которые голову свою полагали за мою душу, которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников, и домашнюю их церковь.***

Они были совершенными мучениками: ибо при Нероне были бесчисленные опасности.

Которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников. Здесь намекает на страннолюбив их. И чтобы не подумали, что говорит из лести, представляет и других многих свидетелей.

И домашнюю их церковь. Так они были добродетельны, что все домашние их сделались верными; ибо наименовал их церковью. Так наименовал их и за страннолюбие; ибо церковью называется тот дом, в котором находятся примерное благочестие и добродетель. Ведущие брачную жизнь пусть поймут, что брачный союз не служит для них препятствием к добродетели.

5. ***Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахаии для Христа.***

Великое дело – быть возлюбленным Павла, который умел любить с разбором, и недаром. Называет Епенета начатком или потому, что он первый уверовал, став началом и дверью к вере для всего народа, или потому, что показал в себе большее благочестие, почему и сказано: ***который есть начаток для Христа,*** то есть не в мирских вещах, но в том, что относится ко Христу.

6. ***Приветствуйте Мариам, которая много трудилась для нас.***

Украшает женщину трудами за истину. Мариам, говорит, трудилась, бодрствовала, молилась, не для себя только, но и, что важнее, исполняла должность и вместо нас, апостолов. Как же говорит ***не позволяю жене учить*** (1 Тим. 2, 13)? Запрещает ей не учить словом, но занимать почетное место среди церкви и заседать на возвышении, а домашнее обучение весьма одобряет. Таким образом жена учит мужа своего (см. 1 Кор. 7, 16) и детей (см. 1 Тим. 2, 15); и Прискилла наставила Аполлоса в вере (см. Деян. 18, 26). Не сказал же – «многому

учила», но – ***много трудилась,*** чтобы показать, что Мария служила снабжением деньгами и другими способами.

7. ***Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между Апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа.***

Что они сродники Павла, это составляет не такую похвалу, какую составляет то, что они узники с ним; ибо они пострадали гораздо более всякого пленника, будучи влачимы с места на место и разоряемы. Важно и то, чтобы быть апостолом, особенно если взять во внимание, что Иуния была женщина: тем более важно быть славным между апостолами. А славились они делами своими. Не стыдится Павел говорить: ***прежде меня уверовавших во Христа,*** поставляя им в похвалу, что выступили наперед и предвосхитили благо.

8. ***Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе.***

Если за великое почитается быть любиму царем, то во сколько славнее быть любиму Павлом, который любит за добродетель и для Бога?

9. ***Приветствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христе, и Стахия, возлюбленного мне.***

Эта похвала больше предыдущей; она даже причина той и содержит ее в себе: ибо кто споспешник, тот и возлюбленный.

И Стахия, возлюбленного мне. И этого венчает тем же.

10. ***Приветствуйте Апеллеса, испытанного во Христе. Приветствуйте верных из дома Аристову лова.***

То есть неукоризненного и беспорочного во всем, а некоторые говорят, что это сказано в отличие от другого какого-то Апеллеса, не заслуживающего одобрения.

Приветствуйте верных из дома Аристову лова. Эти, вероятно, были не таковы, как прежние, почему и не упомянул о них поименно.

11. ***Приветствуйте Иродиона, сродника моего. Приветствуйте из домашних Наркисса тех, которые в Господе,*** то есть верных.

12. ***Приветствуйте Трифену и Трифосу, трудящихся о Господе. Приветствуйте Перейду возлюбленную, которая много потрудилась о Господе.***

О Мариам сказал выше (ст. 6): ***которая много потрудилась,*** а об этих говорит, что они еще трудятся. Великая похвала всегда быть в деле и трудиться.

Приветствуйте Перейду возлюбленную, которая много потрудилась о Господе. Эта выше упомянутых перед сим; потому что она не только много потрудилась, но и возлюбленная. Так именует каждого по достоинству, одних поощряя к большей ревности, а других возбуждая к соревнованию.

13. ***Приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и матерь его и мою.***

Двойное благо: и сын беспорочен, и мать безукоризненна. Ибо не сказал бы, конечно, – ***матерь его и мою,*** если бы не усвоял этой женщине великую добродетель.

14. ***Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия и других с ними братьев.***

Здесь не на то смотри, что перечисляет их, не приписав им никакой похвалы, но на то, что хотя они были гораздо ниже всех, однако удостоились от апостола приветствия. Лучше же сказать, он и им приписал похвалу, когда назвал их братиями.

15. ***Приветствуйте Филолога и Юлию, Нирея и сестру его, и Олимпана и всех с ними святых.***

Великую похвалу приписывает и этим лицам, ибо назвал их святыми.

16. ***Приветствуйте друг друга с целованием святым. Приветствуют вас все церкви Христовы.***

Чтобы не подать повода к распрям, тем что одних приветствует так, а других иначе, об одних отзывается с большими, а о других с меньшими похвалами, всех уравнивает свя-

тым лобзанием, чтобы ни высший не презирал низшего, ни низший не завидовал высшему; потому что святое лобзание все умиротворяет и уравнивает.

Приветствуют вас все церкви Христовы. Не только сам соединил их, но и посылает им приветствие от всех церквей, чтобы соединились; ибо говорит обо всех вообще, а не о том или другом. А стольким лицам высказал приветствия в этом послании, чего не сделал ни в каком другом, потому, что еще не видал римлян. Поскольку же в Риме нашли прибежище многие из сродников его; то, достойно упоминая о них поименно, знакомит с ними римлян посредством послания.

17. ***Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились…***

Опять предлагает увещание, и притом не как советник, но как покорный проситель и с большим уважением к ним; ибо называет их братиями. Обнаруживая козни вредных людей, сказал: ***остерегайтесь,*** то есть разузнавайте о них со тщанием. Сначала упоминает о распрях, а потом о раздорах. Ибо доколе будет соблюдаемо в теле Церкви единение, дотоле не могут войти раздоры. А раздоры суть ереси; ибо говорит: ***вопреки учению, которому вы научились.*** Не сказал – «которому мы научили», но – ***которому вы научились,*** предупреждая их этим и показывая, что они уже убеждены и приняли учение, и потому должны пребывать в том, что уже приняли. Итак, распри и раздоры или ереси вводятся теми, которые преподают учение, противное апостольскому учению.

17–18. ***И уклоняйтесь от них; ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных.***

Удаляйтесь, говорит, от них. Если бы они делали это по незнанию или заблуждению, то их следовало бы исправить. Но поскольку они погрешают намеренно, то бегайте от них. Намекает же на иудеев, которых обыкновенно укоряет как чревоугодников; ибо таков весь род их. Далее, все ереси рождаются от служения страстям и чреву. Как же не стыдно тебе, брату Христову, делать учителями своими рабов чрева? Заметь же, что служащий чреву не служит Христу.

И ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных. Они коварствуют, говорит, посредством ласкательства; ибо выражение ***ласкательством и красноречием*** значит: на языке дружба, а на сердце коварство, не сказал же «обольщают вас», но ***сердца простодушных,*** то есть простых.

19. ***Ваша покорность вере всем известна; посему я радуюсь за вас, но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло.***

Они обольщают, сказал, простодушных. Но ***ваша покорность,*** то есть покорность, которая происходит от великой кротости, известна всем: о ней свидетельствую не я один, но вся вселенная. Поэтому я радуюсь за вас, что не обольстились.

Но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло. Намекает на то, что и из них некоторые были обольщены. Явно же высказывает то же, что и Господь; ***будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*** (Мф. 10, 16). Ибо желает, чтобы они были ***мудры,*** или осторожны, ***на добро,*** то есть в деле собственного спасения и собственной пользы, ^***просты на зло,*** то есть в том, чтобы не делать другим зла, ибо простой никому не причиняет вреда.

20. ***Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами! Аминь.***

Так как были распри, то призывает Подателя мира, чтобы прекратил раздоры. Не говорит же – «покорит», но, что гораздо сильнее, – ***сокрушит,*** и сокрушит не только тех, которые вводят раздоры, но и вождя их. Утешает также и относительно времени; ибо присовокупил: ***вскоре.*** Слово ***сокрушит*** выражает и молитву и пророчество, потому что стоит в будущем времени.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами! Аминь. Напомнил им и о благодати, чтобы, судя по тому, что уже получили, сделались ревностнейшими к верованию и относительно будущего; ибо если Господь спас их в то время, когда они были врагами, то тем более теперь сокрушит сатану. Заметь же, апостол не отделяет ни дела от молитвы, ни молитву от дел. Сначала он засвидетельствовал об их послушании, а потом стал молиться: чем и дал знать, что мы не только прежде, но и теперь, хотя бы мы были искусны, имеем нужду в благодати Божией.

21. ***Приветствуют вас Тимофей, сотрудник мой, и Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои.***

Тимофей трудился с ним в благовествовании; а делать то же, что делал Павел, – великая похвала.

И Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои. Об этом Иасоне упоминается в Деяниях апостольских, как о подъявшем опасности весьма мужественно (см. Деян. 17, 6). А сродники они апостола не только по плоти, но и, что гораздо важнее, по благочестию; ибо если бы они не были таковыми, то не упомянул бы о них.

22. ***Приветствую вас в Господе и я, Терший, писавший сие послание.***

Великое дело быть писцом Павла. А пишет это Тертий не для того, чтобы похвалить самого себя, но для того, чтобы привлечь к себе большую любовь римлян, как послуживший в написании послания к ним.

23. ***Приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви. Приветствует вас Ераст, городской казнохранитель, и брат Кварт.***

То есть принимавший меня у себя в доме. Далее, что Гаий принимал у себя всю Церковь и самого Павла, это великая похвала; ибо Павел не пошел бы к нему, если бы не нашел его достойным.

Приветствует вас Ераст, городской казнохранитель. То есть попечитель и казначей города Коринфа. Упоминает о нем, чтобы ты узнал, что ни богатство, ни чин никому не служат препятствием в вере и правой жизни.

24. ***Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.***

В основание или в начало своего послания положил там следующие слова: ***благодать вам и мир*** (Рим. 1, 7). И теперь, полагая предел или конец посланию, заключает тем же, молясь, чтобы благодать Божия всегда пребывала со всеми римлянами. Это черта учителя помогать ученикам не только словом, но и молитвою; почему и говорили апостолы: ***а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова*** (Деян. 6, 4).

Благодать же да сохранит и нас, не от дел надеющихся найти места спасения, но всецело уповающих на Божественную благодать и милосердие, а посредством ее да станем выше сетей сатаны, сокрушив их под ногами своими о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

Толкование на Первое послание к Коринфянам

Предисловие

Коринф, славившийся большим богатством и мудростию, хотя уверовал во Христа, но, уверовав, находился в опасности отпасть от Христа. Ибо богатые составляли свои партии, а мудрецы – свои, и, сами избрав себе учителей, порицали Павла, как бедного и необразованного человека. Кроме того, один из них смесился с мачехою; некоторые по прожорливости ели идоложертвенное; другие в денежных тяжбах судились перед эллинскими судьями; далее, мужчины отращивали волосы, ели в церквах и не уделяли нуждающимся; превозносились дарованиями духовными; относительно учения о воскресении колебались. Причиною же всех этих беспорядков была внешняя мудрость; ибо она есть мать всех зол для тех, которые верят ей во всем. Поэтому Павел пишет послание в Коринф с целью – исправить все это. Поскольку же, что важнее всего, в Церкви были разделения, а это происходило от высокоумия, то он прежде всего старается истребить высокоумие. Зараженные высокоумием думали, что они учат чему-то высшему. Поэтому Павел и начинает так:[6]

---

[6] В другом списке находится такое предисловие к настоящему посланию: «Коринф есть город Греции, славившийся тогда богатством, мудростью и многими другими преимуществами. В нем много пострадал Павел. Здесь явился Павлу Христос и сказал: ***Не бойся, но говори; потому что у меня много людей в сем городе*** (Деян. 18, 9–10). Диавол, видя, что столь великий и многолюдный город принял истину, разделил жителей его. Между ними одни самопроизвольно сделались учителями народа, который приставал то к одним, как мудрым и могущим научить чему-то большему, нежели Павел, то к другим, как богатым и могущим оказать большую помощь, и таким образом соперничая между собою в славолюбии, заправляли Церковью. Вот первое зло. Другое: некто, живший с своею мачехою, не только не был укоряем другими, но еще управлял народом и надмевался внешнею мудростью. Кроме того, иные, ссорясь между собою об имуществе, судились у судей, не принадлежащих к Церкви. Далее, иные ели в церквах отдельно друг от друга и не уделяли нуждающимся. Иные превозносясь дарованиями, соперничали между собою. Относительно учения о воскресении колебались. Многие отращивали волосы и ходили как цинические философы. Притом коринфяне прислали Павлу через Стефана, Фортуната и Ахаика послание, в котором писали о браке и девстве, а о прочем умалчивали. В это-то время и пишет Павел не о том только, о чем ему писали, но и о том, о чем не писали ему, тщательно разузнав обо всем. Потому же, что важнее всего, в Церкви были разделения, а это происходило от высокоумия, то он прежде всего старается истребить высокоумие. Зараженные высокоумием думали, что они учат чему-то высшему. Поэтому Павел и начинает так».

Глава первая

1. *Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа, И Сосфен брат.*

Вот начало, прямо изобличающее лжеучителей. Я призван, а не сам изобрел, не своею мудростию постиг, и послан Христом, а не сам себя рукоположил, как ваши учители.

Иисуса Христа. Учитель Христос: как же вы назначаете в учителей для себя людей?

Он спас и призвал нас не потому, чтобы мы были достойны того, но потому, что ему было угодно. Поэтому и теперь Он же хочет, чтобы я был вашим апостолом. Как же вы желаете себе других учителей? Не противники ли вы Богу?

И Сосфен брат. По скромности, наряду с собою поставляет человека, который был гораздо меньше его; а поступает так, чтобы пристыдить высокоумных коринфян, которые всех презирали.

2. ***Церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас.***

Церкви не того или другого, но Божией. Как же вы имеете предстоятелями людей?[7] Если, опять, вы Церковь, то должны быть в совершенном единении.

Освященным во Христе Иисусе. Вы освящены не в человеке каком-либо, но во Христе, то есть через крещение, а не через мудрость или богатство, которыми гордитесь.

Призванным святым… И то самое, говорит, что вы уверовали, не от вас, но вы послушались и уверовали потому, что были призваны Богом. Поэтому и вера имеет свое начало от Бога; ибо если бы Он не призвал, то вы не уверовали бы.

Со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа. Благодать, говорит, и мир да будут не только с вами, коринфяне, но и со всеми, призывающими имя Христа, а не такого-то или такого-то.

Во всяком месте, у них и у нас. Упоминает о верующих во всяком месте, чтобы показать, что все верующие составляют одну Церковь, где бы они ни были. Как же вы, живя в одном городе, разделились? С другой стороны присовокупил ***нашего.*** Ибо, сказав: ***Господа нашего Иисуса Христа*** и поместив в средине: ***во всяком месте,*** повторил и сказал: Господа ***у них и у нас,*** чтобы показать, что Владыка для всех один. Некоторые, впрочем, понимают эти слова так, как они стоят: ***во всяком месте, у них и у нас,*** то есть в котором и мы живем и они.

3. ***Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.***

Благодать и мир от Бога. Еще прежде, когда мы враждовали против Него, мы по его благодати получили мир, и я молю, чтобы от Бога всегда было вам то и другое, чтобы то есть вы не лишались ни благодати Его, ни мира; потому что вы живете в несогласии между собою. Как же вы применяетесь к людям и ищете у них, как учителей, благодати и благоволения?.[8]

4. ***Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе.***

Научает нас быть благодарными. Так делает почти в каждом послании; но теперь особенно кстати говорит о благодарности. Ибо благодарность бывает за благодеяние, а благодеяние не есть ни долг, ни воздаяние. Следовательно, и этим низлагает гордость коринфян.

---

[7] Не призванных, то есть в предстоятельство законным образом, но восхитивших его самопроизвольно, каковых предстоятелей блж. Феофилакт называет далее предстоятелями чуждыми.

[8] По другому списку:***Благодать вам и мир от Бога Отца нашего.*** Испрашивает им благодать, то есть примирение и благоволение от Бога, позоря этим ту, которую имели они от лжеучителей, а как жившим между собою в несогласии – мира и – с самими собою и с Богом. Отцом же нашим назвал Бога потому, что мы усыновлены Им через баню возрождения.***И Господа Иисуса Христа.*** Ибо что дает Отец, то дает и Сын; потому что это служит признаком равенства Их.

Бога моего… По великой любви Бога, общего для всех, усвояет себе.

За вас, ради благодати Божией. Этим научает и коринфян всегда питать благодарные чувства к Богу, а не к своим делам, ибо говорит: благодарю ***ради благодати Божией,*** а не о ваших делах.

Дарованной вам во Христе Иисусе. То есть через Христа Иисуса, а не через такого-то или такого-то. Зачем же вы внимаете людям?

5. ***Потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием.***

Выражение ***в Нем*** опять употреблено вместо «чрез Него». Итак, когда у вас есть богатство, и богатство Божие, и во всем, и через самого Единородного, то как же вы, неблагодарные, назначаете себе учителями людей?

Всяким словом и всяким познанием. Есть и слово без разума, когда, например, кто говорит пустое, без всякой мысли. Есть и разум без слова, когда кто мыслит о высоких предметах, а для выражения их не находит слов. Но вы имеете и слово и Божественный разум, так что можете и мыслить и говорить.

6. ***Ибо свидетельство Христово утвердилось в вас.***

Слово ***ибо*** стоит вместо: «через которые». Через слово, говорит, и разум, которыми вы обогатились, утвердилось в вас ***свидетельство***, то есть проповедь о Христе; ибо вы приняли эту проповедь не через внешнюю мудрость, но через знамения и дарования, которых вы удостоились.

7. ***Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании, ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа.***

Если они не имели никакого недостатка в дарованиях, то как называет их далее (гл. 3, ст. 1) плотскими? На это скажем: не все были духовны и не все плотяны; поэтому все, о чем говорит теперь, говорит к духовным, а дальнейшее говорит к плотским. Или, может быть, в начале они получили всякие дарования, но впоследствии сделались нерадивыми и стали жить по плоти.[9]

Ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа. Здесь устрашает их, напоминая о втором пришествии Христовом. Ибо если Христос явится, то как же вы имеете чуждых предстоятелей? Показывает и то, что при дарованиях необходимы и добродетели. Ибо в тот день дарования нисколько не помогут тому, кто не жил добродетельно (см. Мф. 7, 21–23). Наконец, словом ***явления*** выражает ту мысль, что Христос и теперь присущ, но сокровенно, а тогда явится.

8. ***Который и утвердит вас до конца, чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа.***

Словом ***утвердит*** показывает, что они колеблются, а словом ***неповинными*** выражает, что теперь они подлежат обвинению. В этом послании чаще, нежели в других, упоминает о Господе Иисусе Христе, чтобы этим напомнить коринфянам, кем они спасены и чье имя носят. Ибо христиане называются так от Христа, а не от имени какого-либо человека..[10]

---

[9] По другому списку: ***Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании.*** Спрашивается здесь: почему апостол, засвидетельствовавший сначала, что они получили столько духовных преимуществ, и воописавший им похвалу, впоследствии укоряет и обвиняет их, называя плотскими? В ответ на это можно сказать, что вначале, когда уверовали, они действительно таковы были, то есть славились всякими дарованиями и заслуживали похвалу, но впоследствии, став нерадивыми, сделались достойны порицания. Иначе как похвалы, так и обвинения относятся не ко всем, но первые к достойным похвалы, а последние к достойным обвинения; ибо между коринфянами одни оставались еще ревностными, а другие предались нерадению. Можно еще и так отвечать: похвалы приведены предусмотрительно, чтобы предрасположить слушателей к слову. Кто тотчас с самого начала говорит строго, тот заграждает слух для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то гневаются, а если ниже его, то предаются скорби, вследствие чего он обращает к ним речь свою попусту.

[10] По другому списку:***Который и утвердит вас до конца.*** Слово ***утвердит*** означает, казалось бы, молитву; но оно выражает более, именно то, что они нетверды и отступили от долга.***Чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа.*** Чтобы оказались неповинными в день суда; ибо этот день называет днем Христовым, потому что тогда полнее откроется слава Христова. Слово ***неповинными*** выражает порицание; ибо показывает, что они подлежат обвине-

9. ***Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего.***

То есть истинен Бог. Если же Он истинен, а призвал нас во общение Сына Своего, то есть к тому, чтобы вместе с Сыном прославить нас в Царстве Своем, то очевидно, что Он исполнит, что обещал. ***Призваны,*** говорит, а не сами по собственному побуждению пришли. Как же вы гордитесь, будто своими делами? Заметь здесь, что слово ***Которым*** прямо относится к Отцу.

10. ***Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы вы все говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях.***

Намереваясь говорить с ними строже, предварительно объявляет, что он умоляет их Христом. Я, говорит, не могу просить вас один, но беру себе в помощь имя Господа, от имени Которого вы называетесь христианами и которое вы оскорбили, пожелав называться именами людей. Пусть это приведет вас в стыд!

Чтобы вы все говорили одно, и не было между вами разделений. **О** чем я умоляю вас? О том, чтобы все вы были согласны и не разделились. Ибо что разделяется, то хотя, казалось бы, вместо одного становится многим, но на самом деле не делается многим (ибо что пользы в теле, рассеченном на многие части?): в нем единство пропало. Итак, весьма выразительно назвал ***разделениями*** то, что происходило между ними; этим словом ясно показывает, сколь бедственно было их состояние.

Но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Выше сказал: ***чтобы вы все говорили одно.*** Поэтому, чтобы не подумали, будто согласие состоит только в словах, прибавляет: ***в одном духе,*** то есть умоляю, чтобы вы согласны были и в мыслях. Но многие об одном предмете думают одинаково, а о другом различно; поэтому присовокупил: ***соединены,*** то есть совершенны, во всем единомыслящи. Далее, многие бывают согласны в образе мыслей, но расходятся в расположении воли (так, когда мы имеем одну и ту же веру, но не соединены между собою любовию, то хотя мыслим и одинаково, но расходимся в расположении воли).

Поэтому, сказав: ***в одном духе,*** прибавил: ***и в одних мыслях,*** то есть чтобы они не разногласили ни относительно веры, ни относительно расположения воли.

11. ***Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известно о вас, братия мои, что между вами есть споры.***

Чтобы не стали запираться, приводит свидетелей, а чтобы не показалось, будто выдумывает их, поименовывает их, говоря: ***от домашних Хлоиных:*** это был дом в Коринфе, называвшийся Хлоиным. Называет их еще ***братиями:*** ибо хотя грех их был явный, но ничто не препятствовало называть их братиями. Впрочем, не сказал, кто именно известил его, но указал на весь дом вообще, чтобы не вооружить их против известивших.

Что между вами есть споры. Открывая слышанное от других, употребляет более мягкое выражение – ***споры,*** но когда говорит от своего лица, то называет то же самое ***разделениями*** (ст. 10), что гораздо хуже споров.

12. ***Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов».***

Не некоторые говорят это, но ***у вас.*** Впрочем, коринфяне не говорили так, но апостол дает такой оборот речи, желая показать, что если непростительно называться Павловыми и Кифовыми, то тем более – от имен других.

нию. Заметь, как часто указывает им на имя Христово и из него одного составил почти все вступление, заботясь о том, чтобы отвлечь их от лжеучителей, по старанию которых они разделились на партии, и возвратить к учению Христову.

«Я Кифин». О Петре упомянул после себя не для того, чтобы себя возвысить, но оказывая ему большее предпочтение, подобно как о Христе упомянул после. Вообще в делах, которых не должно быть, упоминает прежде о своем лице.

«А я Христов». Не за то укоряет, что говорят: ***я Христов,*** но за то, что не все так говорят: или, лучше, присовокупил это от себя, желая сделать обличение более сильным и показать, что в таком случае и Христос усвояется одной частью, хотя коринфяне и не делали этого..[11]

13. ***Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились?***

Зачем разделили вы Христа? Зачем расторгли тело Его? Речь, исполненная гнева. Некоторые же слова ***разве разделился Христос?*** понимали так: разве Христос разделил Церковь с людьми и одну часть взял Себе, а другую отдал им?

Разве Павел распялся за вас? Этим опровергает неразумное поведение их; и упоминает о своем имени, чтобы не подумали, будто он упоминал об именах других по зависти. Не сказал же: разве Павел сотворил или привел вас из небытия в бытие? но, что гораздо более, показывая неизреченное человеколюбие Христово, выставил на середину крест. Не сказал также – «разве Павел умер?», но – ***распялся,*** указывая тем на мнимую бесчестность смерти.[12]

Или во имя Павла вы крестились? И я, говорит, крестил многих, но во имя Христово. Говорит о крещении потому, что причиною разделения было и то, что называли себя по именам крестивших. Но не в том дело, кто крестил, а в том, в чье имя крестит; ибо Христос отпускает грехи, а не тот, кто крестит.

14. ***Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия.***

Для чего, говорят, гордитесь вы тем, что крестите, когда я благодарю Бога за то, что не крестил?

Так говорит не для того, чтобы уменьшить важность крещения, но для того, чтобы обуздать коринфян, хваставшихся крещением. Ибо крещение есть дело важное, а крестить – не важное.

15. ***Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя.***

Говорю это не потому, чтобы в самом деле так было, но из опасения, чтобы болезнь не достигла до такой степени. Ибо если при совершении крещения людьми незначительными произошло разделение, то если бы крестил я, проповедавший крещение, некоторые, конечно, согласились бы приписать крещение мне..[13]

---

[11] По другому списку: ***Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов».*** Спорами называет то, что каждый из них выбирает себе особого учителя. А выбирали они себе не Павла, не Аполлоса, не Кифу, но каких-то других, о которых умалчивали, скрывая их как неопределенные личности, под именами этих апостолов, с одной стороны, для того, чтобы сделать слово свое менее неприятным, а с другой – для того, чтобы внушить, что если не следует выбирать себе в учителей истинных апостолов, то тем более тех. Имена апостолов положил в восходящем порядке, поставив себя ниже Аполлоса, а Аполлоса ниже Петра. Справедливо укоряет тех, которые назывались именами других; но почему укоряет называвшихся именем Христа? Этих не укоряет, но упомянул и о них, как о частичке, оставленной Христу.

[12] По другому списку:***Разве разделился Христос?*** Зачем разделили вы Христа? Зачем расторгли тело Его? Ибо когда разделено тело Его, которое есть Церковь, то поистине разделяют Его Самого. Речь, исполненная гнева. Некоторые же слова ***разве разделился Христос?*** понимали так: разве Христос разделил Церковь с самозванными учителями и одну частицу взял Себе, а прочие отдал им? После такой укоризны опровергает неразумное поведение их.***Разве Павел распялся за вас?*** Дабы не подумали, будто укоряет по зависти, опровергает, полагая свое имя. Не сказал же: разве Павел сотворил вас? Не указал также и на другое какое-либо в этом роде благодеяние, но выставил на среду крест, который служит наилучшим доказательством любви к нам Христа. Не сказал: разве Павел умер? но: ***распялся,*** представляя таким образом самый род смерти.

[13] По другому списку: ***Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя.***Чтобы, в случае, если бы я крестил многих, из которых образовалось бы общество, не сказал кто-нибудь, как случилось у них, будто я крестил в свое имя и не стали бы называться по имени моему павлианами. Ясное порицание тех, которые в этих видах крестили многих. Иначе: чтобы, в случае, если бы ко мне пристали и назвались моим именем (как и назывались многие по именам крестивших их), не сказал кто-нибудь, что я крестил их в свое имя и потому они единомысленны со мною.

16. *Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю.*

То есть всех, бывших в доме Стефана. Это был великий знаменитейший муж в Коринфе.

Для меня, говорит, так не лестно крестить, что я даже и не помню, крестил ли я кого другого. Как же вы гордитесь крещением?

17. *Ибо Христос послал меня не крестить, но благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова.*

Благовествование гораздо труднее и требовало особенно твердой души; ибо переубедить человека и склонить его от отеческих преданий, и притом среди опасностей, есть дело великой и мужественной души. А приготовленного к крещению принять и окрестить мог всякий, кто только имел священство. Но если он не был послан крестить, то как же крестил? Он не был послан для этого преимущественно; но ему не воспрещено было и крестить. Он послан был для дела важнейшего; однако ему не воспрещено было исполнять и менее важное.

Не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Низложив высокомерие гордившихся крещением, переходит теперь к надмевавшимся внешнею мудростию, и говорит: (Христос) послал меня благоветствовать ***не в премудрости слова,*** то есть не с красноречием и изящным словом, чтобы крест или проповедь о кресте не потерпела вреда и унижения; ибо что значит: ***чтобы не упразднить,*** то есть да не окажется бесполезным и тщетным. В самом деле, если бы апостолы проповедовали с мудростию слова, то иные могли бы сказать, что они убеждали силою слова, а не силою проповедуемого; а это было бы унижением и вредом для Распятого. Но теперь проповедуя с простотою, они показывают, что все совершает сила Распятого. Испраздняется крест и другим образом. Например. Меня спрашивает эллин о чем-нибудь Божественном, превышающем наше разумение. Если я буду доказывать ему то посредством умозаключений и внешней мудрости, то окажусь слабым; ибо никакой ум не может представить предметов Божественных. Таким образом, моя слабость покажется слабостию проповеди, а этим испразднится самый крест, потому что окажется суетным и тщетным.

18. *Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия.*

Были в Коринфе неверные, которые подвергали крест осмеянию и говорили: подлинно, глупо проповедовать Бога распятого; ибо если бы Он был Бог, то не позволил бы распять Себя; а поскольку Он не мог избежать смерти, то как мог восстать из мертвых? Верные, кажется, противостояли им своею мудростию, негодуя, что те злословили крест. Поэтому и говорит: не почитайте этого странным, ибо данное Богом для спасения кажется безумием для погибающих. ***Словом же о кресте*** называет проповедь о кресте, или Христе распятом.

А для нас, спасаемых, – сила Божия. Для нас, говорит, не погибших, но спасаемых оно есть сила Божия. Но крест показывает и премудрость. Силу он показывает в том, что смертию разрушил смерть, ибо если побеждает падший, то это знак величайшей силы; а премудрость – в том, что таким именно образом спас погибавших.[14]**19. *Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну».***

Сказав, что неверные мудрецы погибают, подтверждает это Писанием: ибо оно говорит: ***погублю мудрость мудрецов*** (Ис. 29, 14), разумеется, внешних, то есть покажу, что

---

[14] По другому списку: ***А для нас, спасаемых, – сила Божия.*** Для нас, говорит, верующих, не погибших, но спасаемых, крест показывает силу Божию. Ибо подвергнуться бедствиям и быть выше бедствий есть признак Божественной силы. Как три отрока, быв ввергнуты в пещь и не сгорев там, явились более чудными, нежели когда бы не были ввергнуты в нее, и как Иона, быв поглощен китом и не потерпев от него никакого вреда, стал более великим, нежели когда бы не был поглощен им: так и Христос, умерши и победивши смерть, явился более славным, нежели когда бы Он не умирал.

в премудрости мира сего нет разума (это уже не премудрость), и отвергну разумение тех, которые почитают себя разумными и знатоками.

20. ***Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?***

Приведя свидетельство из Писания (Ис. 33, 18), доказывает потом мысль свою от дел, и обличает как эллинов, словами: ***где мудрец?*** – то есть философ, так и иудеев, словами: ***где книжник?*** А совопросниками назвал тех, которые все основывают на умозаключениях и исследованиях. Никто из них не спас нас; но вывели нас из заблуждения рыбари. Выражение ***не обратил ли Бог мудрость*** стоит вместо: показал, что она безумна, потому что не могла найти истину.[15]**21.** ***Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих.***

Приводит причину, почему внешняя мудрость обратилась в безумие. Так как в премудрости, обнаруживающейся в тварях (ибо небо и земля и вся тварь проповедует о Творце: см. Пс. 18, 2; Рим. 1, 20), ***мир,*** то есть помышляющие о мирском, не познал Бога (очевидно, потому, что в этом препятствовала ему мудрость, какую видели в красноречии), то благоугодно было Богу спасти верующих простотою проповеди (которая только казалась безумием, а не была таковою действительно). Итак, эллины имели своим учителем премудрость Божию, то есть усматриваемую в тварях, но не познали Бога, потому что водились мудростию, состоящею в красноречии, которая не есть мудрость.

22–23. ***Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие.***

Павел показывает, как Бог противными средствами производил противные действия, и говорит, что когда я скажу иудею: верь, он тотчас потребует, для подтверждения проповеди, знамений, но мы проповедуем Христа распятого; а это не только не показывает знамений, напротив, кажется слабостию, и однако ж это самое, представляющееся немощным и противоположным тому, чего требует иудей, приводит его к вере, что и показывает великую силу Божию. Опять эллины ищут в нас мудрости: но мы им проповедуем крест, что есть проповедовать Бога распятого; казалось бы, безумно, однако ж и они этим убеждаются. Итак, не есть ли это доказательство величайшей силы, когда они убеждаются противным тому, чего сами требуют?

Для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие. Для иудеев, говорит, Распятый служит соблазном; ибо они претыкаются о Нем, говоря: как может быть Богом Тот, Кто ел и пил с мытарями и грешниками и наконец распят с разбойниками? А эллины издеваются над этим таинством, как бы над безумием, когда слышат, что только одною верою, а не умозаключениями, к которым они так привязаны, можно понять то, что Бог был распят и что проповедь о кресте не украшена красноречием.

24. ***Для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость.***

Для неверных иудеев, говорит, Христос служит соблазном, а для неверных эллинов кажется безумием, потому что те и другие не находят в Нем знамений и мудрости, которых ищут. ***Призванным*** же иудеям и званным эллинам, то есть призванным от Бога, как достойным, Христос являет в себе и то и другое, чего они ищут. Зачем, в самом деле, ты, иудей,

---

[15] По другому списку: ***Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего?*** Приведя свидетельство из Писания, доказывает потом мысль свою от дел и говорит: где мудрец эллинский? где книжник иудейский? где совопросник, основывающий все на умозаключениях? Где они, если сравнить их с мнимым безумием проповеди? какое место им в отношении к нему? Оно превзошло и победило их. ***Века сего,*** то есть существующий в веке сем.***Не обратил ли Бог мудрость мира сего?*** Не показал ли Бог, что премудрость иудеев, помышляющих о мирском, не действенна, и не уличил ли, что она – безумие, потому что не могла найти истину? Действительно, показал и уличил, ибо научил истине и спасению через таких проповедников, которых почитали безумцами, а не через тех, которые слыли мудрецами.

ищешь знамений? Вот Христос – Божия сила, которая творит знамения. А ты, эллин, что говоришь? Ты ищешь мудрости? Вот у тебя Христос, Который есть премудрость Отца.

25. ***Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков.***

Крест называет безумием, потому что так о нем думали; между тем он мудрее человеков. Ибо философы занимались пустыми и бесполезными предметами, а крест спас мир. Далее, он кажется и немощным, как будто немощен распятый Христос, но на самом деле Он сильнее человеков, не только потому, что более и более процветает, несмотря на усилие бесчисленного множества людей погасить это имя, но и потому, что этим, казалось бы немощным (орудием) связан сильный диавол. Можешь, впрочем, понимать это и так: премудрое в Боге называется немудрым, то есть безумным, и всемощное – немощным, подобно как и высочайший свет Его называется мраком и тьмою.

26. ***Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных.***

Рассмотрите и исследуйте призванных к вере, и вы найдете, ***не много из вас мудрых по плоти,*** то есть на простой взгляд, приспособительно к настоящей жизни. Не сказал – «нет ни одного мудрого», но – ***не много,*** потому что были верующие и из мудрых, например, Ареопагит, проконсул и другие, которых имена теперь неизвестны; уверовали также некоторые и из сильных и знатных. Поэтому обо всех сказал: ***не много.*** Итак, усмотри силу проповеди, как людей необразованных научила она столь мудрым догматам и как внешняя мудрость оказалась бесполезною.

27. ***Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное.***

В самом деле, для эллинов величайший стыд видеть, что площадной ремесленник превосходит их любомудрием, и слабый и презираемый унижает сильных и богатых.

28. ***И незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее.***

Называет не сущими тех, которых почитали за ничто, а сущими тех, которые казались чем-то. Итак, чтобы этих показать людьми суетными и бесполезными, Бог избрал тех, которых почитали за ничто. Когда же слышишь: ***избрал,*** не думай, будто Он непременно хотел презираемых избрать, а знаменитых отвергнуть; нет, но так как знаменитые надмевались своею мудростью и потому не принимали проповеди, то Бог нашел способнейшими к принятию ее тех, которые ничем не гордились.

29. ***Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом.***

Для того Бог поступил так, чтобы низложить гордость и хвастовство тех, которые помышляли о мирском, и убедить их, что они все, полученное от Него, Ему приписывали и не тщеславились пред Ним. Как же вы, коринфяне, гордитесь этим? Заметь между прочим, мы не безрассудно сказали, что отверженные не удостоены проповеди за свою гордость.

30. ***От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью, и освящением и искуплением.***

Слова ***от Него*** понимай о приведении не в бытие вообще, но в лучшее бытие. Смысл слов такой: вы сделались чадами Бога, и ***от Него и вы,*** сделавшись Его сынами ***во Христе,*** то есть через Христа. Словами же ***незнатное избрал*** показывает, что они благороднее всех, потому что имеют Отцом своим Бога.

Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью, и освящением и искуплением. То есть Он сделал нас мудрыми, и праведными, и святыми, и свободными; ибо это значит: ***искупление,*** то есть освобождение от плена. Далее, как избрав неблагородных, Он сделал их благородными, потому что усыновил их Богу: так и необразованных сделал мудрыми, сам сделавшись для нас премудростию. Для чего же он не сказал – «умудрил нас»,

но – ***сделался для нас премудростью?*** Для того, чтобы выразить изобилие дара. Он как бы так сказал: предал нам Самого Себя. Употребив высокие выражения о Сыне, прибавляет: ***от Бога,*** чтобы ты не почел Его (Сына) нерожденным, но обратился к причине Его, к Отцу.

И заметь порядок: во-первых, он сделал их мудрыми, освободив от заблуждения и научив богопознанию, потом – праведными, даровав им отпущение грехов, затем освятил Духом Святым, и таким образом даровал нам совершенную свободу и ***искупление*** от всех зол, так что мы принадлежим только Ему одному и находимся в Его власти.

31. ***Чтобы было, как написано: «хвалящийся хвались Господом».***

Все это, говорит, сделано для того, чтобы никто не почитал себя чем-нибудь и не хвалился ни самим собою, ни другим кем, но только Богом, Который даровал нам столь великие блага (см. Иер. 9, 24). Как же вы гордитесь и самими собою и учителями – людьми?

Глава вторая

1. ***И когда я приходил к вам, братия, я приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости.***

Не только, говорит, в ученики Евангелия избраны были люди немудрые и незнатного происхождения, но и сам, проповедник Евангелия, пришел, возвещая вам ***свидетельство Божие,*** то есть смерть Христову, без красноречия и мудрости человеческой. Заметь же, что и проповедник был человек простой и необразованный, и предметом проповеди были крест и смерть, и однако ж одержали победу. Итак, явно, что неизреченна та сила, которая все это сделала. Что же? Неужели Павел, если бы и захотел, не мог прийти с мудростию? Он сам не мог потому что действительно был человек простой и необразованный; но Христос, Который даровал ему и большее, мог: только это не было выгодно для проповеди. Ибо для Христа больше славы в том, что Он победил других простотою Павла, чем в том, если бы достиг сего мудростию и красноречием.

2. ***Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого.***

И Христос хотел этого, то есть чтобы я был человеком простым, да и сам я признал за хорошее – вовсе не знать внешней мудрости, а знать только то, что Иисус Христос был распят, и уметь проповедовать вам о Нем.

3. ***И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете.***

Не только, говорит, я пришел к вам бедным по слову, но и жил между вами в немощи, и страхе и трепете, то есть среди гонений, искушений и бесчисленных опасностей. Ибо сам он, как человек, боялся опасностей, даже трепетал их; поэтому и достоин большой похвалы, что, будучи с нами одного естества, превзошел нас своею волею. Выше сказанными словами он показывает могущество Христа, то есть что Он преодолел столько препятствий, и вместе низлагает гордость коринфян, полагавшихся на мудрость, богатство и силу.

4. ***И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы.***

Проповедь моя, говорит, не была убрана внешнею убедительностью и красноречием, но состояла ***в явлении духа,*** то есть доказательством имела Самого Духа Святого. Это значит или то, что апостол, через благодатное служение Слову, внушал веру своим слушателям необыкновенным каким-нибудь образом, или то, что он творил знамения и чудеса; ибо прибавляет: ***и силы,*** то есть знамений. В самом деле, видеть мертвых воскресающими было сильным доказательством истины веры. Но так как и демоны производят знамения через наваждение, то апостол присовокупил слово ***силы,*** сказав наперед ***Духа,*** показывая сим, что его знамения зависели от Святого Духа. Впрочем, слово: ***силы*** можно понимать и, иначе, ибо, сказав: пришел не в «мудрости», но ***в немощи,*** слова ***в явлении Духа*** относит к мудрости, а слово ***силы*** противополагает немощи, как бы так говоря: хотя я терпел гонения и сечен был бичами, но оказался еще сильнее, а это служит величайшим доказательством для слова.

5. ***Чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией.***

Мудростию человеческою называет убедительность и красноречие, а под силою Божиею, как выше показано, понимает укрепление немощных и гонимых, также явление знамений. Этими-то средствами утверждаема была, коринфяне, вера ваша, – не способностью выражаться убедительно и красноречиво, но силою Божиею.

6. ***Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих.***

Выше назвал проповедь безумием, потому что так называли ее эллины. Но, доказав самым делом, что это истинная премудрость, наконец смело называет и проповедь о Христе премудростью и спасение крестом; ибо истребить смерть смертью действительно есть дело величайшей премудрости. ***Совершенными*** называет верных; ибо они точно совершенны, потому что, презрев все земное, стремятся к небесному. ***Мудростию века сего*** называет мудрость внешнюю, так как она временна и оканчивается вместе с сим веком; ***властями века сего*** именует не демонов, как думали некоторые, но мудрецов, ораторов, риторов, которые были вместе вождями и начальниками народа. Поскольку же и они временны, то называет их властями века сего и преходящими, то есть прекращающими бытие, а не вечными.

7. ***Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей.***

Тайною называет проповедь о Христе. Ибо она и проповедь, и вместе тайна, потому что и ангелы не знали о ней прежде, чем она была возвещена (см. 1 Пет. 1, 12), и мы, видя в ней одно, разумеем другое: так я вижу крест и страдание, а понимаю силу, слышу раба, а поклоняюсь Владыке. Сокрыта эта премудрость от неверующих совершенно, но для верных только отчасти; ибо видим ныне как в зеркале (см. 1 Кор. 13, 12).

Которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей. Словом ***предназначил*** указывает на любовь к нам Божию. Ибо тот истинно любит нас, кто уже задолго готов был благодетельствовать нам. Так и Бог прежде веков предназначил нам спасение крестом, спасение, составляющее величайшую премудрость. Сказал: ***к славе нашей*** потому, что Он сделал нас причастниками славы. Ибо вместе с Господом быть участниками в сокровенной тайне составляет для раба славу.

8. ***Которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы.***

Властями называет здесь Ирода и Пилата. Не будет, впрочем, ошибки, если разуметь и первосвященников и книжников. Слова ***века сего*** выражают, как и выше показано, их временную власть.

Ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Если бы они знали сокровенную, как выше сказано, премудрость и тайны Божественного домостроительства, именно тайну вочеловечения Божия, тайну креста, тайну призвания и усвоения язычников, тайну возрождения, сыноположения и наследия Царства Небесного, одним словом – все тайны, открытые апостолам Духом Святым, так же и первосвященники если бы знали то, что город их будет покорен и они сами будут отведены в плен, то не распяли бы (Христа). Христа назвал здесь ***Господом славы.*** Так как почитали крест чем-то бесчестным, то показывает, что Христос нисколько не потерял Своей славы через крест, напротив, еще более прославился, потому что через крест яснее обнаружил Свое человеколюбие. Итак, если они не узнали, то надлежало отпустить им этот грех? Так точно; если бы они после сего раскаялись и обратились, то им отпущен бы был грех, подобно как и Павлу и другим из иудеев.

9. ***Но, как написано: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его».***

Недостает слов: «так и случилось». Апостол во многих местах употребляет фигуру – опущение.

«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его». Что же приготовил Бог любящим Его? Познание Христа и спасение вочеловечением. Этого ни глаз человеческий не видал, ни ухо человеческое не слыхало, ни сердце человеческое не представляло. Пророки же не человеческими глазами видели, и не человеческими ушами слышали, и не человеческим умом понимали откровения о Христе (Ис. 64, 4), но все у них было Божественное. Ибо сказано: ***Господь приложил мне ухо,*** то есть духовное, и другое сему подобное. А кто любящие Бога? Верные. Где, далее,

написано это изречение? Может быть, и действительно оно было написано этими самыми словами, но теперь этой книги нет, а может быть, премудрый Павел выразил этим изречением следующие слова: ***они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали*** (Ис. 52, 15).

10. Л ***нам Бог открыл это Духом Своим…***

Кто-нибудь мог спросить: если не приходило на сердце человеку, то как вы узнали об этом? Отвечает: Бог открыл нам Духом, а не человеческою мудростью. Ибо она и не достойна была и не могла видеть тайн Божиих.

10–11. ***Ибо Дух все проницает, и глубины Божий. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия.***

Таково, говорит, было это таинство и столь сокровенно, что мы не могли бы познать его ни от кого, если бы не научил нас Дух, Который знает и глубины Божий. Слово ***проницает*** показывает не неведение, но совершенное знание, подобно как и об Отце сказано: ***Ты испытуешъ сердца*** (Пс. 7, 10), вместо: знаешь глубину сердец. Можно и так понимать: говорится, что Дух испытывает тайны Божий, в том смысле, что Он услаждается созерцанием их. Совершенное знание Духа показывает и в последующих словах. Ибо как человеческий дух знает, что в человеке, так, говорит, и Дух Божий знает, что принадлежит Богу. Отсюда узнаем, между прочим, что Дух не иной сущности в сравнении с Отцом, подобно как и дух человека не иной в сравнении с человеком.[16]**12.** ***Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога.***

Духом мира назвал человеческую мудрость. Не эту мудрость мы приняли, для того, чтобы она не сделала нашей проповеди тщетною и бесполезною; нет, учителем нашим был Дух, ***от Бога,*** то есть Существо, единосущное Богу, происходящее из Его сущности.

Дабы знать дарованное нам от Бога. Дух, говорит, есть свет, и сей-то свет мы приняли, чтобы, просвещаясь от него, узнали сокрываемое доселе. Что же это такое? ***Дарованное нам от Бога,*** то есть все, что относится к домостроительству Христову, именно: как Он умер за нас, как сделал нас чадами Божиими, как спосадил нас в Себе одесную Отца. Следовательно, те, которые не имеют сего Духа, не знают тайн тех.

13. ***Что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным.***

Мы, говорит, тем более имеем мудрости в сравнении с эллинскими мудрецами, что те были наставляемы людьми, а мы говорим по внушению Духа Святого.

Соображая духовное с духовным. То есть, если возникнут какие-либо духовные вопросы, мы рассуждаем их, то есть разрешаем другими духовными учениями или повествованиями. Так, например, духовный вопрос: воскрес ли Христос, мы обсуживаем и разрешаем на основании другого духовного учения, именно – повествования об Ионе. Подобным образом и другой вопрос: как Дева могла родить? решается неплодством Сарры, Ревекки, Елисаветы, которые зачали не по законам естества, поскольку зачатие зависит от силы ложесн, так же тем, что Ева произошла от Адама без семени, равно как и другими случаями, рассматриваемыми в отношении к появлению человека на свет. Впрочем, слова: ***соображая духовное***

[16] По другому списку:***А нам Бог открыл это Духом Своим.*** Кто-нибудь мог спросить: если не приходило на сердце человеку, то как вы узнали об этом? Отвечает: Бог открыл нам Духом, а не человеческою мудростию. Итак, не то только показывает честь, которой удостоил нас Бог, что мы узнали, и притом вместе с ангелами, но и то, что мы узнали чрез Духа Святого. Он, сказано, ***наставит вас на всякую истину*** (Ин. 16, 13). Далее, показывая, что то было сокровенным у Бога и что никто не знал того, говорит:***Ибо Дух все проницает, и глубины Божий.*** Проницанием называет здесь совершенное знание, подобно как и о Боге сказано: ***испытуешъ сердца*** (Пс. 7, 10), вместо: знаешь глубины сердец. Неудивительно, что тайны Божий открыты нам чрез Духа, Который как единосущный и равный Богу Отцу, совершенно знает как все прочее, так и сокровенное Божие; ибо это назвал глубинами.

с духовным можешь понимать и так: обсуживая и решая вопросы духовные вместе с людьми духовными; ибо они одни могут понимать их. Поэтому присовокупляет..[17]

14. ***Душевный же человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно.***

Душевный человек тот, кто во всем полагается на свои умозаключения и не думает, что ему нужна высшая помощь, и тот, кто ничего не хочет принимать верою, и все, что нельзя доказать, почитает безумием. Итак, того, кто думает, что все происходит естественным порядком, и не допускает ничего сверхъестественного, называет душевным, то есть естественным: ибо душа его занимается только домостроительством естества. И как глаза телесные, сами по себе прекрасные и в высшей степени полезные, без света ничего не могут видеть, так и душа, сделавшись способною к принятию Святого Духа, без Него не может созерцать предметов Божественных.

И не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. То есть не понимает того, что такие предметы требуют веры и не могут быть постигнуты разумом; ибо это значит: ***надобно судить духовно,*** то есть имеет доказательства в вере и в Духе.

15. ***Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может.***

Духовный, говорит, знает все; знает, что все здешнее временно, а будущее постоянно; знает, что он получит спасение, а неверные будут наказаны. Поэтому и обличает их, **а о** ***нем судить никто не может,*** то его не могут обличать; ибо тот, кто видит, видит и свое, и то, что принадлежит невидящим; напротив они, как слепцы, не видят ни своего, ни того, что принадлежит ему.[18]**16.** ***Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов.***

Духовный ум называет умом Господним. Слово ***судить*** стоит вместо «исправить». Выше сказав: о духовном судить никто не может, теперь доказывает, что сказал это справедливо. ***Ибо кто познал ум Господень*** так, чтобы решился изъяснить его, то есть исправить? Ибо если никто не может даже знать ум Господень, а таков ум человека духовного, то тем более не может учить его и исправлять.

А мы имеем ум Христов. Не дивись, говорит, что духовного человека и ум его я назвал умом Господним. Все ***мы имеем ум Христов,*** то есть все, что мы ни знаем, открыл нам Христос, и разумение свое относительно вещей Божественных имеем от Христа; другими словами: знание, какое мы имеем о духовных предметах веры, имеем от Христа, так что подлинно никто не может нас судить. Некоторые, впрочем, умом Христовым называли Отца, а другие – Духа.

---

[17] По другому списку: ***Соображая духовное с духовным.*** То есть если возникнут какие-либо духовные вопросы, мы соображаем их, то есть разрешаем, духовными учениями или повествованиями. Когда, например, кто-нибудь сомневается, как Христос родился от Девы, мы для удостоверения в этом указываем на неплодных, на Сарру, на Ревекку и на других, которые зачали не по законам естества, поскольку зачатие зависит от силы ложесн, также на происхождение Адама от одной земли и Евы от него одного. Подобным образом и когда спрашивают, как Христос воскрес, приводим в пример Иону и его пребывание в ките и спасение из него. Так, такими примерами разрешаем мы недоумения; ибо древние описывали будущее в образах и тенях, чтобы через них сообщить ему достоверность. В умозаключениях же и умозрительных доказательствах эллинов мы не имеем надобности; ибо они колеблют слабый ум, смущая и наполняя его мраком и сомнением.

[18] По другому списку: ***Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может.*** Кто душевный человек, знаем из сказанного выше. Духовный же человек тот, кто принял в душу свою блеск Святого Духа и имеет ум, просвещаемый им. Поэтому духовный все понимает, как сказано выше, духовно, а кто он сам, никто из душевных не понимает; ибо, будучи выше их, он неведом для них. Иначе: духовный понимает, кто душенный и чему подвергнется он после смерти, так же знает как свое, так и принадлежащее душевному, но кто он сам и чему подвергнется после смерти, никто из душевных не понимает, подобно тому, как зрячий видит слепого, но сам для слепого невидим. Поскольку же слово ***судить*** значит и «обличать», то хотя духовный повсюду обличает живущего худо, однако сам не обличается никем из живущих худо, потому что ведет жизнь правильную.

Глава третья

1. ***И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими..*.**

Выше низлагал надмение коринфян внешнею мудростию; но чтобы они не сказали: мы превозносимся не этою, а духовною мудростию, теперь показывает, что и в нашей мудрости они не достигли совершенства, а остаются еще несовершенными, и говорит, что они еще ничего не слышали о предметах, более совершенных. Хорошо сказал: ***не мог,*** чтобы не подумали, что он не говорил им о более совершенном по зависти. Я потому не мог говорить с вами, как совершенными, что вы все еще занимаетесь плотским. Но как же они, будучи плотскими, совершали знамения? Действительно, они были таковы, как и в начале сказано. Но можно и знамения творить и в то же время быть плотским, подобно тем людям, которые изгоняли бесов именем Христовым. Ибо знамения бывают для пользы других и потому часто совершаются и через недостойных.

1–3. ***Как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?***

В тайнах Христовых, говорит, вы еще младенцы; поэтому я поил вас молоком, то есть простейшим учением, а не предлагал вам твердой пищи, то есть учения, более совершенного. Почему? потому что вы были еще не в силах (принимать его). А чтобы низложить их гордость, прибавляет: ***да и теперь не в силах,*** ибо еще помышляете о плотском. Видишь ли: они не в силах принимать такое учение потому, что не хотят быть духовными, а остаются плотскими.

Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете? Все, что сказано было выше, говорил к начальникам, гордившимся своею мудростию и благородством, а теперь обращается к подчиненным и говорит: я справедливо называю вас плотскими, потому что между вами есть зависть, споры и разногласия. Он мог обвинять их и в блудодеянии и многих других пороках; но так как между ними особенно усилились разногласия и споры, то о них и упоминает. Замечательно, что везде соединяет зависть со спорами. Это потому, что от зависти происходят споры; а от споров разногласия. Но если все эти беспорядки есть у вас, то ***не по человеческому ли обычаю поступаете?*** То есть не о плотском ли, не о человеческом ли и земном помышляете?

4. ***Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы?***

Именами Павла и Аполлоса означает знаменитых между коринфянами мужей и учителей.[19]**5.** ***Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь.***

Поставив свое и Аполлосово имя, верно достигает своей цели. Рассуждает таким образом: если мы ничто, то что сказать о ваших учителях? Мы, говорит, ***служители,*** а не самый корень и источник благ; этот источник – Христос. Поэтому нам не должно превозноситься, так как мы доставили вам блага, принятые от Бога; ибо все принадлежит Ему, подателю благ. Не сказал – «мы благовестники», но – ***служители*** – это потому, что благовествование обнимает только учение, а служение заключает и дела.

---

[19] По другому списку: ***Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы?*** Упоминает о себе и о Аполлосе, с одной стороны намекая на неправых учителей, по которым разделились коринфяне, а с другой – делая речь свою более сносною и обвинение более мягким.

И притом поскольку каждому дал Господь. Да и это, говорит, малое служение мы не от себя имеем, но получили от Господа каждый в свою меру.

6. ***Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог.***

Я, говорит, первый посеял проповедь; Аполлос же постоянным своим учением не дал семени засохнуть от зноя искушений лукавого, но возрастил вас Бог.

7. ***Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возращающий.***

Смотри, как, уничижая себя и Аполлоса, делает сносным уничижение мудрых и богатых начальников коринфских, научая, что к Нему относит все даруемые нам блага.

8. ***Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду.***

Они ничего не могут сделать без помощи Божией, в этом отношении они – одно; как же вы превозноситесь друг перед другом, когда вы одно?

Но каждый получит свою награду по своему труду. Легко могло случиться, что те, которые более прочих трудились в делах веры, сделались бы беспечными, услышав, что все одно; поэтому тотчас объясняет свое выражение и говорит, что все одно только в отношении к их бессилию сделать что-либо без помощи возращающего Бога. Что же касается воздаяния, то каждый получит награду по своему труду. Не сказал «по своему делу», но ***по своему труду;*** ибо что нужды, если кто и не совершил дела? По крайней мере он трудился.

9. ***Ибо мы соработники у Бога; а вы Божия нива, Божие строение.***

Мы учители – сотрудники Божий, содействующие Богу во спасении людей, а не виновники или дарователи спасения. Поэтому не должно ни презирать нас, ибо мы сотрудники Божий, ни гордиться нами; ибо все Божие.

Сказав выше: ***я насадил,*** продолжает сравнение и называет их нивою. Если же вы нива и здание, то должны называться именем Владыки, а не оратаев или домостроителей, и, как нива, должны быть ограждены стеною единомыслия, а как здание, должны быть в единении между собою, а не в разделении.

10. *Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит.*

Называет себя мудрым архитектором не из высокомерия, но желая показать, что мудрому архитектору свойственно полагать такое основание, то есть Христа. А что сказал это действительно не из высокомерия, видно из слов его: ***от Бога благодати,*** то есть моя мудрость не мое дело, но благодатный дар Божий.

Выше беседовал с ними о единении, а теперь говорит об образе жизни, называя назиданием дела каждого человека.

11. *Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос.*

Не может, пока пребывает мудрым архитектором. Если же кто не мудрый архитектор, то может положить иное основание; отсюда ереси. У вас, коринфяне, одно основание – Христос: поэтому и должны вы назидать на этом основании не то, что происходит от споров и зависти, но дела добродетели.

12–13. *Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – каждого дело обнаружится: ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть.*

С того времени, как мы получили основание веры, каждый из нас назидает на нем: одни назидают добрые дела, которые бывают различны, иные больше, иные меньше, например, девство как бы золото честный брак как бы серебро, нестяжательность – драгоценные камни, милостыня при богатстве дело уже меньшей цены. Другие же из нас назидают худые дела, которые также бывают различных степеней. Те дела, которые удобнее могут сгореть, называются сеном и соломою, таковы: нечистота, идолослужение, любостяжание; те же, которые не

столь легко сгорают, называются деревьями, таковы: пьянство, смех и им подобные пороки. Некоторые, впрочем, понимают и наоборот, то есть прежде упомянутые пороки называют деревьями, а последние сеном и соломою.

Ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. Днем называет день суда. ***В огне,*** говорит далее, ***открывается,*** то есть обнаруживается, каковы дела сами в себе, золото или что менее ценное.

14–15. У *кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.*

Если у тебя серебро или золото, то дело твое уцелеет, и ты получишь награду; если же у тебя сено и тому подобное, то дело твое не выдержит силы огня (это значит выражение: «сгорит»), но обнаружится, что оно худо. Если бы кто перешел реку огненную в золотом вооружении, то вышел бы на берег в более светлом виде; но если бы через ту же реку пошел другой с сеном, то не только не получил бы никакой прибыли, но погубил бы и себя. Так будет и с делами. Следовательно, вера без добрых дел не приносит пользы. Ибо вот здесь основанием служит Христос; но дела, совершаемые не по закону Христову, осуждаются на сгорание. ***Впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.*** Сам он не погибнет так, как его дела, не перейдет в ничтожество, но ***спасется,*** то есть сохранится целым, чтобы гореть ему в огне. И у нас о том дереве, которое не легко сгорает и обращается в пепел, говорят обыкновенно, что оно остается целым в огне, так что для сожжения его употребляется довольно много времени. Итак, грешник несет потерю, оттого, что трудился над такими делами, от которых погибает, и все свои усилия употребил на то, что не имеет бытия и не существует (ибо всякое зло есть нечто несуществующее), подобно тому, как если бы кто за большую цену купил себе труп вместо живого тела. Между тем ***сам,*** то есть грешник, ***спасется,*** то есть сохранится целым для вечных мучений.

16. ***Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?***

Обращает речь к соблудившему. И смотри, как успешно приводит его в стыд. Именно благодатию, данною нам, то есть обитанием в нас Духа, пристыжает соб лудившего, хотя и не выставляет ясно лица его, но говорит вообще. Между тем, если мы храм Божий потому, что в нас живет Дух, то следует, что Дух есть Бог.

17. ***Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят, а это храм – вы.***

То есть погубит. В этих словах выражается не проклятие, но предсказание о будущем.

Ибо храм Божий свят, а этот храм – вы.

Следовательно, блудник не может быть святым, так как он перестал быть храмом Божиим, изгнав освящающего его Духа. Кто же составляет этот храм? Вы, если пребудете чистыми.

18. ***Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым.***

Думая, что это бывает иначе, а не так, как я сказал.

Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Сделав легкий намек на соблудившего, опять обращает речь к тем, которые гордились внешнею мудростью. Кто, говорит, ***из вас думает быть мудрым, тот будь безумным,*** то есть пусть отринет мудрость внешнюю, чтобы приобресть Божественную. Ибо как нищета по Боге есть богатство и бесславие – слава, так и безумие по Боге есть мудрость. Смотри же: не сказал «пусть отринет мудрость», но, что гораздо более – ***будь безумным,*** то есть пусть ни о чем не умствует сам от себя, пусть не верит собственным доказательствам, но следует за Богом, как стадо за пастырем, и верует всему Божественному.

19. ***Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: «уловляет мудрых в лукавстве их».***

Ибо она не только не способствует к приобретению истинной мудрости, но, напротив, еще препятствует этому, потому что, высоко думая о себе, отвергает Божественное учение и таким образом оставляет во всегдашнем неведении тех, кто имеет эту мудрость; поэтому они и запинаются Богом, как безумцы.

Как написано: «уловляет мудрых в лукавстве их». Приводит свидетельство на то, каким образом человеческая мудрость есть безумие пред Богом (см. Иов. 5, 13), и говорит, что Бог уловляет мудрых, как безумных, то есть покоряет их собственным их оружием. Ибо, при всем своем лукавстве и мудрости, они обличаются в глупости и безумии. Например: одни думали, что не имеют нужды в Боге, а все могут постигать сами собою; но Бог самым делом показал им, что и сила и искусство слова нисколько не принесли им пользы, и что они особенно перед другими имели нужду в Боге, они, которые думали обойтись без всякой помощи. Итак, при всем своем искусстве, по которому почитали себя всеведущими, они оказались совершенными невеждами и в предметах необходимых более необразованными, чем рыбаки и кожевники.

20. ***И еще: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны».***

Если же Господь знает, что умствования человеческие суетны (см. Пс. 93, 11), потому что в них нет ничего необходимого и спасительного, то как вы, коринфяне, питаете мысли, противные Богу, и занимаетесь ими, как бы полезными!

21–22. ***Итак никто не хвались человеками, ибо все ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше.***

Это, кажется, говорит к подчиненным, но поражает начальников, внушая, что они отнюдь не должны тщеславиться ни внешнею мудростию, так как она есть безумие, ни духовными дарованиями, так как они принадлежат Богу и даются для пользы подчиненных. Это значат слова: ***ибо все ваше,*** то есть что же гордятся учители ваши? и для чего вы надмеваете их и превозносите? Они ведь ничего не имеют собственного, но все, что у них есть, принадлежит вам, дано им для вашей пользы, и они должны быть вам благодарными. Между тем, опять упомянул о себе и о Петре: это для того, чтобы слова его были не так тяжки и чтобы внушить: если и мы для вас получили дарования и для вас поставлены учителями, то тем более нынешние учители ваши не должны гордиться дарами, как бы собственным приобретением: ибо это чужие блага.

Или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше. И жизнь учителей, говорит, для вас, для того, чтобы вы учились у них и получили пользу; и ***смерть*** их для вас; ибо за вас и для вашего спасения они подвергаются опасностям. Или иначе: и смерть Адамова для вас, чтобы вы уцеломудрились; и смерть Христова для вас, чтобы вы спаслись. Короче: весь ***мир*** для вас, чтобы вы через его восходили к Создателю и тленностию его научались желать благ нетленных. Для вас ^***настоящее,*** то есть блага, которые еще здесь дарует Бог верующим; для вас же уготованы и ***будущее***.

23. ***Вы же – Христовы, а Христос – Бо***Не в том же отношении Христос есть Божий, в каком мы – Христовы. Мы – Христовы как дело Его и творение, а Христос Божий, и как Сын предвечный, и как имеющий Своим виновником Отца. Таким образом, хотя выражение одно, но смысл различен, ибо все – наше не в том же отношении, в каком мы – Христовы; мы рабы Христовы и творение, а все существующее не есть ни что-либо, служебное нам, ни наше творение. Поэтому не хорошо поступаете, разделяясь по людям, тогда как вы принадлежите Христу.

Глава четвертая

1. ***Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих.***

Мы – учителя – не что иное, как слуги; почему же вы, оставив Владыку, называетесь от имени нас – слуг? Назвав апостолов и учителей домостроителями тайн, показал, что не всем без разбора должно преподавать учение, но тому, тогда и так, кому, когда и как должно. Тайны как тайны не должны быть открываемы всем; это не свойственно благоразумному домостроителю.

2. ***От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным.***

То есть требуется, чтобы домостроитель не присвоил себе того, что принадлежит господину, не располагал ничем, как господин, но всем распоряжался как чужою, господскою собственностью; принадлежащего господину не называл своим, а напротив, свое почитал принадлежащим господину.

3. ***Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди.***

Коринфяне страдали следующим недугом. Те, которые разделились между собою из-за учителей, как будто какие судии, осмеивали и отвергали мужей благочестивых, за их неученость; напротив, людей порочных принимали к себе, за их красноречие, опрометчиво произнося следующие приговоры: такой-то лучше такого-то, этот ниже его, тот превосходнее этого, а этот того. Итак, когда Павел сказал, что от домостроителей требуется, ***чтобы каждый оказался верным,*** и этим, казалось бы, дал им повод судить о жизни каждого из них, отчего произошли бы еще большие неустройства, то, для предупреждения сего зла, удерживает коринфян от суда и говорит: ***для меня очень мало значит.*** Как бы так говорит: подлежать вашему суду я почитаю бесчестием для себя. Потом, чтобы не оскорбить их и не показать к ним презрения, присовокупил: ***или как судят другие люди.*** Никто, впрочем, да не обвиняет Павла в безрассудстве; ибо это говорит он не о себе собственно (его никто не судил), но, чтобы других не судили, он принимает на себя и тем совершает, что нужно.

3–4. ***Я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь.***

Не подумайте, говорит, будто я отвергаю ваш суд из презрения к вам или ко всем прочим. Я и себя почитаю неспособным к такому точному исследованию. Не знаю за собою никакого греха, потому что не могу верно и точно судить; ***но тем не оправдываюсь,*** то есть я не чист от греха; может быть, я и согрешил в чем-нибудь, но сам не знаю об этом. Один Господь может точно и безошибочно судить. Заключая отсюда, сколь точен и обстоятелен суд будущий.

5. ***Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога.***

Видишь ли, что Павел, запрещая коринфянам судить других, вступается не за себя. Он всегда переносит на свое лицо то, что касается других, и в своем лице поучает тому, чему намеревается научить.

Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения. Ныне, говорит, сокрыты дурные дела и человек нечестивый и развратный часто кажется добродетельным. Но тогда Бог откроет, все обнаружит, и самые намерения сердечные. Иной, например, превозносит здесь кого-либо похвалами, – доброе дело, но его намерение, может быть, дурно, – может быть, он хвалит не с доброю целию. Другой, напротив, обличает здесь кого-либо, но не с тем, чтобы исправить, а с тем, чтоб обнаружить слабости ближнего. Но все подобные намерения сердца тогда будут открыты.

И тогда каждому будет похвала от Бога. Следовало бы сказать: или наказание, или похвала; но апостол обратил речь к лучшей стороне.

6. ***Это, братия, приложил я к себе и к Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один перед другим.***

Это, то есть то, что выше сказано было о распрях, и следующее за тем – об осуждении других. Я, говорит, приложил к себе и Аполлосу, чтобы вы от нас научились ни умствовать больше того, что написано. А Писание учит нас не превозноситься, когда говорит: ***кто хочет быть первым, будет из всех последним*** (Мк. 9, 35); также: ***кто унижает себя, тот возвысится*** (Мф. 23, 12); весьма много есть в нем и других подобных наставлений. А о том, чтобы мы не судили других, говорится так: ***не судите, да не судимы будете*** (Мф. 7, 1).

И не превозносились один перед другим. Это говорит к народу, разнообразя поучение и устремляя речь иногда на учеников, а иногда на учителей и начальников, как и теперь поступает. Ибо коринфяне гордились один перед другим учителями своими, именно: ученик одного учителя превозносился перед учеником другого, потому что предпочитал своего учителя другому. И хорошо назвал такое поведение превозношением – в греческом тексте: надмением, как бы желваком и опухолью, взяв сравнение от тела, надутого испорченными соками или воздухом.

7. ***Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?***

Опять устремляет речь на учителей и говорит: кто тебя отличил и признал достойным похвалы? Человек? Но суждение человеческое обманчиво. Пусть у тебя и есть что-нибудь достойное похвалы, но это не тебе принадлежит, а тому, кто дал, и ты получил это, а не сам совершил. Если же ты получил, то зачем превозносишься, как будто не получил, но приобрел это собственными трудами? Кто получил, тому не должно превозноситься тем, что он получил; ибо это чужое.

8. ***Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!***

Слова, внушенные негодованием. Так скоро, говорит, вы все приобрели! ни в чем не имеете нужды! уже насытились; в короткое время достигли совершенства и получили все богатство познания и дарований! Совершенство достигается в будущем веке, а вы, казалось бы, уже имеете его. В самом деле, ваше тщеславие показывает, будто вы взошли на самый верх совершенства. Этими словами выражает, что они весьма несовершенны, когда ведут себя таким образом.

Вы стали царствовать без нас. И это говорит в том же расположении духа, показывая их бессовестность как бы так: удостоившись стольких даров, вы не хотите нас, трудившихся для вашего блага, допустить к общению в оных.

О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать! О, если бы, говорит, вы царствовали, то есть достигли совершенства! Потом, чтобы речь не показалась насмешкою, прибавляет: ***чтобы и нам с вами царствовать,*** то есть получить те же самые блага. Ибо ваша слава – моя; потому что для всякого учителя вожделенно совершенство учеников его.

9. ***Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков.***

Слова, свойственные человеку скорбящему, или, лучше, тому, кто хочет привести других в стыд. Как вижу, говорит, из ваших поступков, одним нам, апостолам, положил Бог быть последними из всех и ***приговоренными к смерти,*** то есть осужденными, готовыми на смерть. В самом деле, из того, что вы уже воцарились, я могу заключать, что нам определено

быть последними и как бы осужденными, нам – апостолам, то есть тем, которые столько перенесли страданий за Христа.

Потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы подвергаемся страданиям не в углу где-либо, но по всей земле. И не люди только смотрят на нас, ибо не так маловажны наши действия, но и ангелы, потому что наши подвиги так велики, что стоят и ангельского созерцания; ибо мы не с людьми только боремся, но и с силами злых ангелов.

10. ***Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии.***

И это опять говорит для того, чтобы пристыдить их. Тогда как апостолов били и презирали за Христа, коринфяне были уважаемы и почитаемы мудрыми и хвастали, будто все это о Христе. Потому говорит: как возможно, чтобы такие противоположности совмещались в людях с одинаковым образом мыслей? Нет. Необходимо допустить что или наш образ мыслей не по Христе, или ваш; но мыслить не по Христе недостойно апостолов Христовых: следовательно, вы заблуждаетесь. ***Мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии.*** То есть нас гонят, преследуют, а вы наслаждаетесь безопасностью (немощью везде называет искушения). Опять, вы славны и благородны, а мы в бесчестии. Все это говорит по сильному негодованию. Смысл такой: как возможно, чтобы мы злострадали, а вы наслаждались безопасностью и проводили жизнь счастливо? Итак, очевидно, что вы не в добром состоянии; напротив, теперешнее поведение ваше бесчестно и недостойно апостолов, следовательно, вы не должны гордиться этим.

11. ***Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся.***

Что, говорит, припоминать прежнее? Посмотри на то, что теперь есть, на то, как вы утопаете в удовольствиях, а мы совсем напротив.

И побои. То есть нас бьют. Это говорит против надменных.

И скитаемся. То есть нас гонят; мы бегаем. Это – против богатых.

12. ***И трудимся, работая своими руками.***

Этим приводит в стыд тех, которые дерзают проповедовать из прибыли и выгод.

12–13. ***Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим. Хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый, доныне.***

И, что важнее всего, мы и не почитаем себя несчастными при таковых бедствиях. А из чего это видно? Из того, что озлобляющим нас воздаем противным. Ибо тех, которые злословят нас, благословляем, и тех, которые наносят нам более жестокие обиды (это значит ***хуление,*** то есть жесточайшая обида) ***молим,*** то есть на хуление воздаем им словами кроткими и ласковыми (это значит ***моление,*** то есть речь кроткая). За такое-то поведение почитают христиан безумными!

Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый, доныне. Что такое ***сор?*** Все, что выметается или стирается как негодное. Так, если кто скверное что-либо стирает губкою, называют ***сором.*** Это же значит ***и прах, всеми попираемый…*** Итак, апостол говорит: мы достойны того, чтобы нас отвергали и почитали за сор не только вы, но весь мир и все люди, и не в одно известное время, но даже и доныне. Заметь, каковым должно быть христианину, заметь, что он обязан подвизаться до самого конца.

14. ***Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих.***

Не к постыждению вашему, говорит, и не с злым и ненавистным намерением говорю это; но ***как детей*** (наказую), и не просто детей, но ***возлюбленных.*** Простите же мне, если я сказал что и оскорбительное; ибо это от любви. И не сказал «поношу», но – ***вразумляю.*** Кто же не перенес вразумления отеческого?

15. ***Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием.***

Что ж, скажете вы? другие разве не любят вас? Любят, говорит, но не так, как я. Ибо они наставники, а я – отец. Итак, у детей, хотя один бывает отец, а пестунов может быть много, однако их расположение (к детям) всех вместе гораздо менее в сравнении с любовию к ним одного, то есть отца: так точно и между нами. Заметь, между прочим, слово о Христе приложил к наставникам; это для того, чтобы не совсем поразить их. Впрочем, хотя приписывал им (наставникам) более трудное (ибо такова должность наставника), но превосходство любви предоставил самому себе.

Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Объясняя, каким образом он отец им, говорит: при содействии Христа ***я родил вас,*** не себе вменяю это дело, как многие между вами, но Христу. Не сказал – «я научил», но – ***родил,*** указанием на естество, показывая любовь свою к ним и то, что они самые близкие ученики его, как эту мысль выражает и во всем послании.

16. ***Посему умоляю вас: подражайте мне, Христу.***

Подражайте, говорит, во всем мне; ни мудростию, ни богатством не превозноситесь и не враждуйте против братьев, но полагайте и мудрость и богатство в любви ко Христу и к братьям. Заметь доброту сердца: он умоляет, а не повелевает. А предлагать самого себя в образец для подражания это знак великого дерзновения.

17. ***Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного о Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви.***

Потому, говорит, что я пекусь о вас, как о детях, послал к вам Тимофея. Я сам хотел прийти и восстановить мир между вами, но поскольку не могу исполнить этого, то послал его, ***моего возлюбленного.*** Сказал это для того, чтобы показать, сколько любит их, когда решился для них разлучиться с Тимофеем, а вместе и для того, чтобы внушить им уважение к Тимофею.

И верного о Господе сына. То есть не в житейских делах, но в делах веры Христовой; поэтому и в том, что касается вас, оно будет служить верно.

Который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви. Не сказал – «научит», чтобы не оскорбились (ибо Тимофей был юн), но – ***напомнит*** – то, что вы уже прежде знали, возобновит в вашей памяти. ***Путями,*** называет соединенные с проповедью распоряжения, правила, обычаи, законы Божественные. Вспомянет то, как я веду себя, именно: не горжусь, как вы; не ввожу распрей и разделений. ***Во Христе,*** то есть в ***этих путях*** нет ничего человеческого, но все о Христе, или совершается при помощи Христа. Тимофей скажет вам и то, как я учу во всякой Церкви; ибо я вам не сказал ничего нового, напротив, всем преподаю то же самое. Устыдитесь же, что одни из всех Церквей уклонились от путей моих.

18. ***Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились.***

Сказав: я послал к вам Тимофея, для предупреждения того, чтобы они не сделались от сего беспечнее, прибавляет: хотя сам я не иду теперь и мое отсутствие возгордило некоторых, но по этой именно причине приду впоследствии. Показывает детскость их мыслей; ибо только детям свойственно вести себя бесчинно, когда нет с ними учителя. Кто же эти возгордившиеся? Сообщники прелюбодея, который и мудр был и богат, и просто – все, которые превозносились мудростью и богатством. Они-то и гордились, как будто бы не было Павла для их обличения.

19. ***Но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу…***

Этими словами низлагает гордых и возбуждает их к трезвлению. И хорошо прибавил: ***если угодно будет Господу,*** ибо все происходит по Его мановению.

19–20. ***И испытаю не слова возгордившихся, а силу. Ибо Царство Божие не в слове, а в силе.***

Коринфяне, надеясь на красноречие, презирали Павла, как человека неученого; поэтому он говорит: буду смотреть не на красноречие ваше, ибо не оно нужно, но на ***сил у,*** обнаруживающуюся в знамениях. Ибо Царство Божие проповедано и утверждено не пышностью слова, но знамениями, совершаемыми силою Святого Духа.

21. ***Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?***

Жезлом называет наказание. Итак, говорит: от вас зависит, с тем или другим прийти мне к вам.

Если останетесь беспечными, то я приду и накажу вас, как Елиму (см. Деян. 13, 8-11). Если же отрезвитесь, то поступлю с вами по духу кротости. Есть в нем и дух строгости и наказания, но он именует его с лучшей стороны, подобно тому, как и Бога называет щедрым и милостивым, а не карающим, хотя Он на самом деле и таков.

Глава пятая

1. ***Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего.***

Обвиняет всех вообще, чтобы не предались беспечности, считая себя чуждыми сего греха, но, напротив, старались исправить его, как бесчестие общее. И не сказал «бесстыдно совершается», но ***есть верный слух.*** Если же запрещено даже допускать до слуха такое преступление, не гораздо ли более бесстыдно совершать оное? Тем более ***у вас,*** которые удостоены духовных тайн. И далее, усиливая обвинение, говорит: ***какого не слышно даже у язычников,*** не сказал – «бывает», но – ***не слышно;*** не сказал – «мачеху», но – ***жену отца;*** чтобы напоминанием об отце сделать удар сильнейшим. Далее, стыдясь произнести имя прелюбодеяния, употребил выражение более благопристойное ***имеет***.

2. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело.

Учением блудника, ибо он был мудр. Заметь мудрость апостола: он нигде не обращает своего слова к блуднику, как человеку бесчестному и недостойному того, чтобы выводить его на среду, но говорит с другими, как об общем преступлении.

Вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело. Следовало бы, говорит, плакать, потому что на всю Церковь распространилось поношение; следовало бы слезно молиться, как о болезни и заразе, ***дабы изъят был от вас,*** то есть да отсечется от вас, как зло общественное. Опять и здесь не упомянул о имени блудника, но сказал – ***сделавший дело такое.***.

3. ***А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил как бы находясь у вас…***

Заметь негодование. Не позволяет дожидаться своего прибытия и потом уже связать блудника, но спешит остановить зло, заразу, прежде, нежели оно распространится на все тело Церкви. ***Присутствуя у вас*** сказал для того, чтобы понудить их к произнесению приговора и вместе устрашить тем, что он знает, как они будут судить там, и что ***дух,*** то есть дар прозрения, откроет ему все, что они ни сделают. Словами ***уже решил*** не позволяет им предпринимать что-либо другое; ибо я произнес приговор и иначе быть не должно.

3–4. ***Сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом…***

Чтобы не показаться гордым, и их принимает в сообщники. Ибо говорит: ***в собрании вашем во имя Господа Иисуса Христа,*** то есть так, чтобы собрание было составлено не по обычаю человеческому, но по Богу; чтобы Сам Христос собрал вас, о имени Которого и собираетесь вы. Между тем апостол и поставил над ними и дух свой, чтобы они не удостоили блудника прощения, но судили справедливо, как бы в собственном присутствии апостола.

4–5. ***Силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа.***

Смысл двоякий. Или такой: Христос может дать вам такую благодать, что вы будете в состоянии предать блудника сатане, или так: и Сам Христос вместе с вами произнесет осуждение на блудника. И не сказал – «отдать», но – ***предать,*** прикровенно отверзая для него двери покаяния. И здесь опять не упомянул имени.

Во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа. То есть предать для того, чтобы сатана изнурил его болезнью. Ибо, поскольку похоть рождается от пресыщения тела, то апостол хочет наказать это тело, чтобы ***дух,*** то есть душа, была спасена. Не так, впрочем, это должно понимать, будто бы спасалась одна только душа, но должно признавать, что при спасении души спасется и тело. А некоторые под ***духом***

разумеют дар духовный и объясняются так: чтобы дар духа сохранился у него целым и не отступил от него, как от нечестивца. Такой приговор выражает более попечение, нежели наказание. Весьма кстати напомнил о дне суда, чтобы коринфяне, убоявшись, предложили врачевство, а блудник с таким же расположением принял его. Полагает предел действиям диавола, подобно тому, как было с Иовом, то есть позволяет ему касаться только тела, а не души.

6. ***Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?***

Намекает, что они сами не допускали блудника до раскаяния, ибо похвалились им; а он был из числа их мудрецов.

Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? И о вас, говорит, а не о нем только забочусь я; ибо зло, если оставить его без внимания, может заразить и остальные члены Церкви. Закваска, сама в себе малая, заквашивает все тесто и прелагает его в саму себя: так и грех сего человека увлечет за собою многих других.

7. ***Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас.***

То есть изгоните сего блудника, или, лучше, прогоните и всех других нечестивцев (старой закваской называет всякое зло). В греческом тексте сказано не просто ***очистите,*** но: «вычистите», то есть совершенно очистите, да будете тестом новым, не имеющим примеси зла. ***Так как вы бесквасны*** вместо: как и должно быть вам бесквасными, то есть чуждыми старого зла, которое при раскаянии оказывается и кислым и горьким.

Ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас.

Упомянув о бесквасных хлебах, которые употребляемы были в пищу на Пасхе, и объяснив аллегорически, что означают бесквасные хлебы, именно – жизнь, не причастную зла, теперь аллегорически объясняет самую Пасху и говорит, что наша Пасха есть Христос, закланный за нас. Итак, мы должны заботиться о бесквасных хлебах, то есть о жизни, чистой от всякого зла.

8. ***Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины.***

Показывает, что всякое время для христиан есть время праздника, по преизбытку сообщенных им даров. Ибо для того Сын Божий сделался человеком и был заклан, чтобы ты праздновал, – не закваскою ветхого Адама, и не жизнью, полною зла, или, что хуже, лукавства, ибо зол всякий, кто делает злое, а лукав тот, кто делает его с затаенной и коварной мыслью.

Но с опресноками чистоты и истины. То есть проводя жизнь беспорочную, или чистую, в противоположность порочной, и истинную, то есть нелицемерную, без всякого коварства, в противоположность лукавству. Или в слове ***истины*** можно понимать противопоставление ветхозаветным образам, которые не были истиною; ибо требуется, чтобы христианин был выше ветхозаветных образов. Или еще: под ***чистотою*** можешь разуметь чистоту в деятельности, а под ***истиною*** правильность в созерцании.

9. ***Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками.***

В каком послании? В этом же самом. Ибо когда выше сказал: ***очистите старую закваску,*** намекая на соблудившего, как было показано, то из сих слов уже видно было, что не должно смешиваться с блудниками. Но поскольку могли думать, будто должно удаляться от всех блудников, даже и от тех, которые были между эллинами, объясняет, о каких блудниках говорит.

10. ***Впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего.***

Слово ***вообще*** употребил для выражения общеизвестности предмета. А смысл такой: впрочем, я не запрещаю сообщаться вообще с блудниками мира, то есть с эллинами, иначе

вы должны бы были искать другой вселенной. В самом деле, когда в одном с вами городе живет так много эллинов, то как возможно не сообщаться с ними?

11. ***Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе.***

Видишь, не один только был блудник, но и другие, и не один порок, а различные. Но каким образом брат может быть вместе и идолослужителем? Как некогда самаряне только вполовину были благочестивы, так случилось и с коринфянами, то есть некоторые из них держались еще идолов. Сверх сего апостол приготовляется говорить о тех, которые ели идоложертвенное. Хорошо сказал: ***называясь братом,*** ибо всякий, кто виновен в выше исчисленных грехах, носит только имя брата, а на самом деле не есть брат. ***С таким даже и не есть вместе,*** чтобы он признал себя скверным по причине греха и удержался от него.

12. ***Ибо что мне судить и внешних?***

Внешними называет эллинов, а внутренними христиан. Я, говорит, нисколько не забочусь о внешних; они живут вне моих законов; следовательно, излишне предписывать Божественные повеления тем, которые живут вне двора Христова. ***Закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом*** (Рим. 3, 19).

12–13. ***Не внутренних ли вы судите? Внешних же Бог судит. Итак, извергните развращенного из среды вас.***

Некоторые после частицы **не** («нет») ставят точку; затем следующие слова читают без вопроса, таким образом: внутренних вы судите. То есть апостол сказав выше: ***что мне судить и внешних,*** теперь прибавил: «нет», то есть не мое дело судить их. Но другие читают соединительно и с вопросом: ***не внутренних ли вы судите?*** то есть не христиан ли вы должны судить? Внешних же ожидает Страшный суд Божий, от коего избавятся внутренние, если получат суд от вас.

Итак, извергните развращенного из среды вас. Привел на память изречение ветхозаветное (см. Втор. 13, 5), желая показать, что уже прежде угодно было законодателю, чтобы люди и нечестивые отсекаемы были от общества. Словами ***из среды вас*** показывает, что более для них будет пользы, если извергнут от себя нечестивого.

Глава шестая

1. ***Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?***

Многие судились в денежных тяжбах перед эллинскими судиями, как законоведцами. Поэтому старается исправить это зло, которое представилось уму его случайно. Ибо, упомянув о любостяжателях, вдруг воскипел ревностною заботливостию о зараженных таковым грехом. И смотри, какое негодование показывает с самого начала, называя это дело дерзостию и беззаконием. Не сказал «у неверных», но ***у нечестивых;*** ибо всякий судящийся обыкновенно ищет справедливости, поэтому апостол показывает, что они не найдут ее, потому что неправедны, говорит, судии эллинские. Следовательно, как же они тебя будут судить справедливо? Святыми называет верных, самыми наименованиями показывая различие между первыми и последними; ибо одни неправедны, а другие святы.

2. ***Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?***

Поскольку верные, как люди неученые, казались неспособными разбирать тяжбы, то сообщает им вес и важность: во-первых, назвал их святыми, потом сказал, что они будут судить мир. Не так, впрочем, это должно представлять, будто они займут места судей и будут произносить приговоры (судить будет Господь); нет, они только осудят. В самом деле, если они, будучи подобны всем прочим, оказались уверовавшими, а эти неуверовавшими; то не осуждение ли это для неверных?

Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Смотри, не сказал – «от вас суд приимет», а – ***вами будет судим;*** потому что вы, уверовавшие, были примером для мира. Изречение ***недостойны судить маловажные дела*** имеет такой смысл: кажется, коринфяне стыдились быть судимыми от внутренних; поэтому говорит: напротив, стыдно вам тогда, когда вы судитесь у внешних; ибо эти судилища худые, а не такие, каковы внутренние.

3. ***Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?***

Ангелами называет бесов. Итак, мы и бесов осудим, если, несмотря на то, что облечены плотию, окажемся совершеннейшими их, не имеющих плоти.

4–5. ***А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значащих в церкви. К стыду вашему говорю: неужели нет между всеми ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими?***

Чрезмерно желая отклонить их от внешних судилищ, говорит, что, может быть, кто-либо скажет что в Церкви нет никого мудрого, который мог бы разбирать тяжбы. Но если, по вашему мнению, нет в Церкви ни одного мудрого, то лучше поставляйте судьями уничиженных, нежели неверных. Впрочем, я сказал это к вашему стыду, если в самом деле так мало мудрых у вас, что суд производить должны люди простые и необразованные. Слова: ***братьями своими*** прибавил для того, чтобы показать, что в таком случае, если бывает тяжба с братом, не нужны многоразличные сведения; потому что братское расположение всего более содействует к прекращению спора.

6. ***Но брат с братом судится, и притом перед неверными.***

Сугубое зло: одно то, что он производится с братом, другое то, что он производится перед неверными.

7. ***И то уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою…***

Прежде запрещал судиться у неверных, а теперь запрещает и самый суд, говоря: ***то уже весьма унизительно,*** то есть предосудительно и постыдно, ***что вы имеете тяжбы,*** то есть спорные дела друг с другом (это значат слова: ***между собою).*** Апостол сказал это с особенною выразительностью; ибо мы, христиане, должны почитать друг друга братьями.

7–8. ***Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев.***

Много обвинений. Первое то, что они не умеют переносить обид; второе то, что, напротив, сами обижают; третье то, что обижают братьев. Хорошо было бы, говорит, и не обижать, и не терпеть обид, но если надобно избрать одного из двух, то лучше терпеть обиды.

9. ***Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии…***

Заключает увещание угрозою, усиливая речь и спрашивая их о предмете, известном всем.

Не обманывайтесь. Здесь намекает на тех из коринфян, которые говорили, что Бог человеколюбив и не будет наказывать, но введет в царство. Потому говорит: ***не обманывайтесь,*** ибо и в самом деле явное самообольщение и заблуждение здесь ожидать всяких благ, а там подвергнуться казни.

Ни блудники. Того, кто уже осужден, ставит на первом месте.

Ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии. Малакиями называет тех, над которыми совершают постыдное, а потом перечисляет и совершающих постыдное.

9—10. ***Ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют.***

Многие спрашивают, почему поставил пьяниц и злоречивых наряду с идо дослужите лями и с теми, которые совершают непотребные дела? Потому, что и Христос признал повинным геенне того, кто скажет брату своему: ***безумный*** (см. Мф. 5, 22), и потому опять, что иудеи от пьянства дошли до идолослужения. Далее, теперь идет речь не о наказании, но о лишении Царства; Царства же лишаются равно все таковые грешники, а будет ли различие в их наказаниях, об этом рассуждать здесь не место.

11. ***И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего.***

Подумайте, говорит, от каких зол освободил вас и какие блага даровал вам Бог. И вы подвержены были всем выше исчисленным порокам; но Он очистил вас от них, и не только очистил, но и освятил. Каким образом? Оправдав вас; сначала омыл вас, потом, оправдав, освятил, не именем того или другого учителя, но именем Христа и Святым Духом. То есть Троица даровала вам эти блага; ибо сказав, что Бог освятил именем Христа и Святым Духом, выражает не другое что-нибудь, но именно Троицу.

12. ***Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною.***

Так как и прежде говорил о соблудившем и скоро опять будет говорить о нем же, то вводит речь и о чревоугодии: ибо от чревоугодия преимущественно происходит страсть блудодеяния. Итак, говорит: позволено мне есть и пить, но вредно для меня принимать пищу и питие не в меру.

Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною. Я, говорит, господин над пищею и питием; но если буду употреблять их не в меру, то из господина сделаюсь их рабом. Ибо кто пользуется ими как должно, тот господин над ними; напротив, кто впадает в неумеренность, тот уже не господин, а раб их, потому что в этом случае пресыщение делается его тираном. Видишь ли, как того, кто почитал себя властелином, апостол показал подвластным? Смотри: каждый из коринфян говорил: мне можно предаться наслаждениям; а апостол говорит: ты предаешься им не потому, чтобы имел власть над ними, а потому, что сам подлежишь их власти. Ибо пока остаешься невоздержным, не ты имеешь власть над чревом, но чрево над тобою.

13. ***Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела.***

Чревом называет чревоугодие, а не член нашего тела; пищею же – неумеренное употребление пищи. Итак, смысл слов такой: неумеренное употребление пищи находится в дружбе и родстве с чревоугодием, и наоборот; и то и другое не могут привести нас к Христу, напротив, преданных себе пересылают взаимно одно к другому, – неумеренность к чревоугодию, а чревоугодие к неумеренности.

Но Бог уничтожит и то и другое. Не чрево, но чревоугодие, и не пищу, но неумеренность в пище. В слове ***уничтожит*** некоторые видят предсказание о состоянии будущего века, то есть что там не будет нужды ни в пище, ни в питии. Если же там и умеренное употребление пищи не будет иметь места, то тем паче упраздняет неумеренность и чревоугодие. Сказав, что вместе с упразднением пищи упразднится и чрево, выразил ту мысль, что вместе с насыщением прекращается желание большего. По словам же других, он запечатлел свое увещание молитвою о том, чтобы упразднились, то есть прекратились, и неумеренность, и чревоугодие.

Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. Из этих слов видно, что апостол говорит о чревоугодии по поводу речи о блуде. Ибо следовало бы сказать так: тело же не для пищи и не для чрева. Но он не так сказал. А как? ***Не для блуда –*** показывая, что бывает следствием телесных наслаждений, именно – блуд. А смысл слов его такой: тело, говорит, не для того создано, чтобы утопать в наслаждениях и впадать в блуд, но для того, чтобы повиновалось Христу, как главе своей, а Господь управлял им, как глава.

14. ***Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею.***

Не смутись, услышав, что Бог воздвиг Господа; ибо апостол говорит так снисходя к ним, как младенцам. И поскольку об Отце, как виновнике, все единодушно имели самые высокие понятия, то и воскресение относит апостол к Отцу, и объявляет, что и нас Он не воздвигнет. Ибо как Он воздвиг главу нашу, разумею Христа, так воздвигнет и прочие части тела, то есть нас. Далее, в подтверждение своих слов прибавил: ***силою Своею,*** как бы так говоря: не усомнитесь в том, что говорю; ибо сила Божия, совершающая великие дела, исполнит и это. А что воскресение Христа относит к Отцу, как виновнику, это видно из того, что говорил Господь о Самом Себе: ***разрушьте храм сей, и в три дня воздвигну его*** (Ин. 2, 19). И еще о Нем же написано, что Он явил себя живым (см. Деян. 1,3). Итак, хотя Он и Сам воскресил Себя, но это дело приписывается Отцу, как виновнику.

15. ***Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет!***

Опять обращается к прежде предложенному увещанию относительно блуда. Между тем вооружает слово свое великими ужасами. ***Отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет!*** Не сказал – «соединить с блудницей», но, что ужаснее – ***чтобы сделать их членами блудницы.*** В самом деле, кто не ужаснется, слыша эти слова, то есть отторгнуть члены у Христа и сделать их членами блудницы?!

16. ***Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: «два будут одна плоть».***

Доказывает сказанное, то есть каким образом члены Христовы делаются членами блудницы. Через сообщение, говорит, мужчина делается едино (см. Быт. 2, 24) с блудницею; потому и члены его, которые были членами Христовыми, становятся членами блудницы.

17. Л ***соединяющийся с Господом есть один дух с Господом.***

Смотри, как и самыми наименованиями блудницы и Христа продолжает и усиливает обвинение. Говорит, что ***соединяющийся с Господом*** делается не иным чем, как ***духом,*** так как не совершает ничего плотского, то есть становится духовным. Ибо единение с Господом подает ему освящение Духа. Показал в этих словах и то, каким образом верные делаются членами Христовыми.

18. ***Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела.***

Предписывает бегать блуда, как некоего гонителя, от которого мы ни на одну минуту не можем быть безопасными, и напрягать все силы к тому, чтобы удерживаться от этого.

Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела. Блуд, говорит, оскверняет все тело; поэтому-то соблудившие обыкновенно и в бани ходят, свидетельствуя тем, что тело их осквернено. Итак, блудник грешит против самого тела, оскверняя и грязня его. Хотя и убийство, кажется, телом же совершается, однако оно оскверняет не все тело; ибо можно бросить или камнем, или деревом, или другим каким-либо веществом, но сделать блуд без тела невозможно: почему оно необходимо оскверняется. Впрочем, у апостола было намерение представить тяжесть этого греха в увеличенном виде, так как его касается настоящее увещание; ибо блуд отнюдь не есть порок, худший всех прочих пороков. Знаю и другие решения по этому предмету. Таково следующее решение: блудник грешит против собственного тела в том отношении, что смешивается не по желанию произвести детей, как при совокуплении с законною женою, но напрасно портит его излиянием семени и тем обессиливает его. Другое решение: блудник грешит против женщины, с которою смешивается, так как она становится через это его телом, почему если смешивается с нею незаконно, то грешит против нее. Впрочем, решение великого Иоанна Златоуста лучше всех: разумею – первое решение. Далее, некоторые, изъявляя сомнение, спрашивают: что же? зависть разве не сушит тела? И разрешают опять этот вопрос так: зависть есть страсть, а не действие. Апостол же говорит теперь о действии (ибо вот его слова: ***всякий грех, какой делает человек),*** а не о страсти. В самом деле, зависть не производится нами, но бывает в нас.

19. ***Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога…***

Устрашает еще более, и величием дара, то есть Духа, и достоинством сообщившего дар, то есть Бога. Вы, говорит, храм, и притом святой: ибо вы – храм Святого Духа. Не оскверняйте же святого храма и не делайте бесполезным дара Божия; ибо от Бога имеете дар и Духа.

19–20. ***И вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божий.***

Вы, говорит, под Владыкою и ничего не имеете своего; самое тело не ваше. ***Куплены дорогою ценою,*** то есть кровию Христовою. Поэтому члены ваши подлежат другому Владыке, и на что Ему угодно, на то и должно обращать их деятельность.

Говоря это, не уничтожает свободного произволения, но показывает, что Бог, которым мы искуплены, по праву требует от нас служения себе.

Посему прославляйте Бога и в телах ваших. Итак, когда вы куплены, говорит, то прославьте Бога в теле вашем, то есть совершая телом добрые дела и соблюдая его святым и чистым. Ибо прославление Бога состоит в том, когда люди видят ваши добрые дела и вследствие того прославляют Его.

И в душах ваших. Показывает, что не телом только должно избегать блуда, но и душою, так, чтобы и мысленно не оскверняться (ибо духом назвал мысль). В Евангелиях запрещено и то прелюбодеяние, которое остается только в сердце (см. Мф. 5, 28).

Которые суть Божий. Непрестанно напоминает, что мы не принадлежим самим себе, а находимся под владычеством Бога, который искупил и душу и тело наше.

Глава седьмая

1. ***А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины.***

Исправив беспорядки разделений, блуда, любостяжания, теперь постановляет правила о браке и девстве. Ибо коринфяне в письме к нему спрашивали: должно ли воздерживаться от жены или нет?

То хорошо человеку не касаться женщины. Хорошо, превосходно, говорит, если бы и всякий человек, а не священник только (как некоторые худо понимают это), вовсе не касался жены и оставался девственником. Но безопаснее и к нашей немощи ближе вступать в брак. Поэтому присовокупляет:

2. ***Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая своего мужа.***

Говорит о той и другой стороне. Ибо может статься, что муж любит целомудрие, а жена нет, или наоборот. Словами ***но во избежание блуда*** побуждает к воздержанию. Ибо если брак позволяется во избежание блудодеяния, то соединенные браком уже не должны совокупляться между собою без всякой умеренности, но – целомудренно.

3. ***Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу.***

Долгом, говорит, почитайте любовь друг к другу; и поскольку она – долг, то вы необходимо обязаны оказывать ее друг другу.

4. ***Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена.***

Теперь доказывает, что любовь друг к другу действительно есть долг необходимый. Ибо не властны, говорит, супруги над своими телами, но жена есть раба и вместе госпожа своего мужа: раба, поскольку не имеет власти над своим телом, чтобы продавать его, кому захочет, но владеет им муж; а госпожа потому, что тело мужа есть ее тело и он не властен давать его блудницам. Подобным образом и муж есть раб и вместе господин своей жены.

5. ***Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.***

То есть против воли мужа не должна воздерживаться жена, равно и муж не должен воздерживаться против желания жены. Ибо воздерживаться одному против воли другого – значит лишать себя, подобно как и о деньгах говорится; но воздерживаться по воле – совсем другое дело, когда например, оба (и муж и жена) по согласию определят известное время для взаимного воздержания.

Для упражнения в посте и молитве. Изъясняет, что значит его выражение: ***на время,*** то есть когда придет время пребывать в молитве, то есть молиться особенно усердно. Ибо не сказал просто – «для молитвы», но – ***для упражнения в молитве.*** В самом деле, если бы апостол находил в супружеском сожительстве препятствие к обыденной каждодневной молитве; то как в другом месте сказал бы: ***непрестанно молитесь*** (1 Фес. 5, 17)? Итак, чтобы ваша молитва была пламеннее, удержитесь, говорит, друг от друга, потому что совокупление хотя не оскверняет, но мешает благочестивому занятию.

А потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Я, рассуждает апостол, говорю, чтобы вы опять соединялись; но не полагаю сего законом, а предписанием для **того, *чтобы не искушал вас сатана,*** то есть побуждая к блуд одеянию. Поскольку же не диавол сам по себе бывает виновником б луд о деяния, но преимущественно наше невоздержание, то апостол прибавил: ***невоздержанием вашим,*** ибо в нем заключается причина и того, что диавол искушает нас.

6. ***Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление.***

Чтобы вы до времени лишали себя друг друга, я сказал это, говорит апостол, ***как позволение,*** то есть из снисхождения к вашей немощи, ***а не как повеление*** непреложное.

7. ***Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе.***

Везде, где только апостол предписывает какой-либо трудный подвиг, обыкновенно самого себя ставит в пример. Поэтому и здесь говорит: желаю, чтобы все и всегда воздерживались.

Но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. Пребывание в девстве, говорит, есть дарование от Бога; однако этот подвиг требует и наших сил. Как же он называет его дарованием? В утешение коринфян, которым он словами ***невоздержанием вашим*** (ст. 5), нанес чувствительный удар. Между тем заметь, что и самый брак он почитает дарованием; ибо сказал: ***каждый имеет свое дарование, один так,*** то есть дарование пребывать в девстве, ***другой иначе,*** то есть дарование жить в супружестве.

8-9. ***Безбрачным вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.***

Видишь ли мудрость Павла, как он и превосходство девства показывает, и в то же время не принуждает к воздержанию от супружества того, кто не в силах воздерживаться, чтобы в противном случае не подвергся он более тяжкому падению?

Если, говорит, ты испытываешь большое насилие и воспламенение (ибо власть похоти сильна), то освободи себя от тех трудов и потов, чтобы, взявшись за них, не подпасть горшему злу.

10. А ***вступившим в брак не я повелеваю, а Господь…***

Поскольку Господь в ясных словах дал закон не разводиться, разве только по причине прелюбодеяния (см. Мф. 5, 32), то апостол говорит: ***не я, но Господь.*** Прежде же сказанное не было буквально узаконено Господом. Впрочем, и слова Павловы – слова Господни, а не человеческие, ибо ниже он так говорит о себе: ***думаю, и я имею Духа Божия*** (1 Кор. 7, 40).

10–11. ***Жене не разводиться с мужем, – если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей.***

Разводы, говорит, бывают из любви к воздержанию, или по малодушию, или по другим причинам; но лучше, если бы вовсе не было разделения. Если же оно и последует, то жена должна оставаться при муже, если не для соития, то для того, чтобы не привести никого другого. Если же она не сможет воздержаться, то пусть примирится с мужем.

12–13. ***Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее. И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его.***

Что ты говоришь? Если муж неверующий, то пусть остается с женою; а если блудник, то не должен оставаться с нею? Но неверие хуже б луд одеяния? Точно хуже; но Бог взыскивает более за грехи против ближних, чем против себя. Ибо сказано: ***оставь дар твой пред жертвенником и пойди прежде примирись с братом твоим*** (Мф. 5, 24). И десять тысяч талантов, Ему должных, Он простил, но кто должен был сто динариев, тому Он не оставил обиды без отмщения (см. Мф. 18, 34). Так и в настоящем случае: грех неверия, который оскорбляет Самого Бога, Он оставляет без внимания, но грех прелюбодеяния наказывает, как грех против жены. Некоторые, впрочем, так объясняют: человек, говорят, остается в неверии по неведению, которое, может быть, и кончится, как и сам апостол (ст. 16) говорит: ***почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?*** а блудодеяние совершается вследствие явного развращения. Кроме сего, блудник уже сам прежде отделил себя; ибо, отняв свои члены у жены, сделал их членами блудницы; между тем как неверный не сделал никакого греха против плотского единения, или, лучше сказать, через это единение он, может быть, соединится и по вере. Не говорю уже о том, что и порядок жизни извратится, и Евангелие подвергнется

поношению, если верная половина отделится от неверной. Между тем рассматриваемую заповедь апостола относи к тому только случаю, если муж и жена соединились браком, когда еще оба находились в неверии, но после та или другая сторона обратились к вере. Ибо если прежде только один муж был неверным, или только одна жена; то верной половине вовсе не позволялось вступать в брак с неверною: это видно из слов апостола; ибо не сказал он – «если кто пожелает взять неверную», но – ***если кто имеет.*** Опять не просто предписывает жить верной половине с неверной, но только в том случае, если последняя пожелает того; ибо это значит: ***согласна,*** то есть если пожелает.

14. ***Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы.***

То есть изобилием чистоты верной половины преодолевается нечистота неверной. Это значат слова апостола, а не то, будто язычник делается святым. Ибо апостол не сказал: бывает свят, но: ***освящается,*** то есть побеждается святостью верной половины. А говорит об этом для того, чтобы верная жена не опасалась сделаться нечистою, если будет иметь сожительство с таким мужем. Но спрашивается: совокупляющийся с блудницею, делаясь одним с нею телом, становится нечистым (ср. 6, 16); очевидно, и совокупляющийся с язычницею становится одним с нею телом. Если первый нечист, то как же не делается нечистым последний? Что касается блуд одеяния, в нем бывает точно так. Когда имеют общение между собою блудники, то их смешение имеет нечистоту, и потому они оба нечисты. Но иначе это дело при сожительстве верной половины с неверною. Неверующий муж – нечист по его неверию. Но жена имеет с ним общение не в неверии, а в ложе. В этом общении не оказывается никакой нечистоты. Ибо оно есть законный брак. Поэтому-то верующая половина и не делается нечистою.

Иначе дети ваши были бы нечисты. Если бы неверная половина не побеждалась чистотою верной, то дети их были бы нечисты, или только в половину чисты.

А теперь святы. То есть не нечисты. Излишним выражением: ***святы*** апостол изгоняет страх подобного подозрения.

15. ***Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь.***

Например, если он повелевает тебе или принять участие в его неверии, или отказаться от прав брака, то разведись. Ибо лучше разрешить узы брака, нежели нарушить благочестие.

Брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь. Если муж ссорится с тобою за то, что ты не принимаешь участия в его неверии, то разведись с ним. Ибо ты не порабощена ему в таком случае, то есть тебя не принуждают следовать за ним и в таковых делах. Лучше разделиться с ним, нежели ссориться; потому что и Бог не хочет этого: ***к миру призвал нас.*** Итак, если муж ссорится с тобою, то этим он сам подал причину к разводу.

16. ***Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?***

Снова обратившись к тому увещанию, ***не должна оставлять*** жена мужа (ст. 13), предлагает настоящий вопрос. Ибо если, говорит, он не ссорится с тобою, то останься с ним, и увещевай его: может быть, что-нибудь и сделаешь. Представляет успех сомнительным, с одной стороны, для того, чтобы не подумали, будто поставляет жене в непременную обязанность – совершенно убедить своего мужа, а с другой, – для того, чтобы поддержать в ней надежду (на обращение мужа) и предупредить отчаяние.

16–17. ***Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам.***

Некоторые так читали: «или ты, муж, почему знаешь, спасешь ли жену или нет?» Потом начинали другое положение таким образом: ***каждый поступай так, как Бог ему***

определил, то есть откуда знать тебе, спасешь ее или нет? Это совершенно неизвестно. Но если неизвестно, то не должно расторгать брак, потому что, если ты не спасешь ее, не повредишь себе, а если спасешь, то и себе и другим принесешь пользу. Но не так читал святой Иоанн, а так: ***каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал.*** **И** это чтение несравненно лучше. Апостол как бы так сказал: не должно быть развода под предлогом неверия, но каждый поступай так, как благоволил о нем Бог. Ты призван, имея жену из неверных. Оставь ее при себе и за неверие не изгоняй ее.

Так я повелеваю по всем церквам. Это сказал для того, чтобы коринфяне тем охотнее послушались его, когда и другим вместе с ними повелевает то же самое.

18. ***Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся.***

Вероятно, многие, стыдясь обрезания, каким-нибудь лекарством приводили обрезанный член в первобытный вид, наращая на нем кожицу.

Призван ли кто необрезанным, не обрезывайся. С другой стороны, некоторые, находя в обрезании что-то важное, обрезывались по обращении к вере. Поэтому говорит, что это нисколько не содействует вере.

19. ***Обрезание ничто и необрезание ничто, но все в соблюдении заповедей Божиих.***

Везде, говорит, вместе с верою требуется исполнение добродетели, а все прочее или мало, или вовсе не требуется.

20-**21.** ***Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся.***

В том звании, в котором призван, то есть в каком роде жизни и в каком чине и состоянии ты уверовал, в том и оставайся; ибо под призванием разумеет приведение к вере. Рабом ли ты принял веру? Не беспокойся и не смущайся; ибо рабство вовсе не вредит тебе, так, что если бы ты мог сделаться свободным, – ***то лучшим воспользуйся,*** жертвуй собою для пользы другим.

22. ***Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов.***

Свободным называется тот, кто освобожден от рабства. Итак, говорит: ты, который уверовал в состоянии рабства, ты – свободный Христов; ибо Христос освободил тебя и от греха и от внешнего рабства, хотя ты и раб. Кто не покоряется страстям, имея душу благородную, тот не раб, хотя и кажется таковым. С другой стороны, иной свободным призван к вере; такой – раб Христов. Итак, если название рабства возмущает раба, то пусть уразумеет таковой, что он сделался свободным во Христе; а эта свобода гораздо важнее человеческой. Опять, если имя свободы надмевает свободного, то пусть поймет, что он – раб Христов, и смирится, представляя, что он подчинен такому Владыке и должен угождать Ему. Видишь ли мудрость, с какою дает апостол наставления приличным рабам и свободным.

23–24. ***Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков. В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом.***

Это говорит не к одним рабам, но и к свободным, увещевая всех христиан ничего не делать для угождения людям и не повиноваться им, если их повеления противозаконны. Вот что значит: купленным от Бога быть рабами человеков. Не к тому убеждает, чтобы рабы отпадали от своих господ, – нет; это видно из последующих его слов: ***в каком звании кто призван,*** то есть если кто призван в состоянии рабства, в том пусть и остается. ***Пред Богом*** прибавил для того, чтобы через повиновение беззаконным владыкам не отпасть от Бога. Заботится о том и другом, то есть чтобы, с одной стороны, под предлогом повиновения Богу рабы не отпали от владык, а с другой, оказывая своим владыкам сверхдолжное повиновение, не отпали от Бога.

25. *Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным.*

Выше занимал нас беседою о целомудрии, а теперь обращается к более важному предмету, именно к девству, и говорит, что Господь не положил закона и не дал повеления относительно девства, а сказал только: ***кто может вместить, да вместит*** (Мф. 19, 12). Поэтому и я не дерзаю предписывать что-либо касательно сего предмета; это дело важное, но вместе и опасное; впрочем, даю свое мнение, то есть совет, поскольку и я сам, по милости Божией, удостоен быть верным, то есть близким к нему и таким, которому можно вверять тайны.

26. *По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так.*

По моему мнению, говорит, всего лучше для человека воздерживаться от брака по причине соединенных с ним неудобств и неприятностей, а не потому, чтобы брак был нечист.

27–28. *Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти, а мне вас жаль.*

Словами ***соединен ли ты с женой*** показал, что брак, как узы, приносит с собою неприятности. ***Разводом*** называет не воздержание по согласию, но развод без достаточной причины; ибо если супруги воздерживаются по согласию, то это не развод. Сказав ***не ищи жены,*** чтобы не подумали, что заповедует безбрачие, прибавляет: ***впрочем, если и женишься, не согрешишь.*** Смотри, между тем, как неприметно побуждает к девству, называя брак узами, а девство разрешением и свободою.

И если девица выйдет замуж, не согрешит. Под девою здесь разумеет не ту, которая посвящена Богу (ибо если эта выйдет замуж, то, без сомнения, согрешит, так как через это, кроме Жениха своего – Христа введет к себе прелюбодея), но еще безбрачную отроковицу. Итак, если таковая выйдет замуж, не согрешит, потому что брак не заключает в себе ничего нечистого.

Но таковые будут иметь скорби по плоти, а мне вас жаль. Скорбью называет заботы и печали, сопряженные с браком. ***А мне,*** продолжает, ***вас жаль*** как детей, и желаю, чтобы вы были свободны и беспечальны. Брак – узы; и те, которые находятся под его игом, не имеют власти над собою, как сказано выше.

29. *Я вам сказываю, братия: время уже коротко.*

Чтобы к словам его ***будут иметь скорби по плоти*** кто-нибудь не прибавил: «но вместе и удовольствие», пресекает всякую надежду на удовольствие, поставляя на вид тесноту времени. Ибо все спешит к разрушению, и приблизилось Царство Христово, и наконец мы должны явиться ко Христу. Итак, если и есть какое удовольствие в брачной жизни, то оно непрочно и кратковременно.

29–31. *Так что имеющие жен, должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего.*

Если и имеющие жен должны быть как не имеющие, то что за польза связываться браком и возлагать на себя бремя? Что же значит: ***как не приобретающие?*** Значит: не прилепившиеся к браку и жене и не истощающие всех попечений на них. Таким же образом никто не должен слишком озабочиваться и другим чем-либо: ни печальными обстоятельствами, на которые намекнул словом ***плачущие,*** ни радостными, которые означил словом «радоваться», ни договорами, которые выразил словом «покупать». И для чего, говорит, перечислять то и то? Просто пользующиеся миром сим не должны злоупотреблять им, то есть прилепляться к нему со всем усердием и пристрастием; ибо употребление излишнее и выходящее из пределов должного есть злоупотребление.

Ибо проходит образ мира сего. То есть проходит и разрушается. Зачем же привязываться к тому, что разрушается? Названием ***образ*** показал, что вещи настоящего мира только мелькают перед глазами, чрезвычайно легки и не имеют в себе ничего твердого и существенного.

32. ***А я хочу, чтобы вы были без забот…***

А каким образом могли бы мы быть беспечальными? Если бы оставались безбрачными. Поэтому прибавляет:

32–33. ***Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею.***

Как это, Павел, желая, чтобы мы были беспечальными, и для сего внушая нам безбрачие, ты опять говоришь: ***неженатый заботится о Господнем.*** Ибо вот и здесь также заботы. Но не такие, говорит, какие соединены с браком: заботы о Господнем спасительны и усладительны, а заботы о мире вредны и тягостны. В самом деле, не есть ли тягость и прискорбие стараться угодить жене и особенно такой, которая любит украшения и требует золота, и Маргарит, и других пустых вещей? Это и располагает жалких мужей к несправедливости и душевредным распоряжением вещами.

Есть разность между замужнею и девицею. То есть они различаются между собою, и не одну и ту же имеют заботу, но разделены в своих попечениях: одна печется о таких предметах, а другая о других. Коль же скоро заботы у них различны, то должно выбирать те из них, которые лучше и легче.

34. ***Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу.***

Не довольно быть святою телом, но должно быть таковою и по духу; ибо в этом, то есть в чистоте души, состоит истинное девство. На опыте многие, будучи чисты и непорочны по телу, скверны по душе. Сверх сего, обрати внимание и на то, что та не дева, которая печется о мире. Поэтому, когда увидишь женщину, которая выдает себя за деву, а между тем печется о мирском; то знай, что она нисколько не отличается от замужней. Павел для обеих положил определенные признаки, по которым можно распознавать их, – не брак и воздержание, но с одной стороны, большую и беспокойную деятельность, а с другой спокойное занятие своими делами. Следовательно, та не дева, которая обременяет себя множеством суетных занятий. А замужняя продолжает заботиться о том, как угодить мужу, и потому прилагает особенное попечение о своей красоте или, чтобы почитали ее доброю хозяйкою, показывает себя нерасточительною и бережливою.

35. ***Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения.***

Я беседовал, говорит, о девстве, зная, что это состояние полезно для вас, так как оно свободно от печали и забот, и доставляет душе больше выгод; не для того беседовал об этом, чтобы принудить вас, против вашей воли, оставаться в девстве (ибо ***узами*** назвал принуждение). А для того, говорит, чтобы вы жили благоприлично и в чистоте; ибо что может быть благоприличнее и чище девства? И для того еще, чтобы вы, будучи свободны от неприятностей брака, без развлечения служили Господу и предстояли Ему всегда, возвергши на Него все свои заботы (1 Пет. 5, 7).

36. ***Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть таковые выходят замуж.***

Если кто, говорит, будучи действительно немощен по душе, почитает бесчестным оставить девою свою дочь, особенно если она перешла зрелый возраст, то пусть, говорит, и так будет. Как же? ***Пусть делает, как хочет,*** то есть если хочет отдать ее замуж, пусть отдает, ибо не согрешит. Однако лучше блюсти деву, как говорит далее.

37–38. ***Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше.***

Заметь, как сначала удивляется тому, кто соблюдает свою девицу: называет его твердым и стойким и делающим свое дело с рассуждением; ибо говорит: ***решился в сердце своем.*** Значит, кто выдает свою девицу замуж, тот не тверд. Словами ***не будучи стесняем нуждою*** показывает то, что отец имеет власть дать дочери своей мужа, и никто не может принудить его не отдавать ее замуж. Итак честь ему, если оставляет дочь свою незамужнею; поэтому и похваляет его апостол: ибо ***хорошо,*** говорит, ***поступает.*** Но и тот, кто выдает свою дочь замуж, также ***хорошо поступает;*** ибо выдавать замуж не грех; а все, что не грех, добро. Но гораздо лучше не выдавать замуж; ибо это совершенство в добром.

39–40. ***Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия.***

Здесь учит о втором браке, и хотя позволяет его, однако, блаженнейшею почитает ту, которая не вступает во второй брак; ибо как девство выше первого брака, так первый брак выше второго. ***Жена связана законом,*** то есть предостережением закона удерживается от прелюбодеяния, от того, чтобы через соединение с другим при жизни мужа быть прелюбодейцею, но если умрет муж, она становится свободною от уз и закона первого брака и получает разрешение. ***Только в Господе,*** то есть только с целомудрием, с честностью может она вступить во второй брак, для произведения и воспитания детей, а не по влечению похоти. ***По моему совету,*** прибавляет, чтобы ты не почитал этого необходимостью, а только советом, советом Божественным. ***Думаю,*** говорит, ***и я имею Духа Божия.*** В этих словах больше смиренномудрия, ибо не сказал – «имею», но – ***думаю,*** что ***имею,*** то есть полагаю, догадываюсь.

Глава восьмая

1. ***О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает.***

Некоторые из коринфян были совершенны и, зная, что входящее в уста не оскверняет человека (см. Мф. 15, 11) и что идолы суть деревья и камни и не могут вредить, безразлично входили в капища и ели идоложертвенное. Другие же, менее совершенные, видя таковых, и сами входили в капища и приносили жертвы идолам, но не с такою же мыслью, с какою первые, а думая, что идолы достойны почтения и способны принимать жертвы. Это подвигло Павла к ревности, потому что это вредило тем и другим: совершенным – тем, что они услаждались бесовскими яствами, а несовершенным – тем, что они склонялись к идолослужению. Итак, апостол спешит исправить это зло и, по своему обычаю, оставив несовершеннейших, обращает речь свою к совершенным. И, во-первых, усмиряет гордость знанием и говорит: не вы одни имеете это знание, но все мы знаем, что идол есть ничто в мире; однако это знание не только не приносит никакой пользы, но еще и вредит, воздымая и надмевая имеющего его и через то отделяя его от ближнего члена, если вместе с ним (знанием) не будет и любви, которая, напротив, может созидать. Ибо что знание, без любви, разрушает, то любовь восстановляет и созидает, все делая в пользу ближнего.

2. ***Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать.***

Здесь говорит больше, именно, что если знание будет и с любовью соединено, то и тогда оно несовершенно. Ибо никто, будет ли то Петр, или Павел, не знает ничего так, как должно знать. Что же надмеваетесь вы, имеющие знание без любви? Ибо если бы вы имели знание и вместе любовь, то и тогда еще ничего не знали бы в совершенстве.

3. ***Но кто любит Бога, тому дано знание от Него.***[20]

Слова эти имеют такой смысл: кто любит ближнего, тот, без сомнения, любит и Бога; а кто любит Бога, тот (не сказал: «познал» Бога, но) ***познан бысть от Него,*** то есть стал знаемым Богу и своим. Став же знаемым Богу, он получает знание от Него; но и это знание несовершенное. Поэтому, если ты и будешь иметь знание, не превозносись: ибо оно не совершенное и не есть твое достоинство, но дарование от Бога. Смотри, сколькими мерами укрощает их кичливость.

4. ***Итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого.***

Опять обобщает знание, укрощая их. Все, говорит, мы знаем, что идол ничто в мире. Итак, разве нет идолов? разве нет изваяний? Есть, но они ничто, то есть не имеют никакой силы; они не боги, но камни и бесы. И так как между эллинами были простецы и мудрецы, и простецы не видели в идолах ничего более камней, а мудрецы думали, что в них обитают Божественные силы, которые они и называли богами, то простецам сказал, что идол ничто в мире, а мудрецам сказал, что нет иного Бога, кроме Единого, а поэтому не живут в идолах и силы Божественные; потому что Бог един, а не много богов.

5–6. ***Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им.***

Поскольку сказал, что нет иного Бога, между тем, как эллины говорили, что богов много; то, чтобы не почли его явно противоречащим, говорит: хотя и есть ***так называемые*** боги, то есть которых называют так, но которые поистине не боги. ***Или на небе,*** как то:

---

[20] ***В церковнославянском переводе: Агце же кто любит Бога, сей познан бысть от Него. – Примеч. ред.***

солнце и луна и прочие звезды, которые были боготворимы эллинами. ***Или на земле,*** как то: некоторые из людей, признанных ими за богов. ***Но у нас один Бог Отец, из Которого все:*** этим указывает на то, что Он Творец; ***и мы для Него:*** этим указывает на веру в Него и на понимание Его. Как бы так сказал: и мы обратились к Нему и привязались к Нему.

И один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им. Все приведено в бытие через Сына, и мы также через Него приведены в бытие и в благополучие, то есть сделались верующими и перешли от заблуждения к истине. Слыша слова: ***один Бог Отец*** **и** ***один Господь Иисус Христос,*** не подумай, что имя Бога присвоено исключительно Отцу, а имя Господа Сыну. Ибо безразлично, и Сын называется Богом, например, в словах: ***от них Христос по плоти, сущий над всеми Бог*** (Рим. 9, 5); равно и Отец называется Господом, например, в словах: ***сказал Господь Господу моему*** (Пс. 109, 1). Но поскольку у апостола речь с эллинами, чтущими многих богов и многих господ, то он ни Сына не назвал Богом, чтобы они, привыкшие к многобожию, не подумали о двух богах, ни Отца не назвал Господом, чтобы не подумали, что и у нас много господ. По этой же причине, то есть щадя немощь слушателей, не упомянул здесь и о Духе, подобно как пророки ясно не упоминали о Сыне по немощи иудеев, чтобы они не подумали о рождении страстном. Поэтому постоянно прибавляет: ***один;*** говорит: ***нет Бога, кроме Единого;*** и: ***один Бог; иодин Господь.*** Итак, Отца назвал единым Богом для отличия от лжеименных богов, а не от Сына; равно и Сына назвал единым Господом для отличия от лжеименных господ, а не от Отца.

7. ***Но не у всех такое знание: некоторые и доныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется.***

Не все, говорит, знают, что Бог един, а не много богов, или что идолы суть ничто.

Некоторые и доныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется. Сказал неопределенно: ***некоторые,*** желая обнаружить их перед всеми. Ибо много было таких, которые перешли от идолослужения к вере, но которые даже доселе, то есть и после того, как уверовали, едят идоложертвенное, как жертвы идольские. ***С совестью, признающею идолов,*** то есть имея об идолах такое же мнение (какое имели до обращения), почитая их за нечто и боясь их, как могущих нанести вред. Поэтому не сказал, что идолы оскверняют, но что ***совесть их*** (вкушающих) ***оскверняется,*** так как она слаба и не может понять, что идолы ничто; ибо они сами по себе не могут осквернять никого. Итак, пойми, что (вкушающие идоложертвенное) испытывают подобное тому, как если бы кто-нибудь, по обычаю иудейскому, почитал прикосновение к мертвецу осквернением, но, видя, что другие прикасаются к нему с чистою совестью, из стыда перед ними прикоснулся бы и сам, он не осквернился бы, но осквернился бы в совести, будучи осуждаем ею.

8. ***Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем.***

Чтобы не сказал кто-нибудь: «я ем с чистою совестию, и что мне за дело, если кто по своей немощи соблазняется», объясняет, что и самое вкушение идоложертвенного, хотя бы с решительным презрением к идолам, не имеет никакого значения. Ибо хотя бы брат твой и не соблазнился, то и в таком случае ты не сделал бы ничего похвального и богоугодного; потому что пища не приближает нас к Богу.

Ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. То есть ни в случае вкушения мы не имеем никакого превосходства перед другими и не совершаем дела, особенно угодного Богу, ни в случае невкушения не терпим потери и унижения.

9. ***Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных.***

Этим устрашает их. Не сказал – «это знание» ваше, но – ***эта свобода,*** то есть самовольство и гордость да не послужат соблазном для слабых. Более виновными делает их то, что они не щадят и слабых, которым должно было бы помогать.

10. ***Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?***

То есть: если кто-нибудь слабый увидит тебя, как ты называешь себя, совершенного, вкушающим идоложертвенное, то не найдет ли он большего повода к тому, чтобы и самому есть идоложертвенное, и не более ли еще утвердится (это значит ***расположит)*** в мнении, что идол есть нечто? Ибо, не зная твоей мысли, с какою ты это делаешь, он, без сомнения, почтет твой поступок увещанием.

11. ***И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос.***

Таким образом, совершенство твое будет причиною погибели другого, и притом слабого, и такого, за которого Христос умер. «Если же Христос не отказался и умереть за него, как же тебе не воздержаться от яств, чтобы он не соблазнился твоею пищею», – говорит Златоуст.

12. ***А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа.***

Не сказал – «соблазняя», но – ***уязвляя,*** чтобы показать жестокость их, когда они уязвляют и слабую совесть. На самый же верх преступления возвел этот грех, когда сказал: ***согрешаете против Христа.*** В каком же смысле этот грех совершается против Христа? Не в одном, а именно: Христос усвояет делаемое рабам Его Себе; уязвляемые суть Его тело и члены; они разрушают то, что Он совершил через собственное заколение, то есть спасение.

13. ***И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего.***

Как отличный учитель, собственным примером доказывает то, о чем говорит. И не сказал – ***если соблазняет*** справедливо, но как бы то ни было. Не сказал также ***не буду есть*** идоложертвенного, но вообще ***мяса,*** хотя бы оно было дозволено. Не сказал опять: в один или два дня, но – во всю жизнь свою; ибо это значит ***вовек.*** Не сказал наконец: да не погублю, но только: ***чтобы не соблазнить.***

Глава девятая

1. ***Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе?***

Сказав: если пища соблазняет брата моего, не стану есть мяса, чтобы кто не почел его тщеславным и самохвальным, вынужденным нашелся, наконец, объявить, что воздерживался и от дозволенного, чтобы не соблазнить кого-нибудь. Тогда как Христос заповедал проповеднику Евангелия питаться от Евангелия (см. Лк. 10, 7), то есть за счет поучаемых, я, говорит, лучше решился истаивать от голода и ничего не брать от вас, но работать своими руками и питаться своими трудами. Ибо, как кажется, были у них некоторые учители богатые, пользовавшиеся честию за то, что учили безвозмездно и тем старались пристыдить Павла. Уразумев это, он, как я сказал, не хотел кормиться за счет своих учеников, хотя и имел на это право. Так, говорит, я веду себя: а вы не воздерживаетесь и от идоложертвенного. Такова вообще мысль этого места, которую он раскрывает в нескольких стихах. Впрочем, рассмотрим и порознь каждое изречение. ***Не Апостол ли я?*** Чтобы кто-нибудь не сказал: «тебе нельзя брать, поэтому ты и не берешь», говорит: как? разве прочие апостолы не берут? – да, – скажешь. Что же? разве я не апостол? то есть такой же, как они. ***Не свободен ли я?*** То есть никто не возбраняет мне брать. Чтобы не сказали опять: «прочие апостолы важнее тебя, потому что видели Господа», говорит: ***Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?*** Ибо после всех явился и мне, как ***некоему извергу*** (1 Кор. 15, 8). А быть самовидцами Христа было действительно великим преимуществом; ибо Сам Он говорил: ***блаженны ваши очи, потому что вы видите то, чего не видели пророки и цари*** (Лк. 10, 23–24).

Не мое ли дело вы в Господе? Если ты и свободен, если и ты апостол, но не совершил никакого дела апостольского: что из этого? Ибо и Иуда был апостол, и видел Господа. Поэтому говорит: ***дело мое вы;*** значит, я исполнил служение апостола. Но сказав важное, прибавил: ***в Господе,*** то есть исполнил силою не своею, но Господнею.

2. ***Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства – вы в Господе.***

Не говорю, что я учитель всей вселенной; но вам разве я не учитель? Почему же я не брал ничего от вас, с которых взять имел особое право? Через такое уступление, еще более подтверждает речь свою.

Ибо печать моего апостольства – вы в Господе. То есть доказательство. Если кто пожелает убедиться, точно ли я апостол, я укажу на вас. Вы составляете печать и подтверждение моего апостольства; ибо я совершил между вами все, что должен сделать апостол.

3. ***Вот мое защищение против осуждающих меня.***

Желающим знать то, откуда видно, что я апостол, я предложу в защищение свое вас. Ибо доказав, что вы всему научены мною, я поражу осуждающих меня.

4. ***Или мы не имеем власти есть и пить?***

То есть взяв нужное с учеников. Но мы не пользуемся этою властью, хотя мы и имеем.

5. ***Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?***

За апостолами следовали богатые женщины, которые доставляли им необходимое и всю заботу об этом принимали на себя, чтобы они занимались одною проповедью. Примечай, что верховного он поставил после, как важнейшего, выражая такую мысль: что мне говорить о прочих? Сам Петр так делает. Братьями же Господними называет Иакова, епископа Иерусалимского, Иосию, Симона и Иуду (см. Мф. 13, 55), которые назывались братьями Господа потому, что Иосиф обручен был с Богородицею.

6. ***Или один я и Варнава не имеем власти не работать?***

То есть разве мы не имеем власти жить без работы и содержаться за счет своих учеников, ничего не работая? Не умолчал и о Варнаве, который, как ему было известно, был также точен в этом отношении; ибо он жил своею работою.

7. ***Какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его?***

Ибо все воины пользуются содержанием от общества. Прилично поставил на первом месте служение воина, ибо оно имеет сходство с служением апостольским по соединенным с ним опасностям и по борьбе с мысленными врагами.

Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Этим примером указал на трудность, множество бедствий и забот. Впрочем, не сказал – «употребляет весь плод», но – ***ест плодов.*** Не сказал также «кто не обогащается от плода», но ***не ест.*** Так повсюду убеждает искать необходимого, а не излишнего.

Кто, пася стадо, не ест молока от стада? Не сказал – «продает овец», или – «съедает их», или – «все молоко», но – ***молока,*** показывая нам этим: что учитель должен довольствоваться малым вознаграждением и необходимым содержанием. Именем «пастыря» указывает на то, что учитель должен иметь большое попечение.

8. ***По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон?***

То есть разве я только человеческими примерами подтверждаю это, а свидетельства из Писания не имею? Я могу доказать, что это и Богу угодно; то же повелевает и Закон, который не от людей, но от Бога.

9. ***Ибо в Моисеевом законе написано: «не заграждай рта у вола молотящего». О волах ли печется Бог?***

С избытком подтверждает желаемый предмет, почему приводит в пример и волов (см. Втор. 25, 4).

О волах ли печется Бог? Что же? разве не печется? Печется, но не так, чтобы давать законы о них. Поэтому заботливостью о бессловесных внушал нечто иное, именно приучал иудеев заботливости об учителях. Отсюда же узнаем, что все, что ни говорится в Ветхом Завете о бессловесных, то служит к назиданию людей.

10. ***Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое.***

Употребил слово ***конечно,*** как о предмете общепризнанном, чтобы не дать слушателю повода возразить что-нибудь.

Ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою. То есть учитель должен возделывать (ниву сердец) и трудиться с надеждою на воздаяние и вознаграждение.

И кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое. От сеяния перешел к молотьбе, чтобы и этим выразить, как много трудов у апостолов: ибо и они пашут и молотят. Поскольку же пашущий только надеется, а молотящий отчасти уже и наслаждается, то сказал, что молотящий получает ожидаемое им. А чтобы кто-нибудь не сказал: «что же? за столь великие труды апостолов ты полагаешь им вознаграждение в том только, чтобы получать пропитание?» прибавил: ***с надеждою,*** то есть будущих благ, так что должно надеяться и тех благ, да сверх того и есть и пить (за счет учеников).

11. ***Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?***

Здесь доказывает правоту дела. Вы, говорит, воздаете неравное тому, что вы приняли. Ибо мы посеяли в вас духовное, а вы воздаете нам телесное. Велико ли это?

12. ***Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы? Однако мы не пользовались сею властью, но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову.***

Намекает на некоторых лжеучителей, которые брали с них без стыда и самовольно. Поэтому не сказал – «если иные берут», но – ***имеют у вас власть,*** то есть господствуют, властвуют над вами, распоряжаются вами, как рабами; не тем ли более (имеем право) мы, истинные апостолы?

Однако мы не пользовались сею властью. Хотя мы имеем власть есть и пить на ваш счет, однако мы не пользовались этою властью, чтобы вы не соблазнялись. А вы не воздерживаетесь и от идоложертвенного, чтобы через это не соблазнить слабейших из братии!

Но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову. Чтобы кто не сказал: «ты не имел нужды, потому и не брал», говорит: хотя мы находимся в большом стеснении, однако все переносим, и голод, и жажду, и наготу, чтобы не произошло какой-либо преграды, то есть какого-либо замедления для Евангелия и проповеди.

13. ***Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника?***

Не удовольствовавшись вышеприведенным примером, приводит другое место из Закона, чтобы доказать, что имел право брать от учеников. Так как заповедь о волах объяснена была им в переносном смысле, то говорит, что Закон буквально повелевает, чтобы священнодействующие питались от святилища, то есть левиты, которые по степени своей ниже священников. И не сказал «питаются от приносящих», но – ***от святилища,*** чтобы ни принимающие не стыдились, как бы питающиеся от людей, ни дающие не превозносились.

Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? То есть священники и архиереи. Словом ***служащие*** указывает на постоянное служение и пребывание. И не сказал, что они берут священное, указывая на умеренность и на то, что не должно собирать деньги. Не сказал также, что они берут с приносящих жертвы, но ***от жертвенника.*** Ибо что было принесено, то принадлежало не принесшим, но храму и жертвеннику. Сказал: ***берут долю,*** потому, что кровь закалаемых в жертву была проливаема на жертвенник, жир был сожигаем, а остальные некоторые части мяса, как то: грудь, правое плечо, некоторые внутренности, священник брал себе (см. Лев. 10, 14). Но жертвы всесожжения принадлежали одному только жертвеннику (см. Лев. 9, 12–14).

14. ***Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования.***

Сильнейшее всех прочих доказательство назвал в конце. Что, говорит, я представляю то одно, то другое? Господь так повелел, дав закон, согласный с ветхозаветным (см. Лк. 10, 7). Как выше сказал: ***от святилища*** питаться, так и здесь – не «от поучаемых», но – ***от благовествования,*** чтобы питающие не превозносились. Не ты, говорит, питаешь его, но дело его – благовествование. И сказал: ***жить,*** а не – торговать, ни богатство собирать.

15. ***Но я не пользовался ничем таковым. И написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою.***

То есть я не воспользовался ни одним из вышеупомянутых примеров ветхозаветных, ни повелением Христовым, чтобы есть и пить ваше.

И написал это не для того, чтобы так было для меня. Чтобы кто не сказал ему: «что же? если ты не пользовался доселе, то хочешь пользоваться на последующее время, почему и говоришь это», спешит исправить такое мнение, говоря: я написал сие не для того, чтобы так было для меня, то есть чтобы мне брать от вас.

Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою. Я, говорит, лучше соглашусь умереть от голода, нежели допущу, чтобы кто-нибудь уничтожил похвалу мою, то есть объявил ее суетною и пустою. Сказал: ***похвалу,*** чтобы показать избыток своей радости. Иной, может быть, сказал бы: «он действительно не брал, но делал это со скорбию и болезнию». Но он говорит: «я столько далек от печали, что даже и хвалюсь этим».

16. ***Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!***

Что ты говоришь? Похвала для тебя не в благовествовании, а в безмездной проповеди? Разве последняя лучше первого? Нет, говорит; но благовествовать заповедано мне, это необходимая моя обязанность, и если я исполняю ее, в том нет никакого совершенства, но если не исполняю ее, горе мне, ибо много буду бить, как не творящий воли своего Владыки (см. Лк. 12, 47). Проповедовать же безвозмездно – дело свободного произволения, и потому дело похвальное. Слова: ***необходимая моя обязанность*** сказаны не для отнятия свободного изволения, но для отличия от свободы брать и по страху наказания за неисполнение долга.

17. ***Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение.***

Если бы дело проповеди не было возложено на меня, а совершал я его сам от себя, то я имел бы великую и многую награду. Если же оно возложено на меня; очевидно, я совершаю его не сам по себе, но делаю по воле Владыки. Это значит: ***недобровольно.*** Поэтому дело это не заслуживает чести: ибо я исполняю только вверенное мне служение. Примечай и следующее. Не сказал: если делаю ***недобровольно,*** то не буду иметь награды, – чтобы показать, что он получит награду и за проповедь, хотя в сем случае поступает по воле Владыки; ибо несообразно было бы с правдою, если бы все апостолы не получили награду за проповедание, только не такую, какую получит проповедующий безвозмездно.

18. ***За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благое ествовании.***

То есть: для меня большая и достохвальная награда в том, чтобы не пользоваться мне властию (брать), не пользоваться совершенно. Ибо греческое слово, которое в иных случаях означает «злоупотребление» употребил здесь в значении пользования вообще. Взимание везде называет ***властью,*** чтобы показать, что и те, которые брали, нисколько не погрешали. Сказал: ***в благовествовании,*** чтобы показать, что кто благовествует и трудится, тот должен брать, а кто не делает, тот не должен.

19. ***Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести.***

Говорит еще большее. Я не только не брал, хотя имел власть, но и, будучи свободен, не будучи никому подчинен, без постороннего побуждения, сам поработил себя всем, не одному и не двум, но вселенной, и не для того, чтобы угождать всем лестию, но чтобы ***больше*** приобрести верующих; ибо приобрести всех невозможно.

20. ***Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных.***

Например, когда обрезал Тимофея (см. Деян. 16, 3). Не сказал – «иудей», но – ***как иудей,*** чтобы показать, что дело это было с особенною целью.

Для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных. Разумеем прозелитов, или тех из иудеев, которые уверовали, но еще держались закона. Было это тогда, когда он остриг голову (см. Деян. 18, 18), когда принес жертву по обряду очищения (см. Деян. 21, 26). Делал же это с особенною целью и для видимости, чтобы исправить тех, которые делали это по убеждению.

21. ***Для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона.***

Под беззаконными разумеет или тех, которые не имели закона Моисеева, которые обратились из язычников, каков был Корнилий (см. Деян. гл. 10), и посещая которых Павел снисходил к их слабости, или и греков, к которым тоже применялся, например: когда держал речь перед афинянами, то начал ее с жертвенника, бывшего у них, и учил о Христе не как о Боге, но как о человеке (см. Деян. 17, 22, 23, 31); ибо ничего такого они не могли понять, но и его

почли за одного из богов своих, каковы у них были: Геркулес, Эскулап. Везде прибавлена частица **как,** чтобы ты знал, что Павел только являлся, а на самом деле не был таким.

Не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона. Чтобы не подумал, что Павел в беседах с чуждыми закона переменял свой образ мыслей, говорит: ***не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу,*** то есть имея закон, высший древнего закона, закон Христов. И для чего же? Для того, чтобы приобрести чуждых закона.

22. ***Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых.***

Так и теперь для вас, по причине нетвердости вашей в убеждениях и удобопреклонности к соблазну, я не захотел питаться на ваш счет. Да и в тех случаях, когда он, по немощи слушателей, не говорит ясно о божестве Сына или о божестве Духа знай, что он становится ***для немощных как немощный.***

Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. И что перечислять многое? Я ко всем применялся. Хотя я не надеялся спасти всех, но желал спасти хотя немногих. А это еще более удивительно. Но трудиться до изнеможения для немногих великое дело. Прибавил ***по крайней мере,*** чтобы утешить учителей. Ибо хотя никто не спасет всех, но немногих, без сомнения спасет. Потому не должно оставаться в бездействии.

23. ***Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его.***

Благовестием называет верующих, которые спасаются через благовестие, как и выше сказал: ***от благовестил жить,*** то есть от верующих. Я, говорит, поступаю так для того, чтобы мне вместе с верующими быть соучастником в венцах. Говорит так не потому, будто делал это из-за награды, но для того, чтобы убедить их делать все для братии в надежде получить блага небесные. Заметь смиренномудрие апостола. Достойный первенства, он в участии в благах поставляет себя наряду с верующими вообще.

24. ***Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду?***

Доказав, что нужно снисходить братьям, ведет к ним речь уже более строгую. Слова его имеют такой смысл. Не думайте, что для спасения вашего достаточно уже того, что вы уверовали и вступили на поприще Церкви. Нет, этого мало; подобно как и для бегущих на ристалище мало просто бежать, но нужно еще бежать безукоризненно и притом до самой цели. И кто так бежал, тот только и получит награду. А вы в опасности не получить ее; потому что, зная более, чем другие, пренебрегаете братьями и вкушаете идоложертвенное.

24–25. ***Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного.***

Вы, говорит, должны бежать так, чтобы получить. А этого не бывает без любви, которой вы не имеете. Хотя вы и почитаете себя совершенными, но несправедливо; ибо вы еще не достигли сего. Намекая же на то, что у них много было недостатков, ибо между ними водились чревоугодие, блуд и пьянство, говорит: ***все подвижники воздерживаются*** не от того или от другого, но от всего воздерживаются. Итак, признайтесь, что вы еще далеко несовершенны, и узнайте, что получение награды обусловливается воздержанием.

Те для получения венца тленного, а мы – нетленного. Это уже обличение. Они воздерживаются для получения тленного венца, а мы не делаем этого и для венца нетленного?!

26. ***И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух.***

Что это значит: ***как на неверное!*** То, что я все делаю с целью, когда обрезываю, когда стригусь, и ничего не делаю без мысли и без цели, как вы. Ибо какая цель – есть идоложертвенное, когда другие погибают из-за этого? Решительно никакой. Поэтому, делая это без разумного основания, вы бежите на неверное, и без цели и напрасно. Как превосходный учитель, апостол сам себя прямо выставляет в пример.

Бьюсь не так, чтобы только бить воздух. Я имею, кого поражать, именно – диавола. А вы не поражаете его, но совершенство знания употребляете на суету.

27. ***Но усмиряю и порабощаю тело мое. дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.***

Здесь указывает на то, что они преданы чревоугодию и извиняют оное под предлогом совершенства. А я, говорит, переношу всякий труд, чтобы жить целомудренно. Ибо ***усмиряю*** значит: бьюсь с телом. Итак, апостол хочет показать, что борьба с природою – подвиг многотрудный. Ибо тело, говорит, очень самовластно и сильно в противоборстве. Поскольку же сказал: ***усмиряю,*** то тотчас присовокупил: ***и порабощаю,*** чтобы ты знал, что тело нужно не уничтожать, но, как раба своевольного, укрощать и подчинять, что свойственно господину, а не врагу. Некоторые же думают, что ***усмиряю*** сказано в смысле более узком – вместо: изнуряю голодом.

Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным. И через это возбуждает их к большей трезвости. Ибо если мне, говорит, недостаточно для спасения проповедовать и учить, но нужно еще представить самого себя беспорочным во всем, как же вы можете спастись одною только верою, когда вы служите столь многим страстям?

Глава десятая

1. ***Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море.***

Перечисляет, скольких даров удостоены были иудеи от Бога, и объявляет, что и после этих даров многие не угодили Богу. Говорит же это с целью доказать, что как иудеям не послужило в пользу получение обильных даров тогда, как сами они не выполнили своего долга, так и вам не принесет пользы то, что вы уверовали и удостоились духовных таинств, если вы не представите себя достойными благодати Божией. ***Все,*** говорит, ***были под облаком.*** Ибо Бог простер облако покровом над ними, и они прошли через море (см. Исх. 13, 21; 14, 22).

2. ***И все крестились в Моисея в облаке и в море.***

То есть вместе с Моисеем были под тению облака и вместе перешли через море. Ибо когда увидели, что он первый переходит, тогда и сами смело пошли среди вод. Подобное сему и у нас. Первый умер и воскрес Христос, потом и мы уже крестились, подражая смерти Его через погружение в воде и воскресению через восхождение из нее. ***Крестились в Моисея.*** Это значит: он предшествовал им в образе крещения. Ибо нахождение под облаком и переход через море прообразовали собою крещение.

3. ***И все ели одну и ту же духовную пищу.***

Как мы, по получении крещения, вкушаем тело Владыки, так израильтяне, по переходе через море, вкушали манну (см. Исх. 16, 4, 15); и как мы пием Кровь Владыки, так они пили воду из твердого камня (см. Исх. 17, 6). Называет манну и воду «духовными» потому, что они хотя были чувственные, но происходили не по закону природы, а по благости Духа, и питали с телом и души, и приводили к вере.

4. ***И все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.***

Что касается пищи, то не требовалось никакого подтверждения, ибо необычайность ее сама собою очевидна. Но относительно пития нужно было подтверждение, потому что необычаен был только способ изведения оного. Поэтому и говорит: не природа камня дала воду (иначе он источал бы ее и прежде), но совершил все некоторый иной камень, именно Христос. Словом ***последующего*** выразил ту мысль, что Христос всюду был присущ им и все чудеса совершал.

5. ***Но не о многих из них благоволил Бог, ибо они поражены были в пустыне.***

Хотя Бог явил им много знаков в любви и удостоил их весьма многих благ, однако, в большинстве их, он не нашел угодного. Себе ***не благоволил.*** Ибо отвергнуты были не все, но многие. Словами ***не о многих*** выражает ту мысль, что множественность их нисколько не послужила им на пользу, когда они со своей стороны не явили дел любви к своему Благодетелю. Словами ***поражены были*** указывает на внезапную погибель их и на казни, ниспосланные от Бога.

6. ***А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы.***

Как благодеяния, так и наказания иудеев были образами. Показывает, что грешники из христиан не только будут наказаны, но гораздо больше, чем иудеи, поскольку благодеяния сих были образами, а блага тех истина, и как в дарованиях преимущество на стороне христиан, так и в наказаниях. В словах ***похотливы на злое*** говорит вообще о всяком зле: ибо всякое зло от похоти (см. Иак. 1, 14, 15); потом выставляет и некоторые виды зла. К чему же они были похотливы? они требовали чесноку, мяса, особых богов, как и сам апостол далее указывает на их идолослужение.

7. ***Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: «народ сел есть и пить, и встал играть».***

Сначала касается тех, которые ели в капищах, и показывает, что как израильтяне от чревоугодий ниспали в идолослужение (ибо составив хоры около тельца, они играли перед ним; см. Исх. 32, 6), так и вам, по чревоугодию вкушающим идоложертвенное, угрожает опасность сделаться идолослужителями. Где же, посему, твое мнимое совершенство, когда ты близок к идолослужению?

8. ***Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи.***

Опять упомянул о блуде, чтобы через постоянное обличение сделать слово свое более действенным. Этот грех также рождается от чревоугодия. Когда же погибло двадцать три тысячи? тогда, когда по совету Валаама жены мадиамские явились при ополчении, завлекли к себе юношей и через блуд склонили их к принесению жертвы Веельфегору, и – погиб народ, находившийся в ополчении (см. Чис. 25, 1–9).

9. ***Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей.***

Намекает на то, что коринфяне, требуя знамений, искушают Христа.

10. ***Ни ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя.***

То есть от некоторой поражающей силы (см. Чис. 13, 37). Этим намекает им на то, что они среди испытания не имели великодушия, но роптали и говорили: когда-то придет счастие? когда-то минуют бедствия?

11. ***Все это происходило с ними, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков.***

Устрашает их и в том случае, когда говорит, что это описано в наставление нам, что и мы должны ожидать наказаний и тем ужаснейших, чем больших дарований мы удостоились, и в том, когда представляет им кончину века и объявляет, что вас обнимут муки невременные, но бесконечные после кончины. Ибо суд этот уже у дверей, потому что оканчиваются веки мира сего.

12. ***Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.***

Опять намекает на тех, которые много надмевались своим знанием. Хотя ты и думаешь, что стоишь; однако берегись, чтобы не упасть. Ибо самая твоя уверенность, что ты стоишь, показывает, что ты не стоишь. Тебе думается так, а на самом деле ты не стоишь. Но если и стоишь, то при гордости легко можешь упасть.

13. ***Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести.***

Словами ***кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть*** устрашил их. Между тем, были такие, которые перенесли уже много искушений. Чтобы такие не сказали: «зачем устрашаешь нас? мы претерпели много искушений и не погрешили», говорит: вас постигло искушение только малое и умеренное, ибо малое повсюду называется человеческим. Потом опять утешает, убеждая их взирать на Бога, Который верен, то есть истинен и не солжет. Ибо Он обещал: ***Придите, труждающиеся, и Я успокою вас*** (Мф. 11, 28). Итак, Он не попустит вам быть искушаемыми сверх ваших сил, но устроит так, что вас постигнет искушение, соразмерное с вашею силою. Даже и всякое искушение будет сверх вашей силы, если Он не поможет, и не сотворит избытке, то есть облегчение искушения, ***при искушении,*** то есть облегчение скорое и одновременное с приходом к вам искушения, так что при скором облегчении оно сделается для вас сносным. Ибо сказал: ***даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести,*** то есть искушение вам покажется легким и посильным.

14. ***Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения.***

Так как сделал им достаточный упрек, то теперь заглаждает его, называя их братьями. Впрочем, он воспрещает им есть идоложертвенное не потому только, что это вредно для братии, но порицает это дело само по себе, называя его идолослужением и требуя скорого от него удаления, ибо говорит: ***убегайте.***.

15. *Я говорю вам как рассудительным; сами рассуждайте о том, что говорю.*

Назвав дело их идолослужением, приписал им великое преступление. Теперь смягчает строгость своего слова, и самих виновных поставляет судиями (что свойственно только тому, кто, несомненно, уверен в истине своих слов), и говорит: я не нуждаюсь в других судьях; вы, как умные, сами судите.

16. *Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?*

Благословения, то есть благодарения. Ибо, держа чашу в руках, мы благословляем и благодарим Того, Кто излил за нас Кровь Свою и удостоил неизреченных благ. Не сказал – «участие», но – ***приобщение,*** чтобы выразить нечто большее, именно теснейшее единение. Слова его имеют такое значение: находящееся в чаше есть то самое, что истекло из ребра Христова, и когда мы принимаем его, то входим в общение, то есть единение со Христом. Не стыдно ли же вам, коринфяне, перебегать к чаше идольской от той самой чаши, которая избавила вас от идолов?!

Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Что не претерпел Господь на кресте (ибо кость Его не сокрушилась; см. Ин. 19, 33~36), то претерпевает Он ныне будучи ломим за нас. Ибо говорит: ***который преломляем.*** Слова: ***приобщение Тела Христова*** значат: как то Тело соединено со Христом, так и мы через этот хлеб соединяемся с Ним.

17. *Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба.*

Перед сим сказал: ***приобщение Тела.*** Но имеющий общение с кем-либо не есть одно и то же с ним, а иное. Теперь объявляет большее и говорит, что мы это самое Тело. Ибо что такое хлеб этот? Тело Христово. Чем становятся причащающиеся оного? Телом Христовым, немногими телами, но единым Телом. Ибо как хлеб из многих зерен делается единым, так и мы, несмотря на свою множественность, делаемся единым Телом Христа.

Ибо все причащаемся от одного хлеба. Почему и составляет единое. Как же нам не хранить любви и не быть поэтому в единении? Бог для того и дает нам Свое Тело, чтобы соединить нас и с Самим Собою, и друг с другом. Поскольку начальная природа плоти повреждена грехом и утратила жизнь, то Он дал нам Свою Плоть безгрешную и животворящую, но подобную нашей, чтобы мы, причащаясь ее, срастворялись с нею, и жили, по возможности, без греха.

18. *Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?*

Из самого простого примера научитесь, что совершаемое вами есть общение с идолами. Сказал: ***Израиля по плоти,*** потому что христиане суть «по духу». Примечай и сие: не сказал об иудеях, что они общники Богу, но: ***участники жертвенника.*** Ибо посвящаемое Богу возлагалось на жертвенник и сожигалось. Но о Теле Христовом выразился иначе: общение Тела Христова есть; ибо мы становимся не участниками жертвенника, но общипками Самого Христа. Опасаясь же, чтобы слушатели не пришли к той мысли, что как Бог, принимающий жертву у иудеев, мог вредить, так и идолы принимающие жертву у язычников, могут вредить не приносящим жертв, присовокупил:.

19. *Что же я говорю? То ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь?*

Я отвращаю вас от идолов не потому, будто они имеют силу делать вред или пользу, ибо они решительно ничто, но потому, что приносимая им жертва не идет к вашему Владыке. Поэтому продолжает:

20. ***Нет, но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами.***

Итак, не прибегайте к врагам своего Владыки. Ибо если бы ты оставил трапезу царскую и перешел к трапезе осужденных, то, без сомнения, погрешил бы, не потому, будто она поверила тебе или принесла пользу, но потому, что поступок твой показался бы оскорблением для трапезы царской.

Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Ибо если причащающиеся таинственной трапезы становятся общниками со Христом, то участвующие в бесовской трапезе, очевидно, бывают в общении с бесами.

21. ***Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской.***

В виде увещания сказал: ***я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами.*** Чтобы этого увещания не оставили без внимания, теперь ту же мысль выражает в форме отрицательной: ***не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую.*** Одними именами доказывает, что от идоложертвенного необходимо удерживаться.

22. ***Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?***

Говорит это в укоризну им. Неужели нам испытывать и раздражать Бога, может ли Он наказать нас, когда мы переходим на сторону врагов Его? Потом, чтобы показать всю нелепость их поведения, говорит: ***разве мы сильнее Его?*** напоминая этим весьма резкое изречение Моисея: ***они раздражили Меня не Богом, идолами своими огорчили Меня*** (Втор. 32, 21).

23. ***Все мне позволительно, но не все полезно. Все мне позволительно, но не все назидает.***

Чтобы кто не возразил: «я ем с чистою совестию и потому имею право так делать», говорит: нет, все тебе позволительно, поскольку Бог сотворил тебя свободным; но чтобы есть (идоложертвенное), это не совсем для тебя полезно. Ибо, постоянно участвуя в трапезах идольских, ты шаг за шагом получишь расположение к самим идолам.

Все мне позволительно, но не все назидает. Поведение твое, как и прежде я говорил, не полезно ни для тебя, ни для брата твоего. Ибо оно не назидает его, а, скорее, расстраивает, и извращает веру его. Если же нет пользы ни тебе, ни брату твоему, то для чего тебе делать это?

24. ***Никто не ищи своего, но каждый пользы другого.***

Не то только имей в виду, с чистою ли совестию ты ешь, но и то, назидает ли брата поступок твой. Во многих местах своих посланий поставляет это делом самым необходимым. Не вообще возбраняет искать своей пользы, но тогда, когда это вредно для брата. Ибо в таком случае пользу его мы должны ставить выше своей и ее предызбирать.

25. ***Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести.***

Многими доводами подтвердил, что они должны удерживаться от идоложертвенного. Чтобы опять не сделались они разборчивыми сверх должного, не стали бы отказываться от продаваемого на торгу из опасения, что это может быть идоложертвенное, говорит: все, что продается, ешьте, без исследования о продающих, без расспроса, не идоложертвенное ли продается, как будто зазирает вам совесть, и вы хотите очистить ее. Или так: чтобы не зазирала тебе совесть, ты не наследывай; ибо при разбирательстве можешь узнать, что предполагаемое тобою к покупке идоложертвенное, и совесть твоя будет беспокоиться.

26. ***Ибо Господня земля, и что наполняет ее.***

Господня, а не бесов. Если же земля Господня (см. Пс. 23, 1), то Господни и плоды, и деревья, и животные, а если все Господне, то по природе нет ничего нечистого, но все зависит от мысли каждого.

27. ***Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования для спокойствия совести.***

Хорошо сказал: ***захотите***, ибо сам не хотел ни советовать, ни отсоветовать. Нисколько не исследывайте, чтобы в излишней заботливости не выказать вам боязни перед идолами и чтобы сохранить совесть свою чистою и невозмутимою.

28. ***Но если кто скажет вам: «это идоложертвенное», – то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля, и что наполняет ее.***

Я заповедую тебе удерживаться не потому, будто идоложертвенное вредно, но ради того, кто объявил, что оно идоложертвенное, чтобы он не потерпел вреда и не подумал, что христиане не должны отвращаться предметов идольских. И не потому учу я удерживаться от идоложертвенного, будто оно нечисто и совершенно чуждо нашему Господу: это видно из того, что ***Господня земля, и что наполняет ее*** (Пс. 23, 1), то есть все, что наполняет ее, что содержится в ней. Или так: удерживайся от этой пищи, ибо вся земля Господня, и тебе можно насытиться иным чем-либо, ибо все для тебя открыто.

29. ***Совесть же разумею не свою, а другого. Ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?***

То есть язычника. Ибо он, быть может, как я сказал, соблазнится, или сочтет тебя чревоугодником, или подумает, что и ты, подобно ему, принимаешь идолов. А чтобы кто не сказал: «к чему тебе заботиться о том, кто объявил?» – ибо ты же прежде сего сказал: ***что мне судить внешних?*** (5, 12), говорит: я забочусь не о нем, а о вас, чтобы вы не подверглись осуждению. Поэтому и присовокупил:

Ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью? Свободою называет безразборчивость и нестеснение запрещением. Я, говорит, буду есть свободно и без разбору; но язычник осудит меня и скажет: вера христиан суетна; они говорят, что гнушаются идолов, а между тем приносимое им в жертву охотно едят.

30. ***Если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю?***

Я, говорит, со своей стороны свободно пользуюсь творениями Божиими, по благодати Божией, которая так утвердила и укрепила меня, что я ничего не наблюдаю. Но язычник будет злословить меня, будто я по лицемерию удаляюсь идолов, а по чревоугодию ем приносимое им в жертву. Слова: ***за что я благодарю*** значат: я со своей стороны благодарю Бога, что Он так высоко поставил меня, даже выше смирения иудейского, что я ни в чем не нахожу вреда; но, как я сказал, соблазняется и злословит язычник.

31. ***Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию.***

Все, говорит, делайте в славу Божию: ибо настоящим вашим делом Бог не прославляется, а скорее хулится. Ест же и пьет кто-либо в славу Божию тогда, когда не соблазняет этим никого, делает это не по чревоугодию или по сластолюбию, но для того, чтобы приспособить тело свое к совершению добродетели; вообще же совершает кто-либо всякое дело в славу Божию тогда, когда ни другому не вредит через соблазн, ни самому себе, как, например, действующий по человекоугодию или по какому-нибудь страстному помыслу.

32. ***Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией.***

То есть никому не подавайте никакого повода к злословию. А это будет тогда, когда мы не будем соблазнять ни иудея, ни язычника, ни тем менее братьев, ибо ***церковь Божия*** они. Примечай. Важнейшее он сказал на конце: христиане должны и прочих привлекать к вере, а не то чтобы преследовать даже братьев; разумеет же под ними всех, которые соблазнялись тем, что они ели идоложертвенное.

33. ***Так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись.***

Поскольку выставил их виновными в причинении вреда язычникам и иудеям и заповедал им великое дело, то, чтобы показать удобность этого дела, выставляет в пример самого себя. А как он не искал своей пользы, это видно из многого, прежде сказанного, например: ***для всех я был всем*** (9, 22), особенно же из того, что он желал сам быть отлученным за братьев своих (см. Рим. 9, 3).

Глава одиннадцатая

1–2. ***Будьте подражателями мне, как я Христу. Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам.***

Слов ***будьте подражателями мне, как я Христу*** не принимай за выражения гордости; они сказаны с целью сильнее побудить к подражанию. Ибо если, говорит, я подражал Христу, не пощадившему собственной жизни для того, чтобы вы ожили, не тем ли более вы можете подражать мне? Ибо я не настолько лучше вас, насколько Он лучше меня: Он несравненно превосходит всех.

Окончив речь о ядении идоложертвенного, грехе тяжком, теперь исправляет грех, несколько легчайший. Ибо у него в обычае между тяжкими грехами вставлять менее важные. Что же это было? То, что женщины и молились и пророчествовали (тогда пророчествовали и женщины) с открытою головою, а мужчины и во время пророчества покрывали головы, как занимавшиеся любомудрием. Это был обычай эллинский. Апостол уже замечал об этом, быть может, во время своего пребывания у них; но одни из них послушались, а другие не послушались. О покорных он говорит: хвалю вас, что вы мое помните. Хотя в виду имелось одно то, чтобы мужчины не покрывали голову; однако он говорит: ***все мое помните.*** Ибо у него всегдашний обычай благоразумно похвалить тех, кого похвала могла поощрить к большему совершенству. ***И держите предания так, как я передал вам.*** Отселе очевидно, что и Павел и прочие апостолы многое преподавали и без письма.

3. *Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу – глава Бог.*

Судя по ходу речи, он, казалось бы, продолжает беседу с теми, кого хвалит за хранение преподанного им; но на самом деле он исправляет непокорных. Слыша, что Христос есть глава всякому мужу, разумей: верному. Ибо мы верующие – тело Его, а не язычники, почему Христос не глава им.

Жене глава – муж, а Христу – глава Бог. Муж глава жене, потому что господствует над нею. Бог – глава Христу, потому что есть причина Его, как Отец Сына. Сказанное о главе не нужно понимать в одинаковом смысле и о Христе. Христос – глава нам и потому, что Он Творец наш, и потому что мы – Его тело, а Отец глава Христу, как причина Его. Если же название Отца главою Христа будешь понимать и по человечеству, в таком смысле, в каком Сам Христос назван главою нам, тут не будет ничего нечестивого. Ибо Отец называется и Богом Христа по человечеству (см. Ин. 20, 17). Поскольку же Он восхотел уподобиться нам, и назвался и братом нашим и главою, то ничего нет нового, если Он принимает и имена уничиженные, и Отца Своего по Божеству имеет главою по человечеству, как Царя Своего и Бога Своего.

4. ***Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову.***

Мужу воспрещает иметь покрытую голову не всегда, но только во время молитвы и пророчествования. Не сказал также просто: «с покрытою головою», но (в греческом тексте): имеющий на голове печать, чтобы уничтожить покрытие головы не только одеждою, но и волосами. Ибо и тот, кто отрастил волосы, имеет на голове именно эти волосы. Почему же он бесчестит голову свою? Потому, что поставлен начальником и властителем, а между тем сам делает себя подвластным. Ибо покрытие головы означает наложение власти на голову, и покрывало на голове занимает место властителя и служит знаком подчинения. Или так: постыжает свою главу Христа, унижая себя и теряя свободу. Ибо как малое тело постыжает голову, так и тот, кто от Бога создан свободным и самовластным, но сам унижает себя как подчиненного, постыжает Христа, Который есть глава его, как тела. Достойно исследования,

почему апостол выставляет это как грех. Мужу и жене, одному признаком власти, а другой – подчинения, дано многое и иное, между прочим и то, чтобы один имел голову непокрытую, а другая – покрытую. Как же не грех переступать пределы природы и мужу украшаться волосами, а жене не покрываться? Искореняет это явление, как признак своеволия, которое весьма губительно в делах церковных. Ибо и ереси отсюда, от того, что каждый выходит из пределов узаконенного.

5. ***И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая.***

Были, как я сказал, и женщины с даром пророчества, например, дочери Филиппа (см. Деян. 21, 9) и многие иные. Чем же постыжает голову свою? Тем, что объявляет голову каким-то изгнанником, отступившись от вверенной ей Богом власти. Знай также, что мужу воспрещает быть покрытым, как сказано, во время молитвы и пророчества, а жене воспрещает быть не только в это, но и во всякое время. Ибо сего он желает, когда говорит: ***ибо это то же, как если бы она была обритая.*** Как быть обритою ей всегда стыдно, так и быть непокрытою стыдно всегда же. Волосы заменяют собою покрывало. Поэтому снимающая с себя покрывало похожа на снявшую с себя волосы.

6. ***Ибо, если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается.***

Продолжает доказывать, что быть непокрытою сходно с тем, что быть остриженною; и как стыдно последнее, то стыдно и первое. Всем этим выражает, что женщине всегда стыдно быть непокрытою.

7. ***Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужу.***

Первою причиною выставил то, что муж имеет главою Христа и поэтому не должен покрываться. Теперь представляет и другую причину: то, что он есть ***слава Божия,*** то есть наместник Божий и образ Его. Поэтому представителю власти Царя всех должно являться пред Ним со знаками этой власти, то есть с непокрытою головою. Ибо она служит знаком, что муж не подвластен никому из земных, но сам господствует над всем, как образ Божий.

А жена есть слава мужу. То есть подчинена мужу. Поэтому и являться ей должно со знаком подчинения, а таким знаком служит – иметь покрытую голову.

8–9. ***Ибо не муж от жены, но жена от мужа. И не муж создан для жены, но жена для мужа.***

Выставляет причины, по которым муж преимуществует перед женою, именно: жена создана из ребра его, и не он создан для нее, а она для него. Ибо сказано: ***сотворим ему помощника*** (Быт. 2, 18). Как же мужу покрываться, когда он так почтен от Бога? В таком случае он похитит себе женскую одежду и сделает то же, как если бы, получив диадему, сбросил ее с головы, а надел одежду раба.

10. ***Посему жена и должна иметь на голове знак власти над нею, для Ангелов.***

По сему сказанному, говорит, жена должна иметь знак своего подчинения, то есть если не иное что, то на голове покрывало, из благоговения перед ангелами, чтобы и перед ними не явиться бесстыдницею. Ибо как покрытою головою, опущенными вниз глазами жена доказывает свою почтительность и верность положения подчиненной, так непокрытою головою она обнаруживает бесстыдство, которого отвращаются и ангелы, присущие верующим. Климент же, автор книги «Строматы», довольно тонко разумел под ангелами праведников Церкви. Жена, говорит он, должна покрываться, чтобы не соблазнить их на блуд.

11. ***Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе.***

Говорит это потому, что придал больше преимущества мужу, доказав, что жена от него, и для него, и под властью его. Чтобы не возвысить мужей сверх надлежащего, а жен не унизить, говорит, что при первоначальном творении жена, действительно, так создана от

мужа, но теперь и муж не рождается без жены. Впрочем, ***в Господе,*** то есть все творит Бог, и оживотворяет семя и укрепляет утробу.

12. ***Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же – от Бога.***

Жена, говорит, от мужа. Ибо доселе еще остается за мужем то свойство, что жена от него. ***К муж через жену,*** то есть жена служит рождению человека, а большее действие – в семени. Поэтому о муже нельзя по всей строгости сказать, что он ***от*** жены, но ***от*** отца своего ***через*** жену, как послужившую рождению. А о Господе Павел сказал не так, но: ***родился от жены*** (Гал. 4, 4). Он побоялся употребить предлог «через», чтобы не подать еретикам повода говорить, что Господь прошел через Деву, как через канал, или потому, что в рождении Его не участвовал муж, а был Он плодом чрева одной только Ее.

Все же – от Бога. Это совершенство не мужа, но Божие. Если же все совершается силою Божиею, Сам же Он установил порядок отношений между мужьями и женами, то не спорь, а повинуйся.

13. ***Рассудите сами. Прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою?***

Опять самих их поставляет судьями, чтобы вполне подтвердить то, чего желает.

Прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою? Здесь намекает на нечто страшное, на то, что бесчестие восходит до Бога.

14–15. ***Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это – бесчестье для него; но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?***

Как же не бесчестие для мужа растить волосы, когда он через это принимает вид женщины и, поставленный для господства, принимает знак подчинения? Но для женщины ращение волос есть честь, потому что она сохраняет в этом случае собственный чин, а сохранение своего чина – для каждого честь. Для чего же нужно надевать и другое покрывало, если волосы служат одеянием? Для того чтобы выразить свою подчиненность не одною только природою, но и свободным произволением.

16. Л ***если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божий.***

Подлинно противоречить в подобных предметах – дело любопрения, а не размышления и разумения. Поскольку, может быть, коринфяне, желая помудрствовать, пускались в рассуждения, чтобы доказать безразличие в сем деле, то апостол говорит, что мы не имеем такого обычая, то есть или спорить, или чтобы мужу растить волосы, а жене не покрываться; ***ни*** прочие ***церкви.*** Поэтому вы противитесь не нам только, но и всей Церкви. Это внушительно должно показать слушателям ничто не делать сверх обычая апостольского.

17. ***Но, предлагая сие, не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее.***

Как первые верующие, имея все общее, питались за общим столом, так из подражания им, хотя и несовершенного, в некоторые установленные дни, быть может, праздничные, в Коринфе после причащения Тайн предлагалось общее угощение: богатые приносили яства, бедные были ими приглашаемы и угощаемы. Через разделение же этот чудный, дружелюбный и любомудрый обычай был извращен и не всеми соблюдался. Чтобы исправить это, Павел и пишет; и поскольку, при обличении в пороке, прежде сего помянутом, он имел много покорных, то говорит: ***хвалю вас*** (ст. 2); а как в настоящем случае дело было в ином положении, то говорит: ***предлагая сие, не хвалю вас,*** то есть не хвалю вас потому, что снова завещаю вам и убеждаю вас в том, о чем я намерен говорить. Вам по собственному уразумению следовало бы ни грешить совершенно, ни вынуждать к завещанию.

Что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее. Вам следовало бы преуспевать к лучшему и делать собрания более щедрые, а вы уменьшили и господствовавший уже обычай, и хотя сходитесь в одной церкви, но не для того, чтобы есть вместе. Это-то и худо очень, то есть то, что вы изменились к худшему.

18. ***Ибо, во-первых, слышу, что когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти и верю.***

Не тотчас начинает речь о трапезах, но прежде порицает их за то, что между ними бывают разделения. Ибо действительно оттого и ел каждый порознь, что между ними были разделения.

Чему отчасти и верю. Чтобы не сказали, что клевещущие на нас лгут, не сказал: ни – «верю», чтобы не сделать их более бесстыдными, ни – «не верю», чтобы не явиться напрасным обличителем, но – ***отчасти верю.*** Да и вероятно, что обычай этот нарушали не все, но «часть», некоторые.

19. ***Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные.***

Говорит не о разномыслиях в догматах, но о таких разделениях, каково, например, относительно столов. Что же значит: ***надлежит?*** То, что, так как вы: люди, то дело возможное и неизбежное, что не все ходят право. Поэтому-то я и верю. Подобно и Господь сказал: ***должно прийти соблазнам*** (Мф. 18, 7), то есть поскольку в мире есть злые, то необходимо будут и придут соблазны.

Дабы открылись между вами искусные. Слово ***дабы*** означает здесь не причину, но последствие дела, как видно из многих мест. Ибо когда гордые не принимают за свой стол, тогда являются ***искусные,*** то есть бедные, потому что они терпят презрение, а прежде сего терпение их не было видно. Или ***искусными*** называет тех, которые хранят еще обычай относительно стола; ибо не все же нарушали его. Итак, когда нарушители оказываются неискусными, оказываются искусными хранители.

20. ***Далее, вы собираетесь так, что это не значит вкушать вечерю Господню.***

Собрание служит знаком любви и общения, однако на деле не бывает этого. Господней вечерей называет общий стол, как подражание той Тайной Вечере, которую Господь вкушал со своими учениками. Поэтому и назвал обед вечерей. Итак, заметьте, говорит, чего вы лишаетесь; вы лишаетесь подражания трапезе Владыки своего.

21. ***Ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается.***

Эту Господню вечерю вы претворили в свою частную. Ибо доколе она была общая, она и называлась Господней вечерей; ибо блага Владыки общи для всех рабов. Поскольку же всякий поспешает есть свою вечерю, не дожидает бедных, но особо ест сам по себе, то вы бесчестили свою вечерю, сделавши ее вместо Господней частного.

Так что иной бывает голоден, а иной упивается. Бедный голодает, а богатый упивается. Итак, два порока, один – презираете бедных, другой – сами упиваетесь, одни только потребляя то, что следовало предложить и бедным. Выразительно сказал: ***упивается***.

22. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих? Что сказать вам? похвалить ли вас за это? Не похвалю.

Если вы не намерены есть все вместе, то почему не едите у себя дома?

Или пренебрегаете церковь Божию. Ибо когда ты обращаешь вечерю Господню в частную, вкушая сам по себе; то ты оказываешь пренебрежение и к церкви, и к месту.

И унижаете неимущих. Бедных озабочивает не столько то, что вы не питаете их, сколько то, что вы их пристыжаете, обличая их нищету, тогда как сами вы располагаетесь величаво и упиваетесь.

Что сказать вам? похвалить ли вас за это? Не похвалю.

Обличив в погрешности, смягчает свою речь. Он мог бы сказать, что это достойно тысячи смертей; а он что говорит? Похвалить ли вас? За это не похвалю. Поступает так для того, чтобы сделать их снисходительнее к бедным. Ибо если бы он до конца простер

свое сильное обличение, то они ожесточились бы против нищих, так как апостол из-за них поносит их.

23. ***Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал.***

Для чего упоминает о тайнах и об оной вечере? Весьма кстати, для того, чтобы убедить что Владыка твой всех удостоил одной и той же трапезы, а ты отвергаешь и презираешь однородного с тобою. Как он говорит, что принял от Господа, когда не был в то время с Господом, а был гонителем? Для того, чтобы ты знал, что и ныне на таинственной Трапезе преподает Тайны Сам же Господь, как и тогда.

23–24. ***Что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: «приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое»; сие творите в Мое воспоминание.***

Вспомните, говорит, что Он преподал вам это тайноводство последним, притом в ту ночь, в которую имел заклязться, и не отлучил предателя Своего от трапезы, а ты презираешь своего брата. Ты научен был благодарить, ибо и Он благодарил, чтобы дать нам образец, а ты совершаешь недостойное благодарности, ибо унижаешь Церковь, и, тогда как иной голоден, упиваешься. Он всем вообще сказал: ***приимите, ядите*** (Мф. 26, 26), и притом Тело Свое, которое преломил равно за всех, предав на смерть, а ты спешишь есть, не предлагаешь общего хлеба, чтобы раздать многим, но оставляешь самому себе.

Сие творите в Мое воспоминание. Что ты говоришь? Если бы ты творил воспоминание о Сыне или Отце, то совесть замучила бы тебя, если бы ты не исполнил узаконенного и не позвал бедных, а творя воспоминание о Владыке, ты и просто не разделяешь трапезы.

25. ***Также и чашу после вечери, и сказал: «сия чаша есть новый завет в Моей Крови»; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание.***

И в Ветхом Завете были чаши, в которые после жертвоприношения отливали кровь бессловесных (см. Исх. 24, 6~8), и принимали ее бокалом и чашею. Итак, вместо крови бессловесных, которая запечатлевала Ветхий Завет, Я ныне полагаю Свою Кровь, запечатлевая ею Новый Завет (см. Мф. 26, 27–28). Итак, не смущайся, когда слышишь о крови. Ибо если в Ветхом Завете ты принимал кровь бессловесных, не тем ли более должен ныне принимать Кровь Божественную?

Сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание. Через чашу, говорит, ты творишь воспоминание смерти Владыки. Как же ты один только сам пьешь и упиваешься, когда страшная Чаша сия дана равно для всех?

26. ***Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей, и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет.***

Вы должны быть в таком настроении, как бы принимали жертву от Самого Христа, в тот самый вечер и возлежа, на том самом месте. Ибо вечеря сия – та самая, и мы ***возвещаем,*** то есть вспоминаем, ту самую ***смерть,*** до второго пришествия.

27. ***Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней.***

Намекает, что они сами причащаются недостойно, потому что презирают бедных. Чем же виноват бывает причащающийся недостойно? Тем, что и он пролил кровь. Ибо как те, которые тогда прободали, прободали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить, так и тот, кто пьет недостойно, а потому и не получает от сего никакой пользы, напрасно пролил кровь. Иудеи разорвали хламиду Царя, а кто недостойно причащается, тот бросил ее в грязь, то есть в душу свою. Не равное и бесчестие? Поэтому и виновен он в равной мере.

28. ***Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет от чаши сей.***

Когда у Павла в какое-нибудь предложение по необходимости превзойдет другое, он обыкновенно исследует и последнее. Так и теперь. Предшествовала речь о трапезах. Но

поскольку он попал на речь о Тайнах, то занимается ею, как самым необходимым, и указывает высочайшее благо в том, чтобы приступать с чистою совестию, и говорит: я не поставляю судьею над тобою другого, но тебя самого. Итак, оправдайся перед своею совестию, и таким образом приступай, не тогда, когда будут праздники, но когда найдешь себя чистым и достойным.

29. ***Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем.***

Не по существу Тайн (ибо они животворящи), но по не достоинству приступающего, подобно тому, как и зрение на солнце вредно для испорченных глаз.

Не рассуждая о Теле Господнем. То есть не исследуя, ни помышляя о величии предлежащего. Ибо если бы мы сознавали, кто в известное время предлежит, нам не нужно было бы другого пробуждения: одно это пробудило бы нас быть бдительными.

30. ***Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает.***

Доказательство сказанного возьмите из того, что происходит между вами. Ибо оттого и случаи безвременной смерти и продолжительные болезни, что многие причащаются недостойно. А те, которые до самой глубокой старости не испытывают болезней, уже не грешат? Грешат. Но тем, которые приступают недостойно, предлежат не одни только здешние наказания, но еще более тяжкие в другой жизни. Мы же и здесь не были бы наказываемы, если бы не грешили, как он и продолжает.

31. ***Ибо, если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы.***

Не сказал: если б мы наказывали сами себя, но только: ***если бы мы судили*** и осуждали себя, то и здесь не были бы судимы Богом, и избегали бы наказаний и здешних и тамошних.

32. ***Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром.***

Поскольку, говорит, мы не делаем так легко и удобного дела, то есть самоосуждения, то и Бог не поступает с нами так нещадно, но здесь наказывает, чтобы помиловать там. ***Наказываемся,*** говорит, здесь: не казням подвергаемся, но получаем отеческие внушения, чтобы там не быть осужденными ***с миром,*** то есть с неверующими. Ибо верующие, находясь под покровом Божиим, здесь получают возмездие по грехам своим.

33. ***Посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите.***

Опять возвратился к слову о бедных, после того, как упомянул о наказаниях и смерти. И не сказал – «друг другу уделяйте», но ***ждите, –*** чтобы показать, что приносимое туда обще, и должно ожидать общего собрания.

34. ***А если ли кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не на осуждение. Прочее устрою, когда приду.***

Слово пристыжающее. Ибо говорит с ними, как с детьми, которые в чувстве голода раздражительны, и осуждает их чревоугодие. Поэтому, и выводя их из церкви, посылает в дом, и там немало пристыжает их.

Чтобы собираться вам не на осуждение. То есть во вред себе и осуждение. Собрания определены для того, чтобы собирающиеся по любви были взаимно полезны, а если не так, то лучше быть дома. Говорит это не для того, чтобы они оставались дома, но для того, чтобы сильнее привлечь их к собраниям в должном виде.

Прочее устрою, когда приду. Говорит или о других каких-нибудь погрешностях, бывших между ними и требующих распоряжения, или о том самом, что, вероятно, некоторые будут защищаться против сказанного. Но покуда сказанное мною должно быть соблюдаемо. Если же кто имеет сказать что-либо другое, то пусть ожидает моего прибытия. Устрашает же их своим прибытием для того, чтобы они смирились и исправились, если имеют что нехорошего.

Глава двенадцатая

1. ***Не хочу оставить вас, братия, в неведении о дарах духовных.***

То есть о дарованиях Духа. Дело вот в чем. Те, которые в начале веровали и крестились, все получали Духа. Поскольку же Он был невидим, то давалось внешнее доказательство Его силы; и получавшие Его или говорили на разных языках, или пророчествовали, или творили чудеса. У коринфян из-за сих дарований были мятежи: получавшие больше превозносились, получавшие меньше – завидовали им. Притом были некоторые вещуны и лжепророки, и трудно было различать их от пророков богодухновенных. Итак, все это исправляется, и прежде всего дело вещунов.

2. ***Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, так, как бы вели вас.***

Дает признак вещуну для отличия от пророка, и говорит: кто вещает в идолах, под внушением духа нечистого, тот, как бы ведомый кем, влечется связанный от духа, ничего не зная из произносимого им, но будучи в состоянии исступления и беснования. А пророк – не так; он все произносит со здравым умом. Это первое отличие беснующегося прорицателя от богодухновенного пророка.

3. ***Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым.***

И это говорит, да будет тебе признаком вещуна: он «анафематствует», то есть хулит и злословит Иисуса; наоборот, признаком пророка: он произносит имя Господа с благохвалением. Что же оглашаемые? как они, не имея еще Духа, именуют Иисуса? Но не о них теперь речь, а о верующих и неверующих. Что же бесы? разве они не называли Иисуса именем Господа (см. Мк. 5, 7)? Но они называли под ударами и против воли, а добровольно и без поражения – никогда.

4. ***Дары различны, но Дух один и тот же.***

Показав различие между пророком и лжепророком, говорит и о дарованиях, чтобы исправить тех, которые из-за них доходили до разделения. И прежде врачует того, кто получил меньшее дарование, и потому скорбит. Зачем ты оскорбляешься на то, что получил не столько, сколько другой? Это ведь не должное что-либо, а милость и дар. Поэтому ты будь благодарен, что Бог, ничем тебе не должный, дал тебе нечто. Притом и тебе и ему дал один и тот же Бог. Ибо не дал тебе ангел, а ему Бог, но обоим вам дал один и тот же Дух.

5. ***И служения различны, а Господь один и тот же.***

Упомянул и о Сыне как подателе благ. Сказал о служениях, чтобы более утешить скорбящего. Ибо, услышав имя «дара» и получив меньше, он мог поскорбеть о том, что обделен в даровании. Но, слыша о ***служении,*** не так; ибо оно указывает на труд и пот. Что же ты скорбишь, когда Он другим повелел трудиться больше, а тебя пощадил?

6. ***И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех.***

Здесь упомянул и об Отце, Который производит действия во всех верующих. И вот тебе совершенная Троица. Дарование же, и действие, и служение суть одно и то же, хотя и разнятся в названиях: ибо равно даются Духом и Сыном и Отцем. Заметь и то, что прежде упомянул о Духе, а об Отце – в конце: это ради тех, которые слишком разборчивы в порядке.

7. ***Но каждому дается проявление Духа на пользу.***

Чтобы кто не сказал: «что же? если и один и тот же Господь, и один и тот же Дух, и один и тот же Бог, но я-то получил меньше?», предупреждая это, говорит: для тебя это было полезно. ***Проявлением Духа*** называет чудеса. Ибо из них ясно было, что Дух обитает

в крестившихся. Что же ты скорбишь? Большее ли, меньшее ли у тебя дарование, видно, что ты имеешь Духа; о чем же тебе заботиться?

8. ***Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом.***

Слово мудрости, какое имел Иоанн Богослов, также и сам Павел. Заметь и то, что о Духе (в греческом тексте) употреблен здесь предлог «через».

Другому слово знания, тем же Духом. Какое имели многие из верующих, сами имевшие знание, но других научить не могшие. Ибо мудрость учит, будучи некоторою ясностью, так как она обнаруживает и сокровенное. Везде упоминает об одном и том же Духе, чтобы утешить (как много раз говорено) того, кто получил меньше.

9. ***Иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом.***

Вера не в догматы, но чудодейственная, которая и горы переставляет (см. Мф. 7, 20).

Иному дары исцелений, тем же Духом – дар исцелять всякую болезнь и всякую немощь.

10. ***Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков.***

Чудотворения. Таковой мог и наказать непокорных, как, например, Павел поразил Елиму слепотою (см. Деян. 13, 11), а Петр Ананию поразил смертию (см. Деян. 5, 3–5). Получивший дарования исцелений не мог совершать этого.

Иному пророчество, иному различение духов, то есть способность знать, кто духовен, и кто недуховен, кто пророк, и кто обольститель.

Иному разные языки, иному истолкование языков. Дар языков у коринфян был в изобилии; им-то они более и превозносились, так как он первый дан апостолам и потому почитался важнейшим прочих. Но это не так. Ибо дарование учительства важнее, и истолкование языков важнее, нежели дар просто говорить на языках.

11. ***Все производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно.***

Опять предлагает то же утешение, то есть что все производит один и тот же Дух. Особенно же заграждает уста тому, кто не доволен своим наделом; ибо говорит: как ему угодно, так и говорит. Кто же ты такой, что не доволен? Заметь это изречение и против восставших на Духа. Ибо Он действует не как Ему повелено, но как Ему угодно. Поэтому Он – Владыка и Бог. И не им действует, как и Отец, производящий все во всех (выше ст. 6).

12. ***Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело: так и Христос.***

И примером тела утешает скорбящего о меньшем даровании, доказывая ему, что он не обделен. Ибо как тело есть и единое, и многое, потому что имеет члены, так и члены суть многие, и едино, потому все вместе составляют едино тело. Где же различие? где большее? где меньшее? ибо все едино. ***Так,*** говорит, ***и Христос,*** то есть Церковь Христова. Поскольку Христос есть глава Церкви, то именем главы назвал Церковь. Ибо как тело и голова есть один человек, так, зная, что и Церковь и Христос, как тело и глава, суть едино, вместо Церкви поставил имя Христа. Итак, говорит, что в Церкви, хотя она слагается из разных чинов, все мы составляем нечто единое.

13. ***Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом.***

Теперь показывает, как Церковь подобна примеру одного тела, и говорит: все мы, и я, Павел, одним и тем же Духом крестились в одно тело, то есть чтобы быть одним телом. Ибо мы крестились, не иным Духом, – ты, а я – иным, но одним и тем же. Поэтому и я не имею ничего большего в сравнении с тобою. Ибо мы крестились в одно тело, то есть чтобы быть одним телом иудеям и эллинам, и рабам и свободным. Если же бывших столь далекими Дух соединил, тем более после того, как стали едино, мы не должны скорбеть, хотя и есть некоторое различие между нами.

И все напоены одним Духом. Кажется, он говорит о духовной трапезе, о хлебе и вине; ибо словами: «Дух, напоивший нас», указал на то и другое: на Кровь и на Плоть. Впрочем, ближе к истине, он говорит здесь о пришествии к нам Духа, совершившемся во время крещения, прежде причащения Святых Тайн. Сказал ***напоены,*** заимствовав образ от деревьев, орошенных одним и тем же источником. Итак, один Дух напоил нас и оросил, и соделал единым телом.

14. *Тело же не из одного члена, но из мно*Не удивляйся, говорит, что при то ликом множестве мы – едино тело; ибо и в человеческом теле при многих членах можно найти одно тело.

15–16. *Если нога скажет: «я не принадлежу к телу, потому что я не рука», то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: «я не принадлежу к телу, потому что я не глаз», то неужели оно потому не принадлежит к телу?*

Представляет члены тела говорящими и ропщущими на то, что они умалены перед прочими членами, для того, чтобы, доказав безрассудность ропота членов, обличить тех, которые в Церкви ропщут на то, что есть некоторые больше их. Выставляет два крайние члена, ногу и ухо, и ногу представляет говорящею не с глазом, но с рукою, которая немного преимуществует перед нею. Ухо же представляет говорящим с глазом: ибо мы всегда завидуем обыкновенно не тем, которые весьма превосходят нас, но тем, которые немного выше нас. Итак, говорит, если нога скажет, что я не часть тела, потому что не занимаю среднего места, как рука, но ниже всех нахожусь, неужели посему, то есть потому, что она не рука, не принадлежит она к телу? Ибо быть или не быть ей членом тела зависит не от места, а от того, соединена она или не соединена с телом. Равным образом, если и ухо скажет: «так как я не глаз, то вовсе отказываюсь быть частью и членом тела», все равно останется на месте, определенном ему в начале, и будет выполнять свое назначение. Так и ты, получивший, по твоему мнению, меньшее дарование, не ропщи. Ибо ты член Церкви Христовой, хотя и низшее получил место. Но когда сам отделишься от Церкви и разорвешь союз свой с нею, тогда ты уже не будешь членом. Итак, если желаешь быть членом Церкви, храни единение с нею.

17. *Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?*

Поскольку упомянул о глазе и о ноге, об ухе и руке, и выставил их рассуждающими о повышении и унижении, а через это коринфянам опять естественно было прийти к печали, а не к утешению, то теперь показывает, что полезно и нужно, чтобы дарования были различны. Ибо если бы все тело было одним членом, где же были бы прочие члены? Не стыдно ли же тебе отвергать столько членов и возвышать одного только себя?

18. *Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно.*

С великою силою заграждает уста их, когда говорит, что Бог восхотел, и каждому в частности члену определил свойственное место (ибо это значит ***расположил).*** Ни нога, занимающая низшее место, не должна скорбеть; ибо так угодно было Богу, и для нее полезно именно то, чтобы помещаться внизу. Ни голова, находящаяся наверху, не должна превозноситься; ибо это от Бога, а не ее дело. Так и в Церкви Бог поставил одного низко, что для него и полезно, а другого поставил высоко; первый должен быть доволен, и последний не должен превозноситься.

19–20. *А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно.*

Примечай мудрость: заграждает им уста тем самым, что, казалось бы, порождало малодушие, то есть тем, что дарования различны и неравночестны. Ибо если бы не было различных членов, не было бы и единого тела; а если бы не было единого тела, не было бы и равночестия. Ныне же у всех есть равночестие, именно потому, что все соединяются в одно тело. Оттого, что есть различные члены, составляется единое тело; а оттого, что тело – едино,

всем им принадлежит равная честь, по тому самому, что служат полноте единого тела. Ибо говорит: членов много, а тело одно.

21. ***Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»; или также голова ногам: «вы мне не нужны».***

Укротив тех, которые имеют дарования меньшие, теперь обращает речь свою к тем, которые имеют дарования большие и превозносятся над не имеющими оных. Ибо, говорит, как глаз не может сказать прочим членам: ***вы мне не нужны*** (ибо при недостатке одного члена, все тело несовершенно), так и те, которые получили дарования большие, не могут превозноситься над теми, которые получили дарования меньшие. Ибо первые нуждаются в последних; так как одни сами по себе не могут устроить Церковь. Хорошо сказал: ***не может;*** ибо пожелать может и многого, но на деле так не будет.

22–24. ***Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее. И которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело.***

Теперь доказывает, что почитаемые меньшими членами и полезны и необходимы; ибо они кажутся меньшими, а не на деле таковы. Что же это за члены, казалось бы, слабейшие и бесчестнейшие, а между тем необходимые? Одни говорят, что это – детородные члены, которые почитаются бесчестными и неблагообразными, но столь необходимы, что без них нет и жизни. Им мы прилагаем и чести больше; ибо иной может быть наг всем телом, но не позволит оставить их обнаженными. Другие же слабейшими, но необходимыми членами называют глаза; ибо они, будучи малы и гораздо слабее прочих членов, весьма необходимы. Бесчестнейшими же и неблагообразными членами называют ноги. О глазах мы прилагаем большее попечение, потому что они слабы; присматриваем и заботимся о ногах, хотя они занимают низкое место и кажутся бесчестными. Иной может в сих словах разуметь три порядка: одни члены слабы и необходимы, например глаза; другие бесчестны, например, ноги; иные неблагообразны, например, детородные члены.

А благообразные наши не имеют в том нужды. Чтобы кто не сказал: что за причина прилагать попечение о неблагообразных и бесчестных членах, а благообразные оставлять в небрежении? Мы, говорит, не презираем их, но они, будучи по природе своей благообразны, ни в чем не нуждаются от нас.

Но Бог соразмерил тело. Если не смесил и устроил единым, ибо смешиваемое становится единым, то во едином, где же большее и меньшее?

24–25. ***Внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге.***

Не сказал – «неблагообразном», или – «бесчестном», но – ***менее совершенном.*** Ибо по природе ни один член не безобразен или бесчестен. Менее совершенному, говорит, придал большую честь. Итак, не скорби, ибо ты почтен больше других. Вот и причина: чтобы не было разделения в теле. Ибо если бы одни члены пользовались уходом и со стороны нашей, а другие были бы оставлены и без нашего попечения, то они разделились бы между собою, не будучи в силах поддерживать союз, а по разделении их и прочие члены пришли в расстройство, по причине разделения в теле. Так и вы, удостоившиеся больших дарований, не превозноситесь над получившими меньше, чтобы, по отделении их от вас, и вам не потерпеть вреда.

А все члены одинаково заботились друг о друге. Мало, говорит, того, чтобы члены не разделялись, но между ними должна быть большая любовь и согласие; и каждый должен заботиться и пещись о малом и заботиться не просто, но ***одинаково,*** то есть чтобы и малый пользовался попечением таким же, как и важный. Так, когда попадет колючка и вонзится в пяту ноги, все тело чувствует и заботится: «голова» наклоняется, «спина» сгибается, «чрево»

и бедра стягиваются, «глаза» смотрят с большою заботливостью, «руки» вынимают занозу. Подобно бывает и с прочими членами.

26. *Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.*

Тесное единение делает бедствие и благополучие общими. Так, как мы сказали, при занозе пяты все страдает. Наоборот, когда глава увенчивается, тогда и прочим членам слава и радость, глаза бывают светлее, и все тело кажется прекрасным.

27. *И вы – тело Христово, а порознь – члены.*

Чтобы не сказали: «как относится к нам пример тела и членов?», говорит: ***и вы – тело Христово*** и ***члены.*** Если же в теле человеческом не должно быть распри, то не тем ли более в теле Христовом? Поскольку же не они только одни составляли полноту тела Христова, но верующие, сущие по всей вселенной, то прибавил: и ***члены.*** Хотя они не составляли всего тела, однако, были членами, и притом ***порознь.*** Ибо в отношении к вашей церкви вы тело Христово, как целая Церковь; а по отношению к соборной Церкви, сущей по всему миру, тело которой состоит из повсеместных церквей и имеет главою Христа, вы члены, поскольку часть ее.

28. *И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.*

Бог поставил: как же ты противишься Богу? На первом месте ставит апостолов, потому что они раздаятели всех благ; на втором пророков не ветхозаветных (ибо они пророчествовали о пришествии Христовом до Иоанна; см. Мф. 11, 13), но тех, которые по пришествии Христовом пророчествовали в Новом Завете; каковы были дочери Филиппа, Агав и множество других. Ибо сия благодать Духа была обильна в каждой Церкви. Полагает счетом «первое, второе», для того, чтобы поставив на конце дар языков, смирить тех, которые превозносились им.

В-третьих, учителями. Пророк все возвещает от Духа, а учитель и от себя: поэтому он – третий.

Далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений. Силы и больных исцеляли, и противников наказывали, а дарования исцелений только врачевали: поэтому первые он поставляет выше последних. А прежде обоих сих по справедливости поставлен учитель, который учит делом и словом.

Вспоможения, управления. То есть вспоможение слабым, и управление или распоряжение братским имуществом. Хотя это зависит и от нашего старания, но он называет дарования Божиими, убеждая нас быть благодарными, и к Нему взирать, а не превозноситься.

Разные языки. Дар этот поставил последним, чтобы смирить тех, которые тщеславились им.

29–30. *Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учители? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи?*

Когда по порядку перечислены большие и меньшие дарования, им естественно было опечалиться. Поэтому тех, которые имели меньшие дарования, опять утешает. Что, говорит, тебе скорбеть, что ты не имеешь, может быть, дар пророчества? Представь себе, что у тебя есть то, чего нет у пророка, и что есть у того, того нет у этого. Для вас прилично и гораздо полезнее такое распределение даров, чтобы каждый нуждался в ближнем.

31. *Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.*

Тайно намекнул, что сами они виноваты, что получили меньшие дарования. Ибо словом ***ревнуйте*** требует старания с их стороны, и большего стремления к духовному. По-гречески не сказано: «больших», но – «лучших», то есть полезнейших.

И я покажу вам путь еще превосходнейший. Если вы решительно возревнуете о дарах, то вместе с сими путями (на это указывает частица «еще») я покажу вам один путь ***превосходнейший,*** то есть превосходный, который приводит ко всем дарам. Разумеет же любовь.

Глава тринадцатая

1. ***Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.***

Апостол не тотчас указал им путь, но наперед сравнивал его с тем даром, который они почитали большим, то есть с даром языков, и показывает, что он несравненно превосходнее сего и даже всех прочих даров, а потом уже доказывает его вожделенность. Под ***языками человеческими*** разумеет языки всех народов вселенной. Не довольствуясь этим, он прибавляет и другое преимущество: языки, говорит, ***ангельскими.*** Сказал так не потому, будто ангелы имеют языки, но чтобы указать нечто лучшее и превосходнейшее языков человеческих. Ибо под языком ангельским разумеется мысленная сила их передавать друг другу Божественные помыслы. А назвал ее так по подобию нашего орудия слова, равно как и выражением: ***преклонилось всякое колено небесных*** (Флп. 2,10) обозначил усерднейшее их подчинение; ибо они не имеют костей. ***То я,*** говорит, ***медь звенящая,*** то есть издаю голос, но напрасно говорю, и тревожу других, но пользы никому не приношу, потому что любви не имею.

2. ***Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.***

Непростое пророчество, но самое высшее, и знающее все тайны. Примечай же: о языках, сказал, что от них нет никакой пользы, а о пророчестве, что оно знает все тайны и всякое разумение.

И всю веру. Чтобы, перечисляя дары поодиночке, не показаться тягостным, перешел к роднику и источнику всех их к ***вере,*** и притом ***всей.***

Так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. Поскольку переставление гор казалось многим делом великим, то и упомянул об этом, а не потому, будто вся вера только это и может совершать. Ибо Господь усвояет переставление гор малой доле веры, когда говорит: ***если вы будете иметь веру с горчичное зерно*** (Мф. 17, 20). Смотри же, как он пророчеством и верою обнял все дары. Ибо чудеса заключаются или в словах, или в делах. Не сказал: если не имею любви, то я мал и беден, но: я – ***ничто.***.

3. ***И если я раздам все имение мое и тело мое на сожжение, а любви не имею, нет в том никакой пользы.***

Не сказал – «если отдам часть имения моего», но – ***все;*** и не сказал – «если отдам», но – ***раздам,*** так что к утрате присоединится еще услужливость, притом самая заботливая.

И тело мое на сожжение, а любви не имею, нет в том никакой пользы. Не сказал: если я умру, но представляет жесточайшее всего, то есть сгореть живому, и говорит, что и это без любви бесполезно. Скажет иной: как можно раздать имение без любви? Такому можно ответить двояко. Или: апостол предложил невозможное возможным подобно тому, как в словах: ***если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествоватъ вам не то, что мы благовествовали*** (Гал. 1, 8–9); ибо ни сам он, ни ангел не думали благовествовать иное. Так он выражается и во многих других местах (см. Рим. 8, 39). Или: можно давать и без любви, именно, когда бывает это не из сострадания к нуждающимся, но из человекоугодия. С любовью же бывает это тогда, когда кто творит это по сочувствию и горячей любви.

4. ***Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится.***

Отселе начинает перечислять признаки любви, и первым между ними полагает долготерпение – корень всякого любомудрия. Ибо долготерпелив тот, кто имеет долгую и великую душу. Но поскольку некоторые употребляют долготерпение не на любомудрие, а часто, смеясь над своими оскорблениями и притворно сдерживаясь, будто люди долготерпеливые,

доводят их еще до большего раздражения в гневе, то говорит, что любовь ***милосердствует,*** то есть проявляет нрав кроткий и незлобный, а не как помянутые люди, притворные и злонравные. Сказал это насчет тех между коринфянами, которые любили спорить и тайно враждовать между собою.

Любовь не завидует. Иной может быть и долготерпеливым, но завистливым. Но любовь избегала и этого. Сказал это насчет завистливых между коринфянами.

Любовь не превозносится. То есть любовь не поступает безрассудно, но делает имеющего ее благоразумным и твердым. Превознослив же человек мечтательный, легкомысленный, глупый. Это сказано насчет легкомысленных и поверхностных.

Не гордится. Можно иметь все вышесказанные добродетели, но гордиться ими. А любовь не имеет этого, но и при помянутых добродетелях смиренномудрствует. Это против надменных.

5. ***Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла.***

То есть любовь не только не гордится, но если будет испытывать и крайние бедствия за любимого, то не сочтет этого постыдным и бесславным для себя, подобно тому, как и Христос из любви к нам не только претерпел бесчестное распятие, но и вменил его в славу Себе. Можешь понимать и так: не бесчинствует, то есть не обижает; ибо ничего нет постыднее обидчика. Это против не снисходящих другим.

Не ищет своего, не раздражается. Объясняет, каким образом любовь не испытывает бесчестия; потому, говорит, что она ищет не своей, но пользы ближнего, и то почитает бесчестием, когда не освободит своего ближнего от бесчестия. Это против тех, которые презирали прочих. Любовь и ***не раздражается,*** потому что не бесчинствует. Ибо человек гневливый не соблюдает благоприличия. Любовь не бесчинствует, потому что и не раздражается, то есть не спешит на гнев. Это против оскорбляющихся обидами других.

Не мыслит зла. Любовь, говорит, претерпевая всякое зло, не раздражается на гнев, и не только не делает зла в отмщение, но и не думает об этом. Смотри же везде, не говорит: «любовь завидует, но останавливается», «раздражается, но преодолевает»: но, говорит, она никакому злу решительно не попускает показаться даже и в начале его, – как и здесь: ***не мыслит зла.*** И это сказано коринфянам, чтобы они не платили за обиду обидою.

6. ***Не радуется неправде, а сорадуется истине.***

То есть не веселится, когда кто-нибудь терпит несправедливость, испытывает насилие и оскорбление.

А сорадуется истине. Но, говорит, что гораздо важнее, сорадуется тем, которые в добром мнении, и сменяет себе в славу, когда истина преуспевает. Это против завистливых.

7. ***Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.***

И обиды, и побои, и смерть. Такое свойство подает ей присущее ей долготерпение. Это против умышляющих зло.

Всему верит, что ни скажет любимый ею; ибо и сама она не говорит ничего притворно, и не думает, чтобы другой говорил так.

Всего надеется, все переносит. Любовь, говорит, не отчаивается в любимом, но надеется, что он всегда восходит к лучшему. Это сказал к отчаивающимся. Если сверх чаяния и случится, что любимый будет пребывать во зле, она переносит его недостатки мужественно. Ибо она, говорит, ***все переносит.*** Это к тем, которые легко впадают во вражду.

8. ***Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут.***

То есть никогда не уклоняется от цели, но все приводит в исполнение; или, что и лучше, не прерывается, не пресекается, никогда не прекращается, но продолжается и в будущем веке, когда все прочее упразднится, как скажет апостол далее.

Хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут. Перечислив порождения любви, снова возвышает ее иным образом, именно говорит, что и пророчество и языки окончатся, а любовь будет пребывать постоянно и в бесконечность. Ибо если пророчества и языки существуют для того, чтобы вера принимаема была удобнее, то, по распространении веры повсюду, естественно, они, как излишние, прекратятся, и в настоящем веке, а особенно в будущем.

8—10. ***И знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.***

Если звание имеет быть упразднено, неужели мы будем жить в незнании? Отнюдь нет! Но говорит, что упразднится знание ***отчасти,*** когда придет знание совершенное, то есть свойственное будущей жизни. Ибо тогда мы будем знать уже не столько, сколько знаем ныне, но гораздо более. Например, мы знаем и ныне, что Бог существует везде, но как это, не знаем; что Дева родила, мы знаем, но как это, не знаем. Тогда же узнаем об этих тайнах нечто большее и полезнейшее.

11. ***Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.***

Сказав, что с пришествием совершенного то, что ***отчасти*** упразднится, в то же время представляет и пример, которым объясняет, как велико различие между знанием настоящим и будущим. Ибо ныне мы подобны младенцам, а тогда будем мужами.

То по-младенчески говорил. Это соответствует языкам.

По-младенчески мыслил. Это соответствует пророчествам.

По-младенчески рассуждал. Это соответствует знанию.

А как стал мужем, то оставил младенческое. То есть в будущем веке я буду иметь знание более зрелое; тогда малое и младенческое знание, какое мы здесь имеем, упразднится. Затем продолжает:.

12. ***Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.***

Объясняет сказанное о младенце и показывает, что нынешнее наше знание какое-то темное, а тогда будет яснейшее. Ибо, говорит, видим ныне в зеркале. Потом, поскольку зеркало довольно отчетливо показывает отражающийся в нем предмет, присовокупил: ***гадательно,*** чтобы с наибольшею точностью показать неполноту настоящего знания.

Тогда же лицом к лицу. Говорит так не потому, будто Бог имеет лицо, но чтобы через это показать ясность и наглядность знания.

Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. Вдвойне уничижает их гордость, показывая, что нынешнее знание неполное и что оно не наше собственное. Не я, говорит, познал Бога, но Он Сам познал меня. Поэтому, как ныне Он Сам познал меня и Сам снизошел ко мне, так и я достигну Его тогда гораздо больше, нежели теперь. Как сидящий во тьме пока не видит солнца не сам стремится к прекрасному лучу его, но луч показывает себя ему своим сиянием, а когда он примет сияние солнечное, тогда уже и сам стремится к свету. Итак, слова: ***подобно как я познан*** не то значат, будто мы познаем Его так, как Он знает нас, но то, что как ныне Он снизошел к нам, так и мы достигнем до Него тогда. Подобие: некто нашел брошенное дитя, благородное, благовидное; со своей стороны признал его, поднял и взял к себе, приложил о нем попечение, благородно воспитал, наконец, одарил богатством и ввел в царские палаты. Дитя, пока оно молодо, ничего этого не чувствует и не сознает человеколюбия лица, поднявшего его. Но когда оно возмужает, тотчас признает своего благодетеля и возлюбит его достойно. Вот тебе пример в пояснение того, что прикровенно выражено в сказанном.

13. ***А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.***

Существуют и дары языков, пророчества и разумения, хотя они и призрачны: однако, с распространением веры между всеми, они совершенно упразднятся. Вера, надежда и любовь продолжительнее их (ибо это означается словами ***а теперь пребывают,*** то есть продолжительность сих трех); но и из них самих любовь больше, потому что она продолжается и в будущем веке.[21]

[21] По другому списку:***А теперь пребывают сии три: вера, надежда и любовь.*** В этом месте говорит, что вера, надежда, любовь продолжительнее. Ибо когда посредством проповеди, как сказано, вера распространится повсюду, то языки, проро чества и прочие дарования прекратятся, напротив, вера, предмет которой будущее, суд и воздаяние, также надежда на воздаяние и взаимная любовь, как более необходимые, пребудут до скончания века. *Но любовь из них больше.* Но и из этих, имеющих долее пребыть добродетелей больше всех любовь. Ибо, когда придет кончина, прекратятся и вера, и надежда, а любовь, как сильнейшая и крепчайшая, останется.

Глава четырнадцатая

1. ***Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать.***

Показав, что любовь есть великий дар, далее располагает стремиться к ней. Не сказал «ищите любви», но – ***достигайте любви,*** требуя усиленнейшего старания. Ибо она удаляется от нас, и много нужно пробежать, чтобы достигнуть ее.

Ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать. Чтобы не подумали, что превознес любовь с целию унизить дарования, присовокупляет: ***ревнуйте о дарах духовных,*** то есть о дарованиях, преимущественно же о пророчестве. Сказал это против того, что коринфяне надмевались даром языков.

2–3. ***Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение.***

Сравнивает языки с пророчеством и показывает, что они ни совершенно бесполезны сами по себе. Ибо говорят не людям, но Богу, то есть не говорят удобопонятное и ясное для людей, но Духом Святым говорят таинственное. Поэтому, как говорящие от Духа, они – великое дело, а как неполезные людям, они – ниже пророчества. Ибо оно и от Духа и многополезно; оно назидает нетвердых, увещевает и возбуждает нерадивых, утешает малодушных. Итак, Павел везде поставляет высшим то, что полезнее.

4. ***Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя, а кто пророчествует, тот назидает церковь.***

Многие, говорящие языками, не могли объяснить того, что сами говорили. Поэтому они были полезны только сами по себе. А пророчествующий полезен для всех слушателей. Поэтому какое расстояние между пользою одному и пользою Церкви, такое же расстояние между языками и пророчеством.

5. ***Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание.***

Поскольку у коринфян многие говорили языками, то чтобы не подумали, что из зависти унижает языки, говорит: я желаю, чтобы выговорили «все», не один, или два; еще более желаю, чтобы вы пророчествовали, потому что это много полезнее.

Ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание. Пророк, говорит, выше; но выше того, кто только говорит языками, а не умеет объяснить. Если же умеет и объяснить, то он равен пророку. Ибо через объяснение того, что говорит языком неясно, он назидает Церковь. Объяснение было также дарованием, и иным из говорящих языками подавалось, а иным не подавалось.

6. ***Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?***

Хотите ли знать, что языки без объяснения бесполезны? Пусть я, Павел, учитель ваш, говорю языками; и в этом случае не будет никакой пользы для слушателей, если я не изъясню чего-нибудь ***откровением,*** то есть как обыкновенно говорят получившие откровение от Бога; ибо и это также вид пророчества, когда в присутствии многих открываются помыслы каждого. ***Или познанием,*** то есть как могут говорить имеющие знание и изъясняющие слушателям тайны Божий. ***Или пророчеством,*** то есть когда кто-нибудь ведет речь и о прошедшем, и о настоящем, и о будущем. Ибо пророчество обширнее, чем откровение. ***Или***

учением, то есть в виде учительского слова, когда бывает речь то о добродетели, то о догматах. Ибо и учение бывает на пользу слушателям. Иные слово ***откровением*** понимали так: говорит что-нибудь удобопонятное, ясное и наглядное, ***опознанием*** – сказать такое, что может быть познано.

7. ***И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят раздельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслях?***

И что, говорит, я говорю, что у нас неясное бесполезно, а ясное полезно? Если и у бездушных орудий звуки не будут ***производить раздельных тонов,*** то есть раздельности и ясности, но все будет смешано, то нельзя ни распознать того, что играют, ни получить удовольствия и радости.

8. ***И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?***

От вещей не необходимых перешел к необходимейшим, упомянул о трубе, и говорит, что и от нее бывают стройные звуки, одни приготовляющие к войне, а другие отвлекающие от войны. Если она будет издавать неясный и неопределенный звук, то воины не будут готовы, и что пользы от неясного звука?

9. ***Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер.***

Чтобы не сказали: «какое к нам отношение имеет пример свирели и трубы?», говорит: если и вы даром языков не будете произносить слов вразумительных, то есть ясных, то вы говорите напрасно и на ветер, потому что никто не понимает; ибо вся сила в том, чтобы дар был полезен, иначе для чего он подавался? Разве для того, чтобы находил пользу один только получивший его? Если же он желал быть полезным и для других, то должен был или молиться Богу и через чистую жизнь получить дар истолкования, или обратиться к тому, кто может изъяснять. Павел для того говорит это, чтобы соединить их друг с другом и чтобы они не считали себя достаточными для самих себя, но принимали к себе тех, которые могут и истолковать: ибо тогда дар будет полезнее.

10. ***Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения.***

То есть столько наречий появилось в мире: скифское, индийское, фракийское и иных народов, и все племена говорят что-нибудь; ибо они не без языка.

11. ***Но, если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец.***

Если я не буду разуметь значения слов, то говорящий покажется мне чужестранцем, то есть говорящим непонятное; подобным покажусь и я ему, не по худобе слов, но по нашему непониманию.

12. ***Так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви.***

Некоторые после слов ***так и вы*** ставят точку, и объясняют: так и вы, говорящие языками непонятное, кажетесь слушателям чужестранцами; потом снова начинают и читают: ***ревнуя о дарах духовных.*** Но блаженный Иоанн читает без разделения. – Поскольку, говорит, вы ревнуете о дарах духовных, то и я желаю этого, и принимаю это, как и прежде сказал; только вы старайтесь обогатиться ими ***к назиданию,*** то есть к пользе Церкви. Ибо я не только не препятствую вам говорить языками, но желаю, чтобы вы обогатились этим даром, лишь бы только употребляли его на пользу общую.

13. ***А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования.***

Указывает способ, как дар этот сделать полезным для многих. Говорит: говорящий языками пусть молится, чтобы получить и дар истолкования. Значит, они сами виновны в том, что не получают дара истолкования, потому что не просят его у Бога.

14. ***Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода.***

В древности некоторые вместе с даром языков получали дар молитвы и произносили слова персидские или римские, но ум не понимал того, что они говорили. Павел и говорит, что ***дух мой,*** то есть дарование, движущее язык, ***молится, а ум мой*** пребывает ***без плода,*** так как не разумеет ничего из произносимого. Смотри же, как он постепенно доказал, что говорящий только языком бесполезен и сам для себя. Так объясняет это место святой Иоанн. Некоторые же понимают так: если я говорю языком, но не объясняю, то ***дух мой,*** то есть душа моя, сама по себе получает пользу, а ум мой остается без плода, потому что не приносит пользы другим. Понимающие так это изречение, по моему мнению, побоялись заблуждения Монтана: ибо он ввел такую ересь, что пророки решительно не понимали своих речей, но, одержимые Духом, говорили нечто, а что говорили, того не разумели. Но это здесь не уместно. Ибо апостол сказал это, то есть что не понимают своих слов, не о пророках, но говорящих языками, и из них не о всех, но некоторых.

15. ***Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом.***

Что же, говорит, полезнее? И чего нужно просить у Бога? Того, чтобы молиться ***духом,*** то есть дарованием, а также ***и умом,*** то есть мыслию, сознавать слова молитвы. Подобным образом и о пении.

16. ***Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: «аминь» при твоем благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь.***

Когда, говорит, ты поешь, если будешь благословлять ***духом,*** то есть духовным дарованием посредством языка, то занимающий место простеца, то есть мирянин, как при твоей молитве скажет «аминь»? Ибо ты слова «во веки веков» сказал неясно и на незнакомом ему языке, и он не уразумел, и потому не получает пользы,

17. ***Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается.***

Чтобы не подумали, что решительно унижает дарование языков, говорит: ты со своей стороны хорошо благодаришь, но, так как при этом нет пользы ближнему, благодарение твое бесполезно.

18. ***Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками.***

Чтобы не подумали, что унижает этот дар потому, что сам не имеет его, говорит: я более всех говорю языками.

19. ***Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке.***

Умом моим, то есть понимая и сознавая свои слова, и будучи в состоянии объяснить их, чтобы принесть пользу и другим. ***Нежели тьму слов на незнакомом языке,*** то есть когда не могу истолковать их; ибо в таком случае польза ограничивается только мною одним. ***Пять*** же ***слов*** говорит всякий учитель, который прилагает приличное лекарство к каждому из пяти чувств наших.

20. ***Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни.***

Показав, какое место занимает дар языков, употребляет наконец грозную речь и порицает их за то, что они мудрствуют, как дети. Ибо поистине детям свойственно удивляться предметам малым, потому что они могут поражать, каковы и языки, и пренебрегать предметами великими, потому что они не обнаруживают ничего нового, каковы и пророчества. Итак, здесь убеждает не превозноситься, даже просто не знать, что такое злоба, как и дети не знают, а умом быть совершенными, то есть рассуждать, какие дарования выше и полезнее. И иначе: ***на злое младенец*** тот, кто никому не делает зла, но незлобив, как дитя, а совершен умом тот, кто, не делая никому зла, приносит еще пользу, и не только зла избегает, но и

добродетели достигает, и сохраняет сам себя невредимым от вещей временных. Это наставление подобно следующему: ***Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*** (Мф. 10, 16).

21. ***В законе написано: «иными языками и иными устами буду говорить народу сему; но и тогда не послушают Меня, говорит Господь».***

Опять сравнивает пророчество с языками, и показывает превосходство его, а в чем оно, видно из того, что сказано далее. «Законом» обыкновенно называет весь Ветхий Завет. Поэтому и теперь о словах, написанных в конце книги Исайи (ср. 28, 11, 12), говорит, что написаны в законе. Словами: ***но и тогда не послушают Меня*** показывает, что чудо могло изумить их, но если они убедились, то это их вина. Ибо Бог всегда делает Свое и являет Свой Промысл, хотя знает, что люди не покорятся, – чтобы они были безответны.

22. ***Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих.***

Знамение изумляет, но не научает и не приносит пользы, а часто и вредит, как язык без истолкования, почему далее (ст. 23) и говорит: ***не скажут ли, что вы беснуетесь?*** Притом знамения и даны для неверующих; ибо верующие не нуждаются в них, потому что они уже веруют.

Пророчество же не для неверующих, а для верующих. Пророчество, говорит, полезно для верующих, потому что оно наставляет их. Но разве пророчество не служит и для верных? Как же (ст. 24), говорит, что если все пророчествуют, и войдет кто ***неверующий!*** Вот пророчество и для неверных. На это можно ответить: апостол не сказал, что пророчество бесполезно для неверных, но что оно не служит бесполезным знамением, как языки. Кратко сказать: язык служит знамением для неверных, то есть только для изумления их, а пророчество полезно верующим и неверующим, обличая их, хотя не называется знамением для них.

23. ***Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?***

Прикровенно объясняет, что дар языков без дара истолкования бывает поводом и ко вреду. Говорит же это с целью смирить гордость их. Они думали, что дар языков делает их предметом удивления; Павел, напротив, доказывает, что он обращается им в бесславие, давая повод считать их безумными. А чтобы ты не подумал, что от самого дарования зависит, что имеющего его покрывают бесславием, говорит: неразумные скажут, что вы беснуетесь. ***Незнающие,*** говорит, ***или неверующие,*** каковы были те, которые об апостолах говорили, что они напились сладкого вина (см. Деян. 2, 13). А благоразумные получают пользу и от дара языков, как, например, бывшие при апостолах удивлялись, что они говорили о великих делах Божиих (см. Деян. 2, 19).

24–25. ***Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу, и скажет: «истинно с вами Бог».***

Видишь ли, как пророчество полезнее, как оно, открывая тайны сердечные, заставляет неверующего признавать Бога, падать ниц и покланяться, и исповедывать: ***истинно с вами Бог?*** Подобное совершил и на Навуходоносоре. Ибо, когда Даниил открыл ему значение сна, он сказал: ***Истинно Бог ваш есть Бог, открывающий тайны*** (Дан. 2, 47). Познай отсюда значение и того, что сказано выше: ***откровением*** (ст. 6). Ибо вот откровение – один из видов пророчества. Заметь и то, что Дух есть Бог. Ибо говорит: истинно с вами ***Бог.*** В пророках же, несомненно, действует Дух. Ибо выше (12, 10–11), так сказал, что пророчества даются Духом.

26. ***Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию.***

В древности и псалмы составляли по дарованию, и на учительство подаваем был дар. Откровением же называет пророчество, давая роду имя вида. Упоминает и о даре языков, чтобы не сочли этот дар совершенно презренным и не входящим даже в ряд дарований. Все это, говорит, пусть бывает к назиданию. Ибо отличительное свойство христианина – назидать, приносить пользу. Как же может назидать, приносить пользу тот, кто имеет один только дар языков? Так: если он сойдется с имеющим дар истолкования и они будут проявлять свои дарования в союзе.

27. ***Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй.***

Я не возбраняю говорить на языках, но чтобы это было не без истолкования. И пусть немногие говорят на языках, чтобы не произошло смешения и беспорядка; ***и то порознь,*** то есть преемственно. Но, во всяком случае, должен быть истолкователь.

28. ***Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу.***

Если не будет иметь истолкователя, пусть не говорит в церкви, чтобы не показаться чужестранцем, произносящим непонятное и невразумительное для многих. Если же будет настолько тщеславен, что не захочет молчать, то пусть говорит себе и Богу, то есть без шума и тайно про себя, так чтобы слова его были слышны одному только Богу, а не людям. Смотри, как, казалось бы, дозволяет, а между тем запрещает.

29. ***И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают.***

Между пророками укрывались и волхвователи. Поэтому говорит: пусть прочие рассуждают о них, чтобы не укрылся втайне как-нибудь волхвователь. Ибо как выше (12, 10) сказано, был дар и ***различения духов*** для узнания ложных и истинных пророков. Повелевает пророчествовать ***двоим*** или ***троим,*** для соблюдения благочиния и для того, чтобы во множестве не укрылись волхвователи.

30–31. ***Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешения.***

Здесь научает благочинию и смиренномудрию. Когда, говорит, Дух возбудит другого, ты, первый, молчи. Ибо если бы Духу угодно было, чтобы ты говорил: ***все один за другим можете пророчествовать,*** то есть не печалься, ибо можешь и ты и другой и все пророчествовать поодиночке и преемственно. Ибо это дарование не ограничивается одним только, но подается всем, чтобы вся Церковь поучалась и получала поощрение к добродетели.

32. ***И духи пророческие послушны пророкам.***

И это в утешение того, которому повелел молчать. Слова эти имеют такое значение: не возражай, не противься. Ибо Сам Дух, то есть дарование, находящееся в тебе, и действие Духа, находящегося в тебе, повинуется дарованию другого, возбужденного к пророчеству: и если Дух повинуется, то тем более ты сам, получивший Духа, не должен возражать. Некоторые же понимали так: языческие волхвователи, если раз овладел ими бес, хотя бы и хотели, не могли молчать; а наши святые пророки не так, но от их воли зависит молчать или говорить. Это и значат слова: ***духи пророческие,*** то есть дарования, ***послушны пророкам*** и воле пророков молчать и не молчать. Чтобы имеющий это дарование не сказал: как я, по твоему повелению, могу молчать, когда я говорю по возбуждению от Духа? говорит; но Дух сей, возбуждающий тебя повинуется тебе, и в твоей уже власти состоит молчать, и потому на Духа не ссылайся напрасно.

33. ***Потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквах у святых.***

Показывает, что и Богу так угодно, чтобы первый молчал; потому что Бог не есть Бог неустройства и беспорядка (а он произойдет, если никто не молчит, а все пророчествуют), но мира. Сей мир соблюдается во всех церквах святых, то есть верующих. Ибо есть церкви

эллинские и греческие. Постыдитесь и вы вести себя иначе, нежели как ведут себя все церкви.

34. ***Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит.***

Указав хороший порядок всему, что касалось дара языков и пророков, именно, чтобы немногие пророчествовали, и оттоле не происходило бы замешательства и неустройства, теперь уничтожает беспорядок, происходивший от жен, и говорит, что они должны молчать в церкви. Потом говорит нечто большее, именно, что им приличнее быть в подчинении. Ибо подчинение означает молчание от страха, как это бывает в рабынях. ***Законом*** же называет книгу Бытия, в которой написано: ***к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою*** (Быт. 3, 16). Если же жене определено быть в подчинении у мужа, тем более у духовных учителей в церкви.

35. ***Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви.***

Чтобы не сказал кто-нибудь: «если они не будут говорить, то как научатся тому, чего не знают?» – отвечает, что они дома должны учиться у мужей своих. Это сделает их скромными, а мужей более внимательными, так как они должны будут слышанное ими в церкви точно передать женам по их вопросам. Заметь же, что женам не позволено в церкви говорить даже о предметах необходимых и душеполезных.

Ибо неприлично жене говорить в церкви. Быть может, они красовались духовными беседами в церкви; а он, напротив, говорит, что это для них бесславно и постыдно.

36. ***Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?***

Речь обращена к кому-то, как бы возразившему ему. Что, говорит, вы противитесь и не признаете хорошим, чтобы жены молчали в церквах? Не потому ли, что вы учители и от вас проповедь перешла к прочим? Разве вера утвердилась у одних вас, и вы не должны принимать то, что принято другими? Вы – верующие, но не первые, не единственные. Поэтому и вы должны охотно принимать то, что угодно вселенной.

37. ***Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни.***

К концу поставил то, что сильнее всего, именно, что так повелевает через меня Бог, и это, несомненно, признает тот, кто у вас почитается пророком или имеющим иное какое-нибудь духовное дарование, например дар знания.

38. ***А кто не разумеет, пусть не разумеет.***

То есть: я сказал; кто хочет, тот поверит. Такой тон речи показывает человека, не свое желание старающегося исполнить, но имеющего в виду общую пользу. Так обыкновенно поступает Павел тогда, когда не очень нужно противоречить. Ибо какая нужда Павлу противостоять и убеждать, что слова его суть заповеди Божий, притом когда он говорит своим ученикам, и сказал уже, что кто духовен, тот признает их Божественность? Очевидно, что все поспешат назвать их Божественными, чтобы показаться духовными.

39. ***Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками.***

Поговорив о дарованиях, вставил слово о женщинах: теперь опять говорит о дарованиях, и дару пророчества дает первое место, сказав ***ревнуйте,*** а дару языков – второе. Не сказал – «позволяйте», но – ***не запрещайте.*** Так мы обыкновенно говорим о предметах не необходимых, ни позволяя, ни запрещая.

40. ***Только все должно быть благопристойно и чинно.***

Как бы сразу все исправляет: и то, что касалось говоривших на языках, и то, что касалось жен, говоривших в церкви, и вообще все, что у них происходило не в порядке. Благопристойно же и чинно будет все тогда, когда говорящие на языках будут говорить с истолко-

ванием, а не как беснующиеся, когда пророки будут друг другу уступать, когда жены будут молчать.

Глава пятнадцатая

1. ***Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли…***

Переходит к учению о воскресении, которое составляет основание нашей веры. Ибо если нет воскресения, то и Христос не воскрес; если же Он не воскрес, то и не воплотился; и таким образом вся наша вера исчезнет. Поскольку такие колебания были у коринфян (ибо внешние мудрецы готовы принять все, только не воскресение), то Павел и подвизается за воскресение. Весьма мудро он напоминает им о том, что ими уже принято на веру. Ничего, говорит, странного я не говорю вам, но даю вам знать, то есть напоминаю о том, что уже было вам сообщено, но позабылось. Назвав ***яхбратиями,*** частью смирил их, частью напомнил им то, от чего мы стали братиями, именно от явления Христа во плоти, которому могли перестать верить, и от крещения, которое служит образом погребения и воскресения Господня. Именем благовествования также напомнил о тех бесчисленных благах, которые мы получили через воплощение и воскресение Господа.

Которое вы и приняли. Не сказал «которое вы слышали», но – ***которое вы приняли,*** ибо они приняли его не по слову только, но и по делам и чудесам. Сказал так вместе и для того, чтобы убедить их содержать его как давно принятое.

1–2. ***В котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали.***

Хотя они колебались, однако говорит, что устояли в нем: он намеренно представляется незнающим и предупреждает их, чтобы не могли отрицаться, хотя бы и очень пожелали того. Какая же польза от того, что стоите в нем? Та, что вы спасаетесь.

Если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам. Говорит как бы так: о том, что есть воскресение, я ничего не сообщаю вам; ибо в этой истине вы и не усомнились. Но, может быть, вам нужно знать то, каким образом будет воскресение, о котором я благовестил вам. Об этом-то, то есть о том, как будет воскресение, я и говорю вам теперь.

Если только не тщетно уверовали. Чтобы словами ***вы утвердились*** не сделать их беспечными, говорит: если вы ***удерживаете,*** если только ***не тщетно уверовали,*** то есть если вы не напрасно называетесь христианами. Ибо сущность христианства заключается в учении о воскресении.

3. ***Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию.***

Так как учение о воскресении очень важно, то я преподал его первоначально. Ибо оно есть как бы основание всей веры. Принял же его и я, то есть от Христа. Поэтому, как я содержу его, так и вы должны содержать. И как вы приняли в начале, то ныне вы не правы, когда усомнились хотя на время.

То есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию. Эти слова, очевидно, принадлежат Самому Христу, говорившему через Павла. Поскольку манихеи будут впоследствии говорить, что Павел смертью называет грехи, а воскресением – освобождение от них, то Ему угодно было сими словами наперед обличить их. Так, Христос умер. Какою смертью? Без сомнения, телесною, не греховною; ибо Он греха не сотворил. Если же они не постыдятся сказать, что и Он умер смертью греховною, то как сказано, что Он умер за наши грехи? Ибо если и Он был грешник, то как Он умер за наши грехи? Весьма ясно поражает их и сим замечанием: ***по Писанию.*** Ибо Писание везде приписывает Христу эту телесную смерть. Так говорится: ***пронзили руки мои и ноги мои*** (Пс. 21, 17); еще: ***воззрят на Того, Которого пронзили*** (Зах. 12, 10); еще: ***Он изъязвлен был за грехи наши; за преступления народа моего Он идет на смерть*** (Ис. 53, 5, 8).

4. ***И что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию.***

Погребен был. Итак, Он и тело имел. Ибо погребается тело. Слова же ***по Писанию*** не прибавил или потому, что гроб был всем известен, или потому, что слова ***по Писанию*** относятся ко всему вообще.

И что воскрес в третий день, по Писанию. Где же Писания, говорят, что Он воскрес в третий день? В прообразе Ионы, и прежде сего в Исааке, который в три дня сохранен живым для матери, а не был заклан, и в весьма многих иных прообразах; также в словах Исайи: ***Господь хощет очистити его от язвы явити… ему свет*** (Ис. 53, 10–11);[22] в словах Давида: ***Не оставишь души моей во аде*** (Пс. 15, 10).

5. ***И что явился Кифе, потом двенадцати.***

В первых поставляет свидетеля, достовернейшего из всех. Хотя Евангелие говорит, что Господь явился прежде Марии (см. Мк. 16, 9), но из мужей первому явился Петру, как лучшему из учеников. Ибо тому, кто первый исповедал Его Христом, следовало первому видеть и воскресение; является ему прежде прочих и по причине отречения его, чтобы показать ему, что он не отвергнут.

Потом двенадцати. Матфий сопричислен вместо Иуды после Вознесения Господня. Как же Павел говорит: ***потом двенадцати?*** Отвечаем: вероятно, Он явился Матфию после Вознесения, как явился и Павлу, призванному после Вознесения. Поэтому он и не указал времени, но выразился неопределенно. Некоторые же говорят, что здесь ошибка писца; или: Господь, наперед зная и предвидя, что Матфий будет сопричислен к одиннадцати, явился и ему, чтобы он и в сем отношении не был ниже прочих апостолов. Нечто подобное выражает и Иоанн, когда говорит: ***Фома один из двенадцати*** (Ин. 20, 24). Ибо всякий скорее скажет, что Он сопричислил к прочим апостолам Матфия по предуведению, чем Иуду после его предательства и удаления.

6. ***Потом более нежели пятистам братии в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили.***

После доказательства из Писаний приводит во свидетели апостолов и других верных людей. Слово ***более*** некоторые объясняют так: «свыше», с небес; что Он высоко и над головою явился им для того, чтобы удостоить в истине Вознесения. Иные же понимали так: более нежели пятистам.

Из которых большая часть доныне вых, а некоторые и почили. Я, говорит, имею живых свидетелей. Изречением ***почили*** предуготовляет начало воскресения. Ибо кто спит, тот и встает.

7. ***Потом Иакову, также всем Апостолам.***

Потом Иакову – брату Господа, поставленному от Него первым епископом в Иерусалиме.

Также всем Апостолам. Ибо были и другие апостолы, каковы семьдесят учеников.

8. ***А после всех явился и мне, как некоему извергу.***

Это слово смиренномудрия. Смирение же это употребил благоразумно, для того, чтобы, когда скажет о себе высокое: ***я более всех их потрудился*** (ст. 10), ему не отказали в вере, как самохвалу. Извергом в собственном смысле называется недоношенное дитя, которое женщина выкидывает. Поскольку называет себя недостойным апостольского звания и человеком отверженным (ст. 9), то назвал ***извергом*** как недозрелого по отношению к апостольскому достоинству. Некоторые же под извергом разумели позднее рождение, так как

---

[22] В синодальном переводе: ***Господу было угодно поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет Жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет. – Примеч. ред.***

Павел последний из апостолов. Но Павла не уничижает то, что он последний увидел Господа. Ибо и Иаков не ниже прочих пятисот оттого, что увидел Господа позже, чем они.

9. ***Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию.***

Сам о себе произносит суд: я, говорит, меньший не только двенадцати, но и всех прочих. Смотри, здесь напоминает о тех грехах, от которых избавился через крещение, для того, чтобы показать, какую благодать получил от Бога. Для чего же, выставляя сам себя свидетелем воскресения Христова, так как Он явился и ему, перечисляет свои недостатки? Для того, чтобы заслужить более доверия. Ибо кто по сущей справедливости изложил собственные недостоинства, тот не будет напрасно говорить в пользу иного.

10. ***Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною.***

Недостатки приписывает самому себе, а совершенства относит к благодати Божией.

И благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился. И это сказал со смирением, ибо не сказал – «я сделал достойное благодати», но – ***благодать*** Божия, сущая во мне, оказалась **не *тщетна…*** Как? Потому что я потрудился более всех апостолов. И не сказал: «я подвергался опасностям», но ограничил похвалу свою скромным именем труда. Говорит это сам о себе для того, чтобы явиться достойным веры. Ибо учитель должен быть достоин веры.

Не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною. И то самое, что я потрудился, не мое совершенство, но дело благодати Божией.

11. ***Итак я ли, они ли, мы так проповедуем и вы так уверовали.***

Я ли более потрудился, они ли, но в проповеди, говорит, мы все согласны. И не сказал: «если мне не верите, то им поверьте», ибо уничижил бы сам себя и оказался бы свидетелем истины, не стоящим веры, но говорит, что и он сам по себе достаточный свидетель, и они сами по себе достаточны. Словом ***проповедуем*** также подтверждает истину своих слов. Ибо мы говорим не скрытно, но явно, и не когда-нибудь, но и ныне. ***И вы так уверовали.*** Не сказал: «ныне веруете»; потому что они уже колебались. Но наряду с прочими и их веру называет свидетельницею истины. Вы, говорит, не поверили бы напрасно ложным и обманчивым речам, если бы не были убеждены в истине проповедуемого.

12. ***Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?***

Прекрасно рассуждает. Сначала доказал, что Христос воскрес и что так проповедуют он и апостолы. А потом Его воскресением подтверждает общее воскресение, так как за головою следуют и прочие части тела. Не на всех простирает обвинение, чтобы не сделать их бесстыднее, но говорит: ***некоторые говорят.*.**

13. ***Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес.***

Чтобы не сказали, что хотя Христос воскрес, однако общего воскресения не будет, подтверждает последнее и говорит: если нет воскресения, то и Христос не воскрес. Ибо одно подтверждает другое. Ибо для чего Он воскрес, если не для того, чтобы быть начатком нашим?

14. Л ***если Христос не воскрес, то и проповедь наше тщетна, тщетна и вера ваша.***

Ибо если Он, умерши, не смог воскреснуть, то ни грех не истреблен, ни смерть не упразднена; наконец, и мы проповедовали пустое, и вы поверили пустому.

15. ***Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть мертвые не воскресают.***

Мы, говорит, оказываемся неправыми, потому что ложно показали о Боге, что Он воскресил Того, Кого не воскрешал. Такое вытекает следствие, если мертвые не воскресают. Если же такое следствие нелепо, то нелепо верить и тому, что мертвые не воскресают.

16–17. ***Ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших.***

Опять защищает то же самое положение. Ибо Он для того воскрес, чтобы устроить всеобщее воскресение. Если же нет воскресения, то и Он не воскрес; если это допустить, то вера ваша напрасна: что нелепо.

Вы еще во грехах ваших. Если Он не воскрес, то и не умер, а если не умер, то и греха не истребил: ибо смерть Его – для истребления греха. Ибо сказано: ***вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира*** (Ин. 1, 29). Агнцем назвал Его, без сомнения, по причине заклания. Если же грех не истреблен, то вы, конечно, в нем остаетесь. Как же вы уверовали, что вы избавлены от него?

18. ***Поэтому и умершие во Христе погибли.***

То есть те, которые умерли за Христа и свидетельствовали о Нем, погибли, если нет воскресения. И вообще все, которые умерли в вере Христовой и в жизни тесной и скорбной, погибли, потому что лишились мирских удовольствий и после сего не получат никакого блага, если не будет воскресения.

19. ***И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.***

Если, говорит, все наше ограничивается здешнею жизнью и мы, уповающие во Христа, то есть имеющие надежду на Христа, существуем только в ней, а там нет иной жизни, то мы несчастнее всех, так как ни здешними благами не наслаждались, как и выше сказано, ни будущих не получим, потому что и не воскреснем, как некоторые говорят. Быть может, скажет иной: одна душа будет наслаждаться. – Почему же так? Трудилась не одна только она, но и тело. Где же справедливость, если тело, перенесшее большую часть трудностей, обратится в ничто и не получит никакого блага, а увенчана будет одна только душа?

20. ***Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших.***

Показав, сколько рождается нелепостей от неверия в воскресение, повторяет слово и говорит как бы так: вот что следует, если нет общего воскресения, когда и Христос не воскрес. Поныне Христос воскрес. Поэтому будет и общее воскресение, и этих нелепостей не случится. Постоянно прибавляет ***из мертвых,*** чтобы заградить уста манихеев. Если Он – начаток умерших, то, без сомнения, и Им должно вокреснуть. Ибо начаток имеет и за ним следующих, например, когда из многих один сделает что-нибудь, начав первый, а прочие будут продолжать это.

21–22. ***Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут.***

Присовокупляет причину, которою подтверждается сказанное. Нужно было, говорит, чтобы само побежденное естество победило и чтобы сам низверженный преодолел. Ибо как ***в Адаме,*** то есть через падение Адама, все умирают, так **во *Христе*** все оживут, то есть потому что Христос оказался безгрешным и неповинным смерти, и хотя умер добровольно, но воскрес, потому что тление не могло удержать Его, Начальника жизни (см. Деян. 2, 24). И это все идет против манихеев.

23. ***Каждый в своем порядке…***

Чтобы ты, услышав, что все оживут, не подумал, что и грешники спасутся, прибавил: что касается воскресения, то все оживут; но каждый будет «в своем чину» и в том, чего достоин.

23–24. *Первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу.*

Христос стал начатком и путем воскресения. После Него те, которые принадлежат Ему, то есть верные и угодные Ему, воскреснут прежде прочих, когда Он будет сходить с небес (это значит ***в пришествие Его),*** ибо праведным справедливо иметь какое-либо преимущество и в самом воскресении. Поскольку они будут восхищены на воздухе в сретение Господу (см. 1 Фес. 4, 17), то воскреснут прежде. Между тем грешники, как осужденные, будут внизу ожидать Судию. Потом – конец всего, и самого воскресения, потому что все вообще воскреснут. Ибо ныне воскрес один только Христос, а дела человеческие остались в своем положении. Но тогда будет не так, но все получит конец.

Когда Он предаст Царство Богу и Отцу.

Писание знает два царства: одно по праву усвоения, другое по праву творения. По праву творения Он царствует над всеми, над эллинами, иудеями и над самими бесами, и над теми, которые не хотят сего. По праву же усвоения Он царствует над верными и святыми, которые добровольно подчиняются. Об этом царстве сказано: ***проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе*** (Пс. 2, 8), и: ***дана Мне всякая власть*** (Мф. 28, 18); его-то предаст Он Отцу, то есть устроит, закончит. Представим себе, что какой-нибудь царь поручил сыну своему заправлять войною с отложившимися от него народами; когда сын произведет войну и покорит те народы, тогда может сказать, что он передал войну отцу, то есть показал, что порученное ему дело окончено. Итак, Павел говорит, что когда Сын все покорит, тогда будет конец. Ибо Христос тогда совершенно воцарится над нами, когда мы уже не будем разделяться между Богом и князем мира; Он как бы отнимает царство, похищенное тираном, и представит его Отцу свободным.

Когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу. То есть когда победит и укротит лукавые силы. Ибо ныне они действуют весьма много, а тогда перестанут действовать.

25–26. *Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится – смерть.*

Поскольку сказал, что Он упразднит сопротивные силы и поставит трофеи, а кто-нибудь мог усомниться и сказать: «быть может, Он ослабеет, покуда все это сделает, и не сможет исполнить это», то говорит, что Он не ослабеет, но Ему должно царствовать, то есть вести себя как Царю и как Сильному, доколе покорит врагов, и последнего из них – смерть. Ибо кто покорил диавола, тот, очевидно, покорит и дело его – смерть. Из чего же было бы видно, что она покорена, если она не выдаст тела, которыми овладела? Ибо тогда собственно будет она побеждена, когда и добыча ее будет расхищена. Итак, услышав, что Он упразднит всякое начальство и власть, не бойся, что Он ослабеет и не сделает сего: Он сделает все, царствуя и управляя войною, доколе покорит всех. Видишь ли, что слово ***доколе*** поставлено не для уничтожения того, что «после» сего, не по причине, о которой сказано? Ибо, говорит, Царство Его пребывает и не ослабеет, доколе Он устроит все. Тем более пребудет оно после того, как Он устроит все; ибо Царству Его не будет конца (см. Лк. 1, 33). Григорий же Богослов говорит, что здесь царством называется то, что Он производит подчинение и поставляет нас под Свое владычество; почему, когда мы покоримся Ему, такое царство Его, то есть старание и деятельность о подчинении нас Ему, прекратится. Ибо как строитель дотоле занимается строением, доколе наложил крышу, а после прекращает дело стройки, так и Сын царствует, то есть устрояет в нас Свое царство дотоле, доколе мы сделаемся Его подданными.

27. *Потому что все покорил под ноги Его. Когда же сказано, что Ему все покорено, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все.*

Поскольку о Сыне сказал, что Он низложит врагов и воздвигнет трофей, то убоялся, чтобы не почли Сына каким-нибудь иным началом нерожденным. Поэтому все относит к Отцу, говоря, что Он покорил Сыну врагов. А как он писал к эллинам, у которых была молва, что Зевс восстал на Отца, и говорит, что Сыну все покорено, кроме Отца. Ибо Он-то и покорил Сыну все прочее.

28. ***Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем.***

Чтобы кто не сказал, что хотя Отец и не покорил Сыну, однако Сыну ничто не препятствует быть сильнее Его, сполна разрушает такое предположение и говорит, что и Сын покорится Отцу, показывая полное единомыслие Сына с Отцем. Поэтому знай, что Отец есть причина и источник сей силы для Сына и что Сын не есть какая-нибудь иная сила, противоположная Отцу. Если употребил выражение более смиренное, чем следовало, то не удивляйся. Ибо Павел, когда хочет уничтожить что-нибудь с корнем, обыкновенно употребляет усиленные выражения. Например, желая доказать, что верующая жена, живя с мужем неверующим, не терпит вреда, он сказал, что неверующий муж освящается женою (см. 1 Кор. 7, 14); не то он говорит, что муж, оставаясь неверующим, делается святым, но усиленным выражением показывает, что верующая не терпит никакого вреда. Так и здесь именем покорения с корнем разрушается лукавый помысл, который мог явиться у иного о том, что Сын может быть сильнее Отца, когда Он может совершать столько дел. Григорий же Богослов говорит, что Сын, усвояя все наше Себе, и наше подчинение почитает Своим. Ныне мы противимся Богу: неверующие – тем, что не признают Его, верующие тем, что многие работают страстям, и поэтому-то мы не покорены. Но когда одни признают Того, Кого ныне отвергают, а другие, мы, отстанем от страстей в жизни сей, тогда, без сомнения, можно сказать, что Сын покорился. Ибо, приняв на Себя лицо человечества, Он вменяет наше Себе.

Да будет Бог все во всем. То есть чтобы все было в зависимости от Отца; чтобы никто не думал, что есть два начала безначальные и раздельные. Ибо когда враги будут под ногами Сына, а Сын не противится Отцу, но, как прилично Сыну, покоряется Отцу, тогда, конечно, Бог и Отец будет все во всех. Некоторые же говорят, что этим, то есть покорностию всего означается прекращение зла. Ибо когда не будет греха, очевидно, что Бог будет все во всех. Тогда не будут уже многие из нас вдаваться в нечистые побуждения и страсти, не имея в себе ничего Божественного или имея оного мало, но все будем богоподобны, все будем вмещать в себе Бога, и только Его. Ибо Бог будет все для нас: и пища, и питие, и одежда, и помысл и возбуждение.

29. ***Иначе, что делают крестящиеся для мертвых? Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых?***

Еретики маркиониты, когда у них кто-нибудь помрет без крещения, скрывши когонибудь живого под одром умершего, подходят к одру и спрашивают умершего, желает ли он креститься; скрывшийся под одром отвечает оттуда, что желает, и таким образом его крестят вместо умершего. Потом, когда их обвиняют в этом, они в защиту свою говорят, что апостол так сказал, и приводят, безумные, настоящее изречение. Но это не так. А как? Желающие креститься все произносят Символ веры, а в нем, между прочим, находятся и такие слова: «верую в воскресение мертвых». Итак, он говорит: поверившие будущему воскресению мертвых тел и в такой надежде крестившиеся что будут делать, когда они обманулись? Зачем же, наконец, и крестятся люди ради воскресения, то есть ожидания воскресения, если мертвые не воскресают?

30. ***Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям?***

Если вы не принимаете за доказательство воскресения словесного исповедания, которое совершают крестящиеся, то вы имеете свидетельство и в делах. Ибо все мы, апостолы, постоянно бедствуем. А если бы не было воскресения, то из-за чего бы мы терпели бедствия?

для какого удовольствия? Ибо если иной решится на бедствия и из тщеславия, то решится однажды. Но ежечасное терпение бедствий, как мы терпим, служит величайшим доказательством уверенности в воскресении.

31. ***Я каждый день умираю; свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем.***

В словах ***подвергаемся бедствиям*** (ст. 30) указал на бедствия, а здесь выставляет еще нечто большее, именно ежедневную смерть. Как же он умирал каждый день? Своею решимостью и готовностью к этому и перенесением таких бедствий, которые влекли за собою смерть. ***Свидетельствуюсь в том похвалою вашею,*** то есть свидетельствуюсь вашим успехом, которым я хвалюсь: ибо успех учеников составляет похвалу для учителя. Потом, относя это ко Христу, говорит: ***которую я имею во Христе.*** Ибо это Его дело, а не мое. Весьма мудро напоминает им об этом: как успехом вашим я хвалюсь, так покроюсь стыдом, если вы до конца пребудете в сомнениях и не уверуете в воскресение.

32. ***По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем!***

Сколько, говорит, возможно для людей, я боролся с зверями; но что из того, что Бог исхитил меня из беды? какая мне польза, если нет воскресения? Борьбою с зверями называет борьбу с иудеями и серебряником Димитрием (см. Деян. 19, 23 и далее). Ибо чем они разнились от зверей?

Если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем! Если мертвые не воскресают и не будет там блаженства, то будем, по крайней мере, наслаждаться благами в здешней жизни, будем есть и пить. Ибо в этом только прибыль. Привел эти слова из пророка Исайи (22, 13) в посмеяние над неразумием тех, которые не признают воскресения.

33. ***Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы.***

Обращает речь на увещание. Между тем прикровенно обвиняет их в безумии и легкомыслии; ибо это выражает словом ***не обманывайтесь. Добрыми*** же ***нравами*** называет нравы, легко сдающиеся на обман; показывает вместе и то, что их другие увлекают в такие рассуждения.

34. ***Отрезвитесь, как должно, и не грешите; ибо, к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога.***

Как пьяным говорит: ***отрезвитесь, как должно,*** то есть для пользы; ибо можно и трезвым быть неправедно, например, для совершения зла. ***И не грешите,*** говорит. От этого-то вы и не веруете воскресению. Ибо те, кои сознают за собою худое, не соглашаются признавать воскресение по страху наказаний. Не верующие воскресению ***не знают Бога.*** Ибо не знают всемогущества Божия. Не сказал – «вы не знаете», но – ***не знают,*** чтобы облегчить обвинение.

К стыду вашему скажу. Поскольку довольно долго обличал их, то теперь утешает: я, говорит, сказал это по вражде и не в укоризну, но для пристыжения, чтобы, когда вы устыдитесь и будете рассуждать как должно, привести вас к исправлению.

35. ***Но скажет кто-нибудь: «как воскреснут мертвые? и в каком теле придут?»***

Не сказал: «вы говорите» – для того, чтобы речь была сноснее, когда будет разбирать слова как бы иных неверующих. Два предмета подвергались сомнению: один – способ воскресения, как воскреснет тело, однажды разрушившееся; другой – в каком теле воскреснут, в настоящем или ином каком-нибудь. Примером зерна разрешает оба недоумения.

36. ***Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет.***

Разрешение заимствует от того, что очевидно и каждый день совершается у них. Поэтому и называет их безумными, что они не знают такого ясного дела. Что, говорит, ***ты сеешь,*** ты – тленный: как же сомневаешься о Боге? ***Не оживет,*** говорит, ***если не умрет;*** употребил слова, идущие не к семенам, а к телам. Ибо не сказал – «иначе не вырастет, если

не разрушится», но – ***не оживет, если не умрет.*** Смотри, как дал речи обратный вид. Им казалось непонятным, как мы воскреснем после смерти; а он, напротив, говорит, что потому-то и воскреснем, что умрем. Ибо нельзя было бы иначе быть оживотворенными, если бы не было смерти.

37. ***И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое.***

Два, сказано, было недоумения: одно – как воскреснут, другое – в каком теле. Первое, как воскреснут, разрешил; именно: через смерть, как и зерно. Теперь, объяснив, в каком теле воскреснут, разрешает и другое недоумение. Говорит, что воскреснет то же самое тело, то есть тело той же самой сущности, но в более светлом и славном виде. Еретики говорят, что воскреснет не то же самое тело, ибо это, говорят, выражает апостол, когда говорит: ***не тело будущее.*** Но апостол говорит не это, а что? То, что ты сеешь зерно не таким, каким оно будет, не светлое и славное, но голое, однако колос вырастает благолепный; и он не есть ни совершенно тот же, потому что посеян не колос, то есть не со стеблем и остьями, но ***голое зерно;*** ни совершенно иной, потому что колос сей не из иного зерна, но из этого голого.

38. ***Но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело.***

Если же Бог дает тело, то что ты еще допытываешься, в каком теле мы воскреснем, и не веришь воскресению, слыша о силе и воле Божией? Ибо Бог воскресит разрушившееся тело, только воскресит благолепнейшим и духовнейшим. Это можно усмотреть и на семенах, потому что прозябшее семя всходит лучшим того, которое брошено в землю.

И каждому семени свое тело. Эти слова беспрекословно заграждают уста еретиков, говорящих, что в воскресение оживет тело не то же самое, но иное. Ибо вот, слышит, что каждому дается собственное тело.

39. ***Не всякая плоть такая же плоть, но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц.***

Чтобы ты, услышав о пшенице, не подумал, что как у нее все колосья вырастают равночестные, так и в воскресение все будут равночестны, хочет показать, что между воскресшими будет различие (на что и прежде намекнул словами ***каждый в своем порядке),*** и говорит, что не всякая плоть такая же плоть, то есть не все воскреснут в одном и том же достоинстве, но будут иметь разность прежде праведники от грешников, как разнятся тела небесные от земных, потом будет большое различие степеней между самими праведниками, как ниже скажет, и между самими грешниками. Ибо, говорит, как есть разность между плотью человеков и плотью скотов и прочих животных, так будет различие и в наказаниях грешников. Итак, все, что ни сказано о разности между грешниками, сказано о разности между грешниками. Ибо о праведниках говорит ниже, когда перечисляет тела небесные.

40. ***Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных.***

Здесь, как и выше я сказал, указывает разность праведных от грешных: первых называет телами небесными, а грешников – земными, и говорит, что иная слава праведников, и иная грешников, уже не слава (ибо сего не должно подразумевать), но жизнь.

41. ***Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе.***

Как немного прежде сказал о различии в телах грешников, начав с людей и потом упомянув о птицах, скотах и рыбах, потому что и грешники, быв сначала людьми, ниспали потом до уподобления бессловесным (см. Пс. 48, 21), так теперь показывает разности в праведниках. Все, говорит, в славе, но иной свет у солнца, иной у луны и у какого ни случится тела; ибо и звезды от звезд разнятся ***в славе,*** то есть в свете; ибо славу звезд составляет свет. Некоторые под телами небесными разумели ангелов, но думаю, что это неверно. А из того, что привел солнце, луну и звезды, видно, что речь идет о них.

42. ***Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении.***

Как же? Со многим различием, как видно и из вышеприведенных примеров.

Сеется в тлении, восстает в нетлении.

Выше, говоря о семенах, употреблял слова, приличные телам, когда, например, говорил: ***не оживет, если не умрет*** (ст. 36). Теперь, говоря о телах, употребляет слова, приличные семенам. Ибо говорит: ***сеется в тлении.*** Под сеянием же разумеет теперь не зачатие наше в утробе, но погребение мертвых тел в земле, как бы так говоря: мертвое тело погребается в земле ***в тлении,*** то есть для того, чтобы истлеть. Хорошо также сказал: ***восстает,*** а не всходит, чтобы ты не счел это делом земли.

43. ***Сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе.***

Ибо что непочетнее мертвого? Но воскреснет ***в славе*** нетления, хотя и не все получат одну и ту же часть.

Сеется в немощи, восстает в силе. **Ибо** не пройдет и пяти дней, как плоть не сможет противостоять тлению; но воскреснет ***в силе*** нетления, не подлежа уже никакому тлению, хотя для грешников нетление послужит к большому наказанию.

44. ***Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное.***

Душевное тело то, которое управляется силами души и в котором душа имеет господство и владычество; ***духовное*** же то, которое имеет обильную деятельность Духа Святаго и Им управляется во всем. Ибо хотя и ныне Дух действует в нас, но не так и не всегда; ибо от тех, кои грешат, отлетает. Хотя и ныне Дух присутствует, но управляет телом душа; а тогда Дух непрерывно будет пребывать в телах праведников. Или: ***духовным*** просто называет тело нетленное, как тончайшее и легкое, могущее носиться и по воздуху, только не воздушное и эфирное, то есть не из сущности воздуха и эфира, как говорит Ориген. Если же ты не веришь нетлению, то посмотри на тела небесные, которые доселе не стареют и не ослабевают. Тот, кто сотворил их такими, и наше тленное сделает нетленным.

Есть тело душевное – то, которое мы ныне имеем в настоящей жизни.

Есть тело и духовное – то, которое будем иметь в будущем веке, по существу то же самое, духовное, то есть нетленное.

45. ***Так и написано: «первый человек Адам стал душею живущую; а последний Адам есть дух животворящий».***

Первое точно написано (см. Быт. 2, 7), а второе не написано; но поскольку оно случилось по связи событий, то говорит, что написано. Подобно и пророк (см. Зах. 8, 3) сказал об Иерусалиме, что он прозовется городом правды; но он буквально не был так назван. Евангелие назвало Господа Еммануилом (см. Мф. 1, 23); однако Он не назывался так, но дела дают Ему такое название. Итак, первый Адам был человек душевный, то есть имел тело, управляемое душевным силами; а последний Адам, Господь, ***дух животворящий.*** Не сказал – «в Духе живущий», но выразил нечто большее – ***животворящий.*** Ибо Господь имел Духа Святого, существенно соприсущего Ему; Им Он оживлял Свою плоть; Им же и нам даровал нетление. Итак, в первом Адаме мы получили залог настоящей тленной жизни, а во Христе – будущей.

46. ***Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное.***

Чтобы кто не сказал: почему мы ныне имеем тело душевное и худшее, а духовное только еще будет? говорит: потому, что в таком порядке поставлены начала того и другого. Адам прежде, а Христос – после. Почему наше всегда идет к лучшему. И будь уверен, что то, что ныне в тебе тленно и худо, преобразится в нетленное и лучшее.

47. ***Первый человек – из земли перстный; второй человек – Господь с неба.***

Чтобы не вознерадели о прекрасной жизни, хочет уже убеждать к жизни богоугодной, и говорит, что Адам был из земли, отчего он и назван так; ибо Адам означает земного и перстного. А второй человек был Господь с неба. Первому дает имя от худшего, а второму

от лучшего, не потому, будто человек, то есть восприятное человечество, был с неба, как пустословил безумный Аполлинарий, но потому, что одно лице в одном Христе. По причине сего единения говорится, что Он человек с неба; по той же причине говорится, что Бог был распят (см. 1 Кор. 2, 8).

48. ***Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные.***

То есть также погибнут и умрут; или те, которые привязывались к земле, умрут смертию греховною.

И каков небесный, таковы и небесные. То есть так же будут бессмертны и славны. Ибо хотя умирал и второй Адам, но Он умирал для того, чтобы разрушить смерть. Или: те, которые вели богоподобную жизнь, будут прославлены как мудрствующие небесное.

49. ***И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного.***

Здесь яснее обнаруживает увещательный тон речи. Образом перстного называет дела порочные, а образом небесного – дела добрые. Поэтому как прежде мы жили в злобе, как сыны перстного и мудрствующие земное, так теперь должны жить в добродетели, чтобы сохранить образ и подобие небесного. Образ перстного состоит в следующем: ***прах ты, и в прах возвратишься*** (Быт. 3, 19), а образ небесного – в воскресении из мертвых и нетлении. Поэтому, если то, что говорится о воскресении, должно понимать не об образе жизни, то и слова: ***будем носить и образ небесного*** должно понимать или писать как указание будущего события, то есть что мы имеем облечься.

50. ***Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления.***

Поскольку сказал: ***образ перстного,*** то как бы в объяснение его говорит, что образ перстного суть ***плоть и кровь,*** то есть дела плотские и свойственные тучности тела, которые не могут наследовать Царствия Божия.

И тление не наследует нетления. То есть злоба, растлевающая благородство души, не может наследовать оной славы и нетленных благ. Можешь принимать и так, что все это сказано не об образе жизни, но о воскресении. Например, слова ***плоть и кровь*** так: в будущем веке будет наслаждаться Царством не нынешнее тело, состоящее из плоти и крови. Ибо там нет пищи и питья, которыми питается нынешнее тело. ***И тление,*** то есть тленное тело не наследует нетленного. Поэтому необходимо нашему телу сделаться духовным и нетленным. Впрочем, знай, что Златоуст принимал эти слова апостола за увещание к лучшей жизни.

51. ***Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся.***

Опять возвращается к учению о воскресении, и говорит, что намерен сказать им нечто страшное и сокровенное. Этим же оказывает и большое к ним уважение, коль скоро сообщает им тайны.

Не все мы умрем, но все изменимся. Хотя, говорит, не все умрут, однако изменятся все, то есть и те, которые не умрут, облекутся в нетление. Итак, когда будешь умирать, не бойся того, что не воскреснешь. Ибо вот я говорю тебе, что некоторые не умрут, и одного этого им недостаточно для воскресения, если они не изменятся и таким образом не перейдут в бессмертие из той смертности тел какую они имеют. Поэтому как для них не полезно не умирать, так для нас не вредно умирать. Ибо и для них изменение служит смертию, потому что в них умирает тление, изменяющееся в нетление.

52. ***Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся.***

В кратчайшее и неуловимое время, в какое можно только смежить ресницы, совершится столько и таких дел. Это весьма чудно. Ибо должно удивляться не только тому, что воскреснут согнившие тела, и тому, что каждый получит свое собственное, но и тому, что все это совершится так быстро, что нельзя и выразить. Слова ***при последней трубе*** некоторые понимали о той, о которой написано в Откровении евангелиста Иоанна (главы 8, 9

и 10). Он говорит, что есть семь труб, первые из них производят поражение людей, ибо не все вместе умирают, но по частям; и это, говорит, по устроению Божию, чтобы остающиеся, видя первых погибающими, сами раскаялись. А последняя труба произведет воскресение и изменение уже воскресших, вскоре, в мгновение ока.

Ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными. Чтобы кто не усумнился, как так дела совершатся в мгновение ока, подтверждает достоверность своего слова силою Бога, творящего оные, и говорит, что ***вострубит,*** и сделается; подобно сему: ***Он сказал – и сделалось*** (Пс. 32, 9). Ибо труба означает не иное что, как повеление и мановение Божие, предшествующее всему.

А мы изменимся. Говорит это не о самом себе, но о тех, которые тогда будут находиться в живых.

53. ***Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие.***

Чтобы кто-нибудь, услышав, что плоть и кровь не наследуют Царствия Божия, и еще, что мертвые воскреснут нетленными, не подумал, что тела не воскреснут, так как ныне они состоят из плоти и крови, прибавляет, что тела воскреснут, не такие, которые суть плоть и кровь, а преобразованные в нетление. Заметь сии слова против тех, которые говорят, что воскреснут тела не те же самые, но иные; ибо тленному, говорит, ***сему к:*** мертвенному ***сему;*** не иному, а указательно говорит: ***сему.*** Поэтому тело останется то же самое (ибо оно есть то, что облекается), но смертность и тленность уничтожается, так как оно облечется в нетление и бессмертие. Между смертию и тлением есть разность: слово «смерть» употребляется только о существах одушевленных, а «тление» и об неодушевленных. У нас же есть нечто подобное неодушевленному, например, волосы, ногти, но и эти предметы облекутся в нетление.

54. ***Когда же тленное сие облечется в нетление, и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглощена смерть победою».***

Когда это сбудется, тогда исполнится написанное пророком Осиею (13, 14). Поскольку сказал нечто изумительное, то в истине слов удостоверяет свидетельством Писания. ***Победою,*** то есть окончательно, так что побежденная окончательно уничтожается, и не остается ей и надежды на то, чтобы когда-нибудь впоследствии возыметь силу.

55. ***«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?»***

Как бы увидев это совершившимся на деле, воодушевляется, издает победный клич и торжествует, как бы наступая на поверженную смерть и попирая ее (см. Ос. 13, 14). Между ***адом*** и ***смертию*** можешь найти некоторое различие, именно: ***ад*** содержит души, а ***смерть*** – тела; ибо души бессмертны.

56. ***Жало же смерти – грех; а сила греха – закон.***

Ибо через него она получила силу, пользуясь им как бы оружием каким и жалом. Ибо как сам скорпион есть небольшое животное, а в жале имеем силу, так и смерть получила силу через грех, а иначе она была бы недейственна. Это видно и на лице Господа, так как смерть не нашла в Нем греха, то и осталась без действия над Ним.

А сила греха – закон. Почему? Потому что, когда не было закона, мы грешили по незнанию и подлежали не так строгому осуждению, а когда закон обнаружил грех, он подверг нас большому осуждению, так как мы знаем и грешим, и сделал его сильным, не по естеству его, но по причине беспечности нашей, так как мы не воспользовались, как следовало, данным врачевством, о чем пространнее и больше сказано в Послании к Римлянам. Итак, человек, не сомневайся в воскресении. Ты видишь, что и грех, который был оружием смерти разрушен, и закон, который случайно стал силою греха, упразднен. Когда смерть обезоружена, очевидно, она уже не имеет силы.

57. ***Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!***

Подвизался Господь Иисус, а нам дана победа, не по заслугам, не по долгу, но по благодати и человеколюбию Бога Отца, который сделал нас победителями через подвиг своего Сына.

58. ***Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом.***

Поскольку, говорит, вы узнали, что будет воскресение и воздаяние добрым и злым, то будьте тверды; ибо они колебались в учении о воскресении. Поскольку же они и нерадели о жизни доброй, из-за того, что будто не будет воскресения; то говорит: ***всегда преуспевайте в деле Господнем;*** не только делайте его, но и творите его во изобилие. ***Дело*** **же** ***Господне,*** то, которое любит Господа и которого Он требует от нас, есть добродетель.

Зная, что труд ваш не тщетен пред Господом. То есть надейтесь, что будет воскресенье и вы ничего не потеряете из ваших трудов. Ибо прежде вы нерадели о добродетели потому, что верили воскресению и потому не хотели трудиться напрасно, но теперь вы знаете, что никакой ваш труд не останется напрасным. ***Пред Господом*** значит – или труд ваш, который «в Господе», то есть на который вы имели помощь свыше, так как он обращен на дела богоугодные; или «у Господа» не останется труд ваш напрасным, но вы получите от Него воздаяние.

Глава шестнадцатая

1. ***При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских.***

Окончив догматическое учение, перешел к главе добродетелей милостыне. Милостынею называют сбор, для того чтобы облегчить дело в самом его начале. Ибо что было собираемо от многих, то для каждого было легко. Потом побуждает их к соревнованию, повествуя о том, что совершено было другими: как, говорит, сделали галаты. Не сказал – «я предложил», но – ***установил,*** **–** что означает большую власть, – чтобы ты знал, что это – установление царское, и не пренебрегал этим делом.

2. ***В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду.***

Первым днем недели называет день Господень (воскресенье). И самым днем предрасполагает их к милостыне, напоминая о совершаемых в этот день таинствах. Очень также благоразумно повелевает каждому сберегать то, ***сколько позволит ему состояние,*** то есть что Бог пошлет и что будет сподручно. Ибо не сказал – «тотчас неси», чтобы не пристыдить кого-нибудь, имеющего мало, но – ***отлагай*** сам у себя, и когда придет время, тогда и неси.

Чтобы не делать сборов, когда я приду. Чтобы, говорит, вам не собирать тогда, когда нужно раздавать. Словами ***когда я приду*** делает их более усердными к сбору, так как пожертвования будут перед его глазами.

3. ***Когда же приду, то, которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим.***

Хорошо сказал: ***которых вы изберете,*** **–** во избежание всякого соблазна, чтобы не заподозрили, что он хочет из собранного сколько-нибудь уделить и себе. Итак, после слова ***изберете*** поставь точку, потом читай: ***тех отправлю с письмами.*** Связь будет такая: кого вы изберете, тех я пошлю со своими письмами. Как бы так говорит: и сам я присоединюсь к ним, и приму участие в этом служении своими письмами. ***Подаянием*** (по-церковнославянски – «благодатью») назвал это дело, то есть пожертвование, для того, чтобы показать, что они совершают нечто великое, совершают и без скорби, и без принуждения. Ибо благодать – такого свойства. Назвать же приношение милостынею было недостойно святых, которые имели принять его.

4. ***А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут.***

Если, говорит, сбор будет такой, что потребуется и мое служение, то и я отправлюсь. Этим также располагает их к щедрости. Хочет также иметь и свидетелей, что он ничего не возьмет себе. Поэтому говорит: ***со мною пойдут.***.

5–7. ***Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. У вас же, может быть, поживу, или и перезимую, чтобы вы меня проводили, куда пойду. Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит.***

Не сказал – «я отправлюсь в Македонию», чтобы не сказали: «ты предпочитаешь нам македонян», но сказал ***я иду через Македонию,*** то есть осматриваю македонян спешно и мимоходом, а у вас поживу. Этим показывает, что он предпочитает их македонянам, как учеников искреннейших и достойнейших; ибо Церковь коринфская была велика. Словом ***пробыть*** устрашает тех, которые грешили. Прибавляет: ***если Господь позволит,*** по причине неизвестности. Ибо он не знал, будет или не будет ему это позволено Духом. Ибо Дух водил его, куда Сам хотел. Находясь в Ефесе, он намеревался оттуда отправиться в Македонию, пройти не наскоро, и потом отправиться к ним. Многими доводами доказывает свое распо-

ложение к ним, и тем, что не хочет видеть их мимоходом, и тем, что желает, чтобы они проводили его.

8. ***В Ефесе пробуду до Пятидесятницы.***

И это знак сильной любви, что сказывает им, где будет, сколько пробудет, и даже присоединяет причину. Ибо продолжает:.

9. ***Ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много.***

То есть многие желают приступить к вере, и мне открыть широкий вход к ним, так как мысль их созрела для веры. Ибо учитель стесняется, когда ученики его не усердны; напротив, широкое для него поле, когда ученики его готовы. По этому самому и ***противников много;*** ибо диавол, видя, что его лишают рабов его, больше возмущается и восставляет противников.

10. ***Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен…***

Поскольку вероятно было, что Тимофей, прибыв в Коринф, будет обличать тех, которые грешили, и поносить их, то предостерегает их, чтобы богатые мудрецы не восстали против него, не потому, будто Тимофей не имел мужества и мог пасть, но потому, что они сами себе могли причинить вред. А он был весьма готов на опасности. Хорошо сказал: ***у вас.*** Ибо не говори мне об эллинах, когда я требую от вас, что следует.

10–11. ***Ибо он делает дело Господне, как и я. Посему никто не пренебрегай его, но проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братиями.***

То есть проповедует и учит, и не просто, но как я, что составляет великую похвалу для Тимофея.

Поскольку он таков, то пусть никто не унижает его. Ибо он был молод и одинок, а ему поручено было заботиться о весьма многих и притом презрительных; вероятно также, что им пренебрегали.

Но проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братиями. Еще более говорит: и окажет ему честь, ибо это значит: ***проводите. С миром,*** то есть безопасно, без борьбы и спора, со всякою покорностию. Словами ***жду его*** устрашает, чтобы они, зная, что он обо всем расскажет ему, ничем не оскорбили его, и вместе выставляет его, достойным почтения; ибо почитает его так необходимым, что ждет его.

12. ***А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братиями пошел к вам, но он никак не хотел идти ныне, а придет, когда ему будет удобно.***

Аполлос был и старше Тимофея, и муж красноречивый. Чтобы не сказали, почему же послал не его, а младшего, говорит: ***очень просил его.*** И не говорит: он воспротивился мне, но, освобождая его от порицания, говорит: ***но он никак не хотел,*** то есть не было угодно Богу. А чтобы не сказали, что это отговорка и предлог, говорит:

А придет, когда ему будет удобно. Одновременно и его защищает, и их, желавших видеть его, утешает надеждою на его прибытие.

13. ***Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды.***

К концу послания опять убеждает; показывает, что не должно надеяться только на учителей, но и самим себе внимать. ***Бодрствуйте,*** так как есть обольстители. Сказал это потому, что они как бы спали.

Стойте в вере, а не во внешней мудрости; ибо в ней можно не утвердиться, а кружиться. Сказал это потому, что они колебались.

Будьте мужественны, тверды так как есть наветники. Сказал это потому, что они расслабели духом.

14. ***Все у вас да будет с любовью.***

Это против тех, которые смущали и разрывали Церковь. Учит ли кто, учится ли кто, обличает ли кто, все, говорит, да будет с любовию, при посредничестве же любви не будет ни гордости, ни разделения.

15. *Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начатой Ахаии и что они посвятили себя на служение святым).*

Здесь нужна перестановка: умоляю вас, чтобы и вы подчинялись таковым; прочее вставлено.

Вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начатой Ахаии. Вы, говорит, знаете, и не нуждаетесь в научении от меня. Семейство Стефаново называет ***начатком*** Ахаии или потому, что оно первое уверовало, или потому, что вело и жизнь прекрасную; ибо начаток всегда должен иметь превосходство перед тем, чему служит началом. ***Ахаией*** называет Элладу.

И что они посвятили себя на служение святым. Они определили и посвятили себя на принятие верующих нищих и на служение им, и не по принуждению от других, но по своей собственной воле.

16. *Будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся.*

То есть участвуйте с ними и в денежном иждивении и в телесном служении. И не сказал просто: «содействуйте», но – ***будьте почтительны,*** заповедуя усиленнейшее послушание. А чтобы не подумали, что благоприятствует одному только Стефану, прибавляет: ***ко всякому содействующему и трудящемуся,*** – в чем? в служении святым. Ибо все таковые достойны чести; да и они в таком случае будут сносить труд свой мужественнее.

17. *Я рад прибытию Стефана и Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше.*

Они сообщили Павлу известия о разделениях и о прочих погрешностях в Коринфе. Быть может, через них-то уведомили его и домашние Хлоины (см. 1 Кор. 1, 11). Поскольку естественно было, что коринфяне ожесточились против них, то он сдерживает их, говоря, что они ***восполнили отсутствие ваше,*** то есть пришли вместо всех вас и ради вас предприняли ко мне такое путешествие.

18. *Ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых.*

Объявляет, что его спокойствие есть их спокойствие. Поскольку же они успокоили меня, а мое спокойствие для вас самих полезно, то с вашей стороны да не будет заявлено ничего неприятного им самим.

Почитайте таковых, то есть почитайте их.

19. *Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью.*

Членов Христовых соединяет через приветствие, по всегдашнему своему обыкновению.

Приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью.

У них остановился, потому что и сам занимался деланием палаток (см. Деян. 18, 1–3). Примечай их добродетель в том, что они сделали дом свой церковью, устроив в нем собрания верных.

20. *Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием.*

Только здесь делает прибавление о святом целовании, потому что много было разделений. Поскольку же много убеждал их к единению, то наконец соединяет их и целованием ***святым,*** то есть бесхитростным, а не лицемерным.

21. *Мое, Павлово, приветствие собственноручно.*

Сделал собственноручное приветствие, чтобы показать, что он придает посланию большое значение.

22. *Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа.*

Одним этим словом в страх привел всех: блудников, разномыслящих, употребляющих идоложертвенное, неверующих воскресению, и вообще всех, которые между ними вели себя

несогласно с его учением и преданием. Ибо все таковые не любят Господа. ***Маран афа,*** то есть «Господь пришел». Сказал это частью для того, чтобы утвердить учение о домостроительстве, а через это и о воскресении, частью же для того, чтобы пристыдить их: Владыка за нас принял все на Себя, а вы прогневляете его, одни называясь по имени людей, а другие совершая порочные дела. Употребил выражение не греческое, а еврейское или язык сирийский; ибо говорил коринфянам, которые придавали много цены внешней мудрости и красоте греческого наречия, он же показывает, что нисколько не нуждается в ней, но хвалится простотою, так что и говорит грубым языком.

23. ***Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами.***

Долг учителя не только убеждать, но и молиться, и таким образом вдвойне утверждать: учением и низведением помощи свыше посредством своих молитв.

24. ***И любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.***

Поскольку удален был от них по месту, то как бы обнимает их руками любви, говоря: ***любовь моя с вами,*** то есть я присутствую со всеми вами; ибо я не без вас, хотя и в другом месте. Этим же показывает, что хотя написанное и проявляет горечь, но оно написано не от гнева, не от ярости, а от любви и заботливости. А чтобы не подумали, что говорит это из лести к ним, прибавляет: ***во Христе Иисусе,*** то есть любовь моя не имеет ничего человеческого или плотского, но духовна и во Христе.

Будем же и мы молиться, чтобы, любя друг друга во Христе, не носить нам в себе ничего от мирской любви, которая враждебна Богу. Ибо таким образом удостоимся и вожделенных обителей Божиих во Христе Иисусе, Господе нашем, возлюбившем нас, Которому слава во веки веков. Аминь.

Толкование на Второе послание к Коринфянам

Предисловие

Апостол Павел пишет Второе послание к Коринфянам, потому что в первом обещал прийти к ним, но был удержан Духом для других гораздо нужнейших дел и подвергся искушениям. Он должен был написать защищение своей продолжительной медлительности, и потому пишет второе послание, давая в нем отчет, почему он промедлил пришествием своим. Притом после первого послания коринфяне сделались лучшими, и он должен был одобрить их и похвалить. Ибо как согрешивших их он упрекал, так исправившихся обязан был похвалить. Поэтому и не видно в этом послании прежних угроз, за исключением некоторых только мест к концу послания, которые нужны были потому, что некоторые из иудеев высоко мудрствовали о себе и порицали Павла как невежду и не заслуживающего никакого уважения.

Глава первая

1. ***Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, церкви Божией, находящейся в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии.***

Поскольку апостол при первом послании посылал Тимофея в Коринф и потом опять принял его, когда тот возвратился, то справедливо присоединяет к своему имени и его имя. Кроме того, Тимофей показал коринфянам и опыт своей добродетели. Таким образом апостол упоминает в настоящем послании о Тимофее как о лице, уже известном коринфянам и многое исправившем у них. Заметь, что иногда называет его сыном: ***как сын отцу,*** говорит, ***служил мне в благовествовании*** (Флп. 2, 22), иногда сотрудником: ***ибо он делает дело, как и я*** (1 Кор. 16, 10), а теперь братом, представляя его по всем отношениям достойным уважения.

Церкви Божией, находящейся в Коринфе. Опять соединяет их, сказав: ***Церкви;*** ибо находящиеся в разделении не составляют Церкви.

Со всеми святыми по всей Ахаии. Упоминает обо всех, живущих в Ахаии, оказывая предпочтение коринфянам, когда через послание к ним приветствует всех, и в то же время призывает весь народ к согласию. Кроме того, поскольку они поколеблены были все, то предлагает им общее врачевство; то же самое делает в Посланиях к Галатам и к Евреям. Называя же их святыми, показывает, что если кто нечист, то недостоин этого приветствия и наименования.

2. ***Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.***

И теперь употребляет обыкновенное приветствие, о чем сказано в других местах.

3. ***Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения.***

В первом послании обещал прийти к ним; но так как не пришел, то предполагал, что очень опечалил их мыслию, будто предпочел им других. Итак, желая оправдаться и показать, что его задержали многие случившиеся с ним искушения, предлагает прекрасное защищение себя. Благодарю, говорит, Бога, спасшего меня от опасностей; через это благодарение намекает на то, что были некоторые великие препятствия, удерживавшие его, за освобождение от которых и благодарит. Поставь к слову ***Бог*** знак препинания, потом начинай: ***и Отец Господа.*** Если же и совместно будешь понимать это: Бог и Отец Господа, то ничего не будет нового, ибо Он есть одного и Того же Христа – по человечеству Бог, а по Божеству Отец.

Отец милосердия и Бог всякого утешения. То есть Он явил столь великие щедроты, что извел нас из самых врат смерти и удостоил нас всякого утешения в скорбях. У святых был обычай называть Бога по благодеяниям, получаемым от Него. Так, по случаю победы на войне, Давид говорит: ***возлюблю Тебя, Господи, крепость моя*** (Пс. 17, 1), и еще: ***Господь крепость жизни моей*** (Пс. 26, 1); по случаю избавления от помрачения и затмения ума и от печали: ***Господь просвещение мое*** (Пс. 29, 1).

Так и теперь Павел называет Бога Отцом щедрот и Богом утешения от того, что с ним случилось. Заметь же его смиренномудрие: получив избавление от искушений за благовестие, он не говорит, что избавление по достоинству, но по щедротам Божиим.

4. ***Утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!***

Не сказал – «не перестающий удручать нас», но ***утешающий нас*** во время скорбей; ибо если и попускает удручать нас, то для того, чтобы мы через терпение стяжали награду; когда же видит, что мы изнемогаем, то утешает нас; и это делает всегда. Поэтому не сказал, что Он однажды утешил, но ***утешающий,*** то есть всегда; и не в той или другой скорби, но во всякой.

Чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих! Не потому, говорит, Бог утешает нас, что мы достойны утешения, но для того, чтобы по образцу утешения, испытанного мною, я мог утешить и других, находящихся в искушениях. Поэтому и вы, видя меня так утешенного, не унывайте, пребывая в скорбях. Через это же указывает и на дело апостолов, на то, что они поставлены для того, чтобы других поощрять и возбуждать, а не как лжеапостолы, которые, пребывая в неге и сидя дома, пренебрегают нуждающимися в утешении и поощрении.

5. ***Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше.***

Не унывай, говорит, никто, кто слышит о скорбях и страданиях; ибо в той мере, как они умножаются, увеличиваются и утешения. Не просто также сказал: ***страдания,*** но ***Христовы,*** чтобы и этим воодушевить коринфян. Христовы суть страдания те, которые мы претерпеваем и через то становимся общниками Ему в страданиях. Поэтому величайшим утешением для тебя да будет то самое, что ты переносишь скорби Христовы, и не их только, но большие. Ибо, говорит, ***умножаются в нас страдания Христовы,*** то есть мы терпим больше, нежели сколько претерпел Христос. Чувствуя однако, сколь великое сказал, смягчает то же самое, говоря: ***умножается Христом и утешение наше;*** ибо все приписывает Ему. И не сказал, что утешение равно скорбям, но ***умножается*** – гораздо больше скорбей.

6. ***Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим.***

Вы, говорит, не должны смущаться о том, что я терплю скорби, потому что мы подвергаемся скорбям для вашего спасения и утешения. Мы могли бы провести жизнь в безопасности, если бы не проповедовали; но теперь, когда проповедуем, чтобы всячески спасти вас и утешить души ваши через проповедь и происходящие отсюда блага, подвергаемся скорбям. Итак, мы претерпеваем скорби для вашего спасения; но вы не должны смущаться.

Которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим. Совершается, говорит, сие спасение не только через наше терпение, но и через ваше; то есть не я один соделываю спасение ваше, но и вы сами. Ибо как я, проповедуя, терплю скорби, так и вы, принимая проповедь, терпите те же самые страдания, какие терплю я. Свидетельствует перед ними о их великой добродетели тем, что они приняли проповедь с искушениями.

7. ***И надежда наша о вас тверда. Утешаемся ли, утешаемся для вашего утешения и спасения, зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении.***

То есть мы твердо уверены в вас, что не отпадете, быв постигнуты искушениями; поэтому тем более не смущайтесь, видя, что мы страдаем.

Утешаемся ли, утешаемся для вашего утешения и спасения. Поскольку выше сказал: мы терпим скорби для вас, то, чтобы не показалось сказанное несносным, теперь говорит: для вас же и утешаемся, то есть наше утешение бывает вашею отрадою. Ибо если мы получим только малое воодушевление, то и этого достаточно к утешению вашему, потому что вы становитесь общниками нашей радости.

Зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении. Как вы, говорит, когда нас преследуют, скорбите, как будто сами претерпеваете это, так мы знаем, что, когда утешаемся мы, вы почитаете себя получившими утешение.

8. ***Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых.***

Поскольку упомянул о скорби неопределенно, то теперь поясняет, какая именно была скорбь? Через это же и любовь показывает к ним; ибо любви свойственно открывать другим случившееся. Вместе с сим представляет и защищение своего промедления. В Асии, говорит, случилась с ним скорбь, о которой он говорит и в первом послании: ***ибо для меня отверста***

великая и широкая дверь, и противников много (1 Кор. 16, 9). Казалось бы, одно и то же говорит, когда выражается: ***чрезмерно*** **и:** ***сверх силы,*** но в самом деле не одно и то же. Он говорит вот что: искушение было чрезмерное, то есть великое; потом, так как искушение, при великости своей, может быть мужественно перенесено от того, кто в силах перенести его, говорит, что оно было не только великое, но и превышало наши силы, то есть и великое, и невыносимое, такое, что мы отчаялись даже и в жизни, то есть не надеялись уже и в живых быть. Такое состояние Давид называет цепями ада, болезнями смертными, потому что они рождают смерть, и сетью смерти (см. Пс. 17, **5–7**).

9. ***Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога…***

Имели определение, приговор, ответ, какой давали дела, хотя они и не издали голоса, то есть прежде нежели мы подумали, предстало ожидание смерти и приговор, какой произносили обстоятельства, но на самом деле сего не случилось.

Для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога. Для чего же, говорит, было это? Для того, чтобы мы научились не надеяться на самих себя, но на одного Бога. Впрочем, Павел говорит это не потому, чтобы сам нуждался теперь в этом наставлении (ибо кто более веровал, что должно надеяться на одного Бога?), но под видом повествования о себе самом вразумляет других и вместе с тем научает смиренномудрию.

9—10. ***Воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит.***

Опять напоминает им проповедь о воскресении, о котором так много говорил в первом послании и которое настоящими обстоятельствами подтверждает еще более; поэтому и присовокупил: ***Который и избавил нас от столь близкой смерти.*** Не сказал – «от опасности», но – ***от смерти.*** Хотя воскресение есть дело будущее и неизвестное, но он показывает, что оно и каждодневно бывает. Ибо когда Бог избавляет человека, приблизившегося к самым вратам ада, то этим показывает не иное что, как воскресение; поэтому-то мы и имеем обыкновение говорить о подобном состоянии человека: видели воскресение мертвых.

И на Которого надеемся, что и еще избавит. Отсюда научаемся тому, что жизнь наша должна постоянно проходить в борьбе; ибо когда говорит: ***избавит,*** то предсказывает бурю многих искушений.

11. ***При содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас.***

Поскольку слова ***чтобы надеяться не на самих себя*** (ст. 9) могли показаться для некоторых общим обвинением и касающимся их, то смягчает сказанное, и просит молитв их, как великого предстательства. Отсюда же научаемся и смиренномудрию, потому что в молитвах коринфян нуждался Павел, и узнаем силу самой молитвы; ибо много может молитва Церкви, совершаемая как должно, так что и Павел нуждался в ней.

Дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас. Избавил, говорит, нас Бог и избавит по молитвам вашим, ***дабы за дарованное нам, по ходатайству многих,*** то есть чтобы за благодать, бывшую во мне по молитвам вашим, многие лица между вами возблагодарили. Ибо спасение мое, бывшее по молитвам вашим, Он даровал всем вам, чтобы многие лица возблагодарили его за нас. Отсюда же научаемся не только молиться друг за друга, но и благодарить друг друга. Затем, как в начале говорит, что он спасен по щедротам Божиим, а теперь приписывает спасение молитвам их; ибо с милостями Бога мы должны соединять и собственные милости. И здесь Павел не все из благодеяния приписал коринфянам, чтобы не довести их до надмения, но и не совсем отчуждал их от этого, чтобы не сделать их нерадивейшими. Бог, говорит, избавит нас ***при содействии и вашей молитвы,*** то есть при вашем содействии.

12. ***Ибо похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире, особенно же у вас.***

Вот что, говорит, служит для нас источником утешения: совесть наша, свидетельствующая нам, что гонят и преследуют ни за то, что поймали нас в худых делах, но за добродетель и за спасение многих. Итак, первое утешение проистекало от Бога, а это, говорит, проистекает от чистоты совести моей, поэтому и называет его похвалою, показывая этим великую силу убеждения, какую имел в чистой совести.

Что мы в простоте и богоугодной искренности. Что, говорит, свидетельствует нам совесть? и почему мы хвалимся? То и потому, что мы поступали в ***простоте,*** то есть в незлобии сердца, и чистоте, то есть в искренности и открытости ума, не имея ничего, что нужно бы было скрывать, ничего зазорного: это приемлет Бог. Говорил это, имея в виду коварных лжеапостолов.

Не по плотской мудрости. То есть без изысканных слов и хитросплетенных чувствований. Ибо мудрость плотская такова, что они надмеваются ею, а он отвергает и презирает ее.

Но по благодати Божией, жили в мире. **То** есть по данной Богом мудрости, знамениям и чудесам, бывших по благодати Божией. Величайшее же составляет утешение, когда кто в себе самом имеет свидетельство, что делает все не человеческою силою, но благодатию Божиею. И не в Коринфе только, но во всем мире.

Особенно же у вас. Каким образом? Ибо апостол проповедовал им Евангелие не только со знамениями, но и без всякого с их стороны возмездия. Заметь, как он собственные действия относит к благодати Божией.

13. ***И мы пишем вам не иное, как то, что вы читаете или разумеете…***

Поскольку апостол многое, казалось бы, сказал о себе то, чтобы кто не сказал, что это самохвальство, говорит: мы пишем вам то, что вы читаете в настоящем послании и что вы и без этого знаете. Ибо знание, прежде полученное вами обо мне, не противоречит моим посланиям. Некоторые же понимали это так: мы пишем вам то, что вы читаете, то есть что припоминаете; ибо чтение есть припоминание, или высшее знание. И зачем, говорит, говорю я то, что вы помните, о чем знаете, что оно принадлежит нам и не нуждается в напоминании, как известное?

13–14. ***И что, как надеюсь, до конца уразумеете, так как вы отчасти и уразумели уже, что мы будем вашею похвалою, равно и вы нашею, в день Господа нашего Иисуса Христа.***

Все возлагает на Бога. Надеюсь, говорит, на Бога, что вы знаете нас такими, какими показывают послания наши и прошедшая жизнь наша. ***Отчасти и уразумели уже,*** то есть из опыта знаете, потому что мы отчасти представляли уже вам некоторые доказательства добродетельной жизни. Сказал так по скромности.

Что мы будем вашею похвалою, равно и вы нашею, в день Господа нашего Иисуса Христа. Что же узнаете вы? То, что ваша похвала, то есть что я таков, что могу дать вам средство хвалиться мною, что имеете такого учителя, который не учит ничему человеческому, ничему зловредному, ничему коварному. Потом, чтобы не показалось, что говорит это о себе из хвастовства, делает похвалу общею и говорит: и вы будете моею похвалою; ибо я буду хвалиться, что у меня были такие ученики, не колеблющиеся, не поддавшиеся обольщениям лжеапостолов. Когда же мы будем хвалиться друг другом? И теперь, но особенно в день тот. Ибо и теперь многие видят те злословия и поношения, какие претерпеваем, а может быть, и злословят нас; тогда же, когда все будет разоблачено, и обо мне будет явно, что я не таков, каким представляет меня клевета лжеапостолов, и вы также будете похвалою нашею, потому что не присоединились к обольстителям.

15. ***И в этой уверенности я намеревался придти к вам ранее, чтобы вы вторично получили благодать.***

Каким упованием? Тем, что я не сознаю за собою ничего худого, что я похвала ваша, что я обращался не в плотской мудрости, но в благодати Божией, и что, наконец, свидетелями всего этого для меня вы. Вот почему я намеревался ***придти к вам.***

Чтобы вы вторично получили благодать. То есть двойную радость: одну от первого послания, а другую от присутствия моего.

16. ***И через вас пройти в Македонию, из Македонии же опять придти к вам; а вы проводили бы меня в Иудею.***

В первом послании сказал: ***я приду к вам, когда пройду Македонию*** (1 Кор. 16, 5), а здесь говорит: ***намеревался придти к вам ранее.*** Что же? Не противоречит ли он самому себе? Нет. Ибо хотя я, говорит, иначе написал, однако прийти к вам старался и желал прежде, нежели увижу Македонию.

Столько далек был я от нерадения прийти к вам и замедлить исполнением обещания, что желал даже прийти ранее.

Из Македонии же опять придти к вам; а вы проводили бы меня в Иудею. В первом послании сказал неопределенно: ***чтобы вы меня проводили, куда пойду*** (1 Кор. 16, 6), опасаясь, чтобы, сказавши, что пойдет в Иудею, а потом, быв вынужден Духом отправиться в другое место, не показаться лжецом. Теперь же, когда не удалось прийти к ним, смело говорит, что хотел, чтобы они проводили его в Иудею; но Богу угодно было, чтобы я вовсе не пришел к вам и не был провожен вами в Иудею. Слушай дальнейшее.

17. ***Имея такое намерение, легкомысленно ли я поступил? Или, что я предпринимаю, по плоти предпринимаю, так что у меня то «да, да», то «нет, нет»?***

Здесь яснее оправдывается относительно промедления, говоря, что желал прийти к ним, но почему не пришел? Потому ли, что я легкомыслен и непостоянен, рассуждающий то так, то иначе? Нет. Или я желаю по плоти, то есть по-человечески, и руковожусь собственною волею, так что, что решу сам, то и исполняю, будет ли это да или нет? Отнюдь нет. Но я нахожусь под управлением Духа и не имею власти идти, куда хочу, но куда Он повелит. Поэтому у меня часто «да» не бывает «да», ибо это бывает неугодно Духу, и «нет» не бывает «нет», ибо что я отрицаю, то повелевает Дух. Примечай мудрость, как то, что клеветники делали предлогом к злословию, именно, что не пришел, хотя обещал, обращает в похвалу, говоря, что не имеет власти над собою, но его ведет Дух туда, куда Ему угодно. Что же? Неужели дал обещание не при содействии Духа, но по незнанию будущего? По незнанию, ибо не все знал. Так и молился, иногда о том, что бесполезно, например, об удалении искушений (см. 2 Кор. 12, 7~9). И в Деяниях есть случай, что желал это с пользою, чтобы люди не относились к апостолам как к богам, как случилось это с ликаонцами (см. Деян. 14, 11).

18. ***Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет».***

Опровергает возникающее возражение. Кто-нибудь совершенно справедливо мог сказать: если сказываемое тобою нетвердо, но часто говоришь ты «да», а оказывается «нет», то мы боимся, не таково ли и учение твое, не такова ли и проповедь твоя, – «да» и «нет», то есть непостоянна и нетверда? В опровержение этого возражения говорит, что обещание прийти к ним было его делом, поэтому оно и исполнилось; что же касается проповеди, то она есть дело Божие, а что от Бога, то недоступно лжи. Поэтому и сказал: ***верен Бог,*** то есть истинен, а поскольку Он истинен, то и слово Его к вам, проповеданное нами, не есть ни непостоянно, ни нетвердо, иногда «да», а иногда «нет».

19. ***Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был «да» и «нет», но в Нем было «да».***

Наконец говорит, какое слово не было «да» и «нет». Тот, Кого мы проповедали вам, не был «да» и «нет», то есть не было проповедуемо одно ныне и ныне же другое, но было

«да», то есть проповедуемо было твердо и без колебаний. Перечисляет также и многих из проповедовавших, представляя свидетельство их достойным веры и в то же время научая смирению, ибо соучителями представляет учеников своих.

20. ***Ибо все обетования Божий в Нем «да» и в Нем «аминь», – в славу Божию, через нас.***

В проповеди есть много обетовании: воскресение мертвых, всыновление и вообще надежда будущего века. Итак, говорит, что не только проповедь всегда совершенно одинакова и возвещается с непреложностию, но и содержащиеся в ней обетования; ибо они – Божий. А что обещал Бог, ***в Нем «да» и в Нем «аминь»,*** то есть то непреложно; ибо исполняется не в ком-либо из людей, но в Самом Боге, почему и непреложно. Кроме того, они служат к славе Его, и, конечно, если не для чего другого, то для собственной славы Бог исполнит Свои обетования. Как же исполнит их? ***Через нас,*** то есть через благодеяния к нам. Ибо мы, принимающие обетования, подаем Ему повод исполнять эти обетования. Если же верны обетования Божий, то тем более верен Сам Бог и слово о Нем твердо. Слова ***через нас*** и иначе могут быть понимаемы, то есть к славе Божией, возносимой Ему через нас; ибо Он через нас прославляется.

21–22. ***Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши.***

Сказав выше, что Бог исполнит обетования, теперь подтверждает это. То, говорит, что вы и я, учитель ваш, твердо стоим в вере во Христа, дал Бог, Который и помазал нас, и запечатлел, то есть сделал пророками, царями и священниками. Ибо таков всякий крещеный: он – пророк, как видящий то, чего не видел глаз и не слышало ухо; он – священник, как долженствующий приносить себя в жертву живую, святую, благоугодную Богу; он – царь, как сын всецаря Бога и наследник будущего Царствия и как ныне царствующий над неуместными помыслами и поставленный выше всего мира. Как в древности священники и цари помазывались елеем, так ныне мы помазаны Духом, когда Бог дал залог Духа в сердца наши. Если же дал залог, то, конечно, даст все. А залогом называет подаваемые ныне дарования Духа; ибо разумеем отчасти и пророчествуем отчасти, а совершенное получим тогда, когда явится Христос в славе Своей. Итак, не думайте, что мы обещаем, чтобы нам не показаться лжецами. Ибо не мы утверждаем вас, но Бог и обещает и утверждает как меня, так и вас; ибо Он Сам имеет исполнить все. Поэтому и разумей, что Бог, делающий то и иное, Сам исполнит Свои обетования.

23. ***Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф.***

Выше сказал, что не пришел к ним потому, что не имеет власти над собою и не был допущен Духом. Как же теперь говорит, что не пришел, щадя вас? Потому что или это самое случилось по воле Духа, то есть Дух внушал ему мысль не ходить чтобы пощадить их, или – сначала воспрещал ему Дух, а потом он и сам, рассудив, что это лучше, остался. Заметь мудрость апостола. Тогда как говорили: ты потому не пришел, что, кажется, возненавидел нас, то утверждает противное: я потому не пришел, что щажу вас. Так говорит потому, что некоторые между ними были согрешившие и непокаявшиеся, которых он наказал бы, если бы, пришедши, нашел их не исправившимися. Итак, остался, чтобы прийти уже тогда, когда исправятся, и не иметь повода к наказанию.

24. ***Не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей: ибо верою вы тверды.***

Так как сказанное отзывалось властию (ибо щадить других может тот, кто имеет власть наказать их), то смягчает жесткость речи; не потому, говорит, сказал я: щажу вас, что хотел бы властвовать над вашею верою; ибо вера – дело произволения и никого не понуждают к вере против воли, но, почитая вашу радость своею радостию, я не пришел для того, чтобы

не ввергнуть вас в печаль и не опечалиться самому. Ибо я все делаю для вашей радости и остался для того, чтобы одною угрозою исправить согрешивших и вам не причинить никакой скорби.

Ибо верою вы тверды. С кротостию беседует с ними, так как в первом послании довольно уже поразил их. Слова его значат следующее: что касается веры, то вы в ней стоите, и я не имел причины жаловаться на вас; но в прочем вы поколебались, и если бы не исправились и я восстал бы на вас, то и вас опечалил бы, и себе причинил бы печаль.

Глава вторая

1. ***Итак я рассудил сам в себе не приходить к вам опять с огорчением.***

Слово ***опять*** показывает, что он и прежде был опечален. Впрочем, не сказал явно: «вы и прежде огорчили меня», но другим образом: «я не пришел для того, чтобы опять не огорчить вас», что, впрочем, имеет одну и ту же силу (ибо он потому опечалил их упреками, что они опечалили его грехами), но для них было удобовыносимее.

2. ***Ибо, если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?***

Хотя и огорчаю вас, говорит, упреками и негодованием на вас, то тем самым увеселяюсь, видя, что вы до того уважаете меня, что мое негодование и упреки производят в вас скорбь. Ибо никто столько не радует меня, как скорбящий так при виде моего негодования. Это показывает, что он не презирает меня. Он радует меня, потому что таким образом подает надежду на свое исправление.

3. ***Это самое и писал я вам, дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться: ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть радость и для всех вас.***

Писал вам. Что? То, что я не пришел к вам, щадя вас. Где писал? В этом самом послании.

Дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться. Для того написал я теперь к вам, чтобы вы исправились и чтобы, застав вас не исправившимися, не имел я скорби от вас, которым надлежало доставлять мне случаи к радости.

Ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть радость и для всех вас. Написал, говорит, надеясь, что вы исправитесь, и тем обрадуете меня. Моя же радость – радость для всех вас. И сказал я ***дабы, придя, не иметь огорчения*** потому, что имею в виду не свою пользу, но вашу. Ибо знаю, что если увидите меня радующимся, то будете радоваться, а если увидите меня скорбящим, то будете скорбеть.

4. ***От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам.***

Поскольку сказал выше, что он радуется, когда они скорбят; то, чтобы не сказали: ты потому стараешься опечалить нас, чтобы самому радоваться, объясняет, что он сам весьма скорбит, скорбит более, нежели сами согрешающие. Не от печали только, но от ***скорби великой,*** и не слезами только, но ***со многими слезами*** написал я. То есть печаль, сжимая и стесняя сердце мое, подавляла его, и потому писал я, подобно отцу и вместе врагу, который, производя над сыном сечения и прижигания, вдвойне скорбит, и оттого, что сын болен, и оттого, что сам должен подвергать его сечению, но, с другой стороны, и радуется оттого, что надеется на выздоровление сына. Так, говорит, и я, оскорбляя вас согрешающих, скорблю, но, с другой стороны, радуюсь, когда вы скорбите, ибо имею надежду на ваше исправление.

Не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам. **Не** ***чтобы огорчить вас*** следовало бы сказать, но «чтобы исправить»; однако не говорит сего, а услаждает речь, желая привлечь их уверением, что он любит их более, нежели других учеников, и что если огорчает их, огорчает по любви, а не по гневу. Ибо то знак величайшей любви, что я скорблю в ваших согрешениях, и спешу делать вам выговоры и тем оскорблять вас. Если бы я не любил вас, то оставил бы вас без врачевания.

5. ***Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, – чтобы не сказать много, – и всех вас.***

Хочет через это утвердить любовь к впадшему в б лу до деяние, о котором писал в первом послании; ибо, по приказанию Павла, они все отвратились от него, как внушающего омерзение. Итак, чтобы опять приказанием противного, то есть принять его и оказать ему

расположение, не соблазнились о Павле, как бы непостоянном, весьма благоразумно предлагает слово и делает и их участниками в прощении, говоря: как он опечалил всех нас вообще, так все вообще должны радоваться о прощении его. Ибо не меня только, говорит, опечалил он, но и всех вас ***частью,*** то есть поразил малою некоторою скорбию; не скажу, чтобы совершенно опечалил и вас, равно как и меня, но все же чтобы не отягчать его, впадшего в б луд одеяние, ***частью,*** говорю, опечалил он вас.

6. ***Для такого довольно сего наказания от многих.***

Не говорит – «для впадшего в блудодеяние», но – ***для такого,*** как и в первом послании. Но там не хотел даже именовать его, а здесь, щадя его, никогда не вспоминает о грехе, научая и нас сочувствовать находящимся в преткновении.

7. ***Так что вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью.***

Не только, говорит, снимите запрещение, но и нечто большее даруйте ему, и утешьте его, то есть возродите, уврачуйте его, подобно тому как наказавший кого-либо не только отпустил бы его, но и приложил бы заботу к уврачеванию его ран. Хорошо же сказал: ***вам лучше простить.*** Ибо, чтобы он не подумал, что получает прощение как достаточно исповедавшийся и довольно покаявшийся, показывает, что он получает прощение не столько за покаяние, сколько по снисхождению их.

Дабы он не был поглощен чрезмерною печалью. Следует, говорит, принять его, утешить и уврачевать, ***дабы он не был поглощен,*** как бы зверем каким, или волнами, или бурею, или чтобы с отчаяния не дошел до удавления как Иуда, или чтобы не сделался еще хуже, то есть не в состоянии будучи переносить скорби от чрезмерного наказания, не предался большему нечестию. Заметь, как и его обуздывает, чтобы он, получив прощение, не сделался еще нерадивее. Я, говорит, принял тебя не потому, чтобы ты совершенно очистился от скверны, но убоявшись, чтобы ты по немощи своей не сделал чего-нибудь хуже. Заметь и то, что наказания надобно назначать не только по свойству грехов, но и сообразуясь со свойством духа согрешивших.

8. ***И потому прошу вас оказать ему любовь.***

Не приказывает уже, как учитель, но как защитник просит судей ***оказать ему любовь,*** то есть с крепкою любовью, а не просто и как случилось принять его. Показывает также и их добродетель; ибо те самые, которые прежде так любили человека, что гордились им, теперь по причине его греха возымели к нему такое отвращение, что сам Павел ходатайствует за него.

9. ***Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны.***

Устрашает их, чтобы, опасаясь осуждения в неповиновении, охотнее оказали человеку снисхождение. ***Я для того и писал,*** говорит, ***чтобы узнать на опыте*** вашу добродетель повиновения, – так же ли окажете вы мне повиновение теперь, когда его надобно утешить, как оказали его тогда, когда я наказал его. Ибо такой смысл слов ***во всем ли вы послушны.*** Хотя он писал не для этого, но имея в виду спасение согрешившего, однако говорит: ***для того,*** чтобы тем более расположить их в пользу виновного.

10. Л ***кого вы в чем прощаете, того и я; ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова.***

Этим смягчает несогласие и упорство, по которым они могли бы не оказать человеку снисхождения. Ибо здесь представляет их первыми виновниками его прощения, а себя соглашающимся с ними, говоря: ***кого вы в чем прощаете, того и я.***

Ибо и я если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова. Чтобы они не подумали, что прощение предоставлено их власти и вследствие того не пренебрегли прощением человека, показывает, что он уже даровал ему его, чтобы они не могли воспротивиться ему. А чтобы они не оскорбились, как бы пренебреженные, говорит: ***для вас*** даровал ему я

прощение; ибо я знал, что вы будете согласны со мною. Затем, чтобы не показалось, что он простил его для людей, присовокупил: ***от лица Христова,*** то есть простил по воле Божией, перед лицом Христа и как бы по Его повелению, как представляющий Его, или: во славу Христа; ибо если прощение совершается во славу Христа, то как не простить согрешившего, чтобы прославился Христос?

11. ***Чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы.***

Чтобы, говорит, не было общего вреда и чтобы не умалилось число стада Христова. Прекрасно назвал он это дело ущербом (по-церковнославянски – «обидою»). Ибо диавол не только принадлежащее ему берет, но и наше похищает, преимущественно вследствие нашего же поведения, то есть по причине неумеренно налагаемого покаяния. Поэтому коварство и обман диавола назвал умыслами его, и упомянул о том, как он губит под видом благочестия; ибо он ввергает в погибель не только тем, что вовлекает в блудодеяние, но и безмерной печалию. Как же не обида это, когда он уловляет нас через нас же самих?

12–13. ***Придя в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита; но, простившись с ними, я пошел в Македонию.***

Выше упомянул о скорби, бывшей с ним в Азии, и показал, как освободился от нее; теперь опять извещает, что опечален другим способом: тем, что не нашел Тита. Ибо когда нет утешителя, становится тяжелее. Итак, зачем вы обвиняете меня в медлительности, когда я испытывал столько бедствий, которые не дозволяют нам ходить по своей воле? Говорит, что отправился в Троаду не без намерения, но ***для благовествования,*** то есть для того, чтобы проповедовать. Почему же ты хотя проповедовал, но не долго потому, что ***не нашел Тита. Не имел покоя духу моему,*** то есть печалился, скорбел по причине его отсутствия. Разве поэтому ты оставил дело Божие? Не поэтому, но потому, что вследствие его отсутствия дело проповеди встречало препятствие; ибо я сильно желал проповедовать, но препятствовало отсутствие Тита, ибо он много помогал ему, когда находился с ним.

Но, простившись с ними, я пошел в Македонию. То есть не был там долгое время по причине затруднительных обстоятельств. Ибо, хотя отверста была великая дверь, то есть много было дела, но за отсутствием помощника оно встретило препятствие.

14. ***Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте.***

Так как упомянул о многих скорбях, о скорби в Азии, о скорби в Троаде, о скорби от того, что не пришел к ним, то, чтобы не показалось, что он перечисляет скорби с печалью, говорит: ***благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать,*** то есть делающему нас славными. Ибо триумфом (торжеством) называется шествие царя или полководца среди города с победою и трофеями. И нас в победе над диаволом Бог делает славными. Потому что то, что кажется бесчестием, составляет нашу славу; ибо тогда падает диавол. Все же это бывает во Христе, то есть через Христа и через проповедь. Или: за то, что торжествуем во Христе, прославляемся; ибо, нося Самого Христа, как трофей какой, прославляемся Его сиянием.

И благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Миро многоценное, говорит, есть познание Бога, которое мы открываем всем людям, лучше же сказать – не самое миро, но благоухание его. Ибо настоящее познание не совсем ясно, но ***как бы сквозь тусклое стекло, гадательно*** (1 Кор. 13, 12). Итак, подобно тому, как кто-нибудь, обоняя благоухание, знает, что где-то находится миро, а каково оно по сущности, – не знает, так и мы знаем, что есть Бог, а что Он по сущности, – не знаем. Итак, мы подобны кадильнице царской и, куда ни приходим, приносим благоухание духовного мира, то есть богопознания. Поэтому, сказав выше, что всегда торжествуем, теперь говорит: мы во всяком месте сообщаем благоухание людям. Ибо всякое место и время полны нашими наставлениями.

Итак, должно мужественно терпеть, поскольку и ныне, еще до получения грядущих благ, прославляемся до такой степени.

15. ***Ибо мы – Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих.***

Говорит это и потому, что мы сами себя приносим в жертву, умирая за Христа, или потому, что при заклании Христа и мы воскуряем некоторое благовоние. Смысл же слов его следующий: спасается ли кто, или погибает, Евангелие сохраняет свое достоинство и мы продолжаем быть тем, что есть. Как свет, хотя ослепляет слабых зрением, однако остается светом, или как мед, хотя бы казался горьким для страдающих желтухою, однако не перестает быть сладким: так точно и Евангелие издает благоухание, хотя неверующие и погибают. И мы ***Христово благоухание,*** но не просто, ***а Богу.*** А если Бог определил сие о нас: кто станет противоречить?

16. ***Для одних – запах смертоносный на смерть, а для других – запах живительный на жизнь. И кто способен к сему?***

Поскольку сказал: мы – ***благоухание и в погибающих;*** то, чтобы ты не подумал, что и погибающие угодны и приятны Богу, присовокупил следующее: обоняя благоухание это, одни спасаются, а другие погибают. Как миро, говорят, удушает свиней и жуков, так и Христос положен камнем соблазна и преткновения. Так и огонь золото очищает, а терпение пожигает.

И кто способен к сему? Поскольку так много сказал словами: ***мы – благоухание*** и: ***торжествуем,*** то опять старается умерить речь. Для этого, говорит, мы сами по себе без помощи Божией недостаточны; ибо все Ему принадлежит и нет ничего нашего.

17. ***Ибо мы не повреждаем слова Божия, как многие, но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе.***

Здесь указывает на лжеапостолов, которые почитали благодать Божию собственным делом. Потому, говорит, я сказал: ***кто способен?*** и все усвоил Богу, что я не таков, каковы лжеапостолы, не повреждаю и не извращаю дара Божия. Намекают на то, что они примешивают к евангельскому учению ухищрения внешней мудрости и стараются продать за деньги то, что следует давать даром. Но мы не таковы. Поэтому присовокупляет:

Но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе. То есть говорим от чистого и не способного к обману ума и как получившие то, что говорим, от Бога, а не как нечто, совершенное нами. ***Во Христе*** – не от своей мудрости, но вдохновленные Его силою; а ***пред Богом*** сказал, чтобы показать правоту и открытость сердца: наше сердце столь чисто, то мы открываем его Богу.

Глава третья

1. ***Неужели нам снова знакомиться с вами? Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас?***

Поскольку сказал о себе много великого, то говорит: не скажет ли кто: что это, Павел? говоря сие о себе, ты сам выхваляешь себя. Отстраняет это возражение следующими словами:

Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас? Говорит это с силою, делая речь свою более поразительною. Намекает же на лжеапостолов, которые, не имея в своих делах ничего, что могло бы сделать их известными, сочиняли одобрительные письма, представляли их кому хотели и таким образом рекомендовали и приводили себя в известность. Слова его, высказываемые с силою, имеют такой смысл: разве кто скажет, что мы должны представить вам одобрительные письма, чтобы прийти через них в известность у вас, или же представлять такие письма от вас к другим? Затем с чувством присовокупляет:

2. ***Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками.***

Что, говорит, сделали бы письма, в которых вы стали бы одобрять и прославлять нас, то самое исполняете вы своею жизнью по вере, которую все видят и слышат. И куда бы ни отправились мы, всюду носим вас с собою, потому что вы написаны в нашем сердце, и мы всем возвещаем о вашей добродетели. Таким образом, поскольку вы для меня одобрительное к другим письмо, то я не нуждаюсь в других письмах от вас, чтобы сделаться известным не знающим меня. Также, поскольку я имею вас в сердце, то не имею нужды в том, чтобы другие рекомендовали меня вам. Одобрительные письма нужны к незнакомым, а не к знакомым, вы же так написаны в сердце моем, что не можете выйти из него. Здесь свидетельствует не только о любви своей к ним, но и о их добродетельной жизни, то есть что они в состоянии были доказать перед всеми людьми достоинство своего учителя; ибо украшением для учителя служит добродетель учеников.

3. ***Вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца.***

Каким образом? Тем, что закон Христов и Его заповеди, подобно письменам, пребывают и сохраняются в вас.

Через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца. Воспользовавшись случаем сравнить закон с Евангелием, делает здесь такое сравнение: как Моисей был служителем закона, так и мы служители вашей веры в проповедь; и как он вырезал на каменных скрижалях, так и мы на ваших сердцах; закон написан был чернилами, а Евангелие написано в вас Духом. И так насколько Дух отличается от чернил и сердце от камня, настолько отличается Новый Завет от закона. Поскольку у ожесточенных людей каменные сердца, то сердца верующих назвал ***плотяными,*** потому что они восприимчивы к слову.

4–5. ***Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа, не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя…***

Поскольку показал, что Новый Завет выше Ветхого, и естественно было заключить, что и мы – апостолы, служители Нового Завета, выше Моисея, который служил Ветхому Завету, но это показалось высокомерным, то говорит: нет ничего нашего, но ***уверенность*** наша, то есть похваление наше, ***в Боге через Христа.*** Ибо Христос есть причина того, что мы

похваляемся о Боге, и ничего нет нашего, даже самомалейшего. Эту именно мысль выражает словами: ***мы не способны были помыслить что от себя.***.

5–6. ***Но способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит.***

Наша сила, говорит, от Бога: Он сделал нас ***способными,*** то есть укрепил, сделал способными служить великому Божественному сему делу, – Новому Завету.

Не буквы, но духа. И Ветхий Закон духовен, то есть дан Духом; но не подавал Духа, как подаст Его Новый. Итак, смысл слов такой: нам вручено сообщать не письма, как Моисею, но Дух. Ибо апостолы не только учили духовному, и Божественному, но и сообщали Духа через возложение рук.

Потому что буква убивает, а дух животворит. Закон, говорит, подвергает наказанию, когда замечает кого-либо согрешающим даже в самом, казалось бы, малом, каково собирание дров в субботу (см. Чис. 15, 32–36), а Дух Святой, принимая совершивших бесчисленные беззакония, оправдывает их в бане крещения и оживотворяет умерших грехом.

7. ***Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей.***

Показав выше различие между Новым и Ветхим Заветом, которое состоит в том, что последний пишется чернилами, а первый Духом, тот – на камнях, а этот – на сердцах, также что последний убивает, а первый животворит, теперь хочет показать, что и слава Евангелия болыпа. Поскольку же закон имел ощутительную славу, то есть славу в лице Моисея, а Новый Завет имеет славу мысленную, которой никто не видит чувственно, то показывает превосходство евангельской славы посредством умозаключения, говоря, что закон был служителем смерти. Не сказал: «виновник смерти», чтобы не дать повода еретикам, но: «служитель». Ибо виновник смерти был грех, а закон подверг наказанию. Кроме того, закон был только буквой и не подавал подвизающимся никакой помощи, как, напротив, бывает в крещении, но возлагал еще неизгладимые наказания. Ибо этот служитель смерти был начертан на камнях. Если, таким образом, закон при таком свойстве своем был так славен, то во сколько более имеет славы благодать, которая несравненно превосходит его?

Что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей. Прикровенно обвиняет иудеев. Они, говорит, были так грубы, что не могли взирать даже на чувственную славу. Не сказал, что закон и скрижали имели славу, но лицо Моисеево; ибо прославлен был Моисей, а не скрижали закона. Но и самую славу Моисея уничтожает, называя ее преходящей, то есть преходящею. Заметь, однако, что не назвал ее худою, но имеющею конец и перестающей.

8. ***Тоне гораздо ли более должно быть славно служение духа?***

Так как назвал закон служением смерти, то естественно было назвать Евангелие служением жизни; но апостол дал ему название высшее – назвал его служением Духа. Ибо Новый Завет имеет силу сообщать не только жизнь, но – что гораздо важнее – Самого Духа, дающего жизнь. Тем славнее, значит, он в сравнении с законом.

9. ***Ибо, если служение осуждения славно, то тем паче изобилует славою служение оправдания.***

Снова в другом виде представляет ту же мысль. Изъясняя свои слова: ***буква убивает,*** называет закон ***служением осуждения,*** как карателя грехов, а не виновника их. Евангелие же называет ***служением оправдания,*** потому что оно не только освобождает от наказания, но и делает грешников праведными. Поэтому Евангелие будет обладать гораздо большею славою.

10. ***То прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы последующего.***

Что я, говорит, сравниваю Ветхий и Новый Завет между собой? Превосходство Нового Завета таково ***с сей стороны,*** то есть при сравнении, что прославленный, то есть Ветхий Завет, представляется вовсе не имеющим славы, по причине необычайной славы Нового. Ибо хотя закон был славен сам по себе, но по причине превосходства евангельской славы является бесславным. Заметь, что и этим одобряет Ветхий Завет; ибо сравниваются обыкновенно вещи сродные.

11. ***Ибо, если преходящее славно, тем более славно пребывающее.***

Приводит другое умозаключение. Если в славе дан закон перестающий и подлежащий отмене, то тем более будет в славе закон непоколебимый и вечный – Новый Завет.

12. ***Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением.***

Поскольку приписал Новому Завету необыкновенную славу, то тем, которые, услышав это, пожелали бы видеть славу его чувственно, говорит, что мы имеем такую надежду. Какую? Ту, что все мы, верующие, удостоились большего, нежели Моисей, и потому пользуемся большим дерзновением относительно наставляемых нами, ничего не скрывая и ничего не опуская, и не покрываем от вас лица, как покрыл его Моисей от иудеев. Ибо вы не так слабы, как они; Моисей же, когда получил скрижали в другой раз и сошел с горы, имел такое сияющее лицо, что иудеи не могли ни подойти к нему, ни говорить с ним, пока он не закрыл лицо покрывалом. На историю этого события указывает Павел, когда говорит:.

13. ***Ане так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего.***

То есть нам не нужно покрывать себя подобно Моисею. Ибо вы можете смотреть на сию славу, которую мы имеем, разумею славу Евангелия, хотя она гораздо блистательнее Моисеевой. То есть вы можете понимать тайны Божий, именно Евангелие, и нам не нужно закрывать их от вас неясностию, как покрывалом каким. Израильтяне же, как плотяные, не могли видеть, что закон имеет конец и что он будет отменен; ибо покрывало означает плотяный ум их, как узнаешь ниже. Некоторые же понимали сие так: то самое, что они не могли взирать на лицо Моисея, показывало, что эта слава имеет конец. Ибо как скоро не видали славы, то ее и не было, и сим показано было, что она кратковременна, потому не проявила себя славой.

14. ***Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом.***

Ослеплен, говорит, ум их, и потому ни те, которые тогда жили, не видели, ни те, которые теперь живут, не видят, как ослепленные и имеющие на лице Моисеевом то же покрывало, во время поверхностного чтения закона. Ибо Христос называет закон Моисеем, как в следующем месте: ***у них есть Моисей и пророки*** (Лк. 16, 29). И не открывается им, не познается ими, что Христос имел отменить Ветхий Завет. Итак, их заблуждение есть заблуждение ума, потому что ослепление есть грех ума. Не удивляйтесь, говорит, что иудеи не могут видеть славы, славы закона. Если бы они видели славу закона, то видели бы и славу Христову. Ибо славу закона составляет обращение ко Христу. Где же сказано, что закон отменен будет Христом? Там, где говорится: ***пророка воздвигнет тебе Господь, Бог твой, – Его слушайте*** (Втор. 18, 15). Итак, когда повелевается слушать Его, а Он отменил субботу, обрезание и все прочее, то выходит, что об отмене этой дал поведение сам закон. Кроме сего тем, что велено приносить жертвы в одном храме, а Христос разрушил его, не отменяются ли жертвы совершенно? И: ***Ты священник вовек по чину Мелхиседека*** (Пс. 109, 4), также: ***жертвы и приношения не восхотел*** (Пс. 39, 7), – все это составляет отмену закона.

15. ***Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их.***

Поскольку выше сказал, что покрывало лежит ***при чтении*** Ветхого Завета, то чтобы кто не подумал, что покрывалом называет неясность закона, говорит: нет, я называю покры-

валом слепоту и грубость сердца иудеев. Ибо и на лице Моисея оно лежало не для него, но по причине грубости и слабого зрения иудеев.

16–17. ***Но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается. Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода.***

Теперь говорит о способе, как могут исправиться израильтяне. ***Когда обращаются к Господу,*** говорит, то есть когда оставят закон и приступят к духовному Евангелию, тогда снимется покрывало. Ибо и Моисей, как повествует история, когда обращался к Господу, снимал с себя покрывало. А это прообразовало имеющее быть после, именно: когда кто обратится к Духу (ибо Он – Господь), тогда увидит открытое лицо законодателя, еще более – сам будет наряду с Моисеем и будет наслаждаться славою, превосходнейшею, как сказано, славы закона. Ибо ее даст Дух, как Господь и Всемогущий.

А где Дух Господень, там свобода. В законе было иго и рабство, а в законе Духа и в Евангелии – свобода, так что слава Господня созерцается беспрепятственно и свободно.

18. ***Мы же все открытым лицем, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа.***

Мы наслаждаемся, говорит, такою свободою и благородством, что все мы верные, не как там – один Моисей, ***открытым лицем*** (ибо у верующих нет покрывала) ***взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу,*** то есть получаем ту же славу, и, подобно зеркалу, приемля блеск, отражаем его. Как серебро, лежащее против солнца, и само испускает некоторые лучи под влиянием солнца, так и мы, очищенные Духом в крещении и озаренные Его лучами, отражаем некоторый духовный блеск и преобразуемся по тому же образу от славы Духа в свою славу, и притом в такую, какую свойственно иметь тому, кто просвещен от Духа Господня, никому не подчиненного. Ибо, будучи Господом, Он имеет и светочи владычние. Ибо все верующие через крещение исполняются Духа Святого и душа их просветляется; да и Моисей, видя Божественную славу, и сам преобразился в нее, то есть сам получил блеск, и лицо его просветилось, прообразуя нас.

Глава четвертая

1. ***Посему, имея по милости Божией такое служение, мы не унываем.***

Поскольку выразил многое и великое, сказав, что мы апостолы выше Моисея (ибо если все выше то тем более они), то умеряет свое слово и говорит: все это принадлежит Богу. Ибо мы только служители, и то, что мы поставлены в служители, не наше же, но и это принадлежит милости Божией. Слова ***посему мы не унываем*** относи к тому и другому, то есть так как мы удостоились столь великих благ, то не уклоняемся от опасности и скорбей, потому что, однажды быв помилованы, поставлены на служение.

2. ***Но, отвергнув скрытые постыдные дела, не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия, а открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом.***

Указывает на лжеапостолов, которые во всем притворялись. Они брали дары, и представляли себя не берущими; казались святыми, а были нечисты. Мы же, говорит, отвергли такие дела, которые, обнаружившись, покрывают делающего их позором, то есть такие, которые совершаются лицемерно. Ибо прибавляет: ***не прибегая к хитрости,*** так что совершенное с лукавством и есть то, что навлекает позор. Впрочем, если будешь разуметь это о делах постыдных, то в этом ничего не будет нового, ибо и это свойственно лжеапостолам.

И не искажая слова Божия. Не только, говорит, жизнь наша проста, чиста и свободна от беззакония, но и в учении и в слове нашем нет обмана. Ибо мы ничего не примешиваем к ним из внешней мудрости или что-нибудь льстивое, не собираем деньги от проповеди и не говорим сегодня одно, а завтра другое, применяясь к временам и лицам, как поступают лжеапостолы.

А открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом. Лжеапостолы представляют себя наружно и для вида, и кажутся иными, нежели каковы на самом деле. А я представляю себя, ***открывая истину,*** то есть самые дела употребляю во свидетельство. Так, я говорю, что ничего не беру; и имею свидетелями этого вас; так поступаю и во всем прочем. Вот как я представляю себя всем людям, верующим и неверующим, то есть открывая жизнь свою и проповедуя всем открыто, так что все могут разуметь. А так как людей можно обмануть, то присовокупляет: ***пред Богом,*** которого лжеапостолы не принимают во свидетели.

3. ***Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих.***

Сказав выше, что хотя на израильтянах лежит покрывало, а мы, верующие, смотрим с непокрытым лицом, теперь говорит, что если Евангелие закрыто, то закрыто для неверующих. Ибо что тогда было с иудеями относительно Моисея, то же самое теперь бывает с неверующими относительно Евангелия. Но в этом виновны они, а не Евангелие; ибо если бы они уверовали, увидели бы славу Божию без покрова.

4. ***Для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого.***

В числе погибающих, говорит, которых много и которые различны, находятся и неверующие.

Им-то ***бог века сего ослепил умы.*** Маркиониты утверждают, что это сказано о демиурге, которого они называют правосудным (см. свт. Иоанн Златоуст. Беседа 8); но не благим, а манихеи относят это к диаволу, которого они называют и творцом мира. Но ни то, ни другое не справедливо, а сказано это о Боге нашем. Если же Он называется Богом века сего, то в этом нет ничего нового; ибо Он называется и Богом неба, хотя Он есть Бог не его одного; называется он и Богом Авраама, Исаака и Иакова, хотя Он – Бог не их одних, но всех. Что же странного, если и Павел благовременно назвал его теперь Богом века сего, чтобы лучше

показать неверующим, что Он создал и сие видимое, наслаждаясь которым, они отвергают Создателя? Можно объяснить это место и так, что Бог ослепил умы неверующих века сего, ибо в будущем веке нет неверующих. Что же значит ***ослепил?*** Значит попустил быть слепыми, подобно тому, как ***кпредал их Бог превратному уму*** (Рим. 1, 28). Ибо после того, как они отпали от Него, Он предоставил их себе, оставил их, потому что не принуждает ко спасению. Заметь же, что не сказал, что ослепил для того, чтобы они не веровали, но для того, чтобы недостойные глаза не видели блеска славы Христовой. Блеск же состоит в том, чтобы веровать, что Он распялся, вознесся и даст нам будущие блага. Как больному глазами не дозволяют видеть солнечных лучей, чтобы они не повредились, так точно и они сделались неверующими сами от себя. А когда они стали такими, Бог сокрыл от них лучи славы евангельской, как от израильтян – лицо Моисея. Так и нам заповедал ***не бросать жемчуга перед свиньями*** (Мф. 7,7). Прекрасно сказал: ***воссиял,*** ибо ныне мы имеем умеренный свет, а не полное освящение, что выше назвал благоуханием и залогом, показывая, что там находится нечто большее. ***Который есть образ Бога невидимого.*** Здесь показывает, что они не знают не только славы Христовой, то и славы Отца. Ибо если Христос есть образ Отца, то не видящий Христа не знает и Отца.

5. ***Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса Господа: а мы – рабы ваши для Иисуса.***

Выше сказал, что мы ***не прибегаем к хитрости,*** потом присовокупил о неверующих, как они были покрыты. Теперь говорит: мы не обманываем, ибо проповедуем не самих себя, как лжеапостолы. Ибо они внушали своим ученикам называть себя их именами, как и показал в первом послании: ***я Аполлосов, я Кифин*** (1 Кор. 1, 12). Иначе: не думайте, нападающие на нас, что вы нападаете на нас, ибо мы не себя проповедуем, но Христа, почему вы восстаете против проповедуемого нами. Мы до такой степени не себя проповедуем, что не отказываемся быть и вашими рабами для Христа, то есть ради того, что Он так возлюбил нас и все сделал для нас.

6. ***Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием разума славы Божией в лице Иисуса Христа.***

Почему, говорит, мы не проповедуем себя? Потому, что Бог воссиял в сердцах наших, как в древности на лице Моисея, так ныне на нас. Как при первом творении сказал, и явился из тьмы свет, так и ныне сказал, и явился свет. Впрочем, Он Сам стал светом для нас, ибо Он воссиял для нас ***в лице Христа,*** то есть через Христа, потому что Отец сияет в нас через Христа и дает ***просвещение познанием,*** не сущности Своей, но славы. Заметь и здесь у Павла богословствование о Троице. Ибо о Духе говорит он: ***взирая на славу Господню,*** ибо Дух есть Господь; о Сыне: ***свет благовествования о славе Христа,*** а теперь об Отце: ***просветить нас познанием славы*** **Его.**.

7. ***Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам.***

Поскольку сказал о неизреченной славе много великого и высокого, то, чтобы кто не сказал: как же мы, получив такие, как ты говоришь, блага, останемся в смертном теле? говорит: скудельный сосуд вмещает такие сокровища силою Божиею.

Чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам. Чтобы преизбыточество силы, являющейся в нас, было Божие и чтобы не подумали, что мы совершаем что-нибудь сами собою, но чтобы все, кто видит, говорили, что все это Божие. Намекает на лжеапостолов, которые все приписывали себе.

8. ***Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся.***

В такой мере, говорит, все есть дело силы Божией, что хотя мы глиняные сосуды и подвергаемся стольким и столь много разнообразным искушениям, однако не разбиваемся

и не теряем находящегося в нас сокровища. Ибо подвергаемся скорбям во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи, между друзьями, между врагами, ***но не стеснены,*** потому что Бог расширяет сердца наши.

Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся. То есть, хотя подвергаемся бедствиям и стеснениям, однако, стоя твердо, не отчаиваемся и не побеждаемся, но в Боге находим помощь и побеждаем.

9. ***Мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем.***

Люди гонят нас, но Бог не оставляет нас. Ибо это попускается для того, чтобы мы упражнялись в борьбе, а не для того, чтобы мы пали.

Низлагаемы, но не погибаем. Противники, говорит, низлагают нас по телу и в вещах внешних, но мы не погибаем, благодушествуем и наслаждаемся постоянством духа, и при этом сохраняем при помощи Божией самое тело.

10. *Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем.*

То есть ежедневно подвергаясь смерти и всегда подражая смерти Господа, свидетельствуем таким образом о жизни или о воскресении Его телом своим. Ибо, если кто не верует, что Господь воскрес, таковой не будет иметь предлога к неверию, когда увидит, что мы ежедневно умираем и ежедневно же остаемся в живых.

11. *Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей.*

Этим объясняются слова***мертвость Иисуса,*** которые были неясны. Ибо он обычно всегда разъясняет неясно сказанное. Слова же ***чтобы и жизнь Иисусова открылась,*** кроме предыдущего толкования, должны быть истолкованы еще так: как мы ныне подвергаемся смерти Христовой и решаемся заживо умереть за Него, так и Он благоизволит умерших нас оживотворить тогда. Это говорит апостол и в другом месте: ***если же мы умерли со Христом, веруем, что и жить будем с Ним*** (Рим. 6, 8).

12. *Так что смерть действует в нас, а жизнь в вас.*

Смертью называет здесь искушения, высказывая: мы находимся в опасностях, а вы наслаждаетесь жизнию, которая проистекает из этих опасностей, именно вследствие возвещения вам Евангелия, через которое вы живете вечною жизнию.

13. *Но, имея тот же дух веры, как написано: «я веровал и потому говорил», и мы веруем, потому и говорим.*

Выше упомянул об искушениях и о смерти, потом сказал, что и от них избавил нас Иисус, и привел основание, что для того именно избавил, чтобы уверить в Своем воскресении. Теперь утверждает, что это должно основываться на вере, а не на одних умствованиях, и говорит, как Давид, находившийся в искушениях и освобожденный от них только Богом, сказал: ***я веровал и потому говорил*** (Пс. 115, 1): так и мы, имея тот же дух веры, который он имел, веруем и потому говорим, что как Иисус воскрес, так и мы победим опасности и опять будем воскрешены. Заметь, что в Ветхом и Новом Завете один и Тот же Дух; заметь это для тех, которые хулят закон.

14–15. *Зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами. Ибо все для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию.*

Чему же, говорит, мы веруем и что знаем? То, что Тот, Кто воздвиг Иисуса, и ныне исхитит нас от опасностей, и напоследок воздвигнет и представит нас с вами к наслаждению благами. Возбуждает их к вере и доброй жизни. Намекая же на лжеапостолов, которые говорили, что через их посредничество сообщаются их ученикам от Бога блага, говорит: ***все для вас,*** и самое воскресение, а не ради того или другого. Совершает же это Бог и многим дарует благодать, чтобы при изобилии благодати преизобиловала и благодарность, прино-

симая многими в славу Божию. Почему лжеапостолы, приписывая благодать Божию себе, омрачают и славу ее.

16. ***Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется.***

Поскольку, говорит, мы знаем силу Божию и то, что Бог ныне освободит нас от опасностей, потом восставит нас просветленными, то не падаем духом и не отчаиваемся среди страданий. Далее – ***внешний человек,*** то есть тело, тлеет. Каким образом? Когда терпит бичевания, гонения. ***Внутренний*** же, то есть дух и душа, обновляется. Каким образом? Имея благую надежду и дерзновение, как терпящий и радующийся ради Бога.

17. ***Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу.***

Изъясняет, каким образом обновляется внутренний человек, и говорит: размышлением, что скорбь кратка, то есть временна, и легка, по тому самому, что временна, а слаба и вечна и имеет вес, то есть величие в высшей степени, ибо таково значение слов: ***в безмерном преизбытке.***.

18. ***Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно.***

Показывает, как легка скорбь. Все видимое, говорит, временно, следовательно, и скорбь и самый покой, ибо и он видим. Ибо для того сказал ***видимое,*** чтобы обнять и покой. Итак, не будем унывать в скорби, ни расслабляться покоем. Если же так, то ***невидимое,*** то есть Царствие и мучение, вечны. Поэтому ищите первого и убегайте последнего.

Глава пятая

1. ***Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный.***

Поскольку выше сказал, что по той мере, как внешний человек тлеет, обновляется внутренний, и таким образом сказал, казалось бы, нечто новое, то говорит, что когда это смертное и земное тело совершенно истлеет, тогда произрастут для нас бесчисленные блага. При этом снова рассуждает с ними о воскресении, хотя и не так ясно, как прежде, чтобы не показалось, что почитает их неисправными. Земною храминою хижины назвал тело, а тем, что назвал его хижиною, указал на кратковременность его; ибо такова хижина. Если же хижинами (по-славянски: «храминами») часто называют и места упокоения праведных, то с прибавлением именно: вечные храмины (см. Лк. 16, 9). Смотри же, как земной храмине противопоставил небесную, а хижине храмину вечную. Увеличивая восхваление будущей славы нашего тела, присовокупил: «нерукотворенную», не для противоположения этому телу, ибо и оно нерукотворенно. Некоторые же под рукотворенною храминою разумеют жизнь, проводимую нами на земле, а под хижиною самое тело, так что это место получает такой смысл: если разрушится земная жизнь нашего тела, которую можно назвать и рукотворенною, как бы составленною руками (ибо хлеб, вино и тому подобное, из чего слагается наша жизнь, делаются руками), мы будем иметь на небесах другую жизнь, неразрушимую и нерукотворенную, то есть не нуждающуюся в содействии наших рук.

2. ***Оттого мы и воздыхаем, облечься в небесное наше жилище.***

В какое жилище? В нетленное тело. Небесным же называет его не потому, будто оно сойдет свыше, но потому, что оттуда имеет быть ниспослана благодать нетления. Поэтому не должно скорбеть, когда постигают нас некоторые искушения телесные, напротив, мы должны еще воздыхать о том, что не совлеклись всего тленного тела, чтобы облечься в нетленное. Это тело апостол не назвал хижиною, но ***жилищем,*** потому что оно пребывает вечно.

3. ***Только бы нам и одетым не оказаться нагими.***

Чтобы не все полагались на одно нетление тела, говорит: ***только бы нам и одетым*** в нетление и получив тело нетленное, ***не оказаться нагими*** славы и безопасности, как имеющим скверну греха. Ибо всеобще – воскресение, а не честь.

4. ***Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью.***

Поскольку могло показаться тягостным сказанное: воздыхаем, желая освободиться от тела, ибо привязанность души к телу невыразима, то говорит: не о том воздыхаем, чтобы просто освободиться от тела, но о том, что желаем облечься в нетление. Желаем не совлечься тела, но освободиться от тления, чтобы истребилось и уничтожилось в жизни тление, а не тело. Ибо тяготимся не оттого, что имеем тело, но оттого, что оно тленно. Этим совершенно заграждаются уста еретиков. Ибо здесь речь не о том или другом теле, но о тлении и нетлении.

5. ***На сие самое и создал нас Бог и дал нам залог Духа.***

А сотворивший нас на сие самое изначала, говорит, есть Бог, ибо Он создал нас с тем, чтобы мы были нетленны. И не ныне только стало угодно Ему это, но было угодно изначала. И это в точности сбудется.

И дал нам залог Духа. Хочешь, говорит, доказательства? Дам тебе и другое. Тот, Кто дал нам Духа через крещение, дал нам и залог нетления, ибо освятил и душу и тело, и как ту, так и другое соделал Божественнейшими, освободил от греха, от которого произошла смерть. Поэтому если дал Духа, то явно, что освободил от греха. Таким образом, залог буду-

щего бессмертия есть Дух. Или иначе: даровавший нам ныне Духа отчасти дал некоторый залог, что даст и целое. Как же даст, если не будем нетленны по душе и по телу? Итак, получив здесь немногое, то есть залог, надейся, что будешь иметь тогда и вполне целое.

6-**8.** ***Итак мы всегда благодушествуем; и как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, – ибо мы ходим верою, а не видением, – то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа.***

Продолжает подтверждать сказанное выше, именно то, что не должно беспокоиться об опасностях. Ибо опасности и смерти, говорит, доставляют нам вожделенное приобретение – нетление, о котором воздыхаем, и скорее приводят нас к Владыке нашему. ***Мы всегда благодушествуем,*** то есть не страшась ни гонений, ни наветов, ни смертей. Заметь мудрость, как скрыл имена смерти и жизни и первую назвал вшествием ко Господу, а последнюю отшествием от Господа, чтобы никто не привязывался к настоящей жизни, как отвлекающей от Господа. Потом, чтобы кто не сказал: итак, что же? тело отчуждает нас от Бога? отклонил это возражение, сказав: ***ибо мы ходим верою, а не видением,*** то есть хотя и здесь мы знаем Его, но отчасти, ибо это значит: ***верою,*** а не лицом к лицу, что означает: ***видением.*** Если же так, ***то желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа.*** Не сказал: достигнуть нетления, но – что превосходнее: быть с Господом, ибо это важнее нетления.

9. ***И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными.***

Главное, о чем должно заботиться, состоит в том, чтобы благоугождать Богу в жизни. Чтобы, слыша об отшествии, ты не подумал, что его одного достаточно тебе для спасения, говорит: старайся отойти благоискусным, то есть веди и здесь жизнь, благоугодную Богу.

10. ***Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое.***

Здесь напоминает о Страшном суде и словами ***должно явиться*** возбуждает страх. Ибо не думай, что там стены, или покровы, или глубина сердца скроют или дела, или помышления; там все обнаружится.

Чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое. Говоря это жившим исправно и благочестиво, укрепляет надеждами, а нерадивых возбуждает страхом к исправлению. Вместе с сим подтверждает учение о воскресении тел. Ибо то, что служило или добрым, или дурным делам, несомненно, или награждается или наказывается. Таким образом, здесь заграждаются уста еретиков.

11. ***Итак, зная страх Господень, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты; надеюсь, что открыты и вашим совестям.***

Зная, говорит, о Страшном суде, мы делаем все так, чтобы не ввести людей в соблазн, ибо сие означают слова ***вразумляем людей,*** то есть врачуем от соблазнов. Ибо мы подлежим осуждению не только тогда, когда бы сделали что худое, но и тогда, когда в состоянии будучи удалить повод к подозрению и устранить соблазн, не делаем этого. ***Богу же мы открыты,*** ибо Он знает, как мы проводим жизнь, и нет нужды убеждать Его, как убеждают сомневающегося. ***Надеюсь, что открыты и вашим совестям,*** как хорошо знающим все, касающееся нас. Поэтому нет нужды убеждать вас, будто потерпевших от нас соблазн.

12. ***Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами, дабы имели вы что сказать тем, которые хвалятся лицем, а не сердцем.***

Тотчас же устраняет подозрение в мнимом тщеславии и говорит, что этими словами не себя самих хвалим, то есть возвышаем, превозносим похвалами, но вам даем повод хвалиться и красоваться нами перед лжеапостолами, которые поносят нас.

Дабы имели вы что сказать тем, которые хвалятся лицем, а не сердцем. Чтобы вы имели что сказать и чем похвалиться о нас перед лжеапостолами, которые хвалятся ***лицем,*** то есть делают все напоказ, для виду, ибо они были таковы: носили личину благочестия, а в

сердце не имели ничего доброго. Повелевает же хвалиться не всегда, но только тогда, когда лжеапостолы превозносятся.

13. *Если мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас.*

Если мы говорим что-нибудь возвышенное (это называет апостол ***выходим из себя,*** или, как в других местах, «безумие»), то делаем это для Бога, чтобы вы, почитая нас немощными, не возгордились и не погибли; если же говорим что смиренно и с уничижением, то делаем это для вас, чтобы вы научились смиренномудрствовать. Или иначе: если кто имеет подозрение, что мы безумны, то мы надеемся получить награду от Бога, за Которого подвергаемся такому подозрению, а если кто почитает нас смиренномудрыми, тот и сам пусть получит пользу от нашего смиренномудрия. Или еще иначе: если мы безумны, то безумствуем так для Бога, чтобы вас привести к Нему. Безумие же Павла было безумием любви: любя Бога и живя, подобно влюбленному, Им одним, то есть Любимым, он вышел из себя и всецело прилепился к Богу, жил не своею жизнию, но жизнию Любимого, как в высшей степени любимой или возлюбленной. Итак, если мы, говорит, ***выходим из себя, то для Бога.*.**

14–15. *Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего.*

Любовь Бога, которую Он явил в нас, объемлет нас и побуждает нас подвергаться опасностям за Него, когда мы обсуждаем хорошо сами с собою следующее. Так как Он умер за всех, то явно, что все мы были погибшими и что Он для того умер за погибших и умерших, чтобы оживить нас. Итак, поскольку Он оживил нас, то мы не должны уже жить ***для себя,*** но для Того, Кем живем, Кто не только умер за нас, но и воскрес, вознесши на небо начаток наш, то есть тело Свое, чтобы всецело вознести и нас. Ибо какая нужда была Ему возноситься, если бы не имело случиться подобного и с нами? Итак, поскольку Он умер за нас, поскольку Он оживил нас и поскольку Он дал нам залоги нетления, мы должны жить для Него, а не для похотей своих.

16. *Потому отныне мы никого на знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем.*

Поскольку все, умерщвленные грехом, ожили Христом через крещение; то справедливо, говорит, не знаем никого из верующих, живущих во плоти, то есть по древней и плотской жизни. Ибо все возрожденные Духом ведут жизнь новую и духовную.

Если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем. Показывает, что в том, чтобы не жить по плоти, мы имеем вождем Христа, и говорит: хотя и Христос был некогда по плоти, но теперь Он не по плоти. Что же? Разве Он сложил с Себя плоть? Нет. Ибо Он как пришел, так и придет, а пришел Он во плоти и с плотию. Итак, что же говорит апостол? То, что мы называемся живущими по плоти, когда находимся в грехах, а живущими не по плоти, когда не грешим. Христос же называется живущим по плоти, когда был причастен в жизни естественным и неукоризненным немощам, каковы: голод, жажда, сон, утомление. Ныне же Он не есть ***по плоти,*** то есть освободился и от естественных и неукоризненных немощей, имея плоть, не причастную страданиям и бессмертную, чтобы, говорит, совершенно и с избытком научить нас не жить уже по плоти и греховно, но по духу.

17. *Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое.*

Кто уверовал во Христа, тот сделался другим созданием и стал новою тварию. Итак, мы не должны жить по-старому.

Древнее прошло, теперь все новое. Что такое древнее? Греховное и иудейское. Ибо древний грех кончился и у нас стала новая душа и новое тело, а вместо всего иудейского у нас все новое: вместо закона – Евангелие, вместо Иерусалима – небо, вместо храма – ***внутреннейшее за завесою*** (Евр. 6, 19), где Троица, вместо обрезания – крещение, вместо манны –

Тело Бога, вместо воды – Кровь Владыки, вместо жезла Моисеева или Ааронова – Крест, вместо агнца – Сын Божий и все прочее таковое.

18. ***Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения.***

Все же это дано нам от Бога, Который примирил нас с Собою через ходатайство Сына Своего. Ибо мы не сами прибежали к Нему, но Он призвал нас через смерть Сына Своего.

И давшего нам служение примирения. О бездна человеколюбия! Ибо Отец, пославший Сына, когда увидел Его убитым от тех, которые нуждались в примирении, то не только не отверг людей, но дал, говорит, нам, апостолам, ***служение примирения,*** чтобы, ходя повсюду, были посланниками к отпадшим от Бога и приводили их к Нему.

19. ***Потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения.***

Высказал, что Отец примирил нас с Собою. Чтобы не сказал кто: но Он послал Сына? теперь говорит, что хотя Он послал Сына, однако, призывает не один Сын, но и Отец, примиряющий с Собою мир через Христа, – ибо это значит ***во Христе, –*** и показавший такую благость к людям, что не только не наказал их, но и примирился с ними, и не только простил их, но и не вменил им грехов. Ибо если бы Он захотел требовать отчета, то все погибли бы.

И дал нам слово примирения. Поэтому имеем повеление от Бога не возлагать на вас что-нибудь тяжкое, но примирив вас с Ним. Поскольку мне, говорит Бог, не поверили, то вы не переставайте увещевать их, пока не убедите.

20. ***Итак мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом.***

От имени Христова, то есть вместо Христа посланы. Ибо что Он намеревался сделать, то мы ныне приняли, и как через Него призывал нас Отец, так и ныне через нас призывает вас, чтобы примирились с Ним. Не сказал «примирите с собою Бога», но – ***примиритесь*** с Ним. Ибо вы враждуете против Него, а не Он против вас: ибо Бог есть и Отец. Он, как бы погрешивший против них, устрояет такое посольство, чтобы они простили Его. О богатство милосердия и благоснисхождения!

21. ***Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом.***

Я, говорит, не вспоминаю обо всем: о том, что вы обесславили Благодетеля, что Он не озаботился об отмщении, что, напротив, Сам первый восхотел примириться; того, что Он ныне сделал, достаточно ли для того, чтобы вы примирились с Ним? Что же Он сделал? То, что Сына Своего, ***не знавшего греха,*** то есть Того, Кто есть самая праведность, предал смерти за нас, как грешника и злодея; ибо ***проклят пред Богом всякий повешенный на дереве*** (Втор. 21, 23) и: «к грешникам причислен». И не сказал – «сделал грешником», но ***жертвою за грех,*** что значит больше. Для чего же сделано это? Чтобы мы оправдались не от дел закона, но благодатию Божиею. Ибо правда Божия состоит в том, когда кто оправдывается благодатию, когда не может быть найдено никакого пятна. Поэтому не сказал: «да будем праведными сами», но – правдою Божиею, указывая на преизбыток благодати.

Глава шестая

1. ***Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами.***

Мы, говорит, споспешествуем и вам, и Богу: вам, чтобы вы спаслись, а Богу, чтобы исполнить волю Его, то есть о вашем спасении. ***Умоляем*** вместо Христа, даже до второго пришествия Его, и до тех пор, пока существуем в сей жизни, чтобы вы не вотще приняли благодать Божию. Ибо что пользы – получить свободу от грехов благодатию Божиею, а потом опять наполняться ими по своей беспечности? Снова является вражда, и благодать к нам становится наконец тщетною. Итак, не думайте, что одна вера составляет примирение; нужна и жизнь.

2. ***Ибо сказано: «во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе». Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения.***

Какое это благоприятное время? Время благодати, в котором прощение грехов и сообщение оправдания. Время благоприятное есть то, в которое Бог принимает нас, выслушивает нас и спасает. Ибо во время суда Он не будет ни выслушивать, ни помогать, ни спасать. Итак, мы должны подвизаться в это время благодати; потому что легко получим награды.

3. ***Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение.***

Молим, сказал, и споспешествуем. Каким образом? Беспорочною жизнию. Самым же ходом повествования советует и им обратить внимание на него. Ибо, говорит, я так устрояю жизнь свою, что никому не подаю повода – не говорю к обвинению, но и к обыкновенному упреку, а еще более к соблазну, чтобы не было порицаемо служение наше. Опять, не сказал: «чтобы не подпасть обвинению», но чтобы дело мое и служение мое не получило и случайного порицания. Некоторые же объясняют это так: чтобы порицание не перешло на проповедь; ибо ее называет служением своим. Когда я живу худо, то подвергается презрению и порицанию проповедь. Незаметно и им намекает, что когда они живут худо, то хула обращается на Христа и на веру.

4. ***Но во всем являем себя, как служители Божий, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах.***

Это гораздо выше, чтобы не только сделать себя чистым от обвинений и порицаний, но и показывать такую жизнь, чтобы из нее видно было, что он служитель Божий. Не сказал – «показывая себя», но – ***являем себя,*** то есть на деле показывая себя таковыми.

В великом терпении. Говорит и о способе, как делаются таковыми, то есть через терпение, и не просто через терпение, но и через многое. Ибо недостаточно перенести одну какую-нибудь беду или две, но должно терпеть до конца.

В бедствиях, в нуждах. Высшую степень скорби составляет то, когда гнетут человека безвыходные несчастия.

В тесных обстоятельствах. Этим словом означается голод или просто искушения.

5. ***Под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах.***

И раны и темницы: смотри, сколько зол! Каждое из них само по себе весьма тяжко.

В изгнаниях. То есть в гонениях, когда кто не имеет места, где остановиться, будучи преследуем из места в место.

В трудах, в бдениях, в постах. Сказав о бедствиях внешних, здесь говорит о своих собственных, которым он добровольно подверг себя, о трудах, то есть о делании рук своих, которыми питал и себя, и других, и вместе с сим бодрствовал и постился.

6. ***В чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви.***

Так называет целомудрие, или чистоту во всем, и нелюбостяжательность и безмездную проповедь.

В благоразумии. То есть в мудрости Божией, которая истинно есть ведение, только не внешнее, как у лжеапостолов.

В великодушии, в благости. Это признак несокрушимой души, когда кто, будучи отвсюду поражаем и уязвляем, не только долготерпит, но и благодетельствует.

В Духе Святом. Показывает, как он сделал все это, именно Духом Святым. Когда показал свои подвиги, тогда уже поставил помощь Духа Святаго. Здесь разумеются также и дары духовные; ибо ими доказываем, что мы служители Божий, потому что совершаем чудеса. Иначе: мы не подали претыкания ***в Духе Святом,*** то есть в дарах Духа. Ибо многие из превозносившихся полученным даром языков не пользовались им как должно. Но Павел не таков.

В нелицемерной любви. Вот вина всех благ; вот причина, поэтому пребыл в нем Дух.

7. ***В слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке.***

В слове истины. То есть не извращая слова Божия.

В силе Божией. Ничего, говорит, нет моего, но все это совершилось в силе Божией, или в знамениях и чудесах и в наказующей и благодеющей силе.

С оружием правды в правой и левой руке. Оружия правды в левой руке означают все прискорбное, а в правой – все ограждающее и поставляющее нас в безопасность. В левой руке, впрочем – скорбные, по мнению многих, ибо и Господь повелел молиться и о том, чтобы не впасть в искушение, а в правой – радостные. Итак, Павел в том и в другом показал себя безукоризненным, не падая духом в скорбях и не превозносясь в радостях, но все это делая оружием правды.

8. ***В чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны.***

Истолковал нам, что оружия правды в правой и левой руке означают славу и бесчестие. Как же слава служит оружием правды? Тем, что слава учителей привлекает многих к благочестию. Что же? Есть ли это добродетель Павла? Конечно, потому что он, находясь в славе, не гордился, а бесчестие, соделывающее терпение, делало его искусным и способствовало успеху его проповеди.

При порицаниях и похвалах. И перенесение порицания есть великий подвиг. Ибо оно сильно возмущает душу. Поэтому и Господь называет блаженными тех, которые терпят поношение. В пытках тело разделяет муки вместе с душою, а в порицании вся тяжесть падает на душу. Поэтому оно и для Иова было тяжелее всех прочих ударов.

Почитают обманщиками по причине порицаний, ***но мы верны –*** по благохвалениям.

9. ***Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем.***

Для одних были достоуважаемы и знаемы, а для других недостойны и того, чтобы знать их. Это соответствует сказанному: ***в чести и бесчестии.***

Нас почитают умершими, но вот, мы живы. То есть как приговоренные и осужденные на смерть, и, по мнению устрояющих нам ковы, умирающие; но силою Божиею мы живы.

Нас наказывают, но мы не умираем. Попускает это, говорит, Бог для того, чтобы вразумить нас; ибо, еще прежде будущих наград, в настоящей жизни немало происходит пользы от наказания. Это взято у Давида, который говорит: ***строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня*** (Пс. 117, 18).

10. ***Нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем.***

Хотя по внешности, говорит, кажемся скорбящими, но наслаждаемся совершеннейшею радостию; ибо не так бывает, чтобы иногда радовались, а иногда нет, но всегда радуемся.

Мы нищи, но многих обогащаем. Апостол многих обогатил как духовным, так и чувственным богатством. Ибо, имея домы всех отверстыми для себя, он был богатейшим и мог оделять и питать других, как, например, святых в Иерусалиме. То же показывает и далее.

Мы ничего не имеем, но всем обладаем. **Не** привязанный ни к чему в здешней жизни, имеет все. ***Если бы возможно было,*** говорит, ***вы исторгли бы очи свои и отдали мне*** (Гал. 4, 15). Как же такие люди могли жалеть для него имущества? Перечислил же все это с тою целию, чтобы не смущались чем-либо из того, что кажется прискорбным.

11. ***Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено.***

Перечислив свои подвиги и по порядку повествования показав коринфянам, как должно подражать ему, хочет, наконец, обличить их, как не слишком любящих его. Но прежде сего показывает им собственную любовь и говорит: всегда желаю говорить и беседовать с вами, и притом свободно и смело; ибо это значат слова: ***уста наши отверсты.*** Говорит же так потому, что хочет сделать им облегчение, показывая, что смелость в речи есть признак величайшей любви. И не на устах только высказываю любовь, но и сердцем: имею его расширенным для вас. Ибо пламень любви и уста мои отверз, а сердце мое расширил и сделал его пространным, чтобы дать место всем вам. Поэтому и присовокупляет:.

12. ***Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно.***

Вы, говорит, не тесно помещаетесь в сердце моем, сердце пространном, сколько бы вас ни было. А в ваших сердцах великая теснота, и вы не можете просторно поместить меня, хотя я один, то есть я в высшей степени люблю вас, а вы хотя любите меня и имеете меня в сердцах своих, но тесно, непросторно.

13. ***В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы.***

Такую же взаимность и равенство дружбы покажите и вы, и вы распространитесь так же, как распространился я. Показывает, что так и должно быть; ибо говорит: ***говорю как детям.*** Ничего великого не прошу, когда, будучи отцом, желаю быть любимым от детей; ибо это обязанность детей.

14. ***Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием?***

Чтобы не показалось, что говорит это для своей пользы, показывает, что нуждается в их любви для их пользы, говоря как бы так: любить меня значит, чтобы вы не смешивались с неверными и не уклонялись на их сторону. Не сказал «не смешивайтесь», но ***не преклоняйтесь под чужое ярмо,*** то есть не оскорбляйте справедливости, склоняясь и приобщаясь к тем, к кому не следует.

Ибо какое общение праведности с беззаконием? Здесь делает различие не между собою и неверными, но между добродетелию и благородством коринфян и низостию неверных. Как отец, видя сына, находящегося в связях с людьми порочными, говорит ему: какое общение между твоим благородством и их скверностью; так и апостол говорит – вы сущая правда, а они – беззаконие: итак, что общего у вас с ними?

14–15. ***Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?***

Желая всеми способами побудить их отстать от неверных, не сказал: какое общение у находящихся во свете с пребывающими во тьме, или: у последователей Христа и чад велиара, но на место лиц поставил самые вещи – свет и тьму; что гораздо больше выражает также Христа и велиара, что означает отступника. Через это сделал речь свою более грозною.

Или какое соучастие верного с неверным? Здесь напомнил о лицах, чтобы не показалось, что обвиняет только зло, или похваляет добродетель.

16. ***Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: «вселюсь в них и буду ходить s них и буду их Богом, и они будут Моим народом».***

Неверные суть храмы идолов, или даже самые идолы, а вы – храм Бога, не того, о котором они баснословят, но живого. Итак, какая ***совместность,*** то есть подобие, сходство между вами и ими?

Как сказал Бог: «вселюсь в них и буду ходить буду их Богом, и они будут Моим народом». Чтобы не показалось, что льстит, Писанием подтверждает, что они храм Божий (см. Лев. 26, 12). Обитание в нас Бога условливается чистотою прежней жизни, а хождение Его в нас приобретается старанием. Ибо Бог живет в человеке тогда, когда он чист, а когда Он побуждает его к другому какому-либо делу, говорится, что Он ходит в нем; это значит: когда Бог бывает его Богом, то он вступает в чин патриархов.

17. ***«И потому, выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас».***

Не сказал – «не делайте глупостей», но – ***и не прикасайтесь*** к ним. Нечистота же бывает двоякая: телесная и душевная. К душевной относятся нечистые помыслы, посматривание бесстыдными глазами, злопамятство, обманы и тому подобное; а к телесной нечистоте относятся: блуд, прелюбодеяние и всякое плотоугодие. Итак, хочет, чтобы мы были чисты и от той и от другой нечистоты. ***Выйдите из среды*** неверных **и** ***отделитесь,*** то есть живите отдельно и будьте чистыми, и тогда приму вас. Ибо, когда отступите от пороков, тогда соединитесь с Богом.

18. ***«И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель».***

Видишь ли, как пророк давно предсказал о нынешнем возрождении и усыновлении, совершающемся в нас через крещение (см. Иер. 3, 19; Ос. 1, 10).

Глава седьмая

1. *Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием.*

Какие обетования? То есть что мы – храмы Божий, что в нас обитает и ходит Сам Бог и Отец. Очистим себя от нечистых дел, – ибо это означает ***скверна плоти,*** и скверных и страстных помыслов, – ибо это означает ***скверна духа,*** то есть души.

Совершая святыню в страхе Божием. Недостаточно, говорит, удерживаться от нечистоты, но должно делать и нечто доброе, – ***святыню,*** то есть чистоту, целомудрие. Присовокупил: ***в страхе Божием*** или потому, что есть целомудрие, сохраняемое из человекоугодия, а не в страхе Божием, или для того, чтобы показать нам, как должно сохранять его, именно в страхе Божием. Ибо, как ни велика сила плоти, но имей страх Божий, и победишь ее неистовство. Под святостию разумей не одно целомудрие, но и вообще всякую чистоту в жизни.

2. ***Вместите нас. Мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти.***

Опять говорит о любви. Прежде навел страх на них, сказав, что они отступили от него и присоединились к неверным и нечистым. Теперь смягчается к ним, говоря: ***вместите нас,*** то есть дайте нам пространное место в себе, чтобы нам не было тесно в вас. Намекая же на лжеапостолов, говорит: ***никого не обидели*** – в имуществе; ***никому не повредили,*** то есть не обольстили, повредив ум нечестивым учением; ***ни от кого не искали корысти,*** то есть не похитили, не искали себе прибыли под предлогом проповеди.

3. ***Не в осуждение говорю; ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить.***

Говорю это не для того, чтобы осудить вас. Откуда это видно? Из любви; ибо вы в сердцах наших. Но так как иной, может быть, и любит, однако не хочет подвергать себя опасностям, то говорит: ***чтобы вместе умереть.*** И так как много есть таких, которые не сорадуются благоденствию друзей по зависти, то присовокупил: ***и жить.*** Мысль в сказанном такая: и в опасностях не обегаем вас, и в благоденствии живем с вами и не завидуем вам.

4. ***Я много надеюсь на вас, много хвалюсь вами; я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей.***

Казалось бы, оскорбил их, говоря: ***в сердцах ваших тесно*** и: ***вместите нас.*** Поэтому теперь и себя оправдывает, и их врачует, говоря: я сказал это не для того, чтобы осудить вас, но по своей великой смелости в отношении к вам и из желания побудить вас к добродетели. Ибо что я не осуждаю вас, видно из того, что перед другими хвалюсь вами.

Я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей. Исправившись, говорит, в том, за что я осуждал вас в прежнем послании, вы исполнили меня утешением, и не только утешили меня, то есть освободили от печали, но и обильно исполнили меня радостию. Обилие радости означает словом ***преизобилую.*** Радость эта, говорит, была такова, что во всякой скорби нашей, как бы она ни была велика, превозмогла и погашала скорбь. Это, казалось бы, противоречит сказанному о них немного прежде, но на самом деле не противоречит. Ибо то и другое свойственно любящему: первое – как обличающему, а последнее – как ободряющему, потому что обличения бывают не по неприязни, но от сильной любви.

5. ***Ибо, когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи.***

Повествует о своей скорби и говорит о ней в сильных выражениях, чтобы показать, как велика была радость от них, когда прогнали и такую скорбь. Хорошо сказал, что ***плоть*** не имела покоя, ибо душа Павла была непобедима.

Но мы были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи, потому что между верными есть слабые, которые могли быть увлечены лжебратиями. ***Нападения*** – от неверных.

6. ***Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита.***

Поскольку многое сказал в похвалу коринфян, то приводит в свидетели Тита. Кто же «утешает смиренных»? Бог, говорит, Он и нас утешил, послав нам Тита; ибо прибытие его было достаточно для того, чтобы рассеять скорбь нашу. Хочет также представить им мужа сего достойным уважения, почему приписывает прибытию его большое значение.

7. ***И не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас, пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне, так что я еще более обрадовался.***

Утешил вас, говорит, не только тем, что был при вас во время скорби, но и тем, что возвестил вам о добродетели вашей, которою и сам утешался, то есть радовался о вас, принимая вас за добродетели ваши. Снискивает мужу сему благоволение их, как хвалившему их перед ним.

Пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне. Вероятно, коринфяне плакали и скорбели о том, что учитель так болел духом и так долго не был у них. Поэтому не просто сказал – «слезы», но – ***плач,*** также не – «гнев», но – ***ревность*** против блудника. За меня вы воспламенились и возгорелись, чтобы исполнить повеление мое; за меня ревновали вы и перед лжеапостолами. Говорит это апостол не только для уврачевания прежних укоризн, но и потому, что принимает исправившихся; ибо хотя много дурных и недостойных этих похвал, но он не отделяет их, а всех вместе хвалит и укоряет, предоставляя совести каждого избрать себе свое.

Так что я еще более обрадовался. Я, говорит, обрадовался и присутствию Тита, но больше тому, что он сообщил мне о вас такие вести.

8. ***Посему, если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было…***

Хотя я, говорит, написал к вам так, что превзошел меру укоризны и должен бы раскаяться о том, что порицал вас сверх меры; но великая польза, происходящая от того, не дозволяет мне теперь раскаиваться. Сказал это не потому, чтобы в самом деле порицал их сверх меры, но для того, чтобы увеличить похвалу их.

8–9. ***Ибо вижу, что послание то опечалило вас, впрочем на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога, так что нисколько не понесли от нас вреда.***

Скорбь была временна к часу, а польза всегдашняя. ***Я радуюсь,*** говорит, ***не потому, что вы опечалились*** (ибо какая мне польза от вашей скорби?), ***но что вы опечалились к покаянию.*** Заметь, как скорбь приписывает посланию, и не говорит, что принес вам пользу, – что было справедливо, – но относит это дело к их добродетели. Вы, говорит, опечалились, но ***опечалклксърадиБога.***

Так что нисколько не понесли от нас вреда. Быв обличены, говорит, нами, вы опечалились ради Бога, и впредь ни в чем не потерпите от нас вреда. Ибо все вы, не исключая и дошедшего до крайнего греха и блудодеяния, улучшились. Учитель тогда причиняет вред ученику, когда не обличает согрешающего. Ибо, если бы его обличили, он получил бы пользу.

10. ***Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть.***

Рассуждает о печали и показывает, что печаль не всегда есть зло, но только тогда, когда бывает по миру, то есть об имуществе, славе, об умерших. Ибо такая печаль ***производит смерть,*** непременно уже душевную, а часто и телесную; ибо через это многие погибли. Если же кто добровольно скорбит о грехах, то скорбит ***ради Бога;*** ибо врачевство это пригото-

влено на случай сей одной болезни, для произведения неизменного покаяния (ибо никто из скорбящих ею никогда не раскаивался в том) и для избавления человека от душевной смерти.

11. ***Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование на виновного, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле.***

Не из примера других, говорит, доказываю пользу печали по Боге, но из вашего опыта. Ибо вы не только не раскаялись в том, что опечалились, но сделались более заботливыми о себе.

Какие извинения **–** извинение предо мною; ибо я извинил вас, потому что вы раскаялись.

Какое негодование на виновного **–** на соблудившего.

Какой страх **–** предо мною; ибо вы так и так скоро исправились, потому что устрашились.

Какое желание **–** ко мне. Когда сказал о страхе, чтобы не подумали, что представляет себя каким-то властителем, тотчас поправился, употребив слово ***желание,*** которое есть признак любви, а не власти.

Какую ревность **–** к Богу.

Какое взыскание **–** за законы Божий; ибо вы наказали нарушивших оные.

По всему вы показали себя чистыми в этом деле. Вы, говорит, не только не сделали ничего такого, что сделал блудник, но и не потворствовали ему. В прежнем послании сказал: ***и вы возгордились*** (1 Кор. 5, 2), что делало их общипками преступления; поэтому здесь говорит: теперь вы очистили себя и от этого подозрения, и показали себя чистыми от порицания.

12. ***Итак, если я писал к вам, то не ради оскорбителя и не ради оскорбленного, но чтобы вам открылось попечение наше о вас пред Богом.***

Чтобы не сказали ему: зачем же ты обличал нас, если мы чисты были от преступления? говорит: я до того уважаю преждеписанное мною и не раскаиваюсь в обличении вас, что говорю: для того я написал то, чтобы любовь моя к вам и попечение мое о вас открылись в вас ***пред Богом,*** то есть пред Богом, видящим, что это справедливо. Я опасался, чтобы и на вас не перешла зараза. Кого же разумеет под ***оскорбителем и оскорбленным!*** Блудодействовавших; потому что и тот, и другая оскорбили друг друга. Как же говорит, что писал не ради их? То есть хотя я писал и ради их, но не исключительно ради их, а и ради вас, заботясь, чтобы не испортилось все общество. Так и когда говорит: ***разве о волах печется Бог?*** (1 Кор. 9, 9) не то говорит, что Бог не промышляет о них; иначе зачем они созданы? но то, что Бог дал закон преимущественно не ради волов.

13. ***Посему мы утешились утешением вашим; а еще более обрадованы мы радостью Тита..***.

Я показал попечение свое о вас, и надежды мои не обманули меня; поэтому, говорит, весьма утешился.

Утешением вашим: а еще более обрадованы мы радостью Тита. Теперь к утешению, которым вы утешили меня, как я сказал, присовокупилась большая радость, – радость Тита. Радость же эта и утешение за вас и для вас. Поэтому и говорит далее:.

13–14. ***Что вы все успокоили дух его. Итак я не остался в стыде, если чем-либо о вас похвалился перед ним, но как вам мы говорили все истину, так и перед Титом похвала наша оказалась истинною.***

Я, говорит, тому обрадовался, что Тит нашел вас такими, какими я изображал ему вас на словах. И сам он успокоился, когда нашел вас такими и не встретил от вас ничего грубого и неприятного. А то, что Павел хвалится учениками, показывает, что они были добродетельны, а он чадолюбив. Такими и теперь должны быть ученики и учители.

Но как вам мы говорили все истину, так и перед Титом похвала наша оказалась истинною. Как проповеданное мною вам все было истинно (или, быть может, говорит о похвалах, высказанных им о Тите), так и все, чем я хвалился о вас, оказалось истинным.

15. ***И сердце его весьма расположено к вам, при воспоминании о послушании всех вас, как вы приняли его со страхом и трепетом.***

Сими словами хвалит Тита, чтобы и они полюбили его, как связанного с ним и пламенно любящего их. Поэтому и сказал: ***сердце его,*** чтобы показать силу и горячность расположения и искренней любви его.

При воспоминании о послушании всех вас, как вы приняли его со страхом и трепетом. Выставляет причины такой любви к ним Тита, показывая, что они сами подали повод к такой любви, и вместе с сим побуждая и их к большей любви. Ибо вы не просто показали любовь к нему или попечение о нем, но и послушание, приняв его, как дети отца и в то же время как начальника ***со страхом*** и даже ***трепетом.*** Сим самым свидетельствует о сугубой добродетели их: о любви, как к отцу, и о страхе, как к начальнику, так что в них ни любовь не ослабила страха, ни страх не отравил любви.

16. ***Итак радуюсь, что во всем могу положиться на вас.***

Не о Тите только радуюсь, что вы почтили его, но и о том, что нахожу вас такими, – не посрамляющими меня, но дающими мне смелость говорить о вас откровенно во всяком деле и во всякое время. И иначе: ***могу положиться,*** потому что буду ли делать что для вас или говорить вам, вы охотно примете то, понадобится ли, для исправления вашего, обличать или хвалить вас, или предписывать вам что-нибудь тяжкое.

Глава восьмая

1. ***Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским.***

Не напрасно воздал им выше так много похвал, но с той целию, чтобы смягчить их, ибо намеревался побудить их к нищелюбию. Поэтому и сказал выше: ***могу положиться на вас,*** то есть все, что ни говорю вам, вы делаете. Впрочем, не сказал вдруг: подайте милостыню, но, выставив на среду сделанное другими, и их возбуждает к подобной ревности. Примечай, что расположение к милостыне называет ***благодатью Божией.*** Через это и слово свое делает неукоризненным, и коринфян вызывает к милостыне, как к дару Божию. И не сказал: в том или другом городе, но хвалит всю Македонию, чтобы и они все возревновали также.

2. ***Ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия.***

То есть, имея много скорбей, делаются искуснейшими через терпение; не пали, но более радовались, не просто радовались, но радовались с избытком.

И глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия. То есть как великая скорбь их произвела избыток радости, так и великая и крайняя бедность их не только не воспрепятствовала им подавать милостыню, но еще больше побудила их ***преизбыточествовать в богатстве.*** Не сказал же – «в богатстве подаяния», но – ***радушия,*** то есть чистосердечного расположения к щедрости. (Ибо благотворительность ценится не по множеству подаваемого, но по расположению подающих.) Удивительно, что при такой бедности (ибо были оторваны от своих соплеменников) показали такую щедрость.

3. ***Ибо они доброхотны по силам и сверх сил – я свидетель: они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым.***

Объясняет сказанное выше и говорит: ***по силам,*** даже ***сверх сил;*** ибо в этом состоит избыток радушия, то есть в том, что ***сверх сил.*** Притом, они не были увещеваемы нами, но ***доброхотны.*** И что я говорю? Они сами много просили и умоляли нас. Говорит это для того, чтобы и их побудить не столько ко многому подаянию, сколько к подаянию с охотою. С этою целию и останавливается на сем предмете.

Принять дар и участие их в служении святым. Здесь недостает слов: «просили нас принять это служение». Сказал: ***дар,*** чтобы коринфяне, как ревновавшие о дарах духовных, прибегали и к милостыне, как к дару, о чем и выше сказано. ***Участием*** же назвал ее, чтобы знали, что, давая другим, сами получают.

5. ***И не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, потом и нам по воле Божией.***

Мы не надеялись, чтобы находящиеся в такой бедности и в такой скорби просили нас принять служение их.

Но они отдали самих себя, во-первых, Господу, потом и нам по воле Божией. Здесь свидетельствует и о других добродетелях их. Ибо они не возносились оттого, что подавали милостыню, и не заботились о других добродетелях, но всецело предали себя Господу, всецело и нераздельно преклонились ко всякому богоугодному делу.

И нам предали себя, то есть были покорны во всем, показали любовь ***по воле Божией,*** то есть как угодно Богу, а не человеческому расчету.

6. ***Поэтому мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело.***

Они, говорит, до того предались милостыне, что я, видя их дело, позаботился о вас, чтобы вы не были хуже их, и потому просил Тита идти к вам, что и сам он ***начал,*** то есть предположил идти к вам прежде, нежели я попросил его. Через это также располагает их к Титу, чтобы, когда он придет и станет убеждать их к милостыне, они удобнее склони-

лись на убеждения его, как помышляющего об относящемся к их спасению. И снова назвал милостыню благодатию. Ибо она поистине есть великое благо и дар Божий, и подаяние ее уподобляет нас Богу. Поэтому и премудрый сказал: ***многие хвалят человека за милосердие*** (Притч. 20, 6).

7. ***А как вы изобилуете все: верою и словом, и познанием, и всяким усердием, и любовью вашею к нам, – так изобилуйте и сею добродетелью.***

Увещавает с похвалами и говорит: так как вы все прочее имеете с избытком, то и в этом деле – не только подайте милостыню, но подайте ее с избытком: что означает или то, чтобы они превзошли македонян, или чтобы просто были щедрее. **Дерою,** то есть дарами веры, несомненною; ***словом,*** то есть словом мудрости; ***познанием,*** то есть познанием догматов; ***и всяким усердием,*** то есть ревностию к прочим добродетелям, ***и любовью вашею к нам.***

Ибо прежде сказал, что вы доказали Титу любовь свою ко мне, ревнуя по мне.

8. ***Говорю это не в виде повеления, но усердием других испытываю искренность и вашей любви.***

Говорю это не в виде повеления, то есть не принуждая вас и не делая вам насилия.

Но усердием других испытываю искренность и вашей любви. То есть для того хвалю македонян, чтобы через их усердие показать вашу любовь к бедным святым более достохвальною и более блистательною.

9. ***Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою.***

То есть подумайте и размыслите о великом таинстве, и ничего не пощадите. Ибо, говорит: если не веришь, что нищета производит богатство, то вспомни о своем Владыке, и не будешь больше сомневаться. Ибо, если бы Он не обнищал, то есть не принял долу лежащую и бесчестную плоть и не претерпел всякое иное бесславие, и притом для нас, недостойных, врагов своих; то и мы не сделались бы богатыми. О каком же богатстве говорит? О благочестии, об очищении, об освящении и о прочих благах, которые Он дал и дает.

10. *Я даю на это совет: ибо это полезно вам…*

Смотри, как заботится о том, чтобы не быть им в тягость. Совет, говорит, ***даю,*** то есть советую, а не налагаю необходимости; советую же для того, чтобы больше было пользы вам, нежели получающим.

10–11. *Которые не только начали делать сие, но и желали того еще с прошедшего года. Совершите же теперь самое дело, дабы, чего усердно желали, то и исполнено было по достатку.*

Убеждает их уже не ревностию других, но собственным их расположением, говоря: вы добровольно дошли до того же и не только положили начало деланию, но и хотению, то есть деланию по доброй воле, без всякого внешнего увещания. Поэтому советую вам теперь исполнить свое дело.

Дабы, чего усердно желали, то и исполнено было по достатку. Чтобы прекрасное дело не остановилось на одном усердии, но было действительно исполнено. Ибо как расположение и произволение производят желание, так от имения происходит дело. Итак, у кого есть, тот пусть делает дело, а у кого нет, тот сделал дело произволением.

12. *Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не потому, чего не имеет.*

Заметь мудрость, как, похвалив македонян, разумею – солунян, что сделали сверл: ***сил,*** от сих не требует ничего сверх сил. Если, говорит, имеете усердие, подавайте по силам; Бог принимает это.

13. *Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть.*

Вы, говорит, не должны давать сверх сил, чтобы другие проводили жизнь в роскоши и удовольствиях а вы терпели от того нужду и скорбь. Господь похвалил вдовицу, что подала

все, что имела (см. Мк. 12, 44). Но Павел не делает этого теперь, отчасти потому, что коринфяне были еще слабы, отчасти же потому, что они были богаты, так что если бы подали и по силам, то составилось бы большое, почтенное и богатое подаяние. Притом апостол надеется, что пример солунян побудит коринфян к большему, и потому предоставляет дело на их волю. И в следующих словах незаметно побуждает их к тому же.

13–14. ***Но чтобы была равномерность. Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка.***

То есть вы богаты имуществом, а они богаты дерзновением к Богу. Поэтому дайте им от избытка имений своих то, чего они не имеют, чтобы вам получить взамен дерзновение, которым они богаты и в котором вы имеете недостаток. Смотри, как незаметно располагает их подавать и сверх сил. Если, говорит, хочешь получить от избытка, то и подавай от избытка; если же хочешь получить полное вознаграждение, то и сам подавай вполне, то есть и от недостатка и сверх силы; впрочем, не говорит этого явно. Итак, доселе убеждал, кажется, к подаянию посильному.

14–15. ***Чтобы была равномерность, как написано: «кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка».***

Как будет равенство? Если и вы и они будете взаимно уделять друг другу избытки и восполнять недостатки друг друга. Но какое равенство за плотское давать духовное? Здесь, разумеется, равенство не в отношении к многоценности или бесценности подаваемого и взамен получаемого, но в отношении к избытку и лишению: вы подаете от избытков своих, и они подают от избытков своих; и опять: вы получаете то, в чем нуждались, и они получают то, в чем нуждаются. Равенство это всецело относится к настоящему времени, а что в будущем веке, то имеет великое преимущество перед подаваемым. Итак, смиритесь, богатые; потому что в вещах постоянных, не преходящих, вас превосходят бедные. Приводит в пример бывшее при собирании манны, чтобы показать, как бывает равенство (см. Исх. 16, 8). Именно: когда богатый, имеющий многое, дает избыток тому, кто имеет малое, то ни сам не имеет лишнего, ни имеющий малое не имеет недостатка в том, что от него получил. То же бывает и с дерзновением к Богу. Вместе с сим внушает и нечто большее, показывая богатым, что как при собирании манны все, и собиравшие больше, и собиравшие меньше, находили у себя по равной мере, чем Бог наказывал их ненасытимость, так и теперь не должно желать большего.

16. ***Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам.***

Сказав нужное о милостыне, хвалит, наконец, посланных за нею, чтобы они, будучи чужды подозрения, скорее могли возбудить их к готовности на пожертвование. Поскольку же первый из них был Тит, то хвалит его, а возбуждение его на это служение называет делом Бога. Ибо Он дал ему такое же тщание, какое я имею о вас. Здесь же убеждает их сделать подаяние досточестное. Ибо если Бог возбудил его, то, без сомненья, Бог и просит, чтобы вы сделали подаяние, достойное Бога.

17. ***Ибо, хотя и я просил его, впрочем он, будучи очень усерден, пошел к вам добровольно.***

Из чего видно, что Бог возбудил Тита? Из того, что когда я попросил его, то он с готовностию принял просьбу, и не возроптал, но отправился добровольно; ибо, когда я еще не просил его, он имел уже собственное усердие.

18. С ***ним послали мы также брата, во всех церквах похваляемого за благовествование..***.

Одни разумеют Луку, по причине Евангелия, им писанного; другие же – Варнаву, так как апостол и неписанную проповедь называет благовествованием. Не распространяется в похвалах ему, как Титу, потому что он не известен был коринфянам, а Тит был довольно

известен им. Впрочем, и ему соплетает достаточную похвалу; ибо не просто говорит, что он проповедует Евангелие, но – и ***похваляем,*** **–** не от двух или трех, но от всех церквей.

19. ***И притом избранного от церквей сопутствовать нам для сего благотворения, которому мы служим во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию.***

Хвалит мужа и суждением о нем избравших его не только, говорит, славится, как достойно благовествующий, но и избран от церквей сопутствовать нам, чтобы был общником нашим и в искушениях, и в опасностях. Это более приличествует Варнаве.

Избран в благодать сию, то есть на распоряжение подаяниями, чтобы служил с нами.

Во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию. То есть чтобы и Бог прославлялся, и вы стали усерднее; ибо когда принимающие подаяния – люди испытанные, то ни у кого не может родиться подозрение относительно их.

20. ***Остерегаясь, чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению.***

Достойно это святой души и многой попечительное™ и снисходительности Павла. Мы, говорит, послали этих мужей, не одного, а нескольких, ***остерегаясь,*** то есть предполагая и опасаясь, чтобы кто не заподозрил нас, будто мы из подаяний употребляем что-нибудь в свою пользу. И не сказал – «чтобы вы не заподозрили», но – ***от кого,*** чтобы не обиделись и не подумали, будто их подозревает в таком мнении о нем. И самое, говорит, обилие, то есть обилие подаяний, легко может возбудить в злых людях подозрение, если не примем предосторожности.

21. ***Ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми.***

Смотри, как беспокоилась душа Павла, чтобы не подать братиям повода к соблазну. Ибо не сказал: я чист, пусть клевещет, кто хочет, но как пред Богом, говорит, так и перед людьми, ***стараемся о добром,*** то есть стараюсь явиться безукоризненным, и чем они слабее, тем более должно снисходить им, потому что мы снисходим и малым детям, когда нянчим их.

22. ***Мы послали с ними и брата нашего, которого усердие много раз испытали во многом и который ныне еще усерднее по великой уверенности в вас.***

Присовокупляет и другого, называя его братом и одобряя его на основании испытания и суждений, как человека усердного во многом и оказавшегося таким многократно. Возвышать так речь свойственно похвале. Ныне же, говорит, он сделался еще усерднее, как бы в надежде, что вы подадите более щедрую милостыню, которой он служит.

23. ***Что касается до Тита, это – мой товарищ и сотрудник у вас; а что до братьев наших, это – посланники церквей слава Христова.***

То есть если должно сказать что-нибудь о Тите, то скажу, что он ***мой товарищ,*** **–** помогает мне в научении вас и доставлении вам пользы. Или: если вы сделаете что для Тита, то сделаете это не для обыкновенного человека, но для общника моего.

А что до братьев наших. То есть если желаете слышать что-нибудь о других, то и они имеют великие права на ваше доверие; ибо они братья наши.

Это – посланники церквей, то есть посланы и избраны от церквей.

Слава Христова. Что всего важнее, то поставил на конце. Все, что бы ни было в них, говорит, относится ко Христу.

24. ***Итак перед лицем церквей дайте им доказательство любви вашей и того, что мы справедливо хвалимся вами.***

Теперь, говорит, покажите, как вы любите нас и как мы не напрасно хвалимся вами. А покажете это, если им окажете любовь. Ибо то, что сделаете для них, сделаете ***перед лицем церквей,*** то есть для чести церквей; ибо они представляют собою церкви, пославшие их.

Глава девятая

1. ***Для меня впрочем излишне писать вам о вспоможении святым.***

Столь долго рассуждал об этой службе прежде и, снова намереваясь беседовать о ней же, говорит, что для него излишне писать о ней. А делает это мудро, чтобы более привлечь их. Ибо когда Павел имеет такое мнение о них, что для них не нужен совет касательно милостыни, то им стыдно было бы оказаться впоследствии ниже доброго мнения о них.

2. ***Ибо я знаю усердие ваше и хвалюсь вами перед Македонянами, что Ахаия приготовлена еще с прошедшего года; и ревность ваша поощрила многих.***

Я и сам знаю, говорит, усердие ваше, и не только знаю это, но хвалюсь перед другими, что готова вся Ахаия, а не один Коринф, и что ничего не остается, как только чтобы пришли к вам собирающие милостыню. Итак, мне стыдно будет, если похвалы мои окажутся напрасными и ложными.

И ревность ваша поощрила многих. Выше говорит: македоняне доброхотны и просили нас. Как же теперь говорит: ***ревность ваша поощрила многих!*** Не сказал – «всех», но – ***многих.*** Одни доброхотны и просили нас, а другие были возбуждены вашею ревностию; ибо многие нуждаются в побуждении. Иначе: мы не советовали им, не убеждали их, а только вас хвалили, и этого достаточно было к их убеждению. Смотри, как побуждает и коринфян примером македонян, и македонян примером коринфян. Вы, говорит, сделались учителями для них; не окажитесь же, учители, хуже учеников.

3. ***Братьев же послал я для того, чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною в сем случае, но чтобы вы, как я говорил, были приготовлены.***

Себя самого делает как бы членом коринфской церкви и беспокоится о ней. Ибо говорит: поскольку я похвалился вами, то убоялся, чтобы не посрамиться мне, и потому послал братьев, ***чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною,*** то есть да не изобличится похвала моя вами, как пустая и напрасная. Ибо я, говорит, восхищаясь вами, перед всеми хвалился и перед ними. Итак, если покажете себя не такими, стыд будет общий; впрочем, не во всем, а только ***в сем случае,*** то есть да не посрамлюсь в одном предположении моем касательно милостыни; но ***чтобы вы были приготовлены,*** как сказал я и македонянам, что в Ахаии уже все готовы и ни в чем у них нет недостатка.

4. ***И чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми, не остались в стыде мы, – не говорю «вы», – похвалившись с такою уверенностью.***

Снова обращается к тому же и с большею силою выражает беспокойство, убеждая их человеческими соображениями. Ибо больше стыда, когда кто срамится перед чужими лицами. Может быть, говорит, вы рассчитываете на меня, как знакомого вам; но подумайте о македонянах, которые, быть может, придут со мною, что вероятно. ***И найдут вас,*** не сказал – «нежелающими», но – ***неготовыми.*** Ибо и то стыдно, если вы не готовы и скоро не можете собрать; тем более стыда, если вы ничего не собрали, или собрали менее надлежащего. Но говоря: ***чтобы не остались в стыде мы, – не говорю «вы», – похвалившись с такою уверенностью,*** смягчает речь свою, не во всем, то есть постыдимся, но только в хвалении относительно милостыни; ибо прочее, касающееся вас, безукоризненно. Говорит же это не для того, чтобы польстить им, но скорее с тем, чтобы сделать их больше усердными, чтобы похваляемые во всем и в этом не оказались недостойными похвалы и ниже самих себя. Словами: ***не говорю «вы»*** показывает, что они больше будут посрамлены, нежели он; ибо это их грех.

5. ***Посему я почел за нужное упросить братьев, чтобы они наперед пошли к вам и предварительно озаботились, дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор.***

Чтобы не показалось, будто противоречит сказанному выше: ***для меня излишне писать вам,*** между тем как теперь опять говорит о том же, рассуждает уже о щедрости и о совершении дела с радушием, для чего, говорит, и послал я братьев. Побуждая к двум противоположным делам, именно, чтобы подали в изобилии и с радушием, весьма мудро переходит к тому и другому. Ибо сначала говорит о радушии при покаянии, а потом о другой статье. Подаяние, говорит, есть ***благословение;*** ибо никто не дает благословения с огорчением. Показывает и плод, непосредственно из сего произрастающий: подающие исполняются благословения. Впрочем, и этим не ограничился, но присовокупил: ***а не как побор.*** Не думайте, говорит, будто берем это у вас из корыстолюбия, напротив, желаем доставить вам благословение. Итак, подающий милостыню по принуждению как бы заражен корыстолюбием.

6. ***При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет.***

Переходит к другой статье, что нужно подавать с щедростию, и говорит: ***при сем скажу,*** то есть присовокупляю к сказанному, что не должно подавать с бережливостью. <…> Самое же дело назвал сеянием, чтобы ты тотчас обратил взор на воздаяние и понял, что более получаешь, нежели даешь. После речи о подаянии с щедростию опять напоминает о подаянии с радушием: это показывает, как и выше сказано, слова: ***сеет щедро.***.

7. ***Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог.***

Останавливается на речи о подаянии с радушием, зная, что пример македонян достаточен, чтобы побудить их к большему подаянию и пристыдить их, если окажутся ниже тех. Врачует же ум их чтобы совершаемое ими дело было добродетелию; ибо вынужденное не есть добродетель. Поэтому, как истинный учитель, хочет, чтобы ученики его, делая что-нибудь, делали это так, как требует добродетель, и притом добровольно, чтобы и награда им была полная; ибо сделанное по принуждению теряет свою награду. Поэтому говорит: каждый подавай по расположению, а не с огорчением и не с принуждением. Приводит и свидетельство из Соломона. Хотя в изречении премудрого говорится о щедрости, но он относит его и к подаянию с радушием, или, если хочешь, – к той и другому вместе.

8. ***Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело.***

Этими словами опровергает умствование, которое имеют многие, когда говорят: если подам, много, то боюсь, чтобы самому не сделаться бедным. Бог, говорит, может обогатить вас столько, что с избытком можете совершить всякую благодать, то есть всякую милостыню. Итак, подавайте щедро, чтобы милостыня ваша всегда и всегда приумножалась.

Чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело. Видишь ли? Не богатства просит им, но довольства. Говоря же это, показывает, что не принуждает и не приневоливает их подавать от недостатка, чтобы потом не имели довольства. Вместе с сим научая, как должно пользоваться дарами Божиими, говорит: ***чтобы вы были богаты на всякое доброе дело.*** В благах телесных, говорит желаю вам довольства, а в благах духовных (ибо это значат слова: ***всякое доброе дело) избытка,*** чтобы не только с избытком были милосерды, но чтобы усердно делали всякое богоугодное дело.

9. ***Как написано: «расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век».***

Выше сказал: обогащайтесь (ст. 8). В подтверждение сего приводит свидетельство из пророка: ***расточил:*** ибо слово это указывает на щедрость и избыток. И хотя поданного нет уже более, ***но правда,*** то есть человеколюбие (называет его так потому, что оно оправдывает человека и разрешает грехи), пребывает вечно, – и здесь, и там. Вот почему милостивый бывает любим всеми, а потомки его бывают любимы грядущими племенами.

10. ***Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей.***

Этими словами просит им и плотских и духовных благ и подтверждает слово свое наглядным примером земледелия. Ибо если засевающим землю Бог подает семя, и питающим тело доставляет пищу, то тем более возделывающим небо и питающим душу. В словах: да ***подаст обилие посеянному вами*** говорит о чувственном богатстве, которое, чтобы сделалось сеянием духовным, советует подавать бедным. Ибо через это возрастает в нас всякое доброе дело и обилие правды. Почему и говорит: ***и умножит плоды правды вашей.*** Заметь здесь, что он вводит Бога дающим нам несуетные наслаждения но пищу, ибо говорит: ***и хлеб в пищу.*** То же находится у Исайи (см. Ис. 55, 10).

11. ***Так что вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу.***

Снова показывает, как должно пользоваться богатством, и говорит, что не должно зарывать его в землю, но иметь «во всяку простоту», то есть делиться им щедро. Но так как многие находят простоту в блудницах и лицедеях, то говорит: я разумею ту простоту, которая приносит Богу «многое благодарение», и не только благодарение, но многое другое, о чем говорит далее, чтобы, показав многие добрые последствия простоты, сделать их более усердными к ней.

12–14. ***Ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу, ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми, молясь за вас, по расположению к вам, за преизбыточествующую в вас благодать Божию.***

Дело служения сего, говорит, то есть помощь имением, делает многое, ибо не только восполняет нужду братии, но и «избыточествует», то есть доставляет им более нужного; и много благодарений вызывает служение это и свидетельство о служении человеколюбия. Они прославляют Бога за то, что вы так покорны Евангелию, что исполняете повеления его с щедростию; ибо Евангелие учит милостыне. И иначе прославляют они Бога, за простоту и доброту вашу, изливаемые не только к ним, но и ко всем верным бедным. Ибо они не завидуют, подобно другим нищим, но благодарят, что подаете и другим, что служит признаком великой добродетели их. Поэтому столь независтливым и столь добродетельным должно подавать с большею щедростию. Кроме сего, еще молится о вас, как бы удостоиться видеть вас, не ради имений, но ради благодати Божией, с изобилием данной вам. Опять дело милостыни называет благодатию, приписывая все Богу, чтобы они не возгордились. Словами: ***преизбыточествующую благодать Божию*** побуждает их сделать щедрость свою более обильною, чтобы не превзошли и не победили их другие.

15. ***Благодарение Богу за неизреченный дар Его!***

Даром называет блага, бывающие от милостыни как подающим, так и принимающим. Или: напоминает о благах, которых мы удостоились через воплощение Христа, говоря как бы так: не думайте, что вы делаете великое дело. Блага, полученные нами от Бога, неизреченны. Что же великого в том, что мы подаем малое и бренное?

Глава десятая

1. ***Я же, Павел, который лично между вами скромен, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым.***

Кончив речь о милостыне, теперь начинает говорить со строгостию против лжеапостолов и порицавших его как скудного умом и безрассудно хвастливого, и намеревается отстаивать себя, быв вынужден к сему, чтобы не потеряла уважения проповедь. Указывает и на дела свои, и на данную Богом благодать. Поэтому тот не погрешит, кто назовет это послание похвальным словом Павлу. Начальные слова, направленные против тех, кои называли его бессильным и самохвалом, содержат как бы такой смысл: прошу вас сам я, Павел учитель вселенной (ибо слова ***я же, Павел,*** означают достоинство и выражают как бы следующее: вот, я сам, Павел, говорю вам и прошу вас, чтобы не заставили меня порицатели мои употребить власть мою против них). Много значит и то, что апостол просит, а он еще вводит в посредство кротость Христову, говоря как бы так: устыдитесь тихости Христовой, которою умоляю вас. Вместе с сим показывает, почему щадит их, именно подражая крайности Спасителя Христа, а не потому, чтобы не имел силы. Итак, не вынуждайте меня отступить от кротости, которую до того люблю, что представляю и вам в посредничество.

Который лично между вами скромен, а заочно против вас отважен. Или говорит иронически, пользуясь словами порицавших его: ибо они говорили, что когда лично бывает у них, то не стоит никакого уважения, напротив малозначителен, достоин презрения, а когда находится в отсутствии от них, то надмевается, ведет себя величаво и угрожает. Или истинно говорил о себе, что он, когда находится у них, бывает смирен и кроток, и если говорит теперь с важностию, то делает это не по высокоумию, но по надежде на них.

2. ***Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти.***

Прошу, говорит, не вынуждайте меня сильно воспользоваться моею силою (ибо словом ***смелость*** называет силу свою), ***которую думаю употребить,*** то есть которую предполагаю, думаю или намереваюсь, так как меня вынуждают к тому, употребить против клевещущих, будто мы лицемеры и хвастуны; ибо это значат слова: ***что мы поступаем по плоти.*** Заметь, что смелостию называет намерение отмстить некоторым, хотя намеревается сделать это не за себя, но за проповедь. Но учителю более свойственно быть медленну в наказаниях, нежели тотчас же прибегать к ним.

3. ***Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем.***

То есть хотя мы обложены плотию, но пользуется не плотскими оружиями. Рассуждает о проповеди, показывая, что она не человеческое дело и не имеет нужды в земной помощи. Когда же говорит ***воинствуем,*** то внушает такую мысль: мы ведем войну и вступили в брань.

4. ***Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы.***

То есть не богатство, ни слава, ни сладкоречив, ни ласкательство, ни лицемерие; ибо таковы оружия плотские.

Но сильные Богом на разрушение твердынь. Не сказал – «но духовные» (так, конечно, должно бы сказать в противоположность слову ***плотские),*** но – ***сильные,*** намекая на то, что плотские оружия слабы и бессильны. Смотри, сколько он чужд гордости. Не сказал – «мы сильны», но – ***оружия, сильные Богом,*** то есть – Бог сделал их сильными. Поскольку были гонимы и мучимы, что, казалось бы, свойственно слабости, то говорит: ***сильные Богом;*** ибо через это особенно открывается сила Бога, и Он есть действующий и сражающийся, хотя

оружия носим мы. В чем же ***сильные?*** В разрушении твердынь, а каких твердынь, об этом говорит ниже.

Ими ниспровергаем замыслы. Этими оружиями, говорит, низлагаем мудрования эллинов и их гордость, или: извлекаем их умы и души из заблуждения, которым они заражены, и покоряем их истине. Так ум и надменность Ареопагита отвлечены были от нечестия и покорены благочестию. Заметь, что не сказал: употребляем стенобитные орудия, но просто, разрушаем: этим показывается легкость победы и сила оружия.

5. ***И всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу.***

Продолжает иносказание, чтобы уяснить желаемое. Хотя бы, говорит, противостояло разуму Божию, то есть Евангелию, ***превозношение,*** то есть башня или крепость, и это разрушаем.

И пленяем всякое помышление в послушание Христу. Слово «пленение» имеет двоякое значение: оно означает и потерю свободы, и совершенное пленение, после которого нельзя уже сопротивляться. Павел употребил теперь слово ***пленяем*** во втором значении. Не только, говорит, одолеваем и побеждаем всякое человеческое умствование, но и пленяем, что означает совершеннейшую победу. Далее, так как слово «пленение» тяжело, то говорит: ***в послушание Христу.*** То есть мы приводим в рабство Христа, которое дороже всякой свободы, – покоряем Христу, от погибели к спасению, от смерти к жизни. Вспомни о тех, которые сожгли волшебные книги свои в Ефесе, и ты поймешь, как пленял Павел.

6. ***И готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится.***

Здесь и коринфян устрашает. Мы, говорит, вас ожидаем, чтобы, когда по наставлениям нашим исправитесь и прекратите общение с клеветниками, подвергнуть наказанию только неисцельно страждущих. Наказание у нас готово, но так как вы имеете общение с ними, то не употребляем его пока, чтобы и вас не коснулся удар. Словами ***когда ваше послушание исполнится*** намекает на то, что хотя они и теперь послушны, однако не совершенно. Вместе с сим грозно требует, чтобы те и другие исправились и чтобы никто не подвергся наказанию. В нас сначала образуются мысли, через борьбу худших с лучшими, а потом являются превозношения в честь одержавших победу, восстающие против познания Божия, так что приходят в состояние, называемое энтузиазмом. Ибо мышление есть простое и непосредственное действие ума, более представляющее самые вещи, нежели доказательство. И в обольщенных бесами есть, кажется, такие мысли, которые Павел, и всякий водящийся духом его, пленяет в послушание Христу.

7. ***На личность ли смотрите? Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы.***

Не только устрашает обольстителей, но и порицает обольщаемых, поэтому говорит: узнавайте от видимых (дел), кто надменен, кто богат, кто прикрывается личиною добродетели.

Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы. Ложные апостолы величались, что они Христовы и будто бы самовидцы Слова. ***По себе*** сказал вместо: «пусть не ожидает нашего против него обличения, но сам размышляет, что по тому самому, что он Христов, он не имеет никакого преимущества перед нами». Ибо я тоже не могу быть апостолом кого-либо другого, хотя бы и он был Христов. Но здесь он выразил уступление, поскольку еще прежде показал, насколько он выше.

8. ***Ибо если бы я и более стал хвалиться нашею властью, которую Господь дал нам к созданию, а не к расстройству вашему, то не остался бы в стыде.***

Не сказал – «я имею власть наказывать и умерщвлять, а они не имеют», но смиренно – ***если бы и более.*** И не сказал «если хвалюсь», но ***если бы стал хвалиться,*** то есть если захочу говорит, похвалиться о власти, ***которую Господь дал нам,*** опять все это приписав

Господу. А получил я ее от Бога для того, чтобы утверждать в вере благодетельствуя, а не наказуя. Итак, почему ты сказал: ***ниспровергаем замыслы?*** Потому, что в том и состоит созидание, чтобы разрушать все гнилое и уничтожать препятствия. Итак, каким образом ты угрожаешь разорением, когда не получил на это власти? Преимущественно я получил в созидание; но если бы кто оказался неизлечимым, то мы воспользуемся и властию на разорение. Итак, если я захочу, говорит, похвалиться тем, что Бог даровал мне больше, так что я имею власть прежде всего благодетельствовать, а в случае противления наказывать, ***останусь в стыде,*** то есть не покажусь лжецом или горделивым.

9—11. ***Впрочем, да не покажется, что я устрашаю вас только посланиями. Так как некто говорит: «в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна», такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично.***

Каков на словах, таков и на деле: я мог бы похвалиться, но чтобы не показалось, что я устрашаю вас посланиями, как говорят мои клеветники: «он хвалится в посланиях и посылает грозные письма, а в личном присутствии он ничтожен и является не таким, каков в своих посланиях». Но всякий, кто так говорит, пусть знает, что мы не только угрожаем в посланиях, но при личном присутствии можем и привести в исполнение свои угрозы.

12. ***Ибо мы не смеем сопоставлять или сравнивать себя с теми, которые сами себя выставляют: они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно.***

Здесь он показывает, что это хвастуны и слишком много хвалятся собою. Итак, говорит, что ***не смеем сопоставлять,*** то есть причислять, ***или сравнивать,*** то есть противополагать себя тем из них, которые превозносят себя похвалами.

Они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно. Они, говорит, не удостаивают приравнивать себя к кому-либо из других людей, но измеряют себя самими собою и состязуются между собою, и не чувствуют, как смешны они вследствие этого. Ибо каждый, считая себя лучше других, унижает другого; итак, все являются славными друг перед другом; они не понимают сами, как это смешно.

13. ***А мы не без меры хвалиться будем, но по мере удела, какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас.***

Ибо, хвалясь, они, может быть, говорили: «мы достигли пределов земли и обратили вселенную». Но мы, говорит, не так.

Но по мере удела, какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас. Как между земледельцами разделил Бог виноградники, так и между нами, апостолами, разделил вселенную. Итак, будем хвалиться по мере удела, какой назначил нам Бог. Какая же это мера? Та, чтобы достигнуть и до вас. Итак, поскольку это наша мера, то мы и до вас хвалимся.

14. ***Ибо мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас, потому что достигли и до вас благовествованием Христовым.***

Вероятно, ложные апостолы и отправившиеся куда-либо без всякой проповеди хвалятся одним простым пришествием и все приписывают себе самим. Итак, апостол говорит: мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас, ибо мы достигли не просто, но благовествованием Христовым, то есть не только пришли как те, но и с проповедию Евангелия.

15–16. ***Мы не без меры хвалимся, не чужими трудами, но надеемся, с возрастанием веры вашей, с избытком увеличить в вас удел наш, так чтобы и далее вас проповедывать Евангелие, а не хвалиться в чужом уделе.***

Показывает, что те хвалятся трудами апостолов и хвалятся без меры, то есть чрезмерно и чужими трудами. Мы же не так, но достигши до вас, мы смело говорим, что достигли до вас. При этом мы надеемся, без сомнения, на Бога (ибо Павел не думал выставлять на вид себя), – что, достаточно научив и умножив веру вашу, возвеличимся в вас. Ибо учитель

возвеличивается тогда, когда умножает подвиги учеников и с избытком увеличивает свой удел, то есть расширяет более ту меру (удела), которую он получил. Итак, чего мы надеемся? Того, что и далее вас будем проповедовать Евангелие и, может быть, и сверх того похвалимся, если принесем им пользу. Как домостроитель вселенной и архитектор, он повсюду называет удел и меру, и чтобы показать, что все это принадлежит Богу, Который определяет этот удел и эту меру, приводит, кроме того, следующее место:.

17. ***Хвалящийся хвались о Господе.***

Ибо, совершая такие дела, мы не хвалимся и не приписываем в них чего-либо себе самим, но все это и самую меру, до которой достигли, усвояем Богу. Вот, чем и они должны хвалиться.

18. ***Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь.***

Не сказал – «мы искусны», но ***кого хвалит Господь,*** то есть того, которого действительность труда и подвига благодатию Божиею явила достойным.

Глава одиннадцатая

1. ***О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне.***

Намереваясь начать речь о своих собственных похвалах, он сделал много оговорок, избегая того, что есть оскорбительного для других в собственных похвалах. К этому побудила его необходимость и опасение, чтобы не послужило во вред учеников то, если самого его станут презирать, а лжеапостолов считать людьми, имеющими некоторое значение. Ибо и для весьма непонятливых ясно, что он пришел сюда по настоятельной нужде и ради пользы своих учеников. Ибо каким образом стал бы без надобности хвалиться самим собою тот, кто помнил прежние заблуждения, от которых он избавился через крещение, кто признавал себя недостойным апостольского звания? Итак, он говорит: о, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! а вы очень снисходите. Ибо я убежден, что вы любите меня и во всем снисходите мне.

2. ***Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; Потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою.***

Не сказал – «люблю», но, чтобы выразить гораздо сильнее – ***ревную.*** Ибо ревность является у (людей) пламенно любящих. Потом, чтобы не подумали, что он ревнует о них по каким-либо человеческим побуждениям, как то: ради денег или славы, присовокупляет: ***ревностью Божиею;*** ибо сказано, что и Бог ревнует, чрезмерно возлюбив нас, не для того, чтобы получить какую-либо выгоду, но чтобы спасти нас, приведя в общение и единение с Собою. Такова, говорит, и моя к вам ревность, она проистекает не из того, чтобы мне получить прибыль, но чтобы вы не погибли.

Потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Я обручил вас, говорит, Христу. Итак, за Него ревную, а не за себя самого. Ибо я не муж, а друг жениха. Смотрите же, он не сказал: я ваш учитель, и потому вы должны держаться меня; но их поставил на место невесты, а себя на место друга жениха, придавая им более значения. Нечто дивное он приписал Церкви; ибо в мире после брака не остаются девами, а здесь и не бывшие прежде девами – после сего брака становятся девами. Таким образом, вся Церковь есть дева. Ибо Павел говорит это всем, и мужьям и женам. Что же он обещал в приданое? Царство Небесное. Подобное сему было у Авраама, когда он послал раба, чтобы тот сосватал (сыну) невесту единоплеменную (см. Быт. 24, 4). Ибо и здесь Бог послал служителей Своих, пророков, чтобы обручить Церковь Сыну Своему Христу, как, например, Давида, который говорит: ***слыши, дщерь, смотри и приклони ухо твое*** (Пс. 44, 11), и апостолов, например, Павла, который говорит: мы посланы именем Христовым. Итак, настоящее время есть время обручения, будущее же время брака, когда раздастся голос: ***вот, жених идет*** (Мф. 25, 6).

3. ***Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе.***

Ибо, хотя погибаете вы, но боюсь я. Не открывает: вы будете повреждены, хотя они были уже повреждены, но выразил это неопределенно: ***боюсь, чтобы ваши умы не повредились.*** Ибо и тот обольстил обещанием лучшего; и лжеапостолы, восхваляя себя и говоря вам нечто великое, прельщают своею хитростию. Но как ни хитрость змия, ни простота Евы не были достаточны для ее прощения, так и вам оно не будет на этом основании даровано. Не сказал же, что Адам был прельщен, чтобы показать, что прельщаться свойственно женщинам. И не сказал – «чтобы вы не прельстились», но – ***чтобы ваши умы не повредились*** (по-славянски: «не растлились»), употребив сравнение, ибо слово «растление» употребляется по отношению к девам. ***Чтобы не повредились, уклонившись от простоты во Христе.*** То

есть чтобы вы не прельстились вследствие своей простоты. Некоторые толкуют так: чтобы вы не уклонились от простой веры в жестокость внешних (неверующих), ибо это составляет величайшее растление.

4. ***Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестив, которого не принимали, – то вы были бы очень снисходительны к тому.***

Что ты говоришь, Павел? В Послании к Галатам ты писал: ***если кто благовестит вам кроме того, что вы приняли, анафема да будет*** (1, 8): как же ты теперь говоришь, что если бы они проповедовали другого Иисуса, то уместно было бы снисхождение ваше? Итак, слушай: лжеапостолы хвалились, будто они приносят более (истинных) апостолов. Итак, поскольку они говорили много неразумного, пользуясь внешнею мудростию, то апостол говорит: если бы они проповедовали другого Христа, которому надлежало быть проповедану, но которого мы оставили без внимания, то уместно было бы снисхождение ваше. Ибо для этого он прибавил: ***которого мы не проповедывали.*** Если же члены веры те же самые, то что лишнего у них? Замечай далее, не сказал – «если бы кто пришедши начал больше о чем-либо проповедовать», ибо они говорили несколько больше с большею заносчивостью и с большею красотою речи, но – ***проповедывать другого Иисуса,*** а для этого нет надобности в украшениях речи. Или: ***если бы вы получили иного Духа,*** то есть если бы он обогатил вас более духовными дарованиями, которые не нуждаются в словесных хитросплетениях. ***Или иное благовестие,*** которое должно заключаться не в (одних) словах. Везде он показывает, что должно снисходить не в этом случае, если только говорят несколько лучше, но если говорят то, что должно было быть сказано, но о чем мы умолчали. Смотри: ***другого Иисуса, которого мы не проповедывали, иного Духа, которого не получили, или иное благовестив, которого не принимали.*** Итак, если они говорят то же самое, то для чего вы с такою жадностию слушаете их? И поскольку они говорят то же, но зачем ты, Павел, препятствуешь им? Затем, что, употребляя притворство, они вводят новые догматы.

5. ***Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов.***

Наконец, он сравнивает себя с приверженцами Петра, желая показать этим, что если они знают больше его, то и больше тех (высших апостолов), доводя до нелепых выводов. Смотри, какое уничижение: ***я думаю,*** говорит, то есть я полагаю; но ничего не утверждает. Не просто, говорит, апостолов, но ***высших,*** намекая на Петра, и Иоанна, и Иакова. А говорит это потому, что теперь это было необходимо, тогда как в другом месте он сказал: ***я недостоин называться апостолом*** (1 Кор. 15, 9).

6. ***Хотя я и невежда в слове, но не в познании. Впрочем мы во всем совершенно известны вам.***

Поскольку лжеапостолы гордились тем, что они не были невеждами, то он показывает, что не избегает такого невежества, но и поставляет в нем для себя честь. И не говорит: если я и невежда, то и другие апостолы таковы же, – для того, чтобы не показалось, что он осуждает их; но унижает самое дело внешней мудрости, как и в первом послании показал, что оно не только бесполезно, но и вредно для славы креста. Итак, я невежда в слове, но не в познании. Через это намекает им, что чем более они хвалятся красноречием, тем более лишаются познания Бога и остаются в этом деле невеждами.

Впрочем мы во всем совершенно известны вам. Не так, как лжеапостолы – на деле то, а кажутся другое; но во всем, что мы делаем и говорим, известны вам: нет в нас какой-либо двойственности или лицемерия, как у тех, которые покрываются только личиною благочестия, а поступают во всем несравненно хуже.

7. ***Согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы возвысить вас, потому что безмездно проповедывал вам Евангелие Божие?***

Грешил ли я, говорит, тем, и можете ли вы обвинять меня и гордиться предо мною, чтобы я унизил себя самого, живя милостынею и терпя голод, ***чтобы возвысить вас,*** то есть утвердить в вере? Ибо они не соблазнялись (что и составляет величайшее их обвинение) тем, что не были бы утверждены иначе, если бы он не терпел голод. Поскольку же они клеветали на него, что он в присутствии представляется униженным, а в отсутствии хвалится, то теперь, как бы защищаясь от этого, он поражает их самих, говоря: хотя я был низок, но для того, чтобы вы возвысились через это.

8. ***Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал.***

Хотя он мог бы сказать: я ел от труда рук своих, но, делая речь более выразительною, говорит: я получал от других, служа вам. Выражение ***же причинял издержки*** он употребил вместо: «я лишил, и сделал их бедными». А разумеет он македонян: будучи весьма бедны, они содержали еще и меня, тогда как я был им в тягость, хотя в излишнем не нуждался, но нуждался в необходимом. Я получал содержание, но не от вас; это составляет действительно величайшее обвинение, тем более, что все это для служения вам; ибо, проповедуя вам и делая ваши дела, я питался от других.

И, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал. Тройное обвинение: первое, что будучи у вас и служа вам, терпя недостаток, не снискал уважения, ибо вы не только не посылали мне чего-нибудь, как делали македоняне, но и в то время, когда я был у вас, не содержали меня. Выражение ***никому не докучал*** означает: я не был никому в тягость. Этим он показывает, что они помогают нерешительно и слабо. Некоторые же слово ***не докучал*** принимают вместо: не нерадел, не был беспечен к проповеданию; но, сколько требовалось от меня, все сделано для вашего спасения: я жил в нужде и не просил чего-либо, не ослабел в терпении, приучив себя к нему.

9. ***Ибо недостаток мой восполнили братия, пришедшие из Македонии; да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость.***

Возбуждает в них ревность, чтобы более побудить к милосердию, так чтобы превзойденные македонцами в доставлении ему содержания не были превзойдены ими и в милостыне. Говоря же ***недостаток,*** показывает, что он не получил ничего кроме необходимого; а содержание доставляли ему филиппийцы.

Да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость. Показывает, что они считали тягостью снабжать его пищею. Хорошо сказано – ***постараюсь.*** Ибо чтобы вы не подумали, говорит, что я сказал это, имея в виду получить от вас впоследствии. Но и ***старался и постараюсь не быть вам в тягость,*** это для них сильное обличение; хотя он еще не окончательно не надеется на них, но совершенно и не думает получить от них что-нибудь.

10. ***По истине Христовой во мне скажу, что похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии.***

Чтобы они не подумали, что ***постараюсь*** он сказал для того, чтобы более привлечь их к себе, говорит: «по истине, сущей во Христе Иисусе, говорю, что не возьму ничего»; но чтобы кто не подумал, что он говорит это под влиянием скорби или гнева, то дело это называет похвалою. Проповедовать Евангелие туне было для него славою, потому что он ради Христа готов был переступить пределы, указанные Христом. Выражение «не заградится» (по-русски: ***не отнимется)*** есть метафора, так говорят о текущих реках; так, когда слава о нем протекла повсюду, он говорит: не заградится это доброе и славное течение оттого, что с нынешнего времени я стану получать что-нибудь. А выражение ***в странах Ахаии*** показывает его негодование. Ибо, если это – похвала, то ее следовало соблюдать повсюду; но если ее соблюдают только в означенных странах, то очевидно, что те люди (которым это писано) не обладают здравым умом, как прочие.

11. ***Почему же так поступаю? Потому ли, что не люблю вас? Богу известно!***

Намереваясь объяснить причину, по которой он не брал от них, и именно по причине появления лжеапостолов, он этим подрывает подозрение коринфян: ты не берешь, как кажется, по ненависти к нам. Поэтому и говорит: я более люблю вас и не хочу оскорблять вас, потому что вы легко соблазняетесь. Но он не говорит так ясно, чтобы не постыдить их слабости, а обращает свою речь к другой причине.

11–12. ***Но как поступаю, так и буду поступать, чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы.***

Здесь совершенно ясно высказывает причину, по которой он не был. Поскольку диавол знал, что люди века сего преимущественно любят тех учителей, которые ничего не берут, то научил лжеапостолов и это истолковать по-своему. Ибо они не поступали в этом случае справедливее, хотя и были богаты; но, уча не брать, брали. Поэтому он не сказал – «чтобы в чем поступают справедливее», но – ***чем хвалятся,*** что и составляет очевидный признак хвастовства. Итак, апостол, понимая это, положил себе за правило не брать у них ничего, даже и тогда, когда нуждался в чем-либо, – чтобы отразить нападение их и не дать места для порицания себя. Хотя это не могло быть предметом порицания, потому что согласно с законом Христовым; но поскольку коринфяне по слабости все-таки соблазнялись, то он и предохранил себя от этого. И наконец, лжеапостолы, будучи ниже истинных апостолов во всем другом, и в этом не имели никакого преимущества: можно сказать, что они уступали бы им и в том случае, если бы не брали, так как они были богаты, а Павел не брал, терпя нужду, и что они несправедливо поступили, а лицемерили, апостол же поступал справедливо.

13. ***Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых.***

Что ты говоришь? Проповедующие Христа, не вводящие иного Евангелия, как сказал выше, теперь стали лжеапостолами? Да, говорит, по этому самому; ибо, лицемеря в этом, они вносят тайно нечестивые догматы. ***Лукавые*** же ***делатели,*** так как они только кажутся созидающими, а на самом деле исторгают то, что было насаждено, и, имея только наружность апостолов, суть поистине волки в овечьей коже.

14. ***И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света.***

Ибо когда учитель их (сатана) решается на все, то нет ничего удивительного, что и они подражают ему. ***Ангела света*** подразумевает того, который имеет дерзновение, предстоит истинному свету, возвещает, что и Бог свет есть, а в Нем он есть свет. Диавол преобразуется в такого ангела, но не бывает таким. Так и они (лжеапостолы) имеют только вид апостолов, но не самую силу. Научимся же отсюда, что делать что-нибудь напоказ (из тщеславия) свойственно особенно диаволу.

15. Л ***потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их.***

То есть как служители Евангелия, содержащего правду; или – что они окружают себя самих славою праведных мужей, но не избегнут совершенно, ибо по делам их будет конец их, то есть дурной. Так что от дел их мы узнаем их, ибо конец их будет соответствен их делам.

16. ***Еще скажу: не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного, чтобы и мне сколько-нибудь похвалиться.***

Ибо хотя он и употреблял уже оговорки, но все-таки говорит: я не довольствуюсь тем, что сказано, но снова говорю: ***не почти кто-нибудь меня неразумным.*** Ибо просто хвалиться свойственно неразумию; я же делаю это не как неразумный, но по необходимости. Однако, если вы не соглашаетесь со мною и считаете меня совершенно неразумным, хотя бы я хвалился и по необходимости, я не избегаю этого. Итак, примите меня как безумного, ***чтобы и мне,*** то есть как они, ***похвалиться,*** но и то ***сколько-нибудь.***.

17. Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу.

Что говорю, говорит, то не есть по Господе, то есть эти слова; цель же этих слов совершенно в Господе. А не сказал – «в безумии», но – ***как бы в неразумии.*** Ибо казаться, а не быть на самом деле в безумии – моя похвала. А чтобы ты не подумал, что он везде говорит как безумный и не по Господе, он говорит: ***что скажу,*** а не другие мои слова.

18. ***Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться.***

То есть – внешними достоинствами, благородным происхождением, тем, что они обрезаны и предки их евреи. Ибо это – то, что он называет похвалою ***не в Господе;*** ибо что пользы быть евреем? Итак, я не считаю этого за добродетель, но поскольку они, говорит, хвалятся этим, то и я вынужден прибегнуть к этому сравнению.

19. ***Ибо вы люди разумные, охотно терпите неразумных.***

Вы, говорит, принуждаете меня сказать это; ибо если бы и вы не приняли их и я не увидел бы из сего, что вы впали в заблуждение, то не дошел бы до этого. Безумными же называет тех, которые хвалятся плотским. Ибо если хвалиться духовным есть признак неразумия, то тем более хвалиться несуществующим. Слова ***люди разумные*** кажутся лестными, однако же они заключают высшую степень порицания, потому что, обладая знанием, говорит он, вы погрешаете; ибо если бы вы были неразумными, то были бы достойны снисхождения.

20. ***Вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится.***

Смотри, в каком раболепстве и крайнем подчинении лжеапостолам изобличает коринфян.

Когда кто объедает, когда кто обирает.

Видишь ли, что он представляет их обирающими? Ибо сие выражается словом ***объедает.*** Таким образом, и то, что он сказал выше: ***они чем хвалятся,*** сказал хорошо; поскольку, притворяясь не взимающими ничего, они только хвалились, а не были таковыми на самом деле.

Когда кто превозносится – то есть тех, кто подчиняет вас и превозносится над вами; ибо и господами они были не кроткими, но обременительными и тягостными.

20–21. ***Когда кто бьет вас в лицо. К стыду говорю, что на это у нас недоставало сил. А если кто смеет хвалиться чем-либо, то, скажу по неразумию, смею и я.***

Вот высшая степень унижения коринфян и надменности лжеапостолов; ибо лжеапостолы обращались с ними, как с рабами. Он говорит это не потому, чтобы их, действительно, били в лицо, но потому, что они терпели не меньше тех, которых бьют в лицо. Сказал же это, имея в виду их высокомерие; ибо что может быть постыднее того, что лжеапостолы, отнимая их свободу, имущество и честь, обращались с ними, как с рабами?

Что на это у нас недоставало сил. Ради чего, говорит, вы терпите их? Как будто мы слабы и не можем поступать с вами точно так же? Нет.

Ибо и мы можем обращаться с вами так же высокомерно; но мы вовсе не хотим этого. Таким образом, всю вину дерзости лжеапостолов слагает на раболепство коринфян. Ибо вы, говорит он, вследствие слишком рабского подчинения служите причиною и их высокомерия, и настоящих наших слов. ***А если кто смеет хвалиться чем-либо, то, скажу по неразумию, смею и я.*** Смотри, он опять называет свой поступок дерзновением и неразумием и только что не говорит: я приступаю к этому по необходимости. И сколько других оговорок представил он прежде этого? Делает же это, научая нас не прибегать без необходимости к таким речам. Итак, говорит: а если кто смеет хвалиться чем-либо, смею и я; ибо слово – «хвалиться» – подразумевается само собою. Затем перечисляет то, чем они хвалятся.

22. ***Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я.***

Поскольку не все евреи были израильтянами (ибо и моавитяне и аммонитяне выдавали себя за израильтян); то, очищая превосходство своего происхождения, прибавляет: ***Семя Авраамово? и я,*** указывая на Исаака.

23. ***Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти.***

Некоторые говорят, что он не должен был высказывать эти слова в виде сравнения, а должен был прямо сказать, что они не служители Христовы. Отвечаем, что он показал это одним словом, назвав их лжеапостолами. Теперь же, начав речь сравнительную, он представляет наглядное указание на то же самое и дает понять слушателю, что он сам действительно служитель Христов, а они нет. Поэтому говорит, что хотя они и служители Христовы, но и в этом я выше их. И опять называет свои слова неразумием по безмерному смирению.

Я гораздо более был в трудах, безмерно вранах, более в темницах. Перечисляет отличительные признаки апостолов и, оставив знамения, начинает с искушений. Я поднимаю, говорит он, много трудов, переходя из одного места в другое, уча день и ночь, делая при этом своими руками и, что важнее, претерпевая удары, и притом чрезмерные, и, что еще выше, подвергаясь вместе с ударами заключению под стражу. Слова ***гораздо более*** стоят в сравнительной степени и выражают сравнение с лжеапостолами. Он говорит как бы предположительно: положим, что они трудятся, но я тружусь ***гораздо более.*** Некоторые, впрочем, утверждают, что слова эти выражают не сравнение, а означают только большое количество и высшую степень.

И многократно при смерти. Не только мнимо умирая, но и подвергаясь опасностям, действительно угрожавшим смертию.

24. ***От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного.***

Почему ***без одного!*** Существовал закон, по которому получивший более сорока ударов лишался чести. Посему определено было давать сорок без одного, то есть тридцать девять, для того, чтобы, если бьющий, увлекшись, дал лишний удар, все-таки дал бы не более сорока, и биемый не лишился бы чести, так как и в этом случае он подвергался узаконенному числу ударов.

25. ***Три раза меня били палками, однажды камнями побивали.***

Лука записал нам не все, что претерпел Павел; ибо ты видишь, что многое из перечисленного здесь он опустил; потому что он трудился в написании не для прославления себя.

25–26. ***Три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл в глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями.***

Какое отношение к Евангелию имеет то, что ты потерпел кораблекрушения? Потерпел кораблекрушения, совершая ради Евангелия длинные и морские путешествия. Ночью и днем плавал по глубине. Некоторые, впрочем, говорят, что, после опасности в Листре, он скрылся в одном колодезе, называемом Вифос, и говорит здесь об этом обстоятельстве.

В опасностях на реках. Ибо он принужден был плавать и по рекам.

В опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море. Всюду диавол воздвигал брани, и всюду Бог предлагал награды за подвиги; ибо и от язычников и от единоплеменников иудеев, которые ожесточены были против него из зависти, были подстрекаемы разбойники. Был ли он безопасен, по крайней мере, в городе? Нисколько. Наконец – в пустыне? И в ней – нет, и когда он убегал опасностей на суше, они встречали его на море.

В опасностях между лжебратиями. Подвергаться злоумышлениям ложных и притворных братии – это опять другой и самый трудный род искушения, на который жаловался

и Давид: ***не ненавистник мой величается надо мною – от него я укрылся бы, но ты, который был для меня то же, что и я, друг мой и близкий мой*** (Пс. 54, 13–14); и в другом месте: ***человек мирный со мною*** (Пс. 40, 10).

27*. В труде и в изнурении, часто в бдении…*

Недостаточно было скорбей, приходящих отвне; он удручал еще сам себя собственными трудами, беспокойствами и бессонными ночами.

27–28*. В голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах.*

Претерпевая все это, учитель вселенной не имел достаточно пищи и одежды; но подвизался обнаженный и ратовал голодный. Притом, он еще много опустил; ибо такой смысл имеет выражение **кросне *посторонних приключений.*** И о том даже, о чем упомянул, он сказал не поодиночке, а только исчислил, что легко можно выразить числом, говоря: ***пять раз*** и ***три раза;*** о том же, что неудобно для перечисления, выразился неопределенно; ибо сказал: ***много раз, часто.*** Смотри же: исчисляя столькие бедствия, он не сказал, скольких обратил ко Христу, как по своему смиренномудрию, так и научая этим, что трудящийся во всяком случае получит полную награду, хотя бы ему и не предстояло более подвигов.

У меня ежедневно стечение людей. То есть яростное восстание и нападение, какие делают на меня ежедневно народы, по общему согласию.

Забота о всех церквах. Это самое важное из всего: ибо если тот, кто заботится об одном только доме, имея притом служителей и экономов, не имеет возможности даже отдохнуть, то что должна, поистине, вытерпеть одна душа, имеющая, среди стольких опасностей, попечение о всей вселенной и притом о душах.

29*. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?*

Чтобы кто-нибудь не сказал, что он, правда, заботился, но заботился так, обыкновенно, он показывает свойство своей заботы. И не сказал: я принимаю участие в скорби, но подвергаюсь ей сам до изнеможения. Изнеможение же разумей как телесное, так и, в особенности, душевное. Слово ***кто*** нужно разуметь так, как бы он говорил: будет ли то важный или незначительный человек.

Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Затем, как он выразил избыток скорби, ибо воспламеняюсь, говорит. Претерпевая все другое, он радовался, зная, что претерпевает ради Господа; здесь же он уязвляется душою так, что соблазн другого, даже человека незначительного и отверженного, причиняет ему большую скорбь. А что слово ***воспламеняюсь*** нужно понимать в смысле «соблазняюсь», этому научает нас Давид. Ибо как апостол сказал: ***кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?*** так же точно и Давид говорит: когда кто соблазнится, и я являюсь соблазняющимся, и стараюсь уврачевать эту болезнь, как бы свою собственную. Где же говорит это Давид? В словах: ***когда гордится нечестивый, раздражается нищий*** (Пс. 9, 23), то есть бедный соблазняется, когда приходит к мысли, что недостойные люди изобилуют богатством и превознесены.

30*. Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею.*

Немощью называет гонения; ибо при голоде, бичевании, кораблекрушении и перенесении других бедствий обнаруживается человеческая немощь. О знамениях он не упоминает здесь, потому что они были даром Божиим; бедствия же вместе с силою Божиею показали и его терпение.

31*. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу.*

Ничего из прежде сказанного он не подтвердил; здесь же подтверждает и удостоверяет, может быть, потому, что то (что он сказал здесь) совершилось задолго назад и было не так

ясно, а прежде рассказанное, как, например, скорби и тому подобное, было известно коринфянам.

32. ***В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; ияв корзине был спущен из окна по стене, и избежал его рук.***

Смотри, как сильна была борьба, если из-за него начальник стерег город. Правитель народа, конечно, не поступил бы так, если бы ревность Павла не воспламенила всех. Арета был тесть Ирода.

Ияв корзине был спущен из окна по стене, и избежал его рук. Убежал, исполняя закон Господа: ибо и Господь переходил из места в место. Себя самих не должно подвергать искушениям. Там же, где бедствия неизбежны, должно полагаться на одного Бога и от Него просить и ожидать избавления; а когда искушение непосильно, должно изыскивать и свои средства, но и в этом случае должно все приписывать Богу, как и то, что апостол спасся в кошнице. Хотя он и сильно желал быть со Христом, но он любил также спасение людей и берег себя для проповеди.

Глава двенадцатая

1. *Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним.*

Переходя к другому роду похвалы, который делал славным его самого, именно к откровениям, говорит: ***не полезно мне,*** потому что может довести меня до гордости. Что же? Если бы ты и не высказал, разве и без того уже ты не знал этого? Но мы иначе гордимся, когда знаем что-либо сами про себя, и иначе, когда передаем это другим. Однако же он говорит это не потому, что ему самому предстояла опасность впасть в подобное состояние, а чтобы научить нас молчать о делах такого рода. И в другом смысле ***не полезно,*** потому что может заставить кого-либо считать меня лучшим, чем видит, как он и высказывает эту мысль ниже. Лжеапостолы, хотя не имели ничего, однако же рассказывали; он же, имея много видений и откровений Господних, упоминает только об одном, да и то против воли. Узнай же, что откровение заключает в себе нечто более, чем видение: последнее дает только видеть, а откровение являет нечто высшее видимого.

2. ***Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба.***

Он упомянул не о всех откровениях (это было бы трудно, потому что их было много) и не о всех умолчал. Но и об одном единственном он говорит неохотно, чтобы показать, что и о нем упоминает против воли. Присовокупляет же: ***во Христе,*** чтобы лжеапостолы не сказали, будто он восхищен был от демонов, как Симон. Не без основания указал он на время; он сделал это для того, чтобы ты узнал, что не без нужды рассказал это теперь, после четырнадцатилетнего молчания. И если за четырнадцать лет перед этим удостоился такого откровения, то как велик он был теперь после стольких опасностей ради Христа?

(В теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. Заметь его умеренность: он признается, что не знает, был ли в теле, или кроме тела, когда был восхищен. ***Третье же небо*** должно понимать следующим образом. Писание называет небом воздух, как, например, в выражениях: «птицы небесные, роса небесная». Это первое небо. Оно называет, далее, небом также и твердь. ***Назвал,*** говорит, ***Вот твердь небом*** (Быт. 1, 8). Это второе небо. Называет небом и то, что создано вместе с землею. Вот третье небо.

3–4. *И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай, и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать.*

С третьего неба, говорит, снова восхищен был – в рай: восхищен был для того, чтобы и в этом отношении не быть ниже прочих апостолов, живших вместе со Христом. Употребляет выражение: ***в рай,*** потому что имя этого места было общеизвестно и Сам Господь обещал его разбойнику. Он слышал ***неизреченные слова,*** которые мудрствующим по-человечески и не имеющим ничего духовного ***нельзя пересказать.*** Отсюда ясно, что так называемое «Откровение Павла» есть сочинение подложное. Ибо как же иначе, если упомянутые «глаголы» были неизреченными? Итак, по смыслу буквальному, третье небо и рай места различные; в смысле же переносном эти слова, может быть, имеют одно значение, а может быть и не одно. Хотя по поводу переносного смысла можно сказать многое, но мы выскажем только немного, – то, что более удобно для понимания. Первое небо есть граница и предел нравственности, когда, то есть, кто-либо правильно образовал свои нравы. Затем, философия составляет второе небо, когда кто-либо, насколько возможно, приобретет познание о природе вещей. Наконец, третье небо есть знание богословское, когда кто-либо, насколько доступно, приобретет через созерцание способность к восприятию Божественного и превышающего человеческое разумение. Итак, во всяком случае, Павел был восхищен в места,

близкие к Троице, то есть превыше всего сущего, и будучи при этом не в теле, потому что ум его все еще был косен. Ибо по отношению к вещам Божественным является косным всякий ум в то время, когда человек бывает восхищен и объят от Бога, так что через Него возбуждается и действует. А так как и в областях есть степени, то он проникает еще в рай, проникнув в сокровеннейшие тайны Божества. Поскольку же они недоступны для познания и неизреченны, то их никогда не поймет никто, если только не станет выше человеческой немощи.

5. ***Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь, разве только немощами моими.***

Заметь его смирение: он рассказывает это как бы о ком-то другом, ибо говорит: ***таким человеком могу хвалиться.*** Но если другой был восхищен, то почему ты хвалишься? Итак, очевидно, что он говорит это о себе.

Собою же не похвалюсь. Говорит это или для того, чтобы показать, что без необходимости не стал бы рассказывать, или же для того, как можно полагать, чтобы сделать речь прикровенной.

Разве только немощами моими. То есть бедствиями, гонениями.

6. ***Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня.***

Каким образом, сказав выше, что хвалиться есть безумие, теперь говорит: ***если захочу хвалиться, не буду неразумен?*** Он сказал здесь: ***не буду неразумен,*** не по отношению к похвале, а по отношению к тому, что он не лжет, ибо прибавляет: ***потому что скажу истину.*** Итак, смысл таков: я не безумен, потому что говорю истину.

Но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня. Чтобы люди не обоготворили его, – вот истинная причина, по которой он всегда умалчивает о себе; когда же принужден бывает сказать что-либо, то говорит прикровенно для того, чтобы не почли его высшим. Ибо не выразился так: чтобы кто не сказал обо мне, но чтобы кто-нибудь не почел меня большим, чем я достоин. Если ради его чудес хотели принести ему в жертву волов (см. Деян. 14, 13), то чего не сделали бы, если бы он обнаружил свои откровения.

7. ***И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился.***

Под ***ангелом сатаны*** и ***жалом*** некоторые разумеют головную боль, причиняемую диаволом. Но это не верно, ибо тело Павла не было предано диаволу, напротив, сам Павел скорее повелевал диаволу и назначал ему границы, когда предал ему блудника во ***измождение плоти*** (1 Кор. 5, 5), и он не преступил положенных ему границ. Что такое сатана? Противник, по значению еврейского слова. Итак, ангелы сатаны суть все противники – Александр ковач, Именей, Фи лет и все, угнетавшие Павла и причинявшие ему зло, как совершавшие дело сатаны. Поэтому смысл его слов таков: Бог не допустил моей проповеди преуспевать без опасностей и трудов, чтобы я не возгордился тем, что удостоился многих откровений. Почему же он говорит, что ему дан был ангел сатаны, а не ангелы? Потому, вероятно, что во всяком месте находился один противящийся и возмущавший народ, а остальные следовали за ним, как за предводителем. Или же, что еще вероятнее, самую вещь или противление проповеди и понесение опасностей он назвал ангелом сатаны. Кем же он дан был? Бог попустил ему, говорит он, ибо такой смысл имеет слово ***дал,*** не для того, чтобы он однажды причинил мне пакость, а причинял бы постоянно. Что же касается слов: ***чтобы я не превозносился,*** то некоторые понимают их так: чтобы меня не прославили люди. Но хотя Павел и сказал в другом месте нечто подобное, здесь он говорит другое, а именно: чтобы я не возгордился; ибо и он был человек.

8–9. ***Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.***

Трижды молил **–** вместо «много раз молил». Также служит признаком смирения его признание, что не выносил козней диавола и страданий, и просил помощи. И сказал мне, говорит он: довольно тебе того, что Я дал тебе благодать воскрешать мертвых и совершать все чудеса. Не проси же, чтобы твоя проповедь преуспевала без опасностей, ибо это излишество; а то, что тебе довлеет, ты получил.

Сила Моя совершается в немощи. То есть, ты страдаешь, о Павел, для того, чтобы не показалось, что многие поставляют препятствия для проповеди вследствие Моего бессилия; дерзай; ибо сила Моя обнаруживается полнее, когда вы, гонимые, побеждаете гонителей. Заметь, сам он сказал, что для того предан искушениям, чтобы он не превозносился; Бог же указывает другую причину этого, ту именно, что сила Его тогда только обнаружится вполне, когда апостолы будут находиться в немощи, то есть среди гонений и опасностей.

И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Поскольку, говорит, я услышал, что сила Божия совершается в немощи, то я отселе буду хвалиться немощами моими; ибо чем многочисленнее будут они, тем обильнейшую силу Божию низведут на меня. Итак, не думайте, что я со скорбию говорю о пакостнике, но скорее радуюсь и хвалюсь, так как через умножение бедствий привлекаю на себя большую силу Божию.

10. ***Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен.***

Я желал, говорит, как человек, избавиться от бедствий; но после того, как услышал то, что услышал, хвалюсь и благодушествую, то есть радуюсь, нахожу удовольствие в немощах. Потом же, чтобы ты не подумал, что он разумеет горячку и другие болезни, он объясняет тебе эти немощи, говоря, что они заключаются **в *обидах*** и далее. Это, с одной стороны, посрамляет хвалящихся бедствиями, лжеапостолов, как противников Божиих, с другой же – убеждает учеников, чтобы они не стыдились своего учителя, но, скорее, гордились бы им, поскольку опасности существуют по воле Божией и ради славы Христа.

Ибо, когда я немощен, тогда силен. Что удивляешься, что в немощах обнаруживается сила Божия? Ибо и я среди их становлюсь сильнее, имея в себе обильнейшую благодать, как, например, в тех случаях, когда, будучи в заключении, обратил темничного стража (см. Деян. 16, 31), когда, потерпев кораблекрушение, привел в страх островитян-варваров (см. Деян. 28, 4–6), когда, стоя перед судьею в оковах, победил и его, и обвинителей (см. Деян. 26, 31). Таким образом, тогда он являлся сильным, мужественным и славным, когда немоществовал, то есть был в опасности.

11. ***Я дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили. Вам бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто.***

Опять оправдывается в том, что хвалится. И выше он сказал: ***примите меня, хотя как неразумного*** и ***как бы в неразумии*** (11, 16–17), а теперь называет себя неразумным уже без частицы ***как;*** ибо сделав то, чего желал, он смело подвергает себя такому уничижению, достаточно научая нас не хвалиться без нужды, поскольку Павел и при существовании этой нужды называет себя несмысленным. ***Вы меня принудили,*** то есть я сказал это, побуждаемый заботою о вашем спасении, видя, что лжеапостолы, которых вы слушаетесь, своим хвастовством развращают вас. Поэтому я решился ради вас сказать вам нечто о себе.

Вам бы надлежало хвалить меня. Должно было, говорит, скорее вам перечислять мои подвиги и прославлять их; но поскольку вы этого не сделали, и внимали лжеапостолам, и испортились, то я сказал это для вашего спасения.

Ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто. Выше он сказал нерешительно: ***я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов*** (11, 5), теперь же говорит с большею силою: ***ни в чем нет недостатка,*** то есть не должен считаться ниже апостолов – Петра и других. Но и здесь он опять не отступил от своего обыкновения и прибавил: ***хотя я и ничто.*** Заметь же его благоразумие. Он не сравнивает себя с лжеапостолами, не удостаивает их даже упоминания, как несравненно высший их, но утверждает, что он равен апостолам. Вместе с тем он делает намек, что коринфяне оскорбляют апостолов, когда равного им поставляют ниже лжеапостолов.

12. ***Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями, чудесами и силами.***

Хотя ***я и ничто,*** говорит, но ты не обращай на это внимания, а заметь, что я ничего не опустил из того, что свойственно апостолам; ибо вы служите свидетелями, что я все исполнил.

Всяким терпением. Первое свойство апостола есть терпение и мужественное перенесение всего. Но заметь его смирение. Сколько опасностей, подвигов внешних и внутренних заключил он в одном слове – терпение. Ибо то, что было его делом, то есть терпение, выразил одним словом; что же касается знамений, которые принадлежали не ему, а благодати Божией, – многими словами. Послушай.

Знамениями, чудесами и силами. Какое различие между знамением и чудом, сказано в другом месте. Но чтобы кто-нибудь не подумал, что это сказано только об одних благотворных действиях, он прибавляет: ***и силами.*** Ибо ***сила*** ясно указывает и на нечто карающее. Заметь и здесь, сколько мертвых, прокаженных, слепых, бесноватых, всех получивших от него благодеяния, так же как и наказанных им, каков Клима, он охватывает так кратко.

13. ***Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами, разве только того, что сам я не был вам в тягость? Простите мне такую вину.***

Чтобы кто-нибудь не сказал: правда, ты велик, но все же не сделал того, что сделали апостолы в других церквах, поэтому говорит: ***чего недостает,*** то есть чего у вас недостает? разве вы получили меньший дар сравнительно с прочими церквами?

Разве только того, что сам я не был вам в тягость? Простите мне такую вину. Порицает их с великою строгостию, говоря: «если вы ставите мне в славу то, что я не отягощал вас, но проповедовал вам Евангелие, не вводя вас в издержки, то прошу снисхождения; простите мне эту вину». Вместе с тем слова эти содержат и похвалу им, поскольку они считали за обиду то, что он не удостоил ничего взять от них.

14. ***Вот, в третий раз я готов идти к вам, и не буду отягощать вас, ибо я ищу не вашего, а вас. Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей.***

Чтобы не показалось, что он постоянно выставляет свое бескорыстие, – как бы намереваясь что-нибудь принять после, поэтому говорит: не потому я не иду к вам, что ничего не беру, я уже был у вас во второй раз, готовлюсь уже отправиться в третий раз и не отягощу вас. Для чего? не потому, что вы страшитесь, и не потому, что вы слабы, а потому, что ***ищу не вашего, а вас,*** то есть вашего спасения и душ, а не имущества.

Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей. Поскольку они, вероятно, сказали бы: нельзя иметь и нас, и наше, потому ты и не расположен к нам, – то он приводит основание, что родители должны давать детям, употребляя слова – «родителей» и «детей» вместо «учителей» и «учеников» и показывая таким образом, что он строго выполняет свою обязанность и свое дело.

15. ***Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами.***

Я, говорит, не только ничего не возьму от вас, но скорее, дам вам, ибо таков смысл слова ***издерживать.*** **И** что я говорю: ***издерживать*** деньги? сам я ***истощать себя,*** то есть если для спасения душ ваших мне нужно будет лишиться тела, то я не пощажу его.

Несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами. В этих словах выражается как осуждение, так и любовь. Я делаю это, говорит он, ради любимых мною, но не любящих меня взаимно. Смотри, сколько степеней имеет это самоотвержение; он не взял должного ему; вторая – будучи нуждающимся; третья – проповедуя им; четвертая – отдает; пятая – не просто, но щедро, ибо от недостатка; шестая – себя самого; седьмая – за любящих несильно; восьмая – за сильно любимых.

16–17. ***Положим, что сам я не обременял вас, но, будучи хитр, лукавством брал с вас. Но пользовался ли я чем от вас через кого-нибудь из тех, кого посылал к вам?***

Смысл этих слов следующий: самке ***обременял вас,*** но кто-нибудь может заподозрить, что я, ничего не принимая сам, научил, как человек хитрый, посланных от меня, чтобы они от своего лица попросили у вас чего-либо, чтобы при помощи этой хитрости, взимая, казаться не взимающим. Справедливо ли это, – смотрите и разумевайте. Называет же дело это ***лукавством*** с целию упрекнуть и пристыдить их, и показать, что они могли давать против воли и как будто вследствие обмана, – ибо в том и состоит лихоимство, чтобы взять у кого-либо против воли. Для них величайший позор, если они считают себя жертвою лихоимства потому, что питают учителя.

18. ***Я упросил Тита и послал с ним одного из братьев: Тит воспользовался ли чем от вас? Не в одном ли духе мы действовали? Не одним ли путем ходили?***

И в этих словах заключается некоторый упрек. Он не говорит: я послал, но: умолил, показывая, что если Тит и взял что-либо, то взял по праву, потому что пришел по просьбе, но он все-таки остался чистым. Вместе с ним он послал и другого некоторого брата.

Не в одном ли духе мы действовали? То есть не тем же ли даром духовным? Даром он называет бескорыстие среди стеснительных обстоятельств и, хотя оно было его делом, приписывает его Богу.

Не одним ли путем ходили? И они, посланные мною, ни в чем не отступили от моего пути, но показали ту же строгость к себе. Заметь же, как Павел не только самого себя утвердил в этой строгости, но и своих сотрудников, научив их не пятнать себя даже справедливым взиманием.

19. ***Не думаете ли еще, что мы только оправдываемся перед вами? Мы говорим пред Богом, во Христе, и все это, возлюбленные, к вашему назиданию.***

Он боялся, чтобы не навлечь на себя упрека в угодничестве, и потому говорит: мы говорим это не для того, чтобы снискать ваше расположение, и не для того, чтобы оправдать себя, но перед лицем Бога, ***во Христе,*** то есть ради Христа. Итак, мы говорим то, что было на самом деле, и что известно Богу, а не для того, чтобы снискать ваше расположение. То же самое он сказал и в самом начале.

И все это, возлюбленные, к вашему назиданию. Не сказал – «я делал все это и не принимал от вас, потому что вы слабы» (ибо это было бы слишком жестко), но ***к вашему назиданию,*** чтобы вы, говорит, не соблазнялись обо мне, – для того я не принимал, для вашей же пользы.

20. ***Ибо я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете: чтобы не найти у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков.***

Видишь ли, какое отеческое попечение? Другие согрешили, а Павел устрашается, и непрямо высказывает свою мысль, но с сомнением. ***Чтобы мне, по пришествии моем,***

говорит он, ***не найти вас такими, какими не желаю,*** развращенными, и по необходимости ***чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете,*** то есть отмстите л ем и наказывающим.

Чтобы не найти у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков. Ему следовало поставить на первом месте ***гордость,*** потому что они кичились над ним, но чтобы не показаться ищущим своего, он сначала говорит о том, что имеет общее значение; ибо от зависти и клеветы происходит все остальное, и в свою очередь всем остальным возжигается зависть. ***Ябедами*** называется то, когда кто-либо заводит тяжбу с другим о чем-нибудь; ***гордостью*** – высокомерные и надменные обычаи, или то, когда самомнение становится как бы природою кого-либо; ибо, кичась над ним, они почитали лжеапостолов.

21. ***Чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали.***

То есть достаточно выше сказанного, и я боюсь, что, пришедши к вам, принужден буду поступить с вами строго. Унижением, таким образом, он называет нужду сильно наказать кого-либо, хотя многие считают это за честь себе. И не сказал он «да не смирюсь», но – ***чтобы не уничижил меня у вас Бог мой,*** показывая, что сделал бы это ради Бога. И если бы дело не касалось Бога и Его заповедей, то он сам по себе не показался бы таким строгим. Словами ***Бог мой*** он показывает пламенную любовь к Богу.

И чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали. Заметь мягкосердечие апостола: он болезнует о беззакониях других. Не сказал «всех», но ***– многих,*** и непросто ***которые согрешили, –*** **но** и ***не покаялись,*** потому что пребывающие в язве достойны соболезнования. Он также не открывает их, давая им удобный путь к покаянию; ибо для того он и упомянул о покаянии, чтобы они к оному обратились и чтобы, когда придет, ему не пришлось их наказать, и потому сокрушаться, то есть крайне печалиться. Заметь еще, что о покаянии он упомянул ради новатиан.[23] Под грехом разумей всякую нечистоту, потому что всякий грех оскверняет. Или же, в частности, – мерзости плотского смешения; ибо в Коринфе был не один прелюбодей, но многие, и притом во многих видах сладострастия.

---

[23] Новатианами назывались последователи Новатиана, пресвитера римской Церкви (III в.). Они отрицали навсегда право возвращения в Церковь отпавшим от нее во время гонений на христиан, сколько бы таковые после ни каялись. – ***Примеч. ред.***

Глава тринадцатая

1. ***В третий уже раз иду к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово.***

Как Сам Бог много угрожает, но всегда медлит наказанием, так и Павел, подражая Ему, собирает наперед много свидетелей, говоря: как написано, что при двух или трех свидетелях будет твердо, то есть утвердится, всякое слово (см. Втор. 17, 6), так и тремя моими пришествиями каждое угрожающее слово мое определено и подтверждено будет против вас, если вы не покаетесь. Ибо он на место свидетелей ставит свои пришествия.

2. ***Я предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу.***

Прежде сказал вам, и опять говорю: как во второе пришествие, находясь у вас, сказал, так и ныне этим посланием возвещаю вам, – тем, которые согрешили, как нуждающимся в исправлении, прочим же, как свидетелям, – что, когда приду опять, не пощажу. Не сказал: накажу, но употребил отеческое слово пощады; ибо если найду, говорит, не исправившимися, то не стану откладывать долго.

3. ***Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне: Он не бессилен для вас, но силен в вас.***

С великим негодованием говорит он это презиравшим его, как человека слабого и достойного презрения. Он говорит как бы так: поскольку вы желаете испытать, пребывает ли во мне Христос, и смеетесь надо мною, как над человеком слабым и не имеющим в себе Христа, то вы поистине узнаете это, если не исправитесь. Он показывает, что слова, которые говорит он, духовны и должно бояться его угрозы, как бы ее высказал Сам Христос. Не для того хотел наказать их, чтобы доставить им опыт и знание, но что вы, говорит, неисцельно согрешаете. Если я, говорит, принужден буду наказать вас, то вы узнаете на самом деле то, что стараетесь узнать.

Он не бессилен для вас, но силен в вас. Почему прибавляет ***для вас,*** когда Христос повсюду силен? Потому, вероятно, что они прежде уже испытали Его силу. Таким образом он выражает такую мысль: поскольку вы прежде видели опыты, то уже вполне знаете, что Он ***не бессилен для вас,*** но ***силен,*** то есть имеет силу. Или же слова эти имеют такой смысл: Он показывает над вами Свою силу в этой жизни, когда вы можете исправиться, – поражает вас теперь, чтобы помиловать в день суда; на неверных же покажет Свою силу в самый день суда. Вместе с тем он показывает, что хотя и накажет, но накажет не сам, а Христос.

4. ***Ибо, хотя Он и распят в немощи, но жив есть силою Божиею; и мы также, хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божиею в вас.***

Многие соблазняются этими словами; но знай, что немощью называется и слабость тела; немощью также называется нетвердость в вере, как в словах: ***немощного в вере принимайте*** (Рим. 14, 1); немощию, наконец, называются ковы, опасности, унижения, как в словах: ***благодушествую в немощах*** (2 Кор. 12, 10), и т. п. В этом последнем смысле Господь распят был ***в немощи,*** как потерпевший преследования, опасности и оскорбления; ибо все это кажется происходящим от немощи. Поэтому, как проповедь Павел называет ***безумием*** (1 Кор. 1, 21) не потому, чтобы она была буйством на самом деле, а потому, что так о ней думали неверные, так же точно он говорит, что Господь распят был в немощи, не потому, чтобы так это было на самом деле, но потому, что так представлялось неверующим. Но Он ***жив силою Божиею,*** то есть силой Отца или Своей собственной, ибо все, что принадлежит Отцу, принадлежит и Ему, и все, что Ему принадлежит, принадлежит и Отцу. Таким образом, Им обща и сила, или лучше – Он Сам есть сила Отца. Так Он Сам воскресил Себя согласно с собственным предсказанием: ***разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его*** (Ин. 2,

19). Все это Павел говорит потому, что Его презирали, как гонимого и терпящего напасти, приписывает их немощи и показывает, что Христос от этой, как думают, немощи не потерпел нисколько вреда.

И мы также, хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божиею в вас. То есть, мы терпим преследования, нас гонят, ибо в этом и состоит немощь. ***В Нем,*** то есть ради Него и Его слова. И как Он не потерпел вреда, подвергшись злоумышлениям, так и мы не потерпим, но ***будем живы с Ним,*** то есть явимся непобедимыми ***в вас,*** то есть ради вашего спасения. Может быть также, что в этих словах он устрашает их: хотя вы и думаете, что мы немощны, но мы живы в вас, то есть чтобы наказать вас, если не исправитесь.

5. ***Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть.***

И что я говорю о себе самом, что во мне говорит Христос, что я силен, хотя подражаю Ему распятому и не приступаю к наказанию. Ибо и вы, если захотите испытать себя, увидите в себе Христа, поскольку все вы имеете веру, – или веру обыкновенную, или частнее – веру чудодейственную (ибо верующие тогда творили чудеса). Таким образом, если в вас учеников моих Христос, то тем более во мне, учителе.

Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть. То есть если вы не лишились дара чудотворений, который получили. Намекает, что они живут беззаконно; ибо многие, имея веру, не имели силы творить чудеса, потому что жили беззаконно. Смысл слов следующий: вы, кажется, не знаете самих себя, – того, есть ли в вас Христос? Его нет в вас, потому что вы ***не то, чем должны быть*** (по-славянски: «неискусны») по жизни. Но он выражает эту мысль не прямо, а говорит неопределенно, чтобы не поразить их.

6. ***О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны.***

В этих словах заключается сильная угроза; ибо смысл их таков: вы желаете приобрести сведение посредством наказания; и я надеюсь, что мы будем в состоянии дать вам доказательство того, что мы ***то, чем быть должны,*** и не лишились дара знамений и сил. Или же: мы не развратились в своей жизни до того, чтобы Христос должен был оставить нас. Он пребывает в вас, вследствие нашей благочестивой жизни и накажет неверующих, находящихся среди вас.

7. ***Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть.***

Заметь его милосердие. Его презирали, поносили, как человека, не имеющего силы и только хвалящегося на письме; а он не только отменяет наказание, но и умоляет их не согрешать, чтобы не довести его до необходимости наказать. Ибо я не о том стараюсь, чтобы явиться ***чем должен быть,*** и имеющим силу наказывать, но чтобы вы всегда делали добро и каялись, если согрешите; и пусть я буду считаться ***не тем, чем должен быть,*** то есть пусть я буду для многих казаться слабым и бессильным как не нашедший возможности наказать вас. Он не желал быть на самом деле «неискусным», напротив, он явил себя искусным, научая своих учеников не согрешать ни в чем, а сказал – ***мы казались и не тем, чем должны быть.***.

8. ***Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину.***

Чтобы не показаться льстящим, он говорит: я вовсе не из тщеславия делаю это, то есть утверждаю, что мы не будем иметь силы наказать вас, когда найдем вас не падшими. Если даже мы и попытаемся сделать это, то Бог не окажет нам Своей помощи; ибо Он дал нам силу для того, чтобы мы произносили суд сообразно с истиною, а не против ее: истинный же суд произносит тот, кто наказывает заслуживающего наказания; а тот, кто пытается наказать не согрешившего, поступает против истины.

9. ***Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве.***

Слова эти показывают сильную преданность апостола к коринфянам; ибо смысл его слов таков: не подумайте, что я печалюсь о том, что не могу показать на вас свою силу в том случае, когда не преткнетесь. Напротив, я весьма рад, когда сам ***немощен,*** то есть считаюсь немощным, как не показывающий никакой силы в наказании вас, и когда вы ***сильны,*** то есть добродетельны и свободны от падений.

О сем-то и молимся, о вашем совершенстве. Смысл слов его таков: я не только желаю этого, но и молюсь, чтобы вы были безупречными и непорочными, то есть совершенными, не дающими никакого повода к наказанию.

10. ***Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению.***

Сильно устрашив и выставив угрозы, теперь представляет оправдание этого. Я потому так написал, что желаю, чтобы угрозы и строгость остались только на письме и не осуществились на самом деле; ибо я непременно накажу не исправившихся, так как Господь дал мне власть. Этим он показывает, что через него наказывает Сам Господь. Показывая же, что не желает пользоваться своею властию для их наказания, прибавляет: ***к созиданию, а не к разорению,*** то есть Господь не хочет разорять или наказывать, но созидать, то есть благотворить. Однако же наказывать неисправимых есть созидание.

11. ***Впрочем, братия, радуйтесь, у совершайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, – и Бог любви и мира будет с вами.***

Я, говорит, сделал свое дело; вам осталось поступить соответственно мне. Ибо если вы исправите свою жизнь, то приобретете неувядаемую радость в совести, хотя я и опечалил вас словами.

У совершайтесь. То есть будьте совершенными и в учении, и в жизни, и восполните то, чего недостает вам.

Утешайтесь. Поскольку было много искушений и опасностей, то он говорит им: ищите утешения в себе самих, друг в друге и в собственном изменении на лучшее; ибо совесть благая есть великое утешение.

Будьте единомысленны, мирны. Об этом он просил их, как находящихся в несогласии, и в первом своем послании (1 Кор. 1, 10). Единомыслие относится к догматам, а согласием, – понятие, противоположное раздору, называются известные отношения людей друг к другу. Поэтому Павел требует того и другого.

И Бог любви и мира будет с вами. **Не** только убеждает их, но и молится о них. Или же в словах сих заключается не молитва, а предсказание того, что если вы взаимно будете сохранять мир, то Бог будет с вами. Бог называется Богом любви или потому, что Он есть источник ее, или потому, что Он обильно являет ее в нас, или же потому, что где любовь, там и Он и является ее Господом. Также Богом мира называется или потому, что есть источник его, или потому, что примирил небесное с земным, или же потому, что Он Господь его, как собственности.

12. ***Приветствуйте друг друга лобзанием святым. Приветствуют вас все святые.***

Не притворным и коварным, подобно Иудиному. Поскольку для того мы и целуем друг друга, чтобы более воспламенить любовь, ибо через уста преимущественно перед другими членами соединяются души лобзающихся. Также и входя в домы, мы целованием выражаем свое единение. Или же, поскольку мы храм Божий, уста же – преддверие этого храма, то мы целуем это преддверие, ибо через него входит в нас Христос во время причащения.

Приветствуют вас все святые. Присутствующих он объединяет целованием, отсутствующих же приветствием; но и тут соединяют уста, потому что приветствие от них исходит.

13. ***Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами. Аминь.***

Соединив всех, он, по своему обыкновению, молит да будет на них благодать Сына, через которую Сей спас нас, – не делами нашими, но благодатию, Сам потерпев заклание за нас. И затем, как бы будучи спрошен – откуда эта благодать Сына? отвечает: из любви Отца. Что же производит она? Общение Святого Духа, то есть причастие и приобщение Его, в силу коего мы освящаемся, – сделавшись, вследствие вселения в нас Утешителя, причастными Его, и сами становимся духом, не по природе, но через общение. Какое же основание имеют отвергающие Духа по той причине, что Павел не упомянул о Нем в начале посланий? Здесь он упоминает и сполна перечисляет Троицу, Которая да сохранит нас твердо держащимися догматов и провождающими непорочную жизнь, чтобы мы были совершенными рабами в Троице совершенного Бога, Которому слава во веки веков. Аминь.

Толкование на Послание к Галатам

Предисловие

Вступление, и все почти послание, исполнено сильного негодования: ибо постоянная снисходительность к ученикам, требующим выговора, не свойственна учителю. И Сам Господь делает то же: похвалив Петра, потом его порицает (см. Мф. 16, 17 и 23), и учеников называет неразумными (см. Мф. 15, 16). Так и Павел прибегал к строгости и в других посланиях, как, например, к коринфянам; особенно прибегает к ней в Послании к Галатам. Причина этому следующая. Уверовавшие из иудеев, отчасти держась отеческого закона, а отчасти домогаясь быть учителями, внушали галатам, что должно обрезываться и соблюдать субботы и новомесячия, так как ученики Петра не запрещали этого. И действительно, они не запрещали, но не потому чтобы так учили, а снисходя к немощи уверовавших из иудеев, которым они и проповедовали. А Павел, проповедуя язычникам, не имел нужды в таком снисхождении. Когда действительно было нужно, и сам он делал уступки: обрезал Тимофея и сам принял назорейство по закону. Но обманщики, не говоря о причинах, по которым и ученики Петра, и сами они делали это, смущали простодушных, и в вину Павлу ставили то именно самое, что он то обрезывает, то отвергает обрезание, и проповедует в одном месте одно, в другом – другое, и вообще не должно будто бы верить Павлу, который не видел Христа, не Его ученик, а апостолов, но что должно держаться бывших с Петром, как самовидцев. По этой-то причине воспылав духом, он пишет это послание, и прежде всего направляет свою речь против того, что они говорили, подрывая его достоинство, именно, что прочие – ученики Христовы, а он – апостолов. Поэтому он и начинает таким образом:

Глава первая

1. ***Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых.***

Тотчас же и отвергает, что он ученик людей. Ибо не люди, но свыше и от неба он призван, и не через человека, но через Самого Христа. Ибо хотя крестил его Анания, но не он призвал к вере, а с неба Христос. Почему же он не сказал: «Павел призванный», но – ***Апостол!*** Потому что о том и была вся речь: говорили, что людьми он избран в апостолы. Против этого-то он и восстает, показывая, что это неверно.

Но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых. А книга Деяний говорит еще, что Духом он избран на апостольство (см. Деян. 13, 2). Итак, ясно, что едина воля Сына, и Духа Отца. Заметь также то, что предлог ***через*** относится и к слову «Отец», а Сын поименован впереди – это ради еретиков, которые очень заняты были этим. Очень кстати упоминает о смерти и воскресении, именно чтобы убедить впредь не держаться закона, который ничего не принес для них, но Христа, за них умершего и воскресшего; и потому удаляться от такого Благодетеля есть великое неблагоразумие. Говорит же, что воскресил Его Отец, с одной стороны, по немощи слушателей, а с другой, потому, что все, что творит Сын, относится к Отцу. Ибо не бессилен был воскресить Себя Тот, Который даже уверовавшим в Него дал силу воскрешать мертвых посредством одной тени своих тел.

2. ***И все находящиеся со мною братия – церквам Галатийским.***

Так как клеветали, что он один это проповедует, то показывает теперь, что и другие многие разделяют его мнение.

Церквам Галатийским. Обрати внимание на его негодование и скорбь. Не сказал ведь он «возлюбленным, освященным, или церквам Божиим», а просто – ***церквам Галатийским.*** **А** так как они разногласили между собою, то вполне справедливо называет их многими церквами, и вместе с тем, к пробуждению в них стыда, соединяет их в одно посредством этого имени – церкви. Ибо те, которые разногласят между собою во многом, не могут называться этим именем, которое означает согласие.

3. ***Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа.***

Так как они находились в опасности лишиться благодати из приверженности к закону, то он им ее и желает; и так как они враждовали против Бога, установляя подзаконное, что Он отменил, то призывает их к миру.

От Бога Отца. Бог стал Отцом вашим. Каким образом! Через закон ли, к которому вы склоняетесь, или через крещение Христово? Как же после этого вы отвергаете Благодетеля?

И Господа нашего Иисуса Христа. Не закон наш господин, но Христос Иисус. И самые даже имена указывают на Его благодеяния. Ибо Иисусом называется, как избавивший народ от грехов; а Христом – от помазания Духа, которым помазан ради нас, освятив нашу природу Своим воплощением и дав нам право так называться.

4. ***Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, по воле Бога и Отца нашего.***

Вот Он предал Себя. Итак, не как раб оказал услугу. Поэтому, когда ты слышишь, что Он от Отца предан, разумей соизволение и хотение Отца. Предал же Он Себя для того, чтобы освободить нас от грехов, от которых закон не в силах был избавить. Как же после этого, оставив Освободившего, вы покоряетесь закону, который не оказал никакой пользы.

Чтобы избавить нас от настоящего лукавого века. Манихеи опираются на это изречение, говоря, что вот он назвал лукавым настоящий век, то есть нашу жизнь. А это не так. Ведь не дни лукавы сами по себе (так как что же лукавого в солнечном движении или в смене дней), и не жизнь наша дурна сама по себе, – да и каким образом, когда мы в этой жизни

познаем Бога и любомудрствуем о будущем? Но лукавым веком он называет порочные действия и испорченную волю. Подобно тому, как и мы имеем обыкновение говорить: ужасный день провел я, порицая не время, а обстоятельства и действия. Ибо не для того умер Христос, чтобы умертвить нас и изъять из настоящей жизни, а для того, чтобы на остальное время избавить нас от злых действий. Так как сказал выше, что Он предал Себя за наши грехи, то есть освободил нас от прежде бывших прегрешений, он потом прибавляет, что и на будущее время Он дал несомненное доказательство, что избавит нас от худого образа жизни. А закон не очистил и прежде бывших грехов, и против будущих бессилен.

По воле Бога и Отца нашего. Так как они думали, что, оставив закон, не повинуются Богу, то он исправляет это предположение их, показывая, что воля Отца – освободить их через Сына. Видишь, не сказал – «по повелению Отца», но – ***по воле,*** то есть по благоволению. А назвав Бога Отцом нашим, он опять напоминает о Благодетеле Христе, Который Отца Своего соделал и нашим Отцом. Как же после этого вы отвергаете Его?

5. ***Ему же слава во веки веков. Аминь.***

Не употребляя нигде во вступлении слова ***аминь,*** здесь поставил, показывая, что эта речь им кончена и что для обвинения галатян достаточно сказанного. И напомнив о неизреченных благодеяниях Божиих, в которых уже заключается осуждение их, как оставивших своего Благодетеля Христа, затем проникнутый изумлением перед сими благодетелями и не находя ничего еще сказать о них, заключает свою речь славословием.

6. ***Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию.***

Показывает, что он имел о них высокое мнение. Ибо дивлюсь, говорит он, что вы, столь потрудившиеся в вере, так скоро уклоняетесь. Тут две вины: ***переходите*** и ***скоро,*** так что обольстители не нуждались и во времени, что свидетельствует о легкомыслии приемлющих их учение. И не сказал – «перешли», но – ***переходите,*** то есть я еще не верю и не думаю, что обольщение уже совершилось. Пойми мудрость. Так как они, держась закона, думали служить Отцу, то он говорит, что те, которые держатся закона, удаляются от Отца: ибо говорит: ***от призвавшего вас,*** то есть от Отца. ***Благодатью Христовою,*** то есть они оправданы Христом, не за дела, а по благодати. Ибо хотя Сын дарует прощение грехов благодатию, но Отец призывает к ней.

7. ***Которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово.***

Так как обольстители свое заблуждение называли «евангелием», то он возражает и против этого наименования, говоря, что нет другого Евангелия, кроме того, которое вы приняли. Ибо одно есть Евангелие, содержащее правильное учение, которое я вам проповедал, если бы только некоторые не смущали ваших душевных очей и не заставляли вас видеть одно вместо другого, желая извратить Евангелие Христово. Правда, они не все Евангелие ниспровергали, а вводили только заповедь о субботе и обрезании, однако ж он показывает, что и небольшая порча ниспровергает все Евангелие, – подобно тому, как отрубивший небольшую часть от царской монеты, делает негодной всю монету. Заметь, это сказано для тех, которые говорят, что это мелочь и не стоит внимания. А маркиониты, ухватившись за это изречение, говорят, что на этом основании должно принимать не четыре, а одно «евангелие», которое они составили, иное принимая, другое отбрасывая. Вот и Павел, говорят они, утверждает, что одно Евангелие. А что это значит? Как мы говорим, что четыре Евангелия составляют одно, конечно по их согласию, так и Павел говорит здесь не о числе, а о разногласии. Так как, говорит он, проповедь этих обольстителей не согласна, поэтому она не есть Евангелие, если же бы была согласна, то была бы Евангелием, то есть проповедью апостольской. Таким образом, мнение Маркиона – пустая болтовня.

8. ***Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что благовествовали вам, да будет анафема.***

Чтобы кто-нибудь не сказал, что он по честолюбию восхваляет свое собственное учение, то он и самого себя анафематствует. И так как они прибегали к авторитету и ссылались на Петра и Иакова, поэтому упомянул и об ангелах. Прибавил же слово – ***с неба,*** потому что и священники назывались ангелами. Итак, чтобы ты не подумал, что говорит о священниках, он, указанием на небо, обозначил вышние силы. И не сказал: если противное будут проповедовать, но – если нечто малое будут возвещать вам сверх того, что мы вам возвестили. Итак, подвергая анафеме ангелов и себя, он отвергает всякий авторитет[24] и содружество в деле веры. Не говори мне, что твои соапостолы проповедуют другое; я самого себя не пощажу, если не буду благовествовать. И говорит он это не в унижении апостолов, а желая заградить уста обольстителям и показать, что не признает авторитета, когда заходит речь о догматах.

9. ***Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема.***

Чтобы не подумали, что сказал он это в гневе и увлечении, снова повторяет то же, показывая, что так высказался не необдуманно, а твердо и непоколебимо решив это в самом себе.

10. У *людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым.*

Он намеревается защищаться против того, в чем его обвиняют. Однако чтобы они не возгордились, как судьи своего учителя, он говорит: не думайте, что я защищаюсь перед вами или стараюсь убедить вас; нет, вся мысль и речь моя направлены к Богу. Поэтому и пишу это не с тою целью, чтобы добиться славы у вас и иметь учеников, но с тем, чтобы быть правым пред Богом относительно догматов, а не из желания угождать людям. Или же так: поскольку клеветали на него, что одним он проповедует одно, а другим – другое и приноравливается к людям, то он спрашивает их: людей ли я стараюсь уверять и им угождать, или Богу? Ибо если бы я желал людям угождать, то непременно делал бы то, что вы говорите.

Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым. Доказывает, что он не заботится об угождении людям, – да и зачем бы он стал или льстить им, или проповедовать одним одно, а другим – другое? Ведь если бы я об этом заботился, то не отступил бы от иудейства и не обратился бы ко Христу; не пренебрег бы родственниками, друзьями, такой славой и не избрал бы преследования, опасности и бесчестие.

11. *Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое.*

Хочет показать им, что он истинно отступил от закона, и для этого напоминает о прежней своей жизни и о резкой перемене, показывая, что он не перешел бы вдруг (от иудейства), если бы не имел некоего Божественного удостоверения. Поэтому и говорит: ***Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое,*** то есть не человека я имел учителем, а был учеником Самого Христа.

12. *Ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа.*

Так как клеветники говорили, что он не был, как прочие апостолы, непосредственным слушателем Христа, а все принял от людей, то он говорит, что открыл мне Евангелие Сам Тот, Который научил и Петра, и других.

13. *Вы слышали о моем прежнем образе ни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее.*

---

[24] То есть апостол Павел считает единственным для себя авторитетом Самого Христа.

Откуда видно, что через Божественное откровение получил я Евангелие? Из прежней моей жизни. Ведь будучи таким гонителем, как бы я мог вдруг измениться, если бы не извлекло меня некое Божественное явление? А что я был ревностным гонителем, видно из того, что слышали об этом и вы, галатяне, столь далеко живущие от Иудеи.

Что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее. Заметь, как сильно он выражается. Ибо не сказал – ***гнал,*** а – ***жестоко гнал.*** И не только это, но даже ***опустошал,*** то есть пытался разрушить до основания и истребить, – ведь в этом состоит дело разрушителя.

14. ***И преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий.***

Всех, говорит он, сверстников я превзошел горячностью, и в войне против Церкви шел впереди; иначе: был в чести у иудеев. Но не думай, что это было делом тщеславия или гнева, а из ревности. Итак, если я боролся против Церкви не по человеческим каким-нибудь расчетам, но из ревности по Боге, – хоть и заблуждался, то как же теперь, когда познал истину, стал бы я проповедовать, из любви к человеческой славе, что-нибудь другое, а не то, что повелевает истина и чему научил меня Христос.

15. ***Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил.***

Если от чрева матери он предназначен был к благовестию и избран Богом, то, конечно, по некоторому Божественному распоряжению оставался некоторое время в иудействе, без сомнения, для того, чтобы эта столь резкая перемена в нем привлекла многих к вере и утвердила в ней. Избрал же его Бог не по жребию, а по предведению, что он достоин.

И призвавший благодатью Своею, благоволил. Хотя Бог призвал его за добродетель, ибо сказано: ***Он есть Мой избранный сосуд*** (Деян. 9, 15), – но он скромно говорит, что призван благодатию не по достоинству, а по милости.

16. ***Открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью.***

Не сказал – «открыть мне», но – ***во мне,*** показывая тем, что получил наставление не словесное только, но и сердце его исполнилось многого Духа, так как знание это напечатлелось во внутреннем человеке и Христос в нем говорит.

Чтобы я благовествовал Его язычникам. Бог открыл мне Сына не с тем только, чтобы я познал Его, но и для того, чтобы проповедовать Его другим. Потому что не только то, что он уверовал, но и то, что он был избран для проповеди, – было от Бога. Как же после этого вы говорите, что люди меня учили? И не просто, ***чтоб я благовествовал Его,*** но – ***язычникам.*** Так как же бы я мог язычникам проповедовать обрезание?

Я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью. То есть не пошел на совещание к апостолам, ибо их он называет плотию и кровию именуя их так по естеству; или же говорит это вообще о всех людях, потому что в деле веры никакой человек не был его учителем.

17. ***И не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск.***

Каким образом мог сказать это апостол? Неужели он настолько возгордился, что считает себя самодовлеющим и не имеющим нужды в советниках? И разве он не слышал изречения: ***не будь мудрецом в глазах твоих*** (Притч. 3, 7); и: ***горе тем, которые мудры в своих глазах*** (Ис. 5, 21)? Нисколько. Но так как клеветники его говорили, что должно слушаться апостолов, а не его, и что те были апостолами прежде его, то он принужден был сказать это, чтобы унять обольстителей. Да и неразумно было бы наученному Богом потом внимать людям. Итак, не по превозношению говорит он это, а чтобы показать достоинство своей проповеди. Правда, он приходил и в Иерусалим, но не с тем, чтобы учиться, а с тем, чтобы

убедить других, что и живущие в Иерусалиме думают так же. Потом не тотчас пришел, то есть в начале, а после, да и то для убеждения других.

А пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Он ходил по местам невозделанным и диким; так как если б он оставался между апостолами, то проповедь его встретила бы препятствия и не так быстро бы распространялась. Поэтому он пошел к самым диким народам. Но обрати внимание на смирение: перечисляя города, он нигде не сказал, сколько обратил, хотя в Дамаске он в такое смятение привел иудеев, что подвергся преследованию со стороны этнарха. Итак, если кажется, что он говорит много о себе, то говорит не ради тщеславия, но для того, чтобы не потерпела ущерба его проповедь, если ему не станут верить, как человеку простому и ученику учеников.

18. ***Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать.***

И это доказательство смирения: столько совершивший, он отправился к Петру не из-за пользы какой-нибудь, а ради простого свидания, оказывая ему честь как высшему. Поэтому не сказал – «видеть Петра», а ***видеться*** (по-славянски: «соглядати»), как выражаются изучающие великие и прекрасные города; подобно тому, как и мы отправляемся к святым мужам, но мы, скорее, для пользы, а он ради одной чести.

И пробыл у него дней пятнадцать. Свидание – выражение чести, а пребывание – выражение дружбы и горячей любви. И не сказал, что учился, но – ***пробыл у него,*** вместо «с ним».

19. ***Другого Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня.***

Хоть для Петра он пришел, – так он его почитал и любил, но видел и Иакова, и о нем он также упоминает с почтением, называя его ***братом Господним, –*** так далек он был от зависти! И действительно, если б он хотел отличить, то назвал бы его сыном Клеопы. Ведь по плоти он не был братом Господним, а только считался. Как же он приходился сыном Клеопе, слушай: Клеопа и Иосиф были братья; когда Клеопа умер бездетным, Иосиф восстановил ему семя и родил сего и других его братьев и Марию, которую, хотя она была дочерью Клеопы, Евангелие называет сестрой Матери Господа, так как Иосиф по отношению к Пресвятой Деве сохранял, скорее, заботливость отца, чем расположение мужа.

20. ***А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу.***

Как бы намереваясь дать показание перед судом, он прибегает к сим словам, чтоб показаться самым достойным доверия.

21–23. ***После всего отошел я в страны Сирии и Киликии. Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен, а только слышали они, что гнавший их некогда ныне благовествует веру, которую прежде истреблял.***

Только ради свидания с Петром явившись в Иудею, он опять оставляет ее, по той причине, что был послан проповедовать язычникам и для того, чтобы не предпринимать постройки на чужом основании. Поэтому, говорит он, меня и не знали в лицо христиане в Иудее. Итак, как же я мог бы проповедовать им обрезание, когда меня и в лицо они не знали? Так как клеветали на него, что в Иудее он проповедовал обрезание. А они только слышали обо мне, что я обратился ко Христу и благовествую о Нем.

24. ***И прославляли за меня Бога.***

И это признак скромности. Ибо не сказал: дивились мне, восхищались мною, а приписал все случившееся действию благодати. Ибо ***прославляли за меня Бога,*** все, действительно, творящего.

Глава вторая

1–2. ***Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению, и предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался.***

Причиной первого путешествия был Петр, а второго откровение. А Тита и Варнаву привел в качестве свидетелей своей проповеди, что она угодна была апостолам.

И предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам. То есть благовествование без обрезания. Зачем же спустя столько лет он предложил им его, когда нужно было в начале это сделать и узнать, хорошо ли он поступает или нет? Ибо неразумно, чтобы тот, который подвизался столько лет, после этого имел нужду в наставлении, если только не вотще он подвизался. Но если бы он приходил с целью получить наставление относительно собственного служения, это действительно было бы неразумно. А так как он видел, что многие соблазняются тем, что Петр допускает обрезание, а он не обрезывает и через это подвергается подозрению в нарушении закона, то и пришел в Иерусалим по откровению, по внушению Святого Духа, чтобы убедить соблазняющихся, что нет никакого разногласия в проповеди, а что допускающие обрезание благоразумно делают снисхождение, как проповедующие обрезанным; что же тут неразумного? Ибо для исправления других Святой Дух подвигнул его идти, и он естественно повиновался.

Особо знаменитейшим. По причине того, что много было соблазняющихся, Павел беседует ***особо*** наедине с учениками Петра, чтобы не возникла распря и чтобы предотвратить больший соблазн. Ибо весьма много было соблазняющихся, и если бы они услышали, что Павел открыто отвергает обрезание, то произошла бы смута и все пришло бы в смятение. Поэтому-то он беседует наедине, имея свидетелями Тита и Варнаву, которые бы могли объявить всем людям, что и апостолы не нашли ничего противного в его проповеди. А называя их ***знаменитейшими,*** не отвергает их значения, но рядом со своим ставит и общее всех признание, подобно тому, как и о себе сказал: ***думаю, и я имею Духа Божия*** (1 Кор. 7, 40), не отвергая бытие этого дара в себе, но указывая на общее мнение. Итак, ***знаменитейшим,*** то есть великим, славным.

Не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался. То есть чтобы научить соблазняющихся относительно меня, что я не напрасно подвизаюсь, а не чтобы самому учиться; ибо как учиться мне, когда я получил от Отца откровение о Сыне и Его Евангелии?

3. ***Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться.***

Необрезанный Тит, говорит он, не был принуждаем обрезаться. А это служит важнейшим доказательством того, что и апостолы допускали обрезание не в качестве закона, а по некоему домостроительству (то есть как временную меру благоразумного снисхождения к немощным), ради верующих от обрезания, – и того, что не могли порицать проповеди Павла, ученик которого был необрезан.

4. ***А вкравшимся лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас.***

Порядок речи следующий: даже ради пришедших лжебратий Тит не был принуждаем обрезаться, то есть хотя мои противники и присутствовали, но апостолы даже ради них не принудили Тита обрезаться. Как же он называет лжебратией настаивающих на обрезании, если и апостолы принимали его? Потому что апостолы допускали обрезание из снисхождения к верующим от обрезания, как проповедник иудеям; а те, – как узаконите ли обрезания по принципу и как бы защитники закона; поэтому-то он и называет их лжебратиями. А выражением: ***скрытно приходившим*** указывает на их коварный замысел, и с ловом ***подсмотреть***

– дает разуметь, что они враги. Ведь в соглядатаи не для чего-нибудь иного приходят, как именно выведать все и облегчить себе путь к разрушению и порабощению. Это самое они и делали. Ибо они наблюдали, кто – необрезанные, имеющие свободу во Христе, то есть не подчиняющиеся закону, чтобы напасть на них и принудить обрезаться, и снова подвергнуть нас рабству закона, от которого освободил нас Христос. Итак, отсюда ясно, что апостолы допускали подзаконное, чтобы мало-помалу освободить от этого рабства, а те действовали так, чтобы закрепить это рабство.

5. ***Мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас.***

Не сказал – «слову не уступили», но – ***не покорились,*** потому что не для научения нас чему-нибудь они делали это, а для подчинения и порабощения. Поэтому мы повинуемся апостолам, а им нет. Чтобы, говорит, пребыло твердым и истинным то, что мы вам проповедали. Что же именно? Что древнее миновало, закон упразднен и обрезанных Христос не принимает, и обрезание не приносит никакой пользы. Итак, в противовес им мы показали, что и вам истинно возвещали мы об отмене закона. Поэтому не отступайте от этой истины.

6. ***И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека. И знаменитые не возложили на меня ничего более.***

Так как естественно было кому-нибудь возразить ему и сказать: каким же образом апостолы повелевали обрезывать? Он устраняет это возражение, хотя и не указывает истинную причину, что они действовали так по особому распоряжению и из снисхождения, опасаясь, как бы верующие из иудеев, услышав то, что апостолы не в видах истины, а в видах благоустройства допускают обрезание, – не отступили и от них, как от разрушителей закона; ибо доселе они потому и держались их, что они охраняли закон. Поэтому эту причину Павел скрывает, но сильно налегает на апостолов, говоря: ***для меня нет ничего особенного,*** то есть мне нет никакой нужды до знаменитых, до великих, очевидно, апостолов, – проповедуют ли они обрезание или нет; так как они сами дадут ответ Богу, и, хотя они велики и первенствующие, Бог не уважит лица их, ибо нелицеприятен. И заметь: не сказал – «какие они есть», но – ***какими бы ни были они когда-либо,*** показывая, что впоследствии и они перестали так проповедовать, когда проповедь повсюду воссияла. Говорит же это Павел не в укоризну святым, а желая принести пользу слушателям.

И знаменитые не возложили на меня ничего более. Каковы бы, говорит, они ни были, это – дело Божие, но то я знаю, что мне они ни в чем не противодействовали, и ничего не прибавили к моей проповеди, и не исправили.

7–9. ***Напротив того, увидев, что мне вверено благовестив для необрезанных, как Петру для обрезанных, – ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников, – и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным.***

Некоторые толковали таким образом: не только ничего не исправили в моем деле, а напротив, даже исправились. Но это неверно. Да и в чем они могли быть исправлены им? Ведь каждый из нас совершен. Итак, он говорит следующее: «но напротив, они подали мне руку общения», – затем еще в средине: ***увидев, что мне вверено благовестив для необрезанных***, и далее по порядку. И мало того, что они меня не поправили, они даже похвалили и согласились, чтобы я и Варнава шли с благовестием в необрезание, то есть к язычникам, а они – во обрезание, то есть к иудеям; ведь обрезанием и необрезанием он называет не эти самые действия, но обрезанных и необрезанных. Здесь же он показывает себя равночестным Петру. Ибо Вручивший тому дело благовестия евреям дал и мне то же к язычникам. И заметь, каким образом он показал, что его проповедь не только понравилась апостолам, но и угодна

была Богу. Ведь об апостолах говорит, что они ***узнали о благодати.*** Не сказал – «услышали», но – из самых дел ***узнали.*** Ибо как бы Бог дал мне этот дар, если бы Ему неприятна была такая проповедь? И опять он с похвалою упоминает о троих. Ибо ***почитаемые столпами,*** то есть великие, которых все и повсюду произносят и славят, они свидетельствуют о мне, что моя проповедь Христу угодна. Поэтому и ***подали руку общения,*** то есть согласились, признали нас соучастниками и показали, что они довольны моею проповедью, как нисколько не отличающеюся от их слова.

10. ***Только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности.***

Разделив между собою, говорит он, дело проповеди, мы бедных помнили безраздельными. Ибо и в Иерусалиме многие из уверовавших были лишены своего имущества неверующими иудеями и были в затруднении относительно необходимого пропитания. Эллины же не так сильно враждовали против верующих из них, как иудеи с христианами из евреев. Поэтому Павел проявляет особенную ревность в попечении о них, как и сам свидетельствует, что ***старался исполнять в точности.*** Ибо собирая подаяние повсюду от своих учеников, он сам доставлял им его.

11. ***Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию.***

Многие думают, что здесь Павел обвиняет Петра в лицемерии, но это несправедливо. Ибо что, казалось бы, говорит против Петра, сделано и высказано с особою целью. Ибо Петр, находясь в Иерусалиме, допускал обрезание, – да и невозможно было вдруг отвлечь их от закона, – а придя в Антиохию, он ел вместе с язычниками. Когда же некоторые из Иерусалимлян пришли в Антиохию, он стал избегать язычников, чтобы не соблазнить иерусалимлян и вместе дать Павлу благовидный случай к обличению. Поэтому и Павел обличает, и Петр переносит. Ибо таким образом легче могли переменить свой образ мыслей ученики, когда учитель подвергается упрекам и молчит. Итак, это ***лично противостал*** было только видимостью, так как, если бы борьба была действительная, они не стали бы при учениках обвинять друг друга, потому что подвергли бы их большому соблазну. А теперь видимое наружное противоборство служило к исправлению учеников. Ибо и Петр нисколько не противоречит, – ясно, что он соглашался с этим возражением Павла.

Потому что он подвергался нареканию. Не сказал от меня, а просто от других, которые не знали, что делалось с добрым намерением, и считали лицемерием то, что в отсутствии Иерусалимлян он ел вместе с язычниками, а когда они пришли, уклонился. А некоторые так понимали: Петр еще прежде ***подвергался нареканию,*** говорит Павел, потому что ел вместе с Корнилием, поэтому и теперь уклонился, боясь подвергнуться новым нареканиям, и когда он уклонился, ***я противостал ему.***.

12. ***Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных.***

Указывает и причину этого обличения. Иаков же этот был брат Господень, учивший в Иерусалиме как епископ их. Вот он-то и послал некоторых из иудеев, уже уверовавших, но еще придерживавшихся закона, и они отправились в Антиохию. Увидя их и боясь не за свою безопасность, а за то, чтобы они, соблазнившись, не отпали от веры. Петр стал уклоняться от сношений с язычниками. Некоторые же, не зная этой причины, стали осуждать его.

13. ***Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием.***

Называет это дело лицемерием, потому что не желает открыть намерения Петра; а вместе называет это лицемерием ради сильно приверженных к закону с той целью, чтобы с корнем вырвать их пристрастие к закону. А прочими иудеями он называет уверовавших из иудеев в Антиохии, которые и сами сторонились от необрезанных.

14. ***Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждать жить по-иудейски?***

Но не смущайся этими словами, – не в осуждении Петра говорит он это, а ради тех, которые могли получить пользу, услышав, что и Петр подвергся обличению за приверженность к закону. Зачем же вам-то его держаться? Ибо с той целью он и обличал его тогда перед всеми, чтобы они устрашились, слыша, что столь великий человек подвергается порицанию и не может возразить. Евсевий же говорит, что подвергся обличениям со стороны Павла не великий Петр, а другой какой-то Кифа, один из семидесяти, и в подтверждение этого указывает на невозможность, чтобы тот, который уже прежде защитил себя, по поводу произведенного им соблазна разделением трапезы с Корнилием, снова мог подвергнуться такому обличению. Но и мы не говорим, что Петр подвергся порицанию от Павла за незнание своего долга, а что он добровольно подчинился осуждению, чтобы и другие исправились.

Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждать жить по-иудейски? Только что не взывает ко всем Павел: «подражайте учителю вашему, – вот ведь он иудей, а вкушал пищу вместе с язычниками». И заметь, он не обвиняет его: «ты худо делаешь, соблюдая закон», но обличает за собственных учеников из язычников, что он принуждает их обрезываться и жить по-иудейски. Ибо в таком виде слово это удобнее могло быть принято.

15. ***Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники.***

По природе, то есть не прозелиты, а родившись от отцов иудеев и воспитавшись в законе, мы оставили привычный образ жизни и прибегли к вере во Христа.

16. ***Однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть.***

Смотри, как просто все говорится. Мы оставили закон не потому, что он недобр, а потому, что он немощен и не в состоянии оправдать. Ибо никто не мог исполнить его дел, трудных и неудобоисполнимых, не по причине их величия, но, скорее, вследствие мелочности; или, иначе, потому что он души не освящал, но только телесную нечистоту удалял. Итак, обрезание излишне. А впереди скажет, что оно даже опасно, потому что отчуждает от Христа.

17. ***Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак.***

Мы старались обрести, говорит он, оправдание во Христе, оставив закон. Как же вы говорите, грешно оставлять закон: ведь выходит, в такой грех ввел нас Христос, так как ради Него мы оставили все законное. Таким образом, Христос, как вы говорите, не только не оправдал нас, но даже сделался для нас виновником большего осуждения тем, что убедил нас отступить от закона.

Никак. Доведя речь до нелепости, он не имел уже нужды в подтверждении, но удовольствовался (одним) отрицанием, что обыкновенно всегда он делал в предметах вообще спорных.

18. ***Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником.***

Заметь его мудрость: они говорили, что нарушающий закон есть преступник, а он, напротив, показывает, что соблюдающий его есть преступник, идущий не только против веры, но и против самого закона. Ибо он сам привел меня к вере и убедил оставить его. Впереди он укажет на это, а теперь пока говорит, что закон престал, и это мы засвидетельствовали тем, что разрушили его, отступив от него. Итак, если бы стали мы усиливаться восстановить его, то оказались бы преступниками, восстановляя то, что разрушено Богом.

19. ***Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу.***

Объясняет, каким образом он оставил закон, и говорит: посредством закона благодати и Евангелия я умер для закона Моисеева, или умер, говорит он, для закона посредством закона; то есть сам закон привел меня к тому, чтобы более не соблюдать его, приведя меня ко Христу посредством Моисеева и пророческого слова. Поэтому если я опять стану соблюдать его, – опять нарушу его. Или же таким образом: закон повелевал не исполняющего его предписаний наказывать и убивать. А так как он не мог быть выполнен, то по силе его я подвергся смерти. Поэтому да не повелевает он мною, как уже умершим и душевно, потому что согрешил, не будучи в состоянии исполнять дел закона, и телесно, поскольку это зависело от осуждения законом. Как же после этого я буду еще держаться того, который умертвил меня?

Чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу. Чтобы кто-нибудь не сказал: как же ты живешь, когда умер? он говорит, что хотя закон умертвил меня живого, но Христос, обретя мертвого, оживил меня, мысленно сораспявшегося Ему и соумершего через крещение. Сугубое чудо: оживотворил мертвого и оживотворил чрез смерть.

20. ***И уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.***

Словами: ***я сораспялся Христу*** указал на крещение, а словами: ***уже не я живу*** **–** на жизнь после сего, через которую умирает наше тело. ***Но живет во мне Христос,*** то есть в нас ничего нет, что не угодно Христу, но Он все совершает в нас, управляя и господствуя. И наша воля умерла, а живет Его и управляет нашею жизнью. Итак, если я живу для Бога жизнью, иною от жизни в законе, и умер для закона, то я не могу ничего соблюдать из закона.

А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия. То, что я сказал, сказал о духовной жизни, но самую чувственную жизнь ты найдешь во мне, сущую от Христа. Ибо и закон нарушаемый всех подверг греху и наказанию, и ничто не препятствовало, как во времена потопа, всем погибнуть, как и преступникам; но явившийся Христос избавил нас от осуждения, оправдав Своею смертью. Так что и это самое жизнь чувственную и плотскую – мы имеем через веру во Христа, – веру, оправдывающую нас и избавляющую от осуждения. ***Возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.*** Хотя Он за всех предал Себя и всех возлюбил, но Павел размыслил, от чего освободил нас Христос и что даровал и, возгорев любовию, общее приписывает себе, как и пророки говорят: «Боже, Боже мой». А вместе с тем и показывает, что каждому должно оказывать Христу такую благодарность, как если бы Он умер ради его одного. Но воспользовались этими благодеяниями только те, которые уверовали в Него. Так что держащийся закона показывает, что Христос не умер для него. Как же ты не страшишься сего, но опять возвращаешься к закону, являя бесполезною (для тебя) смерть Господа. И заметь, выражение: ***предавшего Себя*** **–** ради ариан.

21. ***Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер.***

После этих рассуждений, он наконец заявляет: я не отвергаю дара Христова, которым Он меня сподобил, оправдав меня без дел смертию Своею, и не прибегаю к закону.

А если законом оправдание, то Христос напрасно умер. Ибо если, говорит он, закон в состоянии спасать и оправдывать, то Христос совершенно напрасно умер. Но Он без сомнения, умер для того, чтобы спасти нас Своею смертью, чего закон не в силах сделать. А если закон спасает, излишня смерть Христова. Видишь ли к чему ведет такая хула?

Глава третья

1. ***О, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?***

Показав впереди, что он – апостол не от людей и не через людей, и выставив себя достойным доверия, говорит затем с большею властию. Намереваясь сравнить веру и закон, он называет их, галатян, неразумными, нисколько не нарушая тем закона Христова, а напротив вполне соблюдая его (см. Мф. 5, 22); так как обвиняется не тот, который прямо называет брата своего глупым, а тот, который делает это напрасно. Эти же (галатяне) вполне справедливо названы несмысленными, так как оставались бесчувственными к таким благам и делали бесполезной смерть Христову. И заметь, после доказательств он приступает к порицанию и сейчас же прекращает его. Ибо не сказал – «кто вас обманул», но – ***кто прельстил.*** Кто позавидовал? сим показывая, что они вначале совершали дела, достойные зависти. Показывает также, что те, которые склоняют их к тому, действуют не по заботливости о них и не для восполнения недостатков, а для разрушения уже существующего. Ибо такова зависть. И это говорит не потому, чтобы зависть сама по себе имела силу (вредить), а потому что, учащие сему по зависти пришли к этому.

Вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый? Но Он распят в Иерусалиме. Как же он говорит, что ***перед глазами у вас?*** Потому, что они очами веры видели Крест гораздо яснее, чем те, которые тогда присутствовали и видели его. Ибо, между тем как многие из тех, которые видели телесно, не извлекли для себя никакой пользы, они же, не видев глазами, посредством веры очень ясно видели. Итак, Христос был ***предначертан,*** то есть живо изображен через проповедь; но вы, уверовав в проповедь, видели Его как бы присущего. Это и похвала им, и укор: похвала, потому что они приняли это с такою полною уверенностию, – порицание, потому что оставили Того, Которого видели обнаженным, распятым и умирающим, и обратились к закону. Заметь, как он, оставив все, говорит об одном Кресте Христовом.

2. ***Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере?***

Так как вы не слушаете продолжительных наставлений и не хотите видеть величия домостроительства, то скажу вам кратко. Ответьте мне на сие немногое: откуда вы получили Святого Духа и проявили такую силу и знамения? От дел ли закона, или от веры? Ясно, что от веры, так как не в то время, когда вы держались закона, имели Духа и совершали чудеса. Как же после этого, оставив веру, вы снова прилепляетесь к закону?

3. ***Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью?***

Опять благовременно прибег к порицанию. Надлежало бы, говорит, вам с течением времени идти к совершенству, а вы не только не преуспели, но еще отодвинули назад. Ибо совершать знамения есть дело духовное, и это вы делали вначале, обрезываться же – дело плотское, что вы теперь наконец избрали. И не сказал: «вы сами оканчиваете», но – (в греческом тексте) «принуждаетесь окончить», показывая, что те, которые учат обрезанию, уловляли и закалали их, как бессловесных животных.

4. ***Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!***

Они боролись со многими испытаниями ради Христа. И неужели, говорит он, вы напрасно столько потерпели? Ибо если вы обрезываетесь, все это напрасно, и обольстители лишили вас стольких венцов. Потом, подавая им надежду на возвращение, он говорит: ***если бы только без пользы,*** то есть если вы хотите образумиться, то не напрасно, не тщетно вы трудились. Да устыдятся после этого отрицающие покаяние. Вот они совершали знамения,

были исповедниками и мучениками, но когда отпали, Павел не отвергает их, а приемлет с радостию.

5. ***Подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?***

Бог, говорит он, подающий вам Духа, чтобы пророчествовать и говорить языками, и сообщающий вам силу совершать знамения и чудеса, совершал ли это ради дел закона, как будто исполнением их вы Ему угодили, или же ради обнаруженной вами веры во Христа? Очевидно, ради ее. Как же вы, оставивши веру, вследствие которой прославились, возвращаетесь к отмененному закону?

6. ***Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность.***

Хотя, говорит он, надлежало вам узнать силу веры преимущественно из того, что вы совершали знамения, но если вы обратите внимание и на праотца, о котором вы много говорите, найдете, что и он оправдался верою (см. Быт. 15, 6). А если живший до благодати оправдывается верою, то тем более удостоившиеся благодати должны держаться веры.

7. ***Познайте же, что верующие суть сыны Авраама.***

Так как они боялись, чтобы им отступлением от закона не лишиться родства с патриархом (ведь они очень гордились им), то он, напротив, показывает, что вера наиболее делает сынами Авраама тех, которые имеют ее.

8. ***И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: «в тебе благословятся все народы».***

Показав, каким образом верующие суть дети Авраама, он приводит и свидетельство от Писания: ***в тебе благословятся все народы*** (Быт. 12, 3), то есть через подражание твоей вере. А также показывает, что вера древнее закона, если прежде закона она оправдала Авраама, и что совершающееся теперь совершается согласно пророчеству. ***Писание,*** говорит он, ***провидя,*** то есть Сам давший закон Бог предопределил, что оправдываются не законом, но верою. И не сказал – «открыло», но – ***предвозвестило,*** чтобы ты узнал, что и Авраам радовался такому способу оправдания и желал его исполнения.

9. ***Итак верующие благословляются с верным Авраамом.***

Так как они страшились, как бы им за несоблюдение закона не подвергнуться проклятию (так как написано: проклят тот, который не соблюдает написанного в законе), то он показывает совершенно противное, именно, что благословенны оставляющие закон и приходящие к вере, подобно тому, как и верный Авраам получил благословение.

10. Л *все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою. Ибо написано: «проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона».*

Чтобы кто-нибудь не возразил, говоря: «Авраам вполне естественно был благословен и оправдан верою, так как еще не было закона, а ты покажи мне, что, после того как дан закон, вера оправдывает и делает благословенными», – апостол показывает теперь не только то, что вера оправдывает и сообщает благословение, но и то, что закон есть виновник греха и проклятия, потому что никто не может исполнить написанного в законе, а не исполняющий – проклят (см. Втор. 27, 26). Таким образом, вере принадлежит благословение, и напрасно вы страшитесь проклятия за отступление от закона. Ведь, держась его, вы скорее подпадаете проклятию, будучи не в силах его исполнить.

11–12. *А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет. А закон не по вере: но кто исполняет его, тот жив будет им.*

Показав, что закон подвергает проклятию, а вера сообщает благословение, теперь говорит, что и оправдывает только вера, а не закон, и приводит слова Аввакума: ***Праведный верою жив будет*** (Авв. 2,4), а не от закона. Ибо закон требует не только веры, но и дел. Хорошо также сказал: ***пред Богом,*** потому что у людей могут казаться праведными те, кото-

рые держатся закона, каковы фарисеи, выставляющие себя праведными перед людьми. Так как закон по причине своей невыполнимости не оправдывал, а подвергал проклятию, то явилась благодать, показывающая легкий путь – веру, посредством которой, оправдываясь, мы получаем благословение. Итак, доказано, что вера сообщала благословение и оправдание не только до закона, но еще более и после него.

13. ***Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою, – ибо написано: «проклят всяк, висящий на древе».***

Чтобы кто-нибудь не возразил, говоря: правда, что не исполняющий закона проклят (см. Втор. 27, 26) и что вера оправдывает, но откуда видно, что та клятва уничтожена? Мы ведь боимся, чтобы, подпав раз под иго закона, самим нам не остаться под клятвой; поэтому он показывает, что проклятие уничтожено Христом. Ибо, дав за нас выкуп тем, что Сам стал клятвой, Он искупил нас от клятвы закона, которой Сам не подлежал, как исполнивший закон, а повинны ей были мы, которые были не в состоянии его исполнить, подобно тому, как если бы кто был осужден на смерть, а другой кто-нибудь невинный подвергся смерти, решившись сам умереть вместо него. Итак, Он принял на Себя клятву, через повешение **на** ***древе*** (см. Втор. 21, 23) и разрушил клятву, прилежащую на нас за неисполнение закона, хотя Сам ей не подлежал, потому что и закон исполнил, и греха не сотворил.

14. ***Дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою.***

Ради того, говорит, был Он клятвой, ***чтобы распространилось на язычников,*** то есть в тех, которые не пользовались законом, ***благословение Авраамово,*** то есть которое от веры, будет о Христе Иисусе, то есть о семени Авраама, как и написано: ***в семени твоем благословятся,*** то есть о Христе, Который произошел от тебя по плоти, благословятся верующие в Него.

Чтобы нам получить обещанного Духа верою. Ради того говорит он, удостоились язычники благословения, чтобы Духа принять через веру. Так как нельзя было принять Духа тем, которые еще находятся под клятвой, то они получают благословение, после уничтожения Христом клятвы, и, оправдавшись тогда верою, принимают обетование Духа. Ибо что обещал Бог Аврааму, это, по разумению Павла, духовные дары, которые очевидно теперь нам даны, как то: благословение и прочее.

15. ***Братия! говорю по рассуждению человеческому…***

Выше назвал неразумными, теперь называет братьями, там обуздывая, а здесь утешая. Человеческий пример, говорит, я намереваюсь вам представить.

15–17. ***Даже человеком утвержденного завещания никто не отменяет и не прибавляет к нему. Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано: «и потомкам» как бы о многих, но как об одном: «и семени твоему», которое есть Христос. Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утвержденного, закон, явившийся спустя четыреста тридцать лет, не отменяет так, чтобы обетование потеряло силу.***

То хочет показать, что вера есть завет более древний, чем закон, и что несправедливо было бы предпочитать ей закон. На это и пример привел. Если бы, говорит он, человек сделал завещание, неужели кто-нибудь, пришедши после, осмелился бы извратить его или переделать, то есть прибавить что-нибудь? Тем более должно разуметь сие в отношении к Богу. И Бог дал завещание Аврааму, что о семени его благословятся народы. А семя его – Христос, потому что не сказал – «семенем», чтоб ты не подумал о происшедших от него иудеях и измайльтянах, – но просто – ***семени,*** которое, как сказано, есть Христос. Каким же образом закон может отменить этот завет, соглашение и обещание, так чтобы не во Христе получали благословение народы, но через заповеди закона? Ведь это не что иное, как ниспровержение обетования, что нелепо.

18. ***Ибо если по закону наследство, то уже не по обетованию; но Аврааму Бог даровал оное по обетованию.***

Если закон, говорит, дарует благословение и делает наследниками жизни и правды, то обетование, данное Аврааму, следовательно, отменено и уничтожено. Но это не имело бы смысла: закон ведь явился позднее, как же он может отменить завет, который был прежде его? Но не спеши весь этот пример строго проводить. Поэтому он и сказал: ***говорю по рассуждению человеческому***, то есть человеческий пример привожу. Поэтому нисколько не удивительно, если он не может быть вполне применен к Божественному.

19. ***Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений. До времени пришествия семени, к которому относится обетование. И преподан через Ангелов, рукою посредника.***

Так как он возвысил веру и указал, что она древнее закона, возникало возражение: для чего же был дан закон, если вера была древнее и сама сообщила благословение? Не напрасно, говорит он, дан закон, но ради преступлений, чтобы быть вместо узды для иудеев, препятствуя нарушению если не всех, то, по крайней мере, некоторых заповедей. Прекрасно сказано: ***дан после,*** чтобы показать, что закон дан не в качестве первообразного установления, как обетования, но как бы дан в добавок, по причине многих преступлений, чтобы воспрепятствовать хоть немногим.

До времени пришествия семени, к которому относится обетование. Однако же не навсегда был дан закон, но до времени пришествия Христа, к Которому относилось обетование, что о Нем благословятся народы. Если же до явления Христова дан (закон), зачем же ты далее простираешь его значение?

И преподан через Ангелов, рукою посредника. Закон, говорит он, дан через посредство ангелов или священников, или действительных ангелов, потому что ведь ангелы производили оные трубные звуки, громы и знамения. ***Рукою Посредника,*** то есть Христа. Показывает, что и закон дал Христос, а потому Он волен и отменить его.

20. ***Но посредник при одном не бывает, а Бог один.***

Так и Христос служит посредником между двоими, именно между Богом и людьми. Ибо Он примирил обоих, дав мир и уничтожив вражду, которая была у людей с Богом. С тех пор как соединил с Собою человеческое естество, Он дал мир, чудесным образом соединив с Божественной природой враждебную ей вследствие греха плоть. Итак, если Он ходатай и примиритель, то ясно, Он спасает, а не закон.

21. ***Итак закон противен обетованиям Божиим? Никак! Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона.***

Если обетования сообщали благословение, а закон подвергал проклятию, то, очевидно, если бы мы приняли его как имеющий силу, он уничтожил бы обетования Божий, которые дают благословение. Но да не будет. Слушай далее по порядку.

Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона. Тогда, говорит, закон был бы сильнее веры, сообщил бы благословение и оправдывал человека, если бы он был в состоянии оживить и спасти. А теперь он, скорее, убивает, так как не может освободить от грехов. Как же после этого закон может преодолеть веру, которая имеет силу оживлять через крещение, и благословлять, и оправдывать?

22. ***Но Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа.***

Закон, говорит, не имел силы освободить от грехов, но содействовал тому, чтобы заключить людей под грехом, то есть показать их грешниками и понудить, чтобы они возжелали отпущения грехов и обратились ко Христу, могущему даровать его. А так как иудеи, не чувствуя (всей тяжести) грехов, и прощения их не желали, то (Бог) дал закон, который держит их в затворе, то есть теснит и подавляет обличениями, объявляет их грешниками и побуждает

искать способа получить прощение. А этот способ есть вера во Христа, посредством которой мы получаем благословение и оправдание.

23. ***А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере.***

Закон, говорит, доставлял большую безопасность тем, которые находились под его охраной, потому что удерживал их от многих грехов и был как бы стеной, окружал людей и приводил к вере. Каким образом? Обличая грехи, но не имея силы освободить от них, он по необходимости указывал на оправдывающую веру, которая была и в древности прикровенна, но открыто явилась впоследствии, когда и Бог явился во плоти.

24. ***Итак закон был нам детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою.***

Как воспитатель оберегает юношу от всего дурного и способствует тому, чтобы он со всей внимательностию и усердием принимал наставления учителя, так и закон воспитывал в своих последователях надлежащую добродетель и приводил к учителю – Христу, своими обличениями и указаниями грехов вызывая в них стремление искать Того, Кто дает прощение и оправдывает верою. Итак, да устыдятся те, которые клевещут на закон, – ибо ни воспитатель не стоит в противоречии с учителем, ни закон – с Новым Заветом.

25–26. ***По пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя. Ибо все вы – сыны Божий по вере во Христа Иисуса.***

С пришествием веры, делающей мужа совершенна, мы, говорит он, уже не можем находиться под руководством воспитателя, как ставшие через нее совершенными и вышедшие из детского возраста. Так как мы от веры стали совершенными мужами, то ясно отсюда, что и сынами Божиими мы стали через веру во Христа. Таков ход мыслей. Конечно, удостоившийся быть сыном Божиим не несовершен и не младенец. Поэтому странно было бы тем, которые стали мужами, подчиняться руководству закона, точно так же, как при наступлении дня и при свете солнечном употреблять светильник. Смотри же, выше он сказал, что вера делает сынами Авраама, а теперь сынами Божиими. Так много она может.

27. ***Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись.***

Определяя, каким образом мы сыны Божий, говорит, что через крещение. Но не сказал – «вы, которые крестились, детьми Божиими стали», как бы и требовала последовательность, – но гораздо выразительнее – ***во Христа облеклись.*** А если мы облеклись во Христа, Сына Божия, и Ему уподобились, значит, приведены в единое родство, в единый образ, став по благодати тем, что Он есть по естеству.

28. ***Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе.***

Каждый из крещаемых, говорит он, отбросил свои природные особенности, все получили один тип и один образ не ангела, но Самого Господа, являя в себе Христа. Так что все мы едино о Христе Иисусе, именно поскольку мы имеем один отпечатленный образ Христа, или поскольку мы – едино тело, имеем едину главу Христа.

29. ***Если же вы Христовы, то вы – семя Авраамово и по обетованию наследники.***

Так как впереди он сказал, что семя Авраама, о котором благословятся народы, есть Христос, Которому именно и даны обетования, а также указал что и вы имеете образ Христов, то теперь заключает: итак, и вы – семя Авраама и, наконец, наследники обещанного благословения. Как же после этого вы держитесь закона, – вы, которые получили благословение, через то, что облеклись во Христа и уподобились Ему, и отсюда сделались семенем Авраама?

Глава четвертая

1–2. ***Еще скажу: наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом назначенного.***

То есть отец определил, чтобы он ничем не распоряжался до узаконенного возраста, чему он и должен повиноваться.

3. ***Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира.***

В детстве не возрастом, но познанием о Боге. **А** ***вещественными началами*** называет новомесячия и субботы, потому что эти дни бывают у нас от течения луны и солнца. Поэтому и те, которые теперь подчиняют нас закону, делают нас через то детьми и порабощают стихиям мира, хотя мы стали уже мужами и совершенными, и сынами Божиими, и домовладыками, и господами. Научаемся также, что Бог от начала желал дать это усыновление (ибо в этом и состоит наследие), но наша незрелость препятствовала ему. Желая же совсем устранить закон, он не сказал – «мы порабощены дням», но – ***вещественным началам,*** чтобы тем сильнее пристыдить тех, которые склоняют еще к повиновению закону. Но не смущайся, что по течению речи стихии мыслятся повелителями и приставниками. Ибо, во-первых, ты должен закон мыслить повелителем, равно как и детоводителем, а не их (стихии), затем новомесячия и субботы он назвал стихиями. Притом он так выразился для того, чтобы совершенно отвлечь их от закона и пристыдить, как это он впереди еще яснее раскроет. Некоторые же под стихиями разумели естественный, приуготовительный закон.

4–5. ***Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление.***

Пока были юны, мы подчинялись новомесячиям и субботам, но когда наступило определенное время воплощения Христова, когда род человеческий, прошедши все виды зла, нуждался во врачевании, тогда ***Бог послал Сына Своего*** (то есть благоволил прийти), ***Который родился,*** не сказал – «через жену», чтобы не дать оправдания тем, которые говорят, что Господь прошел через деву, как через канал, совершенно призрачно, – но ***от жены,*** то есть принял тело из самого существа Ее и был плодом чрева Ее. И был под законом, принял обрезание и совершил все, чтобы избавить нас от клятвы, которой Сам не подлежал. Два же спасительных действия указывает он в воплощении Христовом: освобождение нас от клятвы закона и дарование усыновления. А ***получить*** сказал для того, чтобы показать, что оно (усыновление) предназначалось нам издавна по обетованию, хотя по причине нашей незрелости и не давалось нам. Ибо и обещанное Аврааму наследие было усыновление. Потому что сын наследует.

6–7. ***А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа.***

Откуда видно, говорит он, что мы удостоились усыновления? Хотя он это показал и прежде, когда заявил, что мы облеклись во Христа, Который есть Сын, но доказывает и теперь тем, что мы прияли Духа, Который, божественно и необыкновенно касаясь наших сердец, научает нас называть Бога Отцом. А этого не могло бы быть, если бы мы не удостоились усыновления. Итак, когда мы дети и наследники не простого достояния, но Божественного, и сонаследники Единородного, зачем же опять становимся рабами и, держась закона, отвергаем даровавшую нам усыновление веру?

8. ***Но тогда, не знав Бога, вы служите богам, которые в существе не боги.***

Здесь обращается он к уверовавшим из язычников, показывая, что соблюдение дней есть идолослужение и что они более чем прежде погрешают. Прежде, говорит он, вы хоть не знали Бога, так как жили во тьме и заблуждениях и вследствие этого служили солнцу и луне, которые по природе не боги, а теперь, после познания истины, если бы вы стали наблюдать дни, – это было бы ничем иным, как служением стихиям – нечестие еще более худшее.

9. ***Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им?***

Но теперь, говорит он, вы познали Бога, впрочем, скорее, не вы своим трудом обрели и узнали Бога (так как вы совершенно не искали), но Он нашел вас, живших во тьме и принял. Ибо ***получили познание*** сказано вместо «приняты от Бога». Как же после этого вы снова обращаетесь к бедным и немощным стихиям, то есть не имеющим никакой силы к получению обетованных благ и не могущих принести пользы духовной? А вместе он называет их бедными и немощными потому, что они лишены ума, чувства и жизни, хотя бы это и не понравилось эллинам. Итак, лжеапостолы, в качестве защитников закона, вводили соблюдение дней, а он очень мудро называет это дело идолослужением, которое и сам закон запрещает. Так что те, которые учили этому, являлись даже противниками и закона.

10. ***Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы.***

Отсюда видно, что лжеапостолы проповедовали не только обрезание, но и (соблюдение) праздников и новомесячий.

11. ***Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас.***

Смотри, какое чувствительное сердце: они колеблются, а Павел страшится. Выражение ***не напрасно ли*** показывает, что они были еще целы и не потерпели еще полного крушения. И он подает им надежду, что если они пожелают одуматься, то не напрасно затрачен был на них труд. Он как бы говорит им: вспомните мои усилия для вас и не делайте тщетными мои труды.

12. ***Прошу вас, братия, будьте, как я, потому что и я, как вы. Вы ничем не обидели меня.***

К верующим из иудеев он говорит так: подражайте мне. И я ведь был очень привержен к закону, как вы, но оставил его и теперь подвизаюсь за Христа и веру. Таковы и вы будьте. Прекрасно высказал он это в заключение. Ибо люди скорее привлекаются сродными примерами, чем рассуждениями.

Вы ничем не обидели меня. После сильных упреков, он опять обнаруживает кротость. Жестокое порицание также ведь не приносит пользы, как и крайняя снисходительность. Поэтому он называет их братиями, напоминая вместе с тем о благодати крещения, по которой все мы стали братиями, как рожденные от единого Отца – Бога. Оправдывается и в высказанных укоризнах, именно что они произошли не по ненависти. Ведь вы не причинили мне никакой несправедливости, чтобы я стал относиться к вам враждебно, но гораздо более, вы оказали даже мне бесчисленные знаки почтения и расположения. Как же после этого я мог бы говорить это по ненависти? Но без сомнения, из попечения о вас и из сильной признательности к вам.

13–14. ***Знаете, что, хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса.***

Вы знаете, говорит он, что при телесной немощи, то есть посреди преследований и опасностей я благовествовал вам, и вы, однако, не отвратились от меня; эти испытания мои, то есть преследования, раны и тому подобное не привели вас в соблазн и не заставили презирать и гнушаться мной. А вместе с тем незаметным образом и пристыжает их, показывая, сколько он вытерпел ради них от противников.

А приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса. Вы так, говорит он, почтили меня, как будто я был более чем человек. Не странно ли, в то время, когда я подвергался преследованиям и был гоним, принимать меня, как ангела и Христа, и не соблазняться, теперь же, когда я советую должное, считать меня как врага и не принимать?

15. *Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне.*

В недоумении и изумлении он говорит: что сталось с вашим прежним блаженством? то есть куда девалось все то, за что вас все ублажали, как приверженных к учителю? Что оно теперь? Во что превратилось то прежнее ублажение ваше? Теперь я не вижу этого, так как вы враждебно настроены относительно меня.

Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне. Прежде за мою проповедь вы считали меня дороже даже собственных глаз; что же теперь случилось, что вы заподозреваете меня, как врага?

Странно ведь, чтобы тот, которого вы так почтили, стал говорить вам это с враждебною мыслию?

16. *Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину?*

Другой причины вражды, говорит он, я не знаю, кроме того, что высказал вам истину и обличил заблуждающихся относительно догматов. Но за это вы скорее должны еще более полюбить меня, как исполнившего долг попечителя.

17. *Ревнуют по вас нечисто, а хотят вас отлучить, чтобы вы ревновали по них.*

Ревность – дело похвальное, когда кто подражает добродетели другого; но она делается дурной, когда кто-нибудь стремится удалить добродетельного от совершенства. И эти стараются исключить вас, то есть лишить совершеннейшего состояния и ведения во Христе и ввергнуть в несовершеннейшее, которое заключается в законе, чтобы вы почитали их учителями, ревновали и подражали (им), как ученики. А я, напротив, желал, чтобы вы были руководителями к совершенству и для них, и для всех. Так и было, когда я был у вас. На это же самое он указывает и ниже.

18. *Хорошо ревновать в добром всегда, а не в моем только присутствии у вас.*

Не видишь ли, он намекает на то, что они соревновали всем в совершенстве, когда находился апостол у них? А также дает разуметь и то, что его отсутствие породило это зло. Прекрасно было бы, говорит он поэтому, когда бы не только в присутствии учителя, но и в его отсутствие, ученики мыслили должное.

19. *Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!*

Подражает матери, трепещущей за детей своих. Вы, говорит он, извратили образ Христов, который вы имели в себе от крещения, и требуете нового возрождения и воссоздания, чтобы опять явился в вас образ Христов и отпечатлелся на вас Его характер. Опять нахожусь в муках рождения, снова возрождаю вас посредством учения. Но не отчаиваюсь. Поэтому и называю вас детьми, чтобы и вы не теряли надежды. А это против новатиан: Павел галатян возрождает и обновляет, а они (новатиане) не принимают исправления посредством покаяния.

20. *Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас.*

Я не удовлетворяюсь письмами, но желал бы быть с вами и изменить мой голос, то есть обратить его в сетование и плач. Я недоумеваю, что сказать о вас, каким образом вы, которые настолько возвысились, что подвергались даже опасностям за веру и совершали знамения через нее, теперь удаляетесь к подзаконной немощи. Поэтому я желал бы в вашем присутствии сетовать о вас. Ибо когда находился в затруднительных обстоятельствах, то обыкновенно предавался слезам.

21. ***Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона?***

После того как уже достаточно смягчил их и привлек к себе, он снова вступает в препирательство, указывая (на то), что и сам закон не желает, чтобы его соблюдали: отвечайте, говорит, мне. Прекрасно также сказал: ***желающие***, потому что настоящее положение зависело не от требования вещей, но от неуместной их страсти к спорам. А законом он называет книгу Бытия, так как у него в обычае весь Ветхий Завет называть законом.

22. ***Ибо написано: «Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной».***

Выше он сказал, что ***вы дети Авраама.*** Но так как не одинакового достоинства были сыновья патриарха, но один был от рабыни, а другой – от свободной (см. Быт. 16, 15; 21, 2–3), то теперь он показывает, что вы не только дети, но и таковы, каков был свободный и благорожденный. Так облагородила вас вера.

23. ***Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию.***

Так как его слова, что они сыны Авраама, казались невероятными, – дети ли в самом деле Авраама те, которые не родились от него по плоти, то он, апостол, говорит, что и Исаак, собственный сын Авраама, не по плоти родился от него – да и как это могло быть, когда естество омертвело и утроба заматерела? но слово Божие и обетование образовало его. А Измаил родился по естественному порядку. Именно это и означает выражение ***по плоти.*** Но при всем том рожденный по плоти есть раб и чужд наследия, а рожденный не по плоти – господин и наследник. Что же препятствует и вам, хотя вы и не родились по плоти от Авраама, быть его сынами? И вы ведь через произнесение слов при купели получили новый образ бытия.

24. ***В этом есть иносказание…***

То есть история сия не только повествует об этом, но указывает и на нечто другое. Поэтому и называется аллегорией. То было образом настоящего.

24–25. ***Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве.***

Два завета. Какие же? Две жены эти представляют аллегорически Новый и Ветхий Заветы. Каким образом? Агарь Ветхий Завет. Ибо закон и дан был с горы Синая. А Синай находится в Аравии и на арабском языке называется «Агарь». ***Соответствует Иерусалиму,*** то есть находится в соседстве, соприкасается, или уподобляется дольнему Иерусалиму; сравнивается с ним, переносится на оный, так как есть сходство между обоими. Как Агарь была рабой и рождала в рабство, так и закон, данный с Синайской горы, которая называется Агарь и уподобляется Иерусалиму, так как однородна и аналогична с ним рождает в рабство тех, которые держатся его. Ибо в законе много несвободного и рабского; потому что и добродетель обосновывалась на тленной награде, на земных, говорю, благах, и удаление от зла внушалось наказаниями и страхом.

26. ***А вышний Иерусалим свободен: он – матерь всем нам.***

В том прообраз Агари. Посмотри также и прообраз Сарры; сия ведь предуказывала горний Иерусалим. Он же есть град верующих, откуда и закон наш: ибо с неба Евангелие. Этот свободен от наблюдений закона, и все в нем устрояется свободно и с благородным достоинством. Ибо ничто у нас не совершается из-за видимой награды, и не угрожают нам телесные наказания, но и обещания более Божественны, и наказания приличны благородным, именно отлучение от таинственной трапезы и епитимий.

27. ***Ибо написано: «возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа».***

Не довольствуется этими прообразами, но ссылается на свидетельство Исайи (см. Ис. 54, 1), который церковь из язычников называет неплодной и не имеющею мужа; и действительно она была лишена богопознания и бездетна, так как не произвела ни одного пророка Божия и учителя. А иудейскую синагогу называет имеющей мужа, или потому, что она имела закон, который руководил ее действиями, или потому, что имела Самого Бога. ***Воскликни и возгласи*** употреблено вместо: воскликни голосом радости, потому что у тебя теперь множество чад: и пророки, и учители, и сыны Божий произошли от тебя; ты всю вселенную породила, а не один народ, как иудейская синагога.

28–29. ***Мы, братия, дети обетования по Исааку. Но, как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне.***

Церковь, говорит он, будучи нейлодна, подобно Сарре, не только стала многочадной, как та, но и родила таким же образом, как последняя. Как ее не природа, но обетование сделало материю (ибо Тот, Который сказал: ***Я опять буду у тебя в это же время*** (Быт. 18, 10), – вошел в чрево и сотворил плод), так и у нас, как и выше сказано, Божественные словеса, произносимые при купели, совершают новое творение. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: какая эта свобода, когда иудеи бичуют верующих, а те, которые думают быть свободными, подвергаются гонению? – он говорит, что и тогда так же было. Измаил гнал Исаака, но тем не менее это нисколько не помешало преследуемому быть законным сыном Авраама и господином преследуемого. Итак, из самого этого преследования (нас) иудеями открывается наше сходство с Исааком и родство с Авраамом.

30. ***Что же говорит Писание? «Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной».***

Чтобы кто-нибудь не сказал: что же отсюда? Утешительно ли для верующих, которые теперь подвергаются преследованию со стороны иудеев, то, что и Исаак тогда подвергался гонению? он говорит: послушай, что говорит Писание и получишь вразумление: за временное гонение, которому подвергал Измаил Исаака, он совершенно изгоняется (см. Быт. 21, 10). И в наказание не только подвергается изгнанию, но гораздо более лишается участия в том, что уготовано сыну. А это наказание тем сильнее, что имеет свое начало не в преследовании, а в решении и определении Божием. Заметь также, что он того, который не удостоился наследия, назвал сыном не Авраама, а рабыни, указывая, что он и очень низкого происхождения. Итак, смотри, он доказал, – что сам закон указывает на свою отмену, так как все сказанное, будучи прообразом теперь совершающегося, написано в законе, то есть в книгах Ветхого Завета.

31. ***Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной.***

Все это направляет к тому, чтобы показать, что все случившееся теперь с нами прообразовано было за много лет прежде. Как же после этого не странно, получив за столько лет прежде свободу, опять добровольно становиться рабами?

Глава пятая

1. *Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства.*

Не вы ведь, говорит он, освободили себя, но Тот, Который дал за вас выкуп. Как же после этого вы подвергаете себя господству закона против намерения освободившего вас Христа? Говоря ***стойте,*** он дал знать, что они колебались.

И не подвергайтесь опять игу рабства.

Словом ***иго*** он указывает на тяжесть рабства в законе. А выражением ***опять*** изобличает их бесчувственность, так как они, несмотря на то, что по опыту знали тяжесть рабства, опять добровольно переходят в него.

2. ***Вот я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа.***

Вместо всякого доказательства, апостол ссылается на авторитет собственного лица. Не приносит уже пользы Христос обрезающемуся потому, что таковой отвергает Его благодать и обращается к закону, как благодетелю, Христу же вовсе не верит, как будто Он не оказал ему благодеяния. А не веря, он и не может получить пользы от Того, в Которого не верит.

3. ***Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон.***

Чтоб не подумали, что по вражде говорится это, он прибавляет: не вам только высказываю это, но и всякому обрезающемуся, что великую тяжесть вы налагаете на себя. Постановления закона тесно связаны между собою, и если ты признаешь малую частичку закона и подчиняешь себя этому игу, то подчиняешь себя господству всего закона. Ибо обрезание требует жертвы и приурочено к известному дню, а жертва требует места, способа ее приношения и очищений. Нечистый ведь не может приносить жертвы. Очищения опять требуют исполнения других законных предписаний. Видишь, как отвергший Христа не только не получает пользы от Него, но и подвергает себя бесчисленным тягостям? Если закон – господин, так исполняй все, а если нет, то не принимай и частички из него.

4. ***Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати.***

То есть вы не имеете никакого общения со Христом: вы, которые думаете получить оправдание в законе, лишились благодати, поистине оправдывающей. Великое несчастие, когда ты не получишь того, что обещает закон, и лишишься того, что дает благодать.

5. ***А мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры.***

Мы, говорит он, верующие, не в законе, но в Духе Святом надеемся получить оправдание. Каким образом? Верою. Итак, должно подчиниться водительству веры, потом наитием Святого Духа получить прощение грехов и удостоиться оправдания в крещении.

6. ***Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью.***

Прежде он сказал, что обрезание пагубно, как же он теперь считает его безразличным? По-нашему мнению, он говорит здесь об обрезании, которое предшествовало вере; он как бы так сказал: для вступивших в Новый Завет нет пользы, если они обрезаны, и нет вреда, если они не обрезаны. Ибо все заключается в вере, поспешествуемой любовию, то есть в вере, которая должна всегда являться деятельной и живой в любви ко Христу. Этим также указывает, что они хотя и уверовали, но не окрепли в любви ко Христу и вследствие этого снова уклонились к закону, или же наставляет их в любви к ближнему. А вместе с тем показывает, что и обольстители их, если бы имели любовь к ним, не дерзнули бы делать этого. Итак, научись, что вера становится деятельною посредством любви, то есть является живой, а не имеющая любви бездейственна, – подобно сказанному: ***вера без дел мертва*** (Иак. 11, 17).

7. ***Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине?***

Это не вопрос, а сетование. Он говорит: вы достигли совершенства, но что случилось? Кто это возымел такую силу, что воспрепятствовал вам покоряться не евангельской истине, но отмененному и сановному закону?

8. ***Такое убеждение не от Призывающего вас.***

То есть это внимание к обольстителям не от Христа: ведь не на то призвал Он вас, чтобы вы внимали тем, которые склоняют в иудейство.

9. ***Малая закваска заквашивает все тесто.***

Чтоб не сказали: «зачем так сильно упрекаешь нас (ведь одну заповедь мы нарушили) и преувеличиваешь нашу вину?» – он говорит, что это, казалось бы, ничтожное обстоятельство наносит существенный вред. Ибо, как закваска, хотя бы и малая, сама собою заквашивает и изменяет все тесто, так и обрезание, хотя составляет одну только заповедь, вовлекает вас в иудейство во всей его полноте.

10. ***Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе; а смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение.***

Полагаюсь, говорит он, на вас, потому что я знаю своих учеников, знаю способность вашу к исправлению. Итак, я надеюсь, что вы можете исправиться. Надеюсь также и на Господа, Который не желает гибели какого бы то ни было человека. Таким образом, он побуждает их употребить и собственные усилия и надеяться на Господа. Ибо иначе невозможно получить что-нибудь от Бога, – если вы не приложите, говорит он, собственного усердия.

А смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение. Хотя вы, говорит он, и справитесь, но обольстившие вас вследствие этого не освободятся от наказания, но подвергнутся суду, какими бы великими и достойными веры они ни казались. Ибо это значат слова: ***кто бы он ни был.*** А говорит это с тем, чтоб другие еще не поверили им.

11. ***За что же гонят меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание? Тогда соблазн креста прекратился бы.***

Так как клеветники говорили, что он лицемер и проповедует в одном месте обрезание, а в другом нет, то он говорит: вы свидетели того, что меня преследуют иудеи. Если я проповедую обрезание, за что же другие меня преследуют? Очевидно, преследуют меня за нарушение отеческих их постановлений. А если я проповедую обрезание и охраняю последние отеческие постановления, зачем после этого меня преследуют? Что же, говорят, из этого? Не обрезал ли ты Тимофея? Да, но это с особою целью. Да притом одно – обрезывать, и другое дело – проповедовать обрезание. Ведь он не сказал – «если совершил обрезание», но – ***если проповедую.*** Ибо тот, который проповедует, учит, что это всегда должно быть, как безусловно прекрасное, а тот, который делает что-нибудь по особым целям, исполняет это не потому, что оно безусловно хорошо, но потому, что полезно в данном случае.

Тогда соблазн креста прекратился бы. Если бы я проповедовал обрезание, то не было бы соблазна, который производит в иудеях крест. И не по чему-нибудь иному они соблазняются проповедию о кресте и не принимают ее, как только потому, что ею уничтожается обрезание и закон. Равно как, если бы я проповедовал обрезание, прекратилась бы и исчезла вражда иудеев ко кресту и соблазн, который возбуждает он в них.

12. О, ***если бы удалены были возмущающие вас!***

Подвергшихся обольщению он назвал вначале неразумными и порицал не более как детей, самих же обольстителей, как больных неизлечимо, он проклинает и говорит: о, если б они не только обрезывались, но и совсем изрезали все тело свое! И смотри, он назвал их ***возмущающие*** (по-славянски: «развращающие»; по-гречески: «принуждающие оставить отечество»), отводящие их в плен. Потому что они и действительно лишали их свободы и, уводя от горнего Иерусалима, как переселенцев пристраивали к закону и к мелочности

иудейства. Заметь также относительно тех, которые оскопляют себя, что они навлекают на себя проклятие апостола.

13. *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу.*

Не с тем, говорит, мы призваны Христом, чтоб стать рабами закона, но чтоб освободиться от ига подзаконного рабства. Потом, чтобы кто-нибудь не подумал, что так как мы свободны, то нам можно делать все, что ни захотим, он исправляет это и говорит: да не будет нам свобода поводом к угождению плоти, то есть плотским пожеланиям. Ведь не для того мы освобождены от ига закона, чтоб совершать преступления, но чтоб и без ярма идти в порядке, как свойственно получившим хорошее воспитание. И не для того получили мы свободу, чтобы нарушать закон, но чтоб превзойти даже закон.

Но любовью служите друг другу. Устранив иго закона, он налагает другое иго, иго любви и более легкое, и вместе более крепкое, чем то. Намекает также, что обольстители эти явились к ним из желания власти, ибо властолюбие – мать ересей. Поэтому, так как любоначалие произвело разделение в вас, ***то любовью служите друг другу,*** а словом ***служите*** обозначает любовь напряженную и сильную. Обращаясь затем к нравственным наставлениям, показывает способ, которым можно устранить порабощение плотским пожеланиям.

14. *Ибо весь закон во одном слове заключается: «люби ближнего твоего, как самого себя».*

Если вполне, говорит он, вы желаете исполнять закон, так исполняйте не обрезанием, но любовию, потому что в этом заключается полнота закона (см. Лев. 19, 18). Смотри, излагая нравственные наставления, он не забывает и догматического учения. Так сильно он скорбел об их заблуждении.

15. *Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом.*

То, что знает за верное, высказывает под сомнением, и следующее за тем выражение: ***берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом*** – есть опасение и предостережение, а не осуждение. Не сказал просто – ***угрызаете*** (что свойственно гневу), но прибавил – ***съедаете***, что служит проявлением крайнего зверства. Этим указывает и на испорченное учение, подразумевает также козни друг против друга, хищничество и любостяжание. И так как они, причиняя зло и строя козни, думали только вредить другим, то он говорит: смотрите, чтобы против вас самих не обратилось это дело.

16. *Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти.*

Сказав, что угрызать и снедать пагубно, он указывает и врачевство против этого, которое и любовь сохраняет, и само сохраняется ею, а именно, чтоб они были духовными. Ибо если мы будем духовными, то будем сильнее любить, а если будем любить, будем духовными и затем не будем совершать плотской похоти.

17. *Ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти; они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы.*

На основании этих слов манихеи и все подобного рода еретики говорят, что человек состоит из двух противоположных сущностей и что апостол подтверждает это настоящими словами. Но нет: он рассуждает не о сущности, но плотию называет земные помыслы, беспечные и беззаботные, а не тело, и духом называет духовные помыслы, а не душу. Земные помыслы, говорит он, противятся духовным, а духовные – земным. Итак, он признает борьбу помыслов злых и добрых, но не тела и души. Ибо желать и не желать есть дело рассуждающей души. Прибавляет же: ***не то делаете, что хотели бы,*** потому что и тело содействует душе, а не противится, и душа держится тела и все терпит, чтоб не оставить его, и оторванное от него скорбит. Какие же они после этого противники, когда имеют такую связь друг с другом?

18. ***Если же вы духом водитесь, то вы не под законом.***

Имеющий духа погашает дурные пожелания, а свободный от них не нуждается в совете закона и не подчиняется ему. Ибо не гневающийся какую имеет нужду в том, который заповедует не убивать? И не имеющий вожделений какую имеет нужду в том, который советует не любодействовать? То же, что и в другом месте сказал: ***закон положен не для праведника*** (1 Тим. 1,9). Кажется также, что говорит и в похвалу закона, так как он заменял собою Духа, исполняя по своей силе обязанность руководителя до определенного времени. Как после этого вы снова подчиняетесь пестуну, оставив Духа, делающего вас совершенными – подобно тому, как если бы кто, будучи философом, нуждался в руководителе?

19. ***Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство.***

Это, говорит он, дела растленной плотской воли, в числе которых признается прелюбодеяние и блуд. И ясно, насколько прелюбодеяние отличается от блуда. Говоря ***непотребство***, этим намекает на бесстыдные обычаи, которые даже и назвать не осмелился.

20–21. ***Идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны,) ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют.***

Пусть скажут нам те, которые клевещут на плоть. Пусть бесстыдство и прелюбодеяние – грехи тела, но вражда, ереси и тому подобное, как они зависят от плоти? Поэтому ясно, что все это дело развращенной воли. Если бы они были делами плоти, как природные наши свойства, каким бы образом они лишали нас Царства Божия? Ибо не природе, а воле свойственны и наказания и награды. Сверх того, если бы страсти были свойствами природы, он не сказал бы – ***поступающие так,*** но «претерпевающие»; потому что действие предполагает волю. Под ***враждой*** разумеет вражду несправедливую. Ибо есть неприязнь и справедливая, которая происходит во имя веры и направляется против всех, уклоняющихся от прямого пути. <…> Прекрасно сопоставил ереси с распрями и разногласиями, потому что всякая ересь происходит от зависти, и бесчинства – от пьянства. ***Бесчинства,*** ведь – это наглые песни пьяных. Поэтому он сначала указал на причины производящие, затем на то, что от них происходит.

22. ***Плод же духа: любовь, радость, мир.***

Дела дурные происходят от нас только. Поэтому он и назвал их делами плоти, которые вместе с тем совершаются с усилием и напряжением. Добрые же дела требуют не нашей только заботливости, но и содействия свыше. Поэтому назвал их плодом Духа; так как от нас дается семя, то есть произволение, но чтоб стать ему плодом, – это зависит от Бога. Корень же всех благ он полагает, во-первых, в любви, а потом в радости. Ибо любящий всегда радуется, даже и когда переносит зло, потому что на причиняющего зло он смотрит как на благодетеля. Но радуется о Боге, так как все для Него делает и переносит, и вследствие этого веселится с благою совестию. А от любви и радости он пользуется миром и душевным, потому что не волнуется помыслами и со всеми посторонними. А если, казалось бы, он и оказывает вражду к кому-нибудь, то враждует не против самих людей, а против их пороков; он любит их как братьев, и эту вражду он проявляет к их пользе, чтоб они исправились.

22–23. ***Долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона.***

Долготерпение по Писанию тем, казалось бы, отличается от кротости, что долготерпеливый после долгого размышления, не поспешно, но медлительно, полагает соответственное наказание на грешника; а кроткий совсем прощает. Как, например, Моисей, простивший Мариам и Аарона, был назван кротким перед всеми живущими на земле. Благость же нечто более общее сравнительно с милосердием. Благ Господь ко всем вообще, но милосер-

дие благодетельствует только достойным, по выражению: ***ублажи, Господи, благия(\\с.*** 124, 4).[25] И о вере говорит не о простой, но о той, которая двигает горами, которая несомненно верит, что невозможное у людей возможно для Бога. Но сверх всего, воздержание не от яств только, но и от всего дурного.

На таковых нет закона. Ибо душа, совершающая таковые дела Духом, не имеет нужды в наставлении закона, будучи сама выше его, подобно тому, как от природы быстрые кони не нуждаются в биче. И в данном случае он устраняет закон не потому, что он плох, но потому, что он ниже подаваемой Духом мудрости.

24. ***Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.***

Как бы на тайный вопрос: кто это так добродетелен, как ты говоришь? – он отвечает: ***те, которые Христовы,*** то есть те, которые составляют удел Христов, ***распяли плоть,*** то есть умертвили телесные помыслы. Ибо они не самих себя умерщвляли; под плотию ты разумей не существо плоти, а земные помыслы, так чтоб не жили в них ни страсти гнева, ни похотения, но те и другие были распяты и умерщвлены. Или страстями он называет вообще страстные действия, происходят ли они от гнева или от похоти.

Итак, он говорит не только об умерщвлении таких действий, но и самих причин их, то есть пожеланий.

25. ***Если мы живем духом, то по духу и поступать должны.***

Если, говорит он, такова сила Духа, то ею и станем жить, и ею довольствоваться. Ибо выражение: ***по духу и поступать должны*** употреблено вместо: будем довольствоваться силой Духа и не станем искать помощи у закона.

26. ***Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать.***

Этим показывает, что обольстители их из честолюбия взялись за это (ибо в этом причина всех зол), вызывая друг друга на спор и распрю; подобно тому, как если бы кто-нибудь говорил своему противнику: если ты силен, давай померяемся силами. А так как от тщеславия происходит зависть, то он и запрещает ее.

[25] В синодальном переводе: ***Благотвори, Господи, добрым и правым в сердцах своих. – Примеч. ред.***

Глава шестая

1. ***Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте таковаго в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным.***

Так как многие между ними, думая сдержать согрешающих, действовали при этом под влиянием собственных страстей, будучи движимы к тому любоначалием, то он говорит: ***если и впадет,*** то есть увлечен будет силою демонскою, ***вы, духовные, исправляйте,*** то есть не наказывайте, а наставляйте в духе кротости. Не сказал – кротостию, но: в Духе кротости, показывая, что это и Духу угодно и снисходительное исправление грешников есть дар духовной благодати.

Наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. Чтобы не возгордился исправляющий другого, он предостерегает его; смотри, говорит он, и береги себя, чтобы и тебе не впасть в то же самое, подвергшись искушению от противника. И выразительно сказал: «ты», напоминая тем о человеческой слабости.

2. ***Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов.***

Так как, будучи человеком, невозможно быть безгрешным, то он убеждает не относиться строго к грехам ближнего, но переносить их, чтобы потом и его грехи мог переносить другой.

И таким образом исполните закон Христов. Сказал: сообща все исполняйте, взаимно помогая друг другу; например, проворный пусть помогает медлительному, а медлительный пусть сдерживает его горячие стремления, и таким образом и первый не согрешит при содействии последнего, и последний при содействии первого. Таким-то образом, подавая друг другу руки, вы при взаимной помощи исполняйте закон Христов, каждый своим содействием ближнему, восполняя то, чего не достает ему. Да и долг любви требует носить тяготы друг друга, потому что в любви заключается исполнение заповедей Христовых.

3. ***Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя.***

Опять ниспровергает здесь гордость, показывая, что считающий себя чем-то ничтожен, и этим самым мнением доказывает свое ничтожество, и обманывает ни кого-нибудь другого, а себя.

4. ***Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом.***

Пусть исследует, говорит он, тщательно свои действия (это ведь значит слово – ***испытывает)***, не сделал ли он что-нибудь по тщеславию, или по лицемерию, или по другой какой-нибудь человеческой причине, и тогда пусть не хвалится перед другим. А если он не удержим, пусть хвалится перед собой, то есть подвергая суду себя самого, пусть нынешнее дело считает лучше вчерашнего и величается добрым делом. Но апостол говорит это по снисходительности, а не в смысле узаконения, чтоб мало-помалу уничтожить тщеславие такого рода. Ибо, привыкши не тщеславиться перед ближними как фарисей, он скоро перестанет хвалиться и перед самим собой.

5. ***Ибо каждый понесет свое бремя.***

Зачем хвалишься перед ближним? И ты, и он понесете каждый свое бремя, и тогда будет оценено дело каждого. Поэтому, когда ты имеешь бремя и труды, не хвались добрым делом ни перед другими, ни перед самим собой.

6. ***Наставляемый словом, делись всяким добром с наставляющим.***

Наконец, говорит об учащих, чтобы наставляемые ими помогали наставникам не в одном чем-нибудь, но во всех благах, уделяя им пищу, одежду, (оказывая) почтение, расположение и все вообще хорошее. Ибо получаешь больше того, что даешь: вместо вещественных благ получаешь духовные. Поэтому и называет это дело общением, потому что происходит

обмен. Но почему Христос определил, чтоб учители получали пропитание от учеников? По двум следующим причинам: чтобы, с одной стороны, учители не превозносились сильно, но, нуждаясь в учениках, были скромны, и чтобы посвящали время только слову, не заботясь о пище; а с другой стороны, чтобы и ученики в доброте к своим учителям учились быть такими же и по отношению к другим, а с тем вместе, чтоб не стыдились и сами, находясь в бедности и нужде, так как и учители их таковы.

7–8. ***Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную.***

Так как часто некоторые обвиняли учителей в дурной жизни, презирали их и не питали их в бедности, то он хотя это и после говорит: ***делая добро, да не унываем,*** но и теперь показывает, что и к таким учителям должно быть щедрыми, так как эта трата происходит на дело духовное. Итак, сравнивая издержки на дела плотские с тратою на духовное, он говорит: если ты будешь тратиться на плоть, приготовляя обеды и разные приправы, сея пьянство, роскошь и обжорство, то пожнешь тление. Ибо и само это гибнет, и тело с собою губит. А если будешь сеять духовно, то есть духовные дела, обнаруживая ко всем сострадание и храня воздержание, то пожнешь жизнь вечную. Ибо Бог осмеян и обманут не бывает, но воздаст тогда каждому свое. Итак, лучше тратить на дела духовные, к которым относятся и издержки на учителей, чем на плотские наслаждения, которые тленны и растлевают тело. Потому что от наслаждений и излишеств происходят болезни.

9. ***Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем.***

Теперь яснее высказывает, что если бы и дурны были те, которые просят у нас, мы не должны ослабевать в своих благодеяниях к ним. Но указанием на то, что не должны ослабевать, советует щедрость и непрестанное даяние. Потом, много потребовав, он тотчас и награду указывает, именно: ***пожнем.*** Каким образом? Не ослабевая, то есть не имея никакого утруждения, но совершенное спокойствие.

Ибо здесь соединяются с жатвой изнурение и труды, а там не так.

10. ***Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче же своим по вере.***

Как не всегда удобно сеять, так точно и оказывать дела милосердия, что показывают и девы, и Лазарь (см. Мф. 25, 1-12; Лк. 16, 19–31). Поэтому, пока имеем время в этой жизни, не только учителям, но и эллинам и иудеям будем оказывать добро, то есть благодеяние и милосердие. Конечно, не в одинаковой мере нужно оказывать пособие сим последним и единоверцам, но большую щедрость нужно оказывать верующим. Ибо на это указывает словом ***наипаче.*** Но заметь, и в этом случае насколько он удаляет их от иудейской узкости: так как закон открывал сердце в отношении к единоплеменникам, благодать же призывает землю и море к трапезе милосердия, хотя и не в одинаковой мере, как сказано.

11. ***Видите, как много написал я вам своею рукою.***

Немного поговорив в нравственном духе, он снова возвращается к прежнему, что тревожило его сердце, и показывает, что сам собственноручно написал все это послание, не для того, чтобы только показать к ним любовь, но чтобы и уничтожить злое подозрение. Так как клеветали, что он проповедует одним одно, другим – другое; поэтому он вынужден был дать письменное свидетельство своей проповеди. А прочие послания писали другие, сам же он разве подписывал только приветствие. Выражение же ***как много*** указывает не на обширность, а на некрасивость письма, как бы говоря: хотя я и не умею прекрасно писать, однако принужден был собственноручно написать это послание.

12. ***Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов.***

Желающие хвалиться по плоти, говорит, именно среди иудеев (ибо они порицали их как отступников от отеческих обычаев), ***принуждают вас обрезываться,*** оправдываясь

перед иудеями через вашу плоть. А словом ***принуждают*** показал, что они неохотно переносят его, и вместе с тем дает им побуждение к возвращению, как невольно теперь заблуждающимся.

Только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов. И по другой, говорит, причине они делают это. Ибо, чтоб не подвергнуться им преследованию и гонению из-за креста и веры, – потому что они преступают ее и обрезываются, – они желают и других иметь участниками в обрезании.

13. ***Ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти.***

Не по человекоугодию только, говорит, но и по честолюбию делают это. Ибо не по ревности к закону и не ради благочестия, говорит он, совершают они это, но из-за честолюбия: ***дабы похвалиться в вашей плоти,*** то есть чтоб похвалиться обрезанием вашей плоти, так как они-де – ваши учители и имеют вас учениками.

14. ***А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира.***

Те, говорит, пусть хвалятся обрезанием, делом отмененным, но для меня да не будет другой похвалы ***разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа*** (то есть о вере в Распятого), который (крест) отменил закон. Отвращался от сего как непотребного, призывая даже на сие помощь Божию. В чем же состоит похвала о кресте? В том, что для меня, непотребного, был распят Господь, так возлюбивший меня, что предал даже Самого Себя. Итак, для Павла и для всякого верующего крест служит предметом похвалы, потому что в нем проявляется любовь Господа к нам. И какой раб не хвалится любовию своего господина?

Которым для меня мир распят, и я для мира. Миром называет житейские дела: славу, богатство, удовольствие. Итак, они умерли для меня, и я мертв для них, вдвойне умерщвление. И они не могут овладеть мною, так как мертвы, и я сам прибегнуть к ним, потому что мертв.

15–16. ***Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь. Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию.***

Не указывай, говорит он, мне на обрезание, которое не имеет никакой силы и бесполезно, как и необрезание: ибо Христос все обновил и требует от нас новой жизни. Жизнь по Христе ***новая тварь,*** потому что души ваши, обветшавшие грехом, теперь обновились крещением и потому что в будущем веке, обновившись телом и сделавшись нетленными, мы удостоимся нетления и славы. Итак, которые пребудут в этом правиле новой жизни по образу Христа, избегая обветшавшего и потерявшего силу обрезания, те достигнут мира с Богом, освободившись от грехов, которые делают Бога врагом нам, – и удостоятся человеколюбия, не подвергаясь уже ненависти, как враги Божий, но удостаиваясь милосердия, так как наступил для них мир крестом и благодатию. И таковые составляют Израиля в собственном смысле, как видящие Бога, а те, которые не таковы, хотя бы и были израильтянами по роду, ложно так называются. А это заимствовал Павел у Давида, который говорит: ***Мир на Израиля*** (Пс. 124, 5).

17. ***Впрочем никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем.***

Это говорит он не как утомленный и обезнадеженный. Да и как это возможно тому, который увещевает: ***настой*** (управляй) ***во время и не во время*** (2 Тим. 4, 2); а из желания, чтобы данные им постановления были непоколебимы и чтоб (галатяне) не ждали от него ничего другого, но были вполне убеждены, что он так проповедует.

Ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем. В оправдание, говорит он, против тех, которые говорят вам, что я лицемер и в других местах проповедую обрезание, – я имею

язвы и напасти ради Христа. Ибо они сильнее всякой речи свидетельствуют, что я подвергся опасностям не за закон, а за учение Христово. И не сказал – «имею» а – ***ношу,*** как некоторый трофей или царский знак отличия, и горжусь ими.

18. ***Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь.***

Этим пожеланием им показывает, что не по гневу и ненависти все это высказал. И в этом заключается не только пожелание, но и наставление, запечатлевающее все сказанное. Ибо напоминает о благодати, которую они получили не через закон, а верою во Христа. И не сказал – «с вами», а – ***со духом вашим,*** удаляя их от телесного и показывая, что не от закона, а от благодати приняли Духа, и что не закон и не обрезание, но благодать может сохранить в них Духа, так же как и сообщила Его. А назвав их братьями, напомнил тем о купели, от которой мы становимся братьями, чадами Единого Отца Бога, а не от закона. Да будет же и с нами благодать Божия, так чтобы нам жить по духу и греховною нечистотою не утратить Божественного освящения Утешителя, но всегда приумножать в себе его о Христе Иисусе Господе нашем, Который явил жизнь новую и духовную, уничтожив ветхую и плотскую. Ему слава во веки. Аминь.